

Настоящую работу под заглавіемъ: «Историческій очеркъ кафедр Академической терапевтической клиники при Императорской Военно-Медицинской (бывшей Медико-Хирургической) Академіи. 1810—1898 г. представляетъ въ качествѣ диссертаций на степень доктора медицины.

157
2

Серія докторскихъ диссертаций, допущенныхъ къ защитѣ въ
ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи въ
1896—1897 учебномъ году.

№ 37.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
КАФЕДРЫ
ГОСПИТАЛЬНОЙ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ
(бывшей ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ)
АКАДЕМІИ (1840 — 1897)

ПЕРВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ (1806—1840).

Матеріалы для исторіи Императорской Медико-Хирургической
(нынѣ Императорской Военно-Медицинской) Академіи.

Съ десятью рисунками и двумя планами.

ДИССЕРТАЦІЯ
НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ
Михаила Шмительскаго.

Цензорами диссертаций, по порученію Конференціи, были профессоры: О. И. Пастернацкій, Г. Г. Скориченко и приватъ-доцентъ Б. И. Кіановскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. В. Волпянскаго. Литейный просп., д. № 40.

1897

Докторскую диссертацию лекаря Михаила Шмигельского под заглавием: «Исторический очерк кафедры госпитальной терапевтической клиники» печатать разрешается, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, было представлено въ Конференцію ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи, 500 экземпляровъ диссертации (124 экз.—въ канцелярію, 375 въ академическую бібліотеку) и 300 отдѣльныхъ оттисковъ краткаго резюме ея (выводовъ).

С.-Петербургъ, 15 февраля 1897 года.

Ученый Секретарь, Профессоръ А. Діанинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	3
Введеніе	11
Представители первой терапевтической клиники въ М. Х. Академіи до учрежденія кафедры госпитальной терапевтической клиники (1806—1840—1842)	29
Петръ Франкъ (P. J. Frank)	31
К. Ф. Удентъ	37
С. О. Гаевскій	38
Е. Е. Зузичъ	41
О. О. Гейротъ	44
Прохоръ Чаруковскій	50
К. К. Зейдлицъ	55
Переходъ И. М. Х. Академіи въ вѣдѣніе Военнаго Министерства, присоединеніе къ ней 2 военно-сухоп. госпиталя и учрежденіе кафедры госпитальной терапевтической клиники	69
Участіе Н. И. Пирогова, президента Шлегеля и Конференціи въ учрежденіи госпитальныхъ кафедръ	77
Профессоръ д-ръ М. М. Мандтъ	85
Кафедра госпитальной терапевтической клиники при проф. О. И. Яновскомъ	93—160
.....мѣры улучшенія въ госпиталѣ въ 40-хъ годахъ и начало коренной реформы госпиталя презид. П. А. Дубовицкимъ	101—128
Адъюнкты-професс. госпит. терап. клиники Г. К. Кулаковскій. Раздѣленіе терапевтической клиники О. И. Яновскаго на отдѣленія	144
Вице-президентъ Глѣбовъ	146
В. В. Бессеръ	148
Кафедра госпит. терапевт. клиники при профессорахъ Н. О. Здекауеръ и В. Э. Эккъ	150
Реформа 2 военно-сухоп. госпиталя въ 60-хъ годахъ	161—224
Н. О. Здекауеръ	162—179
В. Е. Эккъ	179
Кафедра госпит. клиники при проф. Э. Э. Эйхвальдъ	205
Кафедра госпит. клиники при проф. Д. И. Кошляковъ	205
	225
	259

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ И. Медико-Хирургической Академіи и на медицинскихъ факультетахъ нашихъ университетовъ существовала особая кафедра исторіи и энциклопедіи медицины, знакомство съ которыми признавалось тогда всѣми необходимымъ для законченнаго всесторонняго образованія врачей. Какъ извѣстно въ концѣ пятидесятихъ годовъ начался для Россіи многознаменательный періодъ духовнаго возрожденія и чрезвычайнаго подъема умственной дѣятельности, отразившейся во всѣхъ явленіяхъ русской жизни. Общество точно проснулось отъ спячки и принялось за кипучую работу. Дѣятели русской медицины одними изъ первыхъ откликнулись на это общее прогрессивное движеніе. Современная европейская наука получила свободный и неограниченный доступъ въ Медицинскую Академію и университеты, и все что было живаго и талантливаго среди врачей съ небывалымъ увлеченіемъ усваивало послѣднія слова науки, отрекаясь отъ устарѣвшихъ взглядовъ и традицій. Это поколѣніе врачей болѣе, чѣмъ всякое другое, было убѣждено, что отъ него только и начинается новая эра раціональной медицины и что старые труды прежнихъ поколѣній врачей безвозвратно потеряли свое значеніе для современности и будущаго.

Конечно, это была совершенно естественная реакція противъ той системы догматическаго, „катехизиснаго“, по выраженію нашего незабвеннаго учителя С. П. Боткина, преподаванія, которая господствовала у насъ; переворотъ въ преподаваніи медицинскихъ наукъ явился, правда, болѣе рѣзкимъ

*

въ университетахъ, чѣмъ въ Мед. Хир. Академіи, гдѣ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ составѣ профессоровъ было нѣсколько талантливыхъ преподавателей, стоявшихъ вполнѣ на уровнѣ европейской науки.

Понятно, что всѣ выдающіяся силы увлеклись опытнымъ методомъ и посвятили себя почти исключительно экспериментальнымъ трудамъ, не придавая почти никакой цѣны старымъ наблюденіямъ.

Огромный—накопленный вѣками и поколѣніями врачей матеріалъ казался состоящимъ изъ однихъ пустыхъ теорій и произвольныхъ умозрѣній, а потому изученіе этого матеріала—исторія медицины—признавалось потерей времени, ничѣмъ неоправдываемой въ виду настоящей единственно-плодотворной работы на экспериментальной нивѣ.

Такъ создалось у насъ отрицательное отношеніе къ исторіи медицины, которую скоро исключили даже, какъ отдѣльный предметъ, изъ программъ преподаванія въ нашей Академіи и въ университетахъ, какъ предметъ скорѣе роскоши, чѣмъ необходимости. Прошли десятки лѣтъ, воспитались цѣлыя поколѣнія врачей, не слышавшіе систематическихъ курсовъ исторіи и энциклопедіи медицины. И вотъ въ послѣдніе годы мы видимъ признаки новой благотворной реакціи противъ этой односторонности.

Колоссальное развитіе современной медицинской литературы, положительное наводненіе ея часто мало основательными скоростными экспериментальными работами, созданіе недолговѣчныхъ научныхъ теорій, увлеченіе новыми медицинскими средствами, которыя скоро забываются и сдаются въ архивъ, оставляя однѣ разочарованія не сбывшихся надеждъ—все это мало по малу способствовало проведенію въ сознаніе врачей той истинны, что въ исторіи медицины есть много такихъ уроковъ и указаній прежнихъ вѣковъ, которые при знакомствѣ съ ними могли бы нерѣдко избавить насъ отъ многихъ увлеченій, горькихъ разочарованій и переживаній уже пережитого.

Еще недавно великій творецъ новаго научнаго опытнаго

направленія въ медицинѣ Рудольфъ Вирховъ жаловался на незнакомство врачей съ исторіей медицины, выражая желаніе „чтобы врачи—писатели, пользуясь литературными источниками, не ограничивались статьями, касающимися лишь послѣдней стадіи спорнаго вопроса, ибо при такомъ отношеніи къ дѣлу утрачивается даже воспоминаніе о хорошихъ работахъ“¹⁾.

Ту же мысль высказывали не разъ съ настойчивостью и другіе крупные медицинскіе писатели и дѣятели. „Оглядываясь на прошлое, говорить Wunderlich²⁾ необходимо каждому, кто думаетъ о настоящемъ. Науку невозможно понять, если неизвѣстно, какъ она сложилась. Точно также врачъ не въ состояніи постигнуть значеніе и сущность современной техники, если не изучаетъ тѣхъ направленій и открытій, на которыхъ основывается современное положеніе нашего искусства и науки“.

„Если мы не желаемъ, говорить Littré³⁾, чтобы медицина превратилась въ ремесло, то мы должны изучать ея исторію, изучать старые памятники, завѣщанные намъ прошлымъ“.

„Такое опытное искусство, какъ медицина, не можетъ безнаказанно пренебрегать прошлымъ: и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда изученіе исторіи исправило столько ошибокъ и обнаружало столько истинъ можно только пожалѣть врачей за то, что они старательно избѣгаютъ пользоваться вѣковымъ опытомъ“⁴⁾.

Въ самое недавнее время наша Военно-Медицинская Академія, бывшая всегда передовой русской медицинской школой, первая пошла на встрѣчу этой назрѣвшей потребности и вновь учредила кафедру энциклопедіи и исторіи медицины, признавъ всю важность изученія ихъ. Можно быть увѣреннымъ, что это обстоятельство оживитъ интересъ къ изученію прошлыхъ

¹⁾ Virchow's Archiv, т. CIV, цитир. по «Врачу» 1896, № 89.

²⁾ Wunderlich, Geschichte der Medicin, Stuttgart, 1859. Цитата взята изъ прекрасной вступительн. лекціи объ изученіи исторіи медицины проф. Г. Г. Спорищенко, во „Врачѣ“ 1895.

³⁾ Врачъ, № 40, 1895, 1. с.

⁴⁾ Guardia, Исторія медицины стр. 331.

судеб наших русских медицинских учреждений и деятельности выдающихся представителей их, которые уже имѣют свою вѣковую исторію, пока еще совсѣм не разработанную. Самым крупнымъ и единственно цѣннымъ трудомъ по исторіи русской медицины до сихъ поръ остается „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“ профессора Я. Чистовича, но онъ доведенъ только до начала нынѣшняго столѣтія. Для ближайшей же къ намъ эпохи нѣтъ ничего подобнаго по солидной обработкѣ и богатству матерьяла.

Отсюда вытекаетъ большая трудность ознакомиться съ исторіей даже такого первокласснаго замѣчательнаго учрежденія, какъ И. Военно-Медицинская (б. И. Медико-Хирургическая) Академія. Относительно своего поколѣнія воспитанниковъ В. Медицинской Академіи 80-хъ годовъ я безъ преувеличенія могу сказать, что мы имѣли весьма смутныя представленія о прошлыхъ судьбахъ нашей alma mater, почерпнутыя изъ бывшихъ въ обращеніи разсказовъ и анекдотовъ о нѣкоторыхъ выдающихся профессорахъ недалекаго прошлаго Академіи.

Свѣдѣнія эти были очень отрывочны и еще менѣе опредѣленны, чѣмъ современныя знанія историковъ о первыхъ египетскихъ династіяхъ.

18 декабря 1898 года будетъ праздноваться столѣтній юбилей И. Военно-Медицинской (б. И. Медико-Хирургической) Академіи. Весьма вѣроятно, что по этому случаю многочисленные ученики Академіи, разбѣянные по всей Россіи, пожелаютъ подѣлиться въ печати своими воспоминаніями, освѣтить многое забытое изъ прошлаго своей alma mater и тѣмъ принесутъ ей свою дань благодарности. По этой же причинѣ я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе глубокоуважаемаго профессора госпитальной терапевтической клиники О. И. Пастернака написать исторію этой кафедры въ Академіи и тѣмъ внести и свою лепту въ будущую исторію нынѣ грандіозно развившейся нашей Академіи, которой мы должны по справедливости гордиться. Въ самомъ дѣлѣ по широкой постановкѣ преподаванія, по своимъ богатымъ учебнымъ средствамъ современная И. Военно-Медицинская Академія образцовое учре-

жденіе во всей Европѣ, что уже признано всѣми компетентными иностранными авторитетами, имѣвшими случай узнать ее.

Но не всегда было такъ ранѣе. Нашъ долгъ питомцевъ Академіи хранить благодарную память о тѣхъ лицахъ, уму и энергіи которыхъ мы обязаны цвѣтущимъ состояніемъ Академіи и тщательно разрабатывать ея исторію, отмѣчая и изслѣдуя всѣ стадіи ея развитія.

Превосходный примѣръ въ этомъ отношеніи данъ профессоромъ А. И. Таренциемъ. Его историческій очеркъ кафедры анатоміи въ Академіи за сто лѣтъ, написанный живо, на основаніи документовъ, но безъ всякаго педантизма, съ интересомъ прочтется не только врачами, но и большой публикой¹⁾.

„Исторія кафедры и лицъ, занимавшихъ ее, говоритъ онъ въ своемъ трудѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія соотвѣтственной науки и очень часто не одного какого-нибудь центра, а научнаго уровня цѣлой страны“. Я желаю бы хоть отчасти сдѣлать тоже самое для исторіи кафедры госпитальной терапевтической клиники, но въ виду гораздо менѣе благоприятныхъ условій въ присканіи матеріаловъ и источниковъ для этой работы, я заранѣе прошу снисхожденія за тѣ пробѣлы и промахи, которые неизбежно должны проскользнуть въ нее. Исторіи кафедры госпитальной терапевтической клиники я счелъ необходимымъ предпослать краткое изложеніе преподаванія медицины въ Россіи до основанія нашей Академіи и очеркъ первой терапевтической клиники до учрежденія собственно описываемой кафедры въ 1842 году. Это мнѣ казалось необходимымъ по той причинѣ, что безъ установленія этой связи и пріемственности съ клиническимъ преподаваніемъ въ предшествующій періодъ описаніе интересующей насъ кафедры получило бы болѣе случайный, эпизодическій характеръ. Прилагаемая синоптическая таблица ряда профессоровъ, занимавшихъ кафедру

¹⁾ Можно указать еще на диссерт. д-ра Дѣлова „Матеріалы къ исторіи офтальмологіи въ Россіи“, гдѣ значительная часть труда посвящена исторіи кафедры офтальмологіи въ М. Х. Академіи.

терапевтической клиники съ основанія М. Х. Академіи имѣеть цѣлью помочь быстро ориентироваться при отысканіи относящихся сюда историческихъ данныхъ.

Главными источниками для этого очерка послужили рукописныя дѣла архива Медико-Хирургической Академіи. Начиная съ 1835 года мною разсмотрѣны систематически:

- 1) Протоколы и дѣла Конференціи И. М. Х. Академіи.
- 2) Дѣла Канцеляріи Президентовъ и Начальниковъ Академіи.

3) Дѣла Попечителей Академіи съ 1838 по 1854.

4) Дѣла Канцеляріи военного министерства, относящіяся до И. М. Х. Академіи.

5) Дѣла Правленія Академіи.

Я часто пользовался также дѣлами и протоколами Конференцій первой трети столѣтія, съ 1801 по 1835 годъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо было выяснить вопросы, по которымъ въ литературѣ не имѣется достаточныхъ данныхъ. Кромѣ того для нѣкоторыхъ справокъ я пользовался архивами Клиническаго военного Госпиталя и главнаго военно-медицинскаго управленія.

Для ближайшей къ намъ эпохи, чтобы выяснить характеръ преподаванія и нѣкоторыя стороны учебныхъ порядковъ, я прибѣгалъ къ свидѣтельству живыхъ современниковъ, которымъ приношу здѣсь мою искреннюю признательность.

Въ заключеніе считаю своимъ приятнымъ долгомъ выразить мою глубокую признательность профессору госпит. терап. клиники О. И. Пастернацкому и профессору Исторіи Медицины Г. Г. Скориченко за предложеніе этой работы въ качествѣ диссертациі, указаніе литературныхъ источниковъ и постоянное любезное содѣйствіе въ занятіяхъ и Начальнику И. Военно-Медицинской Академіи академику В. В. Пашутину за разрѣшеніе пользоваться архивомъ Академіи и постоянное благосклонное отношеніе къ моимъ занятіямъ, много облегчившее мнѣ пользованіе архивами Академіи и другихъ вѣдомствъ.

Привожу списокъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ, которыми я пользовался при составленіи этой работы, остальные указаны въ соответственныхъ мѣстахъ текста.

1) Г. Прозоровъ. Матеріалы къ исторіи Импер. Мед. Хирургич. Академіи изданныя по поводу 50 лѣтняго юбилея ея 1850 г.

2) Я. Чистовичъ. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи 1885 г. С.-Петербургъ.

3) Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. Москва 1820 г. 3 тома.

4) Gurlt. Biographisches Lexicon der hervortragenden Aerzte. 1885.

5) Dictionnaire des sciences medicales (Biographies medicales). Paris 1820—1825.

6) Dr. Granville, St. Petersburg. A journal of travels to and from that capital in two volumes. London 1828.

7) Maxim. Heine, Medicinisch—historisches aus Russland, 1851.

8) Л. О. Змѣевъ. Былое врачебной Россіи, 1890.

9) Л. О. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели.

10) Всеобщій журналъ врачебной науки, изд. при И. М. Хир. Академіи отъ 1811 до 1816 г.

11) Журналъ врачебныхъ и естественныхъ наукъ, изд. Имп. Мед. Хир. Академіей съ 1841 по 1842 г.

12) Записки по части врачебной науки, изд. Имп. Мед. Хир. Академіей съ 1843 по 1849 г.

13) Военно-Медицинскій журналъ съ 1823 по 1897 г.

14) Труды Общества русскихъ врачей съ 1835 по 1856 г. и Протоколы этого Общества съ 1856 г. до настоящаго времени.

15) Медицинскій вѣстникъ съ 1861 года до 1883 г.

16) А. И. Таренецкій. Историческій очеркъ кафедры нормальной анатоміи въ Имп. Мед. Хир. Академіи за столѣтіе 1895.

17) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 30-хъ годовъ.

- 18) Я. Чистовичъ: а) Біографія Буяльскаго въ Русской Старинѣ 1876 г.
б) Біографія Вилле въ Протоколахъ О-ва русскихъ врачей 1859—60 г.
в) Біографія Шлегеля въ Военно-Мед. Журналѣ 1852.
г) Первые клиники М. Х. Академіи, Мед. Вѣстн. 1874, № 3, 5, 6, 7.
е) Историческій очеркъ русской медиц. журналистики, Медиц. Вѣстникъ, 1861 № 1—4.
- 19) Н. Купріяновъ. Историческій очеркъ состоянія медицины въ царствованіе Императрицы Екатерины II.
- 20) Н. О. Здекауеръ. Воспоминанія о Мед. Хир. Академіи. Русск. Стар. 1891.
- 21) Д-ръ Ильинскій. Воспоминанія въ Русск. Старинѣ 1894.
- 22) Боянусъ. Гомеопатія въ Россіи.
- 23) Бѣлоголовый. Біографія проф. Боткина.

ВВЕДЕНІЕ.

Начало официальной медицины въ Россіи обыкновенно связывается съ 1620 годомъ, когда былъ учрежденъ Аптекарскій Приказъ. Однако до Петра Великаго послѣдній не имѣлъ почти никакого отношенія къ народной жизни, оставаясь исключительно придворнымъ учрежденіемъ, подъ управленіемъ котораго находились царская аптека и иностранные врачи, приглашенные на службу для нуждъ двора.

За трудностью имѣть достаточное количество иностранныхъ врачей Аптекарскій Приказъ издалъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1654 г.) распоряженіе, чтобы при иноземныхъ докторахъ были ученики изъ русскихъ стрѣleckихъ дѣтей, а докторамъ вмѣнено было въ обязанность передавать имъ свои познанія.

Но такой практически-ремесленной выучкѣ подвергались лишь весьма немногіе.

Первые же правильно организованныя школы для изученія медицины появились у насъ лишь при Петрѣ Великомъ.

Геніальный преобразователь Россіи, вникавшій во всѣ потребности народной жизни, повелѣлъ въ 1706 году учредить въ Москвѣ первый настоящій „гошпиталь“, поручивъ организацію его голландскому врачу Николаю Бидлоо. Для пригласенія врачей Императоръ Петръ предписалъ Бидлоо устроить при госпиталѣ школу и „набрать для нея изъ иноземцевъ и русскихъ, изъ всякихъ чиновъ людей, 50 человѣкъ для аптекарской науки“. Госпиталь со школой были открыты уже въ слѣдующемъ году и въ умѣлыхъ и энергичныхъ рукахъ Бидлоо

скоро стали первым центром медицинского образования в России, существовавшим долгое столетие.

Учениками этой школы были отчасти дѣти иностранцевъ жившихъ в Москвѣ, но большей частью воспитанники Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, изъявившіе желаніе учиться медицинѣ.

Въ 1716 году былъ основанъ С.-Петербургскій адмиралтейскій госпиталь для лѣченія больныхъ Морскаго Вѣдомства, а въ 1717 году послѣдовалъ приказъ объ учрежденіи 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, предназначеннаго для арміи. Оба госпиталя были построены рядомъ на Выборгской сторонѣ, на берегу р. Большой Невы, гдѣ теперь находится Клиническій госпиталь И. Военно-Медицинской Академіи. При этихъ госпиталяхъ тоже были учреждены „лекарскія“ школы для обученія медицинѣ; ученики жили въ самихъ госпиталяхъ и помогали врачамъ въ лѣченіи и уходѣ за больными. По сохранившимся свѣдѣніямъ о первомъ времени существованія этихъ школъ можно утверждать, что организація преподаванія въ нихъ далеко уступала московской госпитальной школѣ, руководимой талантливымъ Бидлоо. Важно однако то, что въ петербургскихъ госпиталяхъ принципиально было допущено обученіе медицинѣ, поэтому школы ихъ послужили тѣмъ зародышемъ, изъ котораго впоследствии возникла и пышно развилась Медико-Хирургическая Академія ¹⁾.

Недостатокъ во врачахъ для военнаго и гражданскаго вѣдомствъ сильно чувствовался и составлялъ постоянную заботу Государственной Медицинской Канцеляріи (такъ назывался преобразованный при Петрѣ Великомъ Аптекарскій Приказъ, сосредоточившій въ себѣ главное управленіе всѣми медицинскими дѣлами Имперіи).

Въ 1733 году Медицинская Канцелярія издала новое положеніе о госпитальныхъ школахъ, получившихъ названіе

медико-хирургическихъ. Такую же школу открыли и при Кронштадтскомъ госпиталѣ. По новому положенію всѣ учебные госпитали въ отличіе отъ прочихъ названы генеральными. Сперва въ нихъ учителями медицинъ были госпитальные врачи, назначенные для лѣченія больныхъ. Потомъ были введены штатъ младшихъ врачей, не принадлежавшихъ къ госпитальному персоналу, специально ради преподаванія; этихъ врачей оплачивали изъ особыхъ суммъ. Учениковъ для этихъ школъ съ большимъ трудомъ вербовали сперва почти исключительно среди дѣтей иностранцевъ, жившихъ въ Петербургѣ. Отъ желающихъ поступить въ школы требовались весьма незначительныя познанія. Главнымъ предметомъ былъ латинскій яз., ибо учителя всѣ были иностранцы, читавшіе по латыни, учебники тоже были на лат. яз. Курсъ ученія продолжался 3 года.

Благодаря заботамъ такихъ талантливыхъ почитателей какъ директора медицинской канцеляріи архіеры Фишеръ и особенно Кондоиди медико-хирургическія школы продолжали развиваться. Въ теченіи долгаго времени число учениковъ было не болѣе 20 въ каждой школѣ, да и этихъ добывали съ трудомъ.

Кондоиди выхлопоталъ у Синода разрѣшеніе (въ 1754 г.) вызывать желающихъ изучать медицину изъ всѣхъ семинарій, тогда единственныхъ нашихъ среднее учебныхъ заведеній. Съ тѣхъ поръ въ теченіи ста лѣтъ семинаріи снабжали воспитанниками всѣ наши медицинскія школы.

Стараніями Кондоиди, получившаго всестороннее блестящее образованіе въ знаменитомъ тогда Лейденскомъ университетѣ, преподаваніе въ госпитальныхъ школахъ получило лучшую организацію, стало болѣе систематичнымъ, научнымъ. Врачи, читавшіе лекціи, съ этого времени титулуются профессорами. Уже Петръ Великій посылалъ нѣсколько русскихъ за границу учиться медицинѣ; Кондоиди возобновилъ эту важную мѣру и сталъ систематически посылать въ иностранные университеты для усовершенствованія лучшихъ воспитанниковъ медико-хирургическихъ школъ. Такимъ образомъ мало по малу образовались

¹⁾ Въ 1723 г. въ сухопутномъ госпиталѣ было около 500 больныхъ подъ управленіемъ д-ра Севасто (см. Heine, Medic. historisches aus Russland. 1851).

преподаватели медицины из питомцев своих школ и притом коренных русских. Профессора постепенно приобретают независимое положение среди госпитальной администрации, престиж их в обществе растет, учебная часть в госпиталях ставится уже выше административной ¹⁾.

Учрежден был штат преподавателей, аналогичный нашей доцентуре. Курс учения в школах для получения степени лекаря установлен семилетний. „Практическую медицину“ уже читают в особях, специально назначенных госпитальных палатах ²⁾. Программы преподавания для того времени были приняты очень подробны и вообще Кондоиди очень заботился, чтобы наши медико-хирургические школы были не ниже тогдашних заграничных госпитальных школ. В 1763 году медицинская канцелярия была замѣнена Государственной Медицинской Коллегией. Это нововведение было сперва неблагоприятно для развития русской медицины, ибо в члены коллегии попали почти исключительно немцы — иностранцы или остзейские уроженцы, пренебрежительно относившиеся к русским школам и враждебно настроенные к врачам русского происхождения.

В срединѣ царствованія Екатерины II обстоятельства сложились лучше. Безпрерывны войны и сильный рост регулярной армии послужили могучим толчком к дальнейшему развитию врачебных школ.

Правительство требовало врачей во что бы то ни стало, необходимо было создать их. В особенности недостаток врачей сказался в 1780 году при учрежденіи наместничеств. По штатам наместничеств для них потребовалось 308 докторов медицины, 308 лекарей и 616 подлекарей. О замѣщеніи всѣх вакансій своими врачами пока нечего было и думать. Пришлось обратиться к вызову из-за границы иностранных медиковъ.

Отвѣчая на запросъ правительства Медицинская Коллегія пришла к заключенію, что первымъ шагомъ в этомъ дѣлѣ должно быть улучшение и расширеніе преподаванія медицины, реформированіе госпитальных школ. Съ этой цѣлью Коллегія послала за границу двухъ докторовъ Шумлянского и Тереховского, поручивъ имъ изучить этотъ вопросъ и представить прозектъ реформъ. Докладъ этихъ врачей послужилъ основаніемъ дальнѣйшей дѣятельности Коллегии. Прежде всего вмѣсто нѣсколькихъ госпитальных школъ было учреждено одно Медико-Хирургическое Училище (или институтъ) в Петербургѣ, совершенно независимое в административномъ отношеніи отъ госпиталей, и по одному такому училищу въ Москвѣ и Кронштадтѣ. (1786 г.) Но еще раньше в 1783 году нѣмецкая партія въ Медицинской Коллегии, стремясь доставить преобладаніе своимъ соотечественникамъ, добилась устройства при только что основанной Калининской больницѣ особой медико-хирургической школы (или института) съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ для уроженцевъ балтійскихъ губерній.

По новымъ штатамъ 1786 г. в Петербургскомъ Медико-Хирургическомъ училищѣ полагалось 120 учениковъ. Такое количество воспитанниковъ конечно нельзя было помѣстить в госпиталѣ, поэтому сейчасъ же возникъ вопросъ о постройкѣ особаго зданія для него. Директоръ Медицинской Коллегии баронъ Фитингофъ выбралъ уже мѣсто для медико-хирургическаго училища на Аптекарскомъ островѣ, но дѣло затянулось и только слѣдующему директору барону Васильеву удалось блестяще довести его до конца. Баронъ Васильевъ представилъ Императрицѣ Екатеринѣ в 1795 году обширный докладъ, въ которомъ обстоятельно разсказалъ условія нормальной дѣятельности медико-хирургическаго института; предложилъ увеличить число профессоровъ, образовать новыя кафедры и учредить при профессорахъ адъюнктовъ (всего 6 профессоровъ и 6 адъюнктовъ); профессорамъ предполагалось дать полное самоуправленіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ ученой и учебной дѣятельности; замѣщенія вакант-

¹⁾ Я. Чистовичъ. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ в Россіи (стр. 271).

²⁾ Я. Чистовичъ I. с. стр. 308.

ных кафедр производить на выборномъ началѣ, однимъ словомъ въ этомъ докладѣ будущее высшее медицинское учебное заведеніе разсматривалось какъ самостоятельный организмъ на подобіе германскихъ университетовъ того времени (по образцамъ и въ духѣ которыхъ Тереховскій и Шумлянский составили раньше свой докладъ).

Учениковъ, однако, предполагалось помѣстить въ интернатъ. Курсъ ученія по проекту былъ пятилѣтній: три года посвящались теоретическимъ наукамъ и окончившіе этотъ курсъ получали званіе кандидатовъ медицины, для полученія степени лекаря кандидатъ долженъ провести еще 2 года въ госпиталяхъ. Въ докладѣ Васильева уже встрѣчается названіе будущаго медицинскаго центра — Академіей.

Императрица вполне одобрила „предварительныя начертанія“ барона Васильева, но ея смерть временно замедлила ихъ осуществленіе. По счастью Императоръ Павелъ, по свидѣтельству современниковъ, очень интересовался медициной, часто посѣщалъ госпитали, питалъ уваженіе къ врачамъ, охотно бесѣдуя съ ними.

Предложенія барона Васильева, одобренныя Екатериной 2-й, нашли также вполне сочувственный откликъ въ Императорѣ Павлѣ, были приняты почти безъ измѣненій и вошли въ послѣдствіи въ уставъ И. Медико-Хирургической Академіи, изданный 12 февраля 1799 года, когда были утверждены штаты Академіи.

Именнымъ указомъ Императора Павла, даннымъ барону Васильеву 18 дек. 1798 г. повелѣно было приступить къ постройкѣ зданія С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Императоръ живо интересовался ходомъ постройки, которая была начата той же зимой, въ февралѣ 1799 года, торопилъ строителей и уже въ августѣ 1800 года было окончено и освящено главное Академическое зданіе, сохранившееся безъ измѣненій до нашихъ дней. Въ сентябрѣ того же года въ интернатъ размѣстились бывшіе питомцы И. Медико-Хирургическаго училища и начались лекціи. Для лекцій было построено каменное зданіе „учебныхъ театровъ“ между 2-мъ военно-

Сухопутнымъ и Морскимъ госпиталями. Первыми профессорами были всѣ профессора Медико-Хирургическаго училища. Московское Медико-Хирургическое училище тоже преобразовано въ Академію. „Учрежденіе Медико-Хирургическихъ Академій, говоритъ Я. Чистовичъ, составило новую эру въ русскомъ медицинскомъ образованіи, эру тѣмъ болѣе важную, что съ преобразованіемъ училищъ въ медицинскія академіи понемногу исчезла необходимость въ вызовѣ къ намъ иностранцевъ-врачей для общемедицинской и для учебной службы въ особенности. Это была“ заслуга барона Васильева; ему были обязаны и тѣмъ, что въ новооткрытой Академіи, несмотря на обширную программу наукъ, ни одна лекція не читалась по нѣмецки, и скоро въ Европѣ всѣ стали признавать, что русскіе врачи по образованію и знаніямъ стояли не ниже самыхъ образованныхъ врачей Западной Европы“¹⁾.

Завѣдываніе дѣлами М. Х. Академіи, согласно ея уставу, предоставлено Конференціи, состоявшей изъ профессоровъ и адъюнктовъ ихъ, подъ предѣлительствомъ старшаго изъ профессоровъ. Первымъ президентомъ Академіи былъ Рингебрюггъ, изъ профессоровъ упраздненной Кронштадтской школы. Преподаватели — ординарные и экстраординарные профессора назначались Медицинской Коллегіей изъ врачей извѣстныхъ своею ученостію и своими трудами, причемъ часто требовалось предвѣрительно прочесть пробную лекцію въ присутствіи Медицинской Коллегіи и профессоровъ. Для достиженія профессорскаго званія степень доктора медицины была необязательна и нерѣдко ее присуждали въ послѣдствіи профессорамъ за заслуги *honoris causa*²⁾. Ищущихъ званія адъюнкта подвергали экзамену и

¹⁾ Я. Чистовичъ. Исторія первыхъ медик. школъ стр. 398.

Во время пребыванія русскихъ въ Парижѣ въ 1814 г. французскіе врачи познакомились съ русскими врачами, которые производили въ разныхъ госпиталяхъ очень трудныя операціи въ присутствіи первыхъ французскихъ хирурговъ, заслуживъ ихъ одобреніе и удивленіе. Всѣ эти врачи были воспитанниками перваго періода С.-Петербургской Медико-Хир. Академіи. (Говоровъ. Опытъ практическаго врачебнаго обозрѣнія кампаніи 1812—1815 стр. 147. Спб. 1818 г.)

²⁾ Гр. Прозоровъ. Матеріалы для Исторіи М. Х. Академіи стр. 25.

назначали имъ пробную лекцію. Кромѣ того при профессорахъ и адъюнктахъ-профессорахъ состояли репетиторы, обязанности которыхъ состояли въ томъ, чтобы замѣнять иногда профессоровъ, а главное повторять съ учащимися пройденный курсъ. Ихъ выбирали сами профессора и утверждала Конференція изъ наилучше окончившихъ воспитанниковъ, причемъ отъ нихъ требовалось знаніе иностранныхъ языковъ.

По штату 1799 г. было положено имѣть въ Академіи 120 казеннокоштныхъ интерновъ, не считая подлекарей прежнихъ школъ, которыхъ прикомандировывали для усовершенствованія, и неопредѣленнаго числа вольнослушателей. Учениковъ принимали по экзамену. Указомъ Императора Павла, подтвердившимъ ранѣе изданные указы, приказано было ежегодно набирать изъ семинарій по 50 лучшихъ воспитанниковъ, желавшихъ изучать медицину для отсылки ихъ въ Академію, причемъ ихъ предварительно подвергали во Врачебныхъ Управахъ экзамену изъ латинскаго языка и словесности. Курсъ ученія продолжался 4 года. Въ 1-мъ классѣ читались: математика, физика, химія, ботаника, анатомія съ физиологіей; во 2-мъ: матерія медика съ рецептурой, патологія и терапия. Въ 3-мъ классѣ: хирургія, препарованіе и рисованіе, и повторяли пройденное въ первыхъ курсахъ; въ 4-мъ повторяли хирургію, слушали повивальное искусство и судебную медицину.

Учащіеся первыхъ двухъ классовъ назывались учениками, послѣднихъ двухъ — студентами.

Кромѣ слушанія теоретическихъ лекцій ученики 2-го класса занимались практически 2 мѣсяца фармаціей въ госпиталяхъ — Морскомъ и Военно-Сухопутномъ; также начиная со 2-го класса ученики посѣщали госпиталь, исполняя всѣ распоряженія ординаторовъ, дѣлали кровопусканія, припарки, втиранія, исключая промывательныхъ (!) ¹⁾. Студенты 3 и 4-го классовъ несли обязанности кураторовъ и субкураторовъ, смотрѣли за исполненіемъ предписаній врачей, вели скорбныя

листы, палатныя книги. Главные госпитальные доктора должны были наблюдать за поведеніемъ учащихся и исправнымъ посѣщеніемъ госпиталя, о чемъ и доводили до свѣдѣнія Конференціи. Профессора вели журналы о прилежаніи, способностяхъ и успѣхахъ учащихся производили третные экзамены и о результатахъ доносили Конференціи. Госпитальное Начальство представляло Конференціи также палатныя книги, веденыя кандидатами въ теченіи $\frac{1}{2}$ года, а Конференція въ свою очередь сообщала всѣ эти свѣдѣнія Госуд. Медицинской Коллегіи ¹⁾ Въ концѣ учебнаго года въ августѣ (каникулы продолжались всего 3 недѣли !) Коллегія назначала публичный экзамень. Успѣшно окончившіе выпускались кандидатами медицины и для получения лекарскаго званія должны были пробыть еще годъ при Военно-Сухопутномъ или Морскомъ Госпиталѣ, практически занимаясь подъ надзоромъ госпитальныхъ врачей. Медицинская Коллегія посылала также въ госпиталь на правахъ кандидатовъ медицины для усовершенствованія иностранныхъ врачей, державшихъ экзамень на право практики въ Россіи и не обнаружившихъ достаточныхъ практическихъ знаній.

Въ такомъ положеніи былъ будущій профессоръ Академіи Федоръ Гейротъ, посланный въ Военно-Сухопутный Госпиталь на 6 мѣсяцевъ и потомъ читавшій одобренную пробную лекцію для полученія званія адъюнкта-профессора: „de modo agendi medicaminum in corpus humanum“. Даже въ первые годы Медико-Хирург. Академіи преподаваніе стояло въ ней на такой высотѣ, что въ Петербургъ стали посылать доучиваться медиковъ, окончившихъ въ университетахъ, пріѣзжали также добровольно нѣкоторые иностранные врачи (при Петрѣ Франкѣ).

По учрежденіи Академіи одной изъ главныхъ заботъ Медицинской Коллегіи было увеличеніе учебныхъ пособій и печатаніе учебниковъ. Къ переводамъ иностранныхъ руководствъ на русскій языкъ всячески поощряли профессоровъ и врачей;

¹⁾ Проф. Прозоровъ. Матеріалы, стр. 33.

¹⁾ Проф. Прозоровъ. Матеріалы стр. 39.

кро́мъ того держали особыхъ переводчиковъ при самой Коллегіи; лучшіе одобренные переводы печатались для Медико-Хир. Академіи въ собственной типографіи Коллегіи¹⁾. Знаніе иностранныхъ языковъ высоко цѣнилось Академіей: часто достойные кандидаты на ученія мѣста при Академіи получали отказъ по незнанію иностранныхъ языковъ. Но при равныхъ достоинствахъ претендентовъ на кафедру, знающему русскій языкъ и природному русскому отдавалось предпочтеніе. Въ 1807 году бібліотека Академіи получала 11 иностранныхъ журналовъ (5 на нѣмц. и 6 на франц.)²⁾.

Въ 1798 году Медицинская Коллегія запретила кандидатамъ медицины поѣздки за границу для полученія медицинскихъ степеней (очевидно по причинамъ политическаго характера) и въ 1801 выработаны и учреждены Коллегіей правила для полученія докторскаго званія въ Россіи. Первымъ защитилъ въ Академіи диссертацию по новымъ правиламъ Савва Большой, представившій работу: *parergon physico-medicum de electricitate aetiologiae ejus* (1801). Но уже въ 1803 году запрещеніе отмѣнено и по кафедрѣ патологии и терапіи былъ посланъ въ Вѣну для усовершенствованія лекаръ-репетиторъ Яковъ Кайдановъ. Въ 1805 проф. матеріи медицины Петерсонъ посылается въ Италію и Испанію для наблюденія и изученія появившейся тамъ *febris flavae*.

Изъ внѣшнихъ событій этого начальнаго періода Академіи, имѣвшихъ немаловажное значеніе для ея роста, слѣдуетъ отмѣтить присоединеніе къ ней въ 1802 году упраздненнаго Калинкинскаго Медико-Хирургическаго Института и въ 1804 сліяніе съ нашей Академіей Московской Медико-Хирургической Академіи. Въ обоихъ случаяхъ причиной этой мѣры было незавидное состояніе этихъ школъ, ограниченность ихъ средствъ преподаванія и учебныхъ пособій. Послѣднія поступили въ распоряженіе Петербургской Медико-

Хир. Академіи, куда перевели всѣхъ учениковъ; часть профессоровъ упраздненныхъ Академіи и Института также перешла въ Петербургскую Академію. Число воспитанниковъ ея сразу повысилось до 280, а въ 1806 году перешло за 400.

Въ 1803 году была упразднена Медицинская Коллегія, столь много сдѣлавшая для Мед. Хир. Академіи и для русскаго медицинскаго образованія благодаря широкому взгляду на дѣло и патріотическому направленію послѣдняго десятилѣтія своей дѣятельности.

Съ учрежденіемъ Министерствъ дѣла Медиц. Коллегіи были переданы Государственной Медицинской Управѣ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и завѣдываніе ими поручено вновь созданному при этомъ Министерствѣ—Медицинскому Совѣту.

Едва Академія была призвана къ жизни, какъ стали замѣчаться недостатки устава 1799 года въ отношеніи преподаванія наукъ. Кро́мъ того въ хозяйствен. дѣлахъ Академія страдала отъ чрезмѣрной зависимости отъ Мед. Коллегіи, у которой приходилось испрашивать разрѣшенія для самыхъ незначительныхъ случаевъ.

Снова возникъ вопросъ о преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, привелшій къ измѣненію устава въ 1808 году. Товарищъ Министра Внутр. Дѣлъ Графъ Строгановъ очень интересовался положеніемъ Академіи, выкаль въ ея нужды и въ 1805 году составилъ подробную записку о преподаваніи, написанную на франц. яз. (*Ecole de médecine*) и хранящуюся въ бібліотекѣ Академіи. Изъ записки между прочимъ видно, что патологию и терапію читали въ 3-мъ классѣ, лекціи терапіи были у постели больныхъ или гдѣ назначалъ профессоръ. Послѣ теоретической лекціи профессоръ дѣлалъ со своими учениками обходъ больничныхъ палатъ, демонстрируя больныхъ и назначая соотвѣтственное лѣченіе¹⁾.

Студенты 4-го класса обязаны писать исторіи болѣзни госпитальныхъ больныхъ, записывали рецепты, назначенные главнымъ докторомъ, принимали изъ аптеки лекарства и

¹⁾ Прозоровъ, стр. 43.

²⁾ Всеобщій Журналъ Врачебныхъ наукъ 1811 г. (статья Джунковскаго объ Академіи).

¹⁾ Проф. Прозоровъ, 1. с.

раздавали больнымъ, мало по малу знакомясь въ теченіи года съ разными болѣзнями. „Пересматривая довольно обширныя программы академическаго преподаванія того времени, говоритъ Я. Чистовичъ, нельзя не замѣтить, что это преподаваніе было слишкомъ теоретично и оттого не полно“. — „Для патологій съ терапіей, для акушерства существовали отдѣльныя самостоятельныя кафедры, но не выдавъ ни одного больного¹⁾, ни одной роженницы, студентъ едва ли умѣлъ распознать въ дѣйствительности хоть одну болѣзнь, подробно описанную съ теоретической кафедры. Не было клиникъ и замѣнить ихъ не могло самое подробное описаніе. Для старыхъ госпитальныхъ школъ и медико-хирургическихъ училищъ при большихъ госпиталяхъ эти послѣдніе замѣняли клиники, и клиницистами тамъ были всегда старшіе или госпитальные доктора. Но съ отдѣленіемъ училищъ отъ госпиталей это удобство исчезло“²⁾. Вотъ на этотъ главный недостатокъ Академіи — отсутствіе собственныхъ клиникъ обратилъ свое вниманіе графъ Строгановъ. Въ докладѣ Государю, составленномъ по его распоряженію, говорится: (14 пунктъ) „необходимо устроить клиническій госпиталь, въ который принимать больныхъ разныхъ состояній, возраста и пола, устроить отдѣленіе для беременныхъ женщинъ и дѣтей и сверхъ того въ сторонѣ нѣсколько мѣстъ для умалишенныхъ, предоставивъ профессорамъ право выбирать въ Обуховской больницѣ болѣе интересныхъ больныхъ для наставленія учащихся, а иногда возить послѣднихъ въ самый Обуховскій госпиталь, объясняя на большомъ числѣ умалишенныхъ припадки и лѣченіе ихъ. При клиникѣ должны находиться комната для электризаціи и гальванизаціи (!) не только для клиническихъ больныхъ, но и для постороннихъ, обращающихся къ помощи съ записками отъ своихъ врачей. При клиникѣ можно также устроить отдѣленіе для больныхъ

воспитанниковъ Академіи“¹⁾. Министръ Внутр. Дѣлъ князь Кочубей совѣтовался относительно преобразованія М. Х. Академіи съ лучшими авторитетами своего времени: лейб-медиками Виллье (Sir James Wylie) и Крейтономъ, съ профессорами Загорскимъ, Шумлянскимъ и другими. Наконецъ онъ обратился къ знаменитому ученому Петру Франку, лейб-медику Императора Александра и предложилъ ему мѣсто профессора и ректора Мед.-Хир. Академіи.²⁾ Петръ Франкъ согласился и 12 сент. 1805 вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей.

Ниже будетъ подробнѣе сказано объ этой гениальной личности, которую Академія имѣла счастье видѣть на зарѣ своего существованія. Уже 2 мѣсяца спустя послѣ своего назначенія П. Франкъ, ознакомившись съ состояніемъ Академіи представилъ министру свой подробный проэктъ преобразованія ея (plan raisonné). Въ этомъ докладѣ, написанномъ по французски, онъ говоритъ:

„Занимаясь преподаваніемъ всѣхъ отраслей медицины въ продолженіи 32 лѣтъ я былъ профессоромъ въ 4-хъ знаменитыхъ университетахъ (Геттингенѣ, Гейдельбергѣ, Павіи и Вѣнѣ) и неоднократно приглашался для составленія плана преподаванія въ разныхъ странахъ Европы, гдѣ теперь немало отличныхъ врачей и профессоровъ — мои бывшіе ученики; поэтому я приобрѣлъ довольно опытности и смѣю надѣяться, что мои совѣты принесутъ и здѣсь нѣкоторую пользу“. Докладъ П. Франка содержалъ обзоръ настоящаго состоянія Академіи и проэктъ новыхъ способовъ преподаванія. Въ числѣ другихъ недостатковъ, подробно разсмотрѣнныхъ въ запискѣ, Франкъ находилъ что 1) естественныя науки преподаются недостаточно, практическій курсъ слишкомъ сокращенный; студенты 3-го курса не подготовлены достаточно теоретически

¹⁾ Эти слова Чистовича противорѣчатъ, однако, содержанію вышеприведенной записки графа Строганова.

²⁾ Я. Чистовичъ. Исторія первыхъ медич. школъ стр. 415.

¹⁾ Прозоровъ. Матеріалы стр. 91.

²⁾ Я. Чистовичъ ставитъ приглашеніе П. Франка въ заслугу директору Академіи Андреевскому, что едва ли вѣрно, ибо директоръ заведывалъ только хозяйственной частью, не касаясь учебной.

и, попадая въ госпиталь, не понимаютъ явленій и измѣненій, какія происходятъ въ больныхъ. Студенты 4-го класса, слѣдую за госпитальными врачами, наблюдаютъ больныхъ слишкомъ поверхностно, вслѣдствіе чего привыкаютъ къ эмпиризму и дѣйствуютъ по навыку, безъ размышленія. Практическія занятія ихъ продолжаются всего одинъ годъ, притомъ они почти всегда видятъ больныхъ одинаковаго возраста.

2) Врачи не достаточно знакомы съ фармаціей, а между тѣмъ въ провинціи имъ часто необходимо умѣть готовить лекарства.

3) Профессора, диктуя лекціи, пріучаютъ слушателей неправильно относиться къ дѣлу, заучивая тетрадки и не размышляя о предметѣ.

Кромѣ того Франкъ обращалъ вниманіе на отсутствіе послѣдовательности въ изученіи предметовъ, недостаточность лабораторій, аудиторій, плохую постановку ветеринарнаго отдѣленія, полное отсутствіе фармацевтическаго.

Каникулы Франкъ совѣтовалъ удлинить до 2 мѣсяцевъ (вмѣсто 3 недѣль) въ интересахъ учащихся и профессоровъ. Ученіе по прежнему продолжается 4 года, но число предметовъ увеличено. Въ 3-мъ классѣ назначено уже посѣщеніе клиникъ, но безъ участія въ занятіяхъ. Въ 4-мъ классѣ студенты посѣщаютъ клиники въ качествѣ практикантовъ. Особое вниманіе въ своей запискѣ Франкъ удѣляетъ терапевтической клиникѣ. По важности этой науки профессоръ терапіи читаетъ ее 2 года, завѣдуетъ при этомъ клинкою, которая должна имѣть отдѣленіе для больныхъ женщинъ и дѣтей, а также для заразныхъ больныхъ и умалишенныхъ. Вскрытіе умершихъ производится въ присутствіи всѣхъ слушающихъ патологию и занимающихся въ клиникѣ; изъ матеріала вскрытій, при содѣйствіи профессора патологіи, образуется патологическій кабинетъ¹⁾.

Предложенное Франкомъ распредѣленіе занятій по курсамъ

въ общихъ чертахъ похоже на современное росписаніе академическихъ лекцій. Число кафедръ въ Академіи Франкъ предложилъ довести до 14 (вм. 7)¹⁾.

Соглашаясь во всемъ съ идеями П. Франка Министръ Внутр. Дѣлъ въ концѣ ноября 1805 приказалъ Академіи привести его планъ въ исполненіе и сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ устройствѣ терапевтической и хирургической клиники (18 янв. 1806). Больные для этихъ клиникъ должны были доставляться изъ городскихъ больницъ по требованію профессоровъ Академіи. Въ этомъ смыслѣ Министръ сдѣлалъ предписаніе гражданскому Губернатору и вошелъ въ сношеніе съ Военнымъ и Морскимъ Министерствами для доставленія больныхъ въ клиники изъ обоихъ военныхъ госпиталей — Военно-Сухопутнаго и Морскаго.

Согласно съ проектомъ П. Франка выработаны новый уставъ и штаты М. Х. Академіи, тотчасъ-же утвержденные Государемъ. Но благодаря придиричьимъ замѣчаніямъ лейб-медика Виллье новый уставъ былъ отмѣненъ черезъ 2 дня и снова назначенъ комитетъ для разработки устава.

Учрежденные при Академіи клиники были, однако, оставлены безъ измѣненій. Да и всѣ предложенія Петра Франка были въ сущности потомъ приняты самимъ Виллье, назначеннымъ президентомъ Академіи (1808) и вошли въ уставъ 1808 года. По этому уставу число всѣхъ учащихся определено 720 (въ Москвѣ и Петербургѣ).

Въ число студентовъ впервые допущены и лица несвободнаго сословія, которые послѣ окончанія Академіи получали свободу (черезъ 6 лѣтъ). Ученіе продолжалось 4 года и сверхъ того годъ обязательныхъ занятій въ госпиталяхъ. Въ 1810 г. постановлено хорошо окончившихъ выпускать прямо врачами, а менѣе успѣвшихъ кандидатами медицины съ причисленіемъ на годъ для практическихъ занятій въ госпиталь.

Открыто отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи въ

¹⁾ Прозоровъ, I. с.

¹⁾ Нач. Акад. Быковъ. Истор. записка въ проток. Акад. 1877 г.

Москвѣ съ особымъ вице-президентомъ и отдѣленія ветеринарное и фармацевтическое при Академіи въ Петербургѣ. Управление ученой и учебной дѣятельностью возложено всецѣло на Конференцію. Академіи даровано право имѣть собственную цензуру книгъ по врачбнымъ наукамъ и избирать въ почетные члены и члены — корреспонденты иностранныхъ ученыхъ. Академія широко воспользовалась этимъ правомъ и скоро въ числѣ ея почетныхъ членовъ мы видимъ всѣхъ наиболее выдающихся современныхъ врачей и натуралистовъ Запада. При замѣщеніи профессорскихъ должностей изъ двухъ кандидатовъ равнаго достоинства природный русскій предпочитается иностранцу; съ 1811 г. повелѣно допускать въ профессора только лицъ, обладающихъ докторской степенью.

По уставу 1808 года въ Академіи было 12 кафедръ вмѣсто 14 предложенныхъ Франкомъ. Изъ нихъ 6 кафедръ занимали бывшіе воспитанники Академіи.

Въ 1809 году Императоръ Александръ присутствовалъ на актѣ въ Медико-Хир. Академіи, удостоилъ Конференцію принятіемъ титула Почетнаго Члена Академіи и, въ знакъ своего особаго вниманія и расположенія къ этому полезному государственному учрежденію, постановилъ принять ее подъ особое покровительство Государей съ дарованіемъ ей права именовать Императорской Медико-Хирургической Академіей.

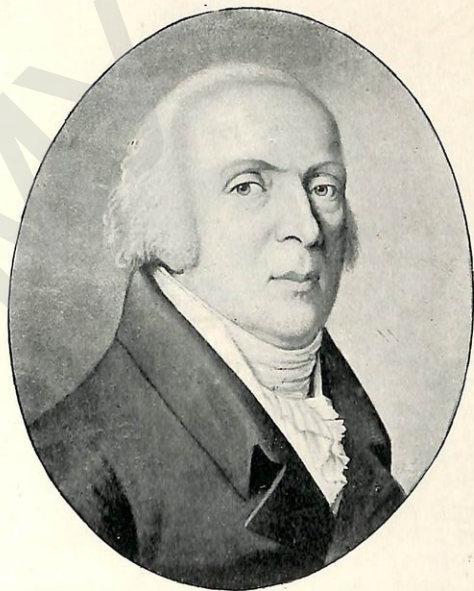
Послѣ столькихъ метаморфозъ Академія вошла, наконецъ, въ спокойное русло и въ условіяхъ, созданныхъ уставомъ 1808 года, оставалась почти безъ измѣненій до конца тридцатыхъ годовъ. Лейбъ-мед. баронетъ Я. В. Вилле состоялъ неизмѣннымъ президентомъ ея съ 1808 до 1838 года. Съ 1810 по 1822 годъ Мед. Хир. Академія состояла въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, а затѣмъ снова вернулась въ Мин. Внутр. Дѣлъ.

Это время обнимаетъ долгій періодъ жизни Академіи, къ концу котораго она начала было клониться къ упадку. Но съ переходомъ ея въ вѣдѣніе Военнаго Министерства наступили болѣе благоприятныя условія для ея развитія и Академія пробудилась къ новой жизни, вдохновляемая нѣсколькими

замѣчательными профессорами какъ Карлъ Зейдлицъ, Карлъ Беръ и въ особенности гениальный Н. И. Пироговъ.

Вернемся теперь къ нашему предмету, только что созданной Петромъ Франкомъ первой терапевтической клиникѣ Академіи и прослѣдимъ въ краткихъ чертахъ рядъ представителей этой кафедры и ихъ дѣятельность до учрежденія въ Академіи кафедры госпитальной терапевтической клиники.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ
первой терапевтической клиники въ М. Х.
Академіи до учрежденія кафедры
госпитальной терапевтической клиники
(1806—1840—42).

ПЕТРЪ ФРАНКЪ (P. J. Frank).

Съ портрета работы Tangemann'a 1808 года,
принадлежавшаго Н. О. Здекауеру.

Первая терапевтическая клиника въ Мед. Хир. Академіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первая русская клиника, вполнѣ достойная этого имени, открылась 28 января 1806 года.

Учредитель ея, первый клиническій профессоръ Академіи гениальный Johan Peter Frank ¹⁾ родился 19 марта 1745 года въ Rotabeln въ южной прирейнской Германіи (Вел. Герц. Баденское). Предки Франка были выходцами изъ Франціи. Сперва онъ учился въ Раштадтѣ, потомъ въ Лотарингіи въ Метцѣ. Родители предназначали его къ духовному званію, но Р. Frank, чувствуя влеченіе къ медицинѣ, отправился учиться въ Гейдельбергъ, а потомъ въ Страсбургъ. Вернувшись въ Гейдельбергъ онъ защитилъ диссертацию *de cunis infantum* и сталъ заниматься практикой въ своемъ родномъ городѣ. Затѣмъ

Примѣчаніе. Прилагаемый рисунокъ медали сдѣланъ съ фотографіи медали, выбитой въ честь Петра и Юсіфа Франка и хранящейся въ музеѣ И. В. М. Академіи.

¹⁾ Составлено по Biographisches Lexicon der hervorragende Aerzte. Max Salomon's Peter Frank. Biographie des dr. P. J. Frank von ihm selbst geschrieben Wien. 1802.

Р. Frank переселяется въ пограничный французскій городок Bitsch, для чего выдержалъ экзаменъ на доктора при Страсбургскомъ у—тѣ. Черезъ 2 года мы видимъ его въ Baden-Baden'ѣ, гдѣ ему были предложены отличныя условія для практической дѣятельности. Спустя 2 года онъ покидаетъ Baden-Baden и возвращается въ Rastadt гарнизоннымъ врачомъ. Въ 1772 году архіепископъ Шпейерскій пригласилъ его къ себѣ лейбъ-медикомъ. Здѣсь въ Bruchsal онъ основалъ институтъ для акушеровъ, читаетъ лекціи по анатоміи и хирургіи для врачей и въ 1779 году издалъ 1-й выпускъ своего капитальнаго труда „Medicinische Polizei“.

Въ своей автобіографіи П. Франкъ рассказываетъ, что онъ обязанъ декану Гейдельбергскаго унив. Оверкампу советомъ избрать себѣ какую нибудь специальность и посвятить себя наукѣ. Размышляя о томъ, что новаго онъ могъ бы внести въ медицину, Франкъ додумался до созданія особой науки—медицинской полиціи. Существуетъ много заболѣваній, противъ которыхъ врачи безсильны единственно потому, что послѣднія зависятъ отъ причинъ, не устранимыхъ единичными усиліями и могущихъ быть измѣненными только правительственными мѣропріятіями. Разработка этихъ здравоохранительныхъ законовъ и составила содержаніе новой науки.

Въ 1784 Р. Frank приглашенъ клиническимъ профессоромъ въ Геттингенъ, но скоро мы видимъ его уже въ Италіи, въ Павіи, гдѣ его назначили главнымъ директоромъ госпиталя и организаторомъ медицинскаго дѣла въ Ломбардіи. Продолжая трудиться надъ своей „Medicinische Polizei“, онъ приобрѣлъ себѣ огромную извѣстность въ Ломбардіи своей кипучей неутомимой практической дѣятельностью. Въ 1792 году онъ издалъ въ свѣтъ начало своихъ „Eritome“, заключающихъ въ себѣ всѣ клиническія знанія той эпохи, сочиненіе удивительное по эрудиціи и практическому взгляду. Въ 1795 Р. Frank приглашенъ въ Вѣну профессоромъ и директоромъ Всеобщей Вѣнской Больницы. Заслуги его въ Вѣнѣ громадны: онъ создалъ анатомо-патологическій музей, ввелъ патологич. анатомію въ университет. преподаваніе и пользовался огромнымъ успѣ-

хомъ какъ преподаватель. Его лекціи блестящія по вышности изложенія, по ясности и богатству содержанія привлекли въ Вѣну множество студентовъ и иностранныхъ врачей.

Публика буквально осаждала его какъ практическаго врача. Р. Frank навлекъ на себя ненависть духовенства, высказавшись въ своихъ сочиненіяхъ противъ безбрачія, и зависть вѣнскихъ врачей, обвинившихъ его въ увеличеніи % смертности въ Вѣнской больницѣ. Въ 1804 году онъ покинулъ Вѣну и отправился по приглашенію профессоромъ въ Вильну, гдѣ его сынъ Joseph также получилъ мѣсто профессора патологій. Но склонность къ переменѣмъ и неусидчивость были, повидимому, въ характерѣ Р. Frank'a. 10 мѣсяцевъ спустя онъ ѣдетъ уже въ Петербургъ въ качествѣ лейбъ-медика Императора Александра и профессора Мед. Хир. Академіи. Въ 1808 году Франкъ вслѣдствіе нездоровья оставилъ Петербургъ и съ русской пенсіей въ 3000 руб. возвратился въ Вѣну, гдѣ съ нимъ совѣтовался Наполеонъ, желавшій пригласить его къ себѣ на службу. Изъ Вѣны Франкъ переселяется во Freiburg, откуда вернулся въ Вѣну въ 1811 году и здѣсь жилъ до самой смерти въ 1821 году. Умеръ онъ оплакиваемый всѣмъ населеніемъ Вѣны.

Франкъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся врачей всѣхъ временъ¹⁾. Это былъ ученый энциклопедистъ во всеоружіи науки своего времени, одаренный громаднымъ умомъ, наблюдательностью и критической прозорливостью.

Его дѣятельность проникнута страстью къ своей наукѣ и искусству и согрѣвалась любовью къ ближнимъ. Франкъ всегда высоко ставилъ нравственную сторону врачебнаго искусства и по справедливости долженъ считаться однимъ изъ апостоловъ врачебной этики. Какъ врачъ-практикъ онъ былъ мыслящимъ эмпирикомъ, видѣлъ ясно вредъ теоретической односторонности школьныхъ системъ и больше придавалъ значенія фактамъ

¹⁾ Въ концѣ 18-го и началѣ 19-го вѣка авторитетъ Франка среди а. европ. врачей былъ болѣе непогрѣшимъ чѣмъ Бургаве въ 18-мъ: онъ былъ изломомъ учащей молодежи.

излечения болѣзней, чѣмъ софистическимъ гипотезамъ о ихъ сущности. Трезвый наблюдатель—онъ былъ врагомъ всякой догматики въ медицинѣ и только къ системѣ Броуна онъ проявилъ нѣкоторую снисходительность, вѣроятно вслѣдствіе преданности броунианizmu своего сына Joseph'a (патологъ въ Виленской Мед. Хир. Акад.). Вообще же онъ былъ эклектикомъ, выбирая всюду лучшее, оправдываемое фактами и наблюдениемъ.

Его взгляды изложены въ классическомъ трудѣ „Epitome“. Его „System der Medic. Polizei“ послужила основой всѣхъ слѣдующихъ работъ по общественному здравоохраненію¹⁾.

Его главнѣйшіе труды:

- 1) System einer vollständigen Medicinischen Polizei (выходилъ отъ 1779 до 1819 г.). Въ 6 томахъ.
- 2) De curandis hominum morbis epitome praelectionibus academicis dicata 1792—1821. 6 том.
- 3) Delectus opusculorum medicorum antehac in Germaniae diversis academiis editorum (Pavia, 1785—1793. 12 том.).
- 4) Opuscula medici argumenti antehac seorsim edita nunc collecta. 1790.
- 5) Interpretationes clinicae observationum selectarum. 1812.
- 6) Opuscula posthuma a Josepho filio nunc primum edita. 1824.

Наконецъ Biographie, имъ самимъ написанная. Wien 1802.

Понятно, что въ виду европейской славы П. Франка и обаянія его личности всѣ его указанія и совѣты при устройствѣ его клиники въ Мед. Хир. Академіи были приняты во вниманіе и послѣдняя вышла очень роскошной для своего времени.

На открытіи клиники 3 февраля 1806 года присутствовалъ самъ Императоръ Александръ въ сопровожденіи блестя-

щей свиты первыхъ сановниковъ имперіи и иностранныхъ пословъ.

П. Франкъ привѣтствовалъ собраніе рѣчью на французскомъ языкѣ на тему: „о пользѣ Клинической больницы“, а потомъ прочелъ вступительную лекцію на латинск. яз. „de febre nervosa maligna“. Государь завтракалъ въ Академіи, пробылъ въ ней почти 2 часа, подробно осматривая все²⁾.

Клиника находилась въ главномъ академическомъ зданіи, рядомъ съ залой Конференціи, въ обширномъ помѣщеніи, занимаемомъ теперь академической церковью. Она была устроена на 30 кроватей и состояла изъ трехъ отдѣленій: для мужчинъ и женщинъ на 12 кроватей каждое и дѣтское на 6 кроватей. Комнаты отличались высотой, обиліемъ свѣта и чистаго воздуха, хорошо отоплялись изразцовыми печами и провѣтривались удобно устроенными отдушниками. При клиникѣ кромѣ того былъ кабинетъ для профессора, двѣ ваннныя комнаты для мужчинъ и для женщинъ и нѣсколько комнатъ для помѣщенія прислуги. Больные выбирались въ Обуховской больницѣ и въ обоихъ госпиталяхъ и присылались въ клинику по распоряженію самого П. Франка. Продовольствовались больныхъ на счетъ средствъ Академіи и настолько хорошо, что профессоръ хирургической клиники Бушъ, палата котораго помѣщалась въ Военно-Сухопутномъ госпиталѣ, съ завистью смотрѣлъ на клинику Франка и хлопоталъ у начальства объ улучшеніи пищи для своихъ больныхъ, ссылаясь на примѣръ терапевтической клиники. Хозяйствомъ клиники завѣдывалъ эконоомъ Академіи подъ надзоромъ директора, которому подчинялась вообще вся хозяйственная часть заведенія³⁾. Прислуга клиники была женская—4 надзирательницы и одна старшая надзирательница, наблюдавшая за чистотой и порядкомъ. Кромѣ того при клиникѣ былъ 1 фельдшеръ и прислуга для черной работы. На лѣто клиника закрывалась.

¹⁾ Max Salomon's Joh. Peter Frank въ Biogr. Lex. der hervorrag. Aerzte.

²⁾ Сѣверная Пчела 1863 г. № 85. Биографія Гаевского.

³⁾ Я. Чистовичъ, Мед. Вѣстникъ № 3, 5, 6. 1874.

Предъ лекціей П. Франкъ дѣлать со студентами обходъ клиническихъ палатъ, осматривалъ съ ними больныхъ, а потомъ выходилъ въ залу Конференціи и читалъ лекцію. Аудиторіей его была часть залы, находящаяся между колоннами и стѣной, выходящей въ садъ. Аудиторія отдѣлялась отъ залы стекляннѣй перегородкой. Клиническія палаты сообщались съ залой Конференціи двумя дверями. Дѣтское отдѣленіе находилось въ примыкавшемъ къ главному зданію флигелѣ. При П. Франкѣ состоялъ адъюнктомъ С. О. Гаевскій, только что вернувшійся изъ трехгодичной научной поѣздки за границу. Какъ свидѣлствуютъ современники С. О. Гаевскій и С. А. Громовъ, увлекательныя лекціи Франка были настолько популярны, что аудиторія его не только всегда была переполнена студентами и врачами, но даже тогдашніе петербургскіе знаменитости врачебнаго міра пріѣзжали слушать его (Лодеръ, Рожерсъ, Альбани, Бушъ). Нѣсколько разъ пріѣзжалъ на лекцію Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и даже сама Императрица Марія Оедоровна¹⁾; при этомъ П. Франкъ, читавшій свои лекціи по латыни переходилъ на французскій языкъ.

Къ сожалѣнію плодотворная дѣятельность П. Франка была непродолжительна. Сперва онъ отказался по разстроенному здоровью отъ должности ректора Академіи, но остался клиническимъ профессоромъ и читалъ лекціи, а въ 1808 году совсѣмъ вышелъ въ отставку. Послѣ Франка созданная имъ клиника оставалась на прежнемъ положеніи около года. Затѣмъ ее перевели во 2-й Военно-Сухопутный госпиталь и предназначили для нея одну большую палату на 30 кроватей, рядомъ съ хирургической. При этомъ перемѣщеніи женское и дѣтское отдѣленія были совсѣмъ уничтожены, женская прислуга была замѣнена солдатами госпитальной команды.

Столь быстрый и неожиданный упадокъ творенія П. Франка, когда еще были свѣжи воспоминанія о торжествахъ открытія клиники и объ интересѣ къ ней всѣхъ сильныхъ міра, доказываетъ только, что клиника была создана въ угоду Франку и

для него лично. Но воспоминаніе объ образцовой клиникѣ продолжало жить въ Академіи.

Послѣ отъѣзда Франка Конференція поручила завѣдываніе клинической профессору читавшему теоретическій курсъ патологій и терапіи доктору Конраду Фридриху Удену (Uden и Uhdén), а адъюнктомъ при немъ остался экстраординарный профессоръ Гаевскій. Конр. Фр. Уденъ¹⁾ былъ иностраннаго происхожденія, род. въ 1776 въ Stendal, въ Германіи, учился медицинѣ въ Берлинѣ и въ Halle, былъ практическимъ врачомъ въ Stendal'ѣ, Берлинѣ, Spandau и Альтонѣ. Въ 1786 году вступилъ въ русскую службу, былъ назначенъ сперва въ Черныговъ, но благодаря покровительству директора Медиц. Коллегіи барона Фитингофа скоро перешелъ профессоромъ въ Медико-Хирургич. Институтъ (Калининскій), гдѣ съ перерывами служилъ до 1800 года. Въ столицѣ онъ приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность какъ отличный, опытный практикъ и въ концѣ 1800 года былъ посланъ въ Тифлисъ для лѣченія больного царя Грузіи. По учрежденіи Мед. Хвр. Академіи Удену предложили кафедру и должность ученаго секретаря. Профессоромъ патологій и терапіи Уденъ оставался до 1823 года. Время смерти его неизвѣстно. Онъ былъ членомъ Медиц. Совѣта и написалъ много статей по медиц. полиціи.

Настоящей страстью Удена была журналистика. Уже въ 1792 онъ настолько хорошо овладѣлъ русскимъ языкомъ, что началъ изданіе еженедѣльных газетъ: „бесѣдующіе врачи или общепользная врачебная переписка“. Это былъ первый починъ медиц. періодическаго изданія въ Россіи, тотчасъ же запрещеннаго, однако, Мед. Коллегіей, усмотрѣвшей въ немъ нецензурные намеки на православные обряды: Уденъ высказался противъ постной пищи для больныхъ. Тогда Уденъ сталъ издавать въ 1793 г. „Петербургскія Врачебныя Вѣдомости“. Впослѣдствіи, поддерживаемый Виллѣе, Уд. настоялъ на включеніи въ Уставъ Академіи постановленія объ обязательномъ

¹⁾ Прозоровъ. Матеріалы, стр. 100.

¹⁾ Biographisches Lexic. der hervorr. Aerzte, Чистовичъ, I. c., Dictionnaire de sciences medicales. Biogr. medic. VII, 378, Paris 1820—1825.

издании Академического журнала, которой стал выходить с 1811 года и прекратился в 1816 году (с перерывом в 1814 и 15 годах вследствие войны). Журнал назывался: „Всеобщий Журнал врачебной науки“. Удены был самым деятельным сотрудником его. Он написал:

1) О мышьякѣ въ Вс. Жур. Вр. Науки за 1813 и рядъ статей подъ заглавіемъ:

2) Обзоръ важнѣйшихъ происшествій по патологіи и терапіи 1816. Вс. Ж. Вр. Науки.

3) Академическія чтенія о хроническихъ болѣзняхъ ч. I—IV. 1816.

4) Общая патологія и терапія, 1818.

5) Острыя болѣзни 2 вып. 1820.

Задача, возложенная на Удены Конференціей, была ему не подъ силу.

Въ 1812 году Министръ Нар. Пр. Гр. Разумовскій сдѣлалъ Академику Удену формальный выговоръ чрезъ Конференцію за хроническое уклоненіе отъ чтенія лекцій и непосѣщеніе занятій Конференціи (дѣла Конф. за 1812).

Часто хворая онъ передалъ фактически завѣдываніе клиникой Гаевскому, а въ 1810 году обратился въ Конференцію съ просьбой, „по сложности и обширности предметовъ“ его кафедры оставить ему только чтеніе теоретическаго курса, а клинику передать Гаевскому самостоятельно. Такимъ образомъ состоялось раздѣленіе этой кафедры и возникла отдѣльная кафедра терапевтической клиники, которую Конференція поручила Гаевскому (1810 до 1812) ¹⁾.

Семень Ѳедоровичъ Гаевскій ²⁾, сынъ священника Полтавской губерніи, родился въ Полтавѣ въ 1778, учился въ полтавской семинаріи. Задумавъ учиться медицинѣ, поступилъ въ 1796 г. лекарскимъ ученикомъ въ Медико-Хирургическое Училище при С.-Петербур. Военно-Сухопут. госпиталѣ.

¹⁾ Прозоровъ. Матеріалы. 146.

²⁾ С. Ѳ. Гаевскій біографическій очеркъ Н. Чистовича въ Протоколахъ Об-ва Русскихъ врачей 1862 и Сѣверная Пчела. 1863. № 85 и 86.

Это было хорошее время, когда только что уничтожили (1795) тѣлесныя наказанія учащихся въ медицинскихъ школахъ и повѣяло свободнымъ духомъ жизни и развитія. Гаевскій считалъ первымъ кандидатомъ 1-го выпуска только что открытой Мед. Хир. Академіи (1800), преобразованной изъ училища, опредѣленъ ординаторомъ въ Пет. Воен. Сух. госпит., लेकरъ съ 1801 г. Былъ репетиторомъ у проф. хирург. Буша, затѣмъ по просьбѣ Конференціи Академіи Медіц. Коллегія послала его въ августѣ 1802 для усовершенствованія заграницу, откуда Гаевскій возвратился въ 1805 г. Еще въ Вѣнѣ Гаевскій откуды Гаевскій возвратился въ 1805 г. Еще въ Вѣнѣ Гаевскій посѣщалъ лекціи П. Франка и былъ замѣченъ и оцѣненъ первымъ терапевтомъ своего времени. Тотчасъ по вступленіи въ должность ректора Академіи П. Франкъ сдѣлалъ Гаевского своимъ адъюнктомъ (8 ноябр. 1805) и потомъ поручилъ ему завѣдываніе клиникой. Клиническія лекціи Гаевскій началъ читать еще при Франкѣ въ концѣ 1806 года, послѣ отъѣзда котораго (въ концѣ 1807) Конференція поручила ему самостоятельно руководить клиникой и больницей студентовъ Академіи; тогда же онъ выбранъ былъ единогласно экстраординар. профессоромъ и по представленію Конференціи награжденъ Министромъ прибавкой жалованья „за особые труды по клинической больницѣ“.

Гаевскій былъ очень выдающійся профессоръ, соединявшій съ обширнымъ умомъ и хорошимъ образованіемъ блестящія способности преподавателя; даже при Франкѣ всѣ обращали на него вниманіе и Академія гордилась имъ. На докторскую степень представилъ работу: *dissertatio inauguralis medica vermium intestinalium corporis humani historiam synopticam sistens, Petropoli, typis administrationis medicae. 1806.* Какъ терапевтъ Гаевскій слѣдовалъ ученію Броуна, которое, какъ извѣстно, раздѣлялось отчасти и такимъ самостоятельнымъ умомъ, какъ его учитель Франкъ. Въ сущности изъ всѣхъ медицинскихъ теорій того времени на практикѣ броунова система была наиболѣе рациональной и менѣе вредной чѣмъ стремленіе удалять *materia pressans* проносными по Sydenham'у (гуморалисты), или основанное на излишнемъ довѣріи къ силамъ

природы невмѣстательство по Stahl'ю (виталисты). Насаждающее учение Броуна на русской почвѣ Гаевскій написалъ въ духѣ его „ученіе о нервной игнилой горячкѣ“ 1813 (издан. на счетъ казны). Другія работы Гаевскаго: „Мнѣніе о сочиненіи Портала объ апоплексіи“ во Всеобщ. Жур. Вр. Наукъ, 1811, № 5, „Замѣчанія о чумѣ, 1831, Собрание актовъ о холерѣ въ Оренбургской губ. въ 1828—29 гг.“ Прибавленіе къ наблюденію Сивеля о дѣйствіи кожевника корнянистаго“, Вс. Ж. Вр. Н. 1812 (№ 1). „Медико-статистическія свѣдѣнія о Петербургѣ“, 1834 и много статей въ энциклопед. словарь Плюшара. Кромѣ того Гаевскій издалъ переведенную имъ съ англійскаго „судебную медицину и медицинскую полицію Дункана, принятую руководствомъ въ Академіи и перевелъ книгу Ремера „судебная и полицейская химія“ съ собствен. примѣчаніями. Это сочиненіе долго было настольнымъ у всѣхъ русскихъ судебныхъ и полицейскихъ врачей. Наибольше долгій періодъ жизни и дѣятельности Гаевскаго принадлежали не Академіи. Назначенный въ 1807 году секретаремъ Комитета для выработки Устава Академіи 1808 года онъ вынесъ на себѣ большую часть этого труда, обратилъ на себя вниманіе высшей администраціи и былъ приглашенъ въ 1812 году ученымъ секретаремъ Медицинскаго Совѣта Мин. Вн. Дѣлъ. Въ 1819 назначенъ лейб-медикомъ, а потомъ генераль-штабъ докторомъ и съ 1837 директоромъ медицинскаго департамента Мин. Вн. Дѣлъ. Въ сферѣ административно-медицинской Гаевскій пользовался большимъ авторитетомъ и при своей громадной способности къ труду одинъ разработалъ все медицинское законодательство, получившее благодаря ему извѣстную законченность. Вышелъ въ отставку въ 1842, въ 1850 торжественно праздновался его 50-й юбилей. Умеръ въ 1863.

Какъ мы видѣли терапевтическая клиника была помѣщена послѣ Франка въ Военно-Сух. госпиталь.

При Гаевскомъ состояніе ея уже не напоминало завидной роскоши прежней клиники. Въ 1810 президентъ Академіи

Виллье ходатайствовалъ о производствѣ необходимаго ремонта въ терапевтической клиникѣ на сумму 3085 руб. на счетъ Военнаго Министерства, но получилъ отказъ и пришлось сдѣлать поправки и передѣлки своими средствами на счетъ Академіи.

Въ апрѣлѣ 1810 г. по соглашенію президента Академіи съ генераль-штабъ докторомъ флота Роджерсомъ клиническіе профессора получили разрѣшеніе выбирать больныхъ для клиники въ морскомъ госпиталѣ, причѣмъ въ распоряженіе профессорамъ передали деньги, положенные по Морскому уставу на лѣкарства больнымъ (по 4 коп. на человѣка въ сутки)¹⁾. По соглашенію Министра Внутр. Дѣлъ съ Военнымъ М-вомъ терапевтическая клиника, подобно хирургической, съ самаго начала учрежденной въ госпиталѣ, снабжалась прислугой, бѣльемъ и прочими хозяйственными принадлежностями отъ В.-Сух. госпиталя, а лѣкарства и слабія порціи для больныхъ получала отъ Академіи²⁾. Число больныхъ въ терапевтической клиникѣ ежегодно доходило до 200 человѣкъ.

Послѣ выхода изъ Академіи С. О. Гаевскаго по предложенію президента Виллье былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ для завѣдыванія терапевтической клиникой иностранный докторъ медицины и хирургіи Егоръ Егоровичъ Зузячъ (отъ 1812 до 1817).

Весьма характерно прошеніе, съ которымъ Зузячъ (Georgius Susich) обратился къ Виллье. Онъ желалъ занять въ Академіи или въ одномъ изъ университетовъ „мѣсто профессора или хирургіи, или анатоміи и физиологіи, или патологіи и терапіи или наконецъ повивальнаго искусства“ (прот. конф. № 10, 1812). Разсмотрѣвъ документы³⁾ Зузяча Конференція нашла ихъ подлинными. Онъ былъ венгерцемъ по происхожденію учился въ Пестѣ, гдѣ и получилъ отъ королевскаго университета въ 1801 г. дипломъ доктора словесныхъ наукъ и

¹⁾ Прозоровъ. Матеріалы стр. 158.

²⁾ Прозоровъ I. с. стр. 175.

³⁾ Къ сожалѣнію они не сохранились въ архивѣ Академіи.

философін. Въ 1805 году З. получилъ тамъ же въ Пестѣ степень доктора медицины, а въ 1806 г. степень д-ра хирургіи и магистра окулистики и акушерства. Въ 1807 г. Зузичъ былъ профессоромъ анатоміи въ Пестскомъ университетѣ. Въ 1808 г. онъ перѣѣхалъ въ Россію и въ томъ же году выдержалъ экзаменъ на доктора при Московскомъ университетѣ, получивъ весьма лестное удостовѣреніе отъ ректора, что онъ доказалъ свои обширныя и основательныя теоретическія и практическія познанія въ медицинѣ. Потомъ Зузичъ служилъ врачомъ на казенныхъ уральскихъ заводахъ (Воткинскомъ 2 года и Ижевскомъ болѣе года), заслуживъ признательность населенія и начальства успѣшнымъ лѣченіемъ. На основаніи этихъ данныхъ Конференція допустила его къ экзамену на профессора, предложивъ ему „изяснить патологически и терапевтически водобоязнъ и чахотку съ различными ея видами“. Зузичъ прекрасно прочелъ лекцію по латыни, „обнаруживъ рѣдкій даръ способности своей преподавать науки другимъ“. Конференція убѣдилась также въ обширныхъ его свѣдѣніяхъ и признала его вполне достойнымъ занять кафедру профессора патологіи и терапевтической клиникі, тѣмъ болѣе что онъ кромѣ другихъ европейскихъ языковъ хорошо владѣлъ и русскимъ. Подробное устное испытаніе Зузича, по порученію Конференціи, производилъ Академикъ Удѣнь (прот. конф. № 10, 1812).

При его назначеніи обстоятельства не были благоприятны для правильнаго систематическаго преподаванія. Безпрерывныя войны вызвали ускоренные выпуски врачей; скороспѣлые кандидаты почти безъ всякой госпитальной подготовки поступали въ войска. Академія постоянно указывала на невозможность такого порядка вещей, правительство соглашалось, но всякая новая война вынуждала дѣйствовать по прежнему. Тѣмъ не менѣе молодые врачи, выпущенные изъ Академіи въ это время, получивъ хорошую теоретическую подготовку, въ тяжелые моменты войны проявили большое усердіе и любовь къ своему призванію, что засвидѣтельствовано манифестомъ Александра 1-го въ 1819 году: „военные врачи, раздѣляя наравнѣ съ военными чинами труды и опасности, явили

достойный примѣръ усердія и искусства въ исполненіи своихъ обязанностей и снискали справедливую признательность отъ соотечественниковъ и уваженіе отъ всѣхъ образованныхъ союзниковъ нашихъ (маниф. 6 ноябр. 1819).

По словамъ современниковъ проф. Зузичъ былъ хорошій, усердный преподаватель, обладавшій обширными познаніями и даромъ слова¹⁾. Кромѣ клиническихъ лекцій онъ читалъ, какъ экстраординарный профессоръ, патологию и частную терапію.

За нѣсколько дней до смерти представляя въ Конференцію годичный отчетъ „о болѣзняхъ въ терапевтической клиникѣ лѣчимыхъ“ онъ сообщаетъ, что „клиническія лекціи преподаваемы были въ терапевтической клиникѣ въ обыкновенное время (съ 1-го сент. до Иванова дня) и въ обычномъ порядкѣ съ показаніемъ различныхъ примѣровъ какъ острыхъ, такъ и хроническихъ достопамятныхъ болѣзней. Пройдены также предметы общей патологіи, какъ то: nosologia, aetiologia, symptomatologia и semiologia, по окончаніи лекцій сдѣланы учащимся надлежащіе испытанія, объ успѣхахъ коихъ при семъ честь имѣю представить классификацію“ (рапортъ Зузича отъ 6 іюля 1817 года. Дѣла конференціи Академіи 1817 г. № 351).

Клиника при Зузичѣ была по прежнему на 30 кроватей. Кромѣ военно-служащихъ принимали и „другаго званія больныхъ, наиболѣе важнѣйшими болѣзнями одержимыхъ“. Число ежегодно лѣчимыхъ больныхъ простиралось до 300. Клиническія лекціи происходили ежедневно отъ 11 до 12 ч. дня. (Всеобщ. Жур. Вр. Науки, ст. Джунковскаго). Зузичъ не оставилъ никакихъ печатныхъ трудовъ.

Предъ смертью Зузича адъюнктомъ его по клиникѣ состоялъ только что окончившій Академію Прохоръ Чаруковский; въ виду молодости послѣдній Конференція послала его для усовершенствованія за границу, а на кафедру терапевт. клиникі

¹⁾ Проф. Чистовичъ, говоря объ учителяхъ Буяльскаго, отмѣчается о Зузичѣ, какъ о плохомъ клиницистѣ. Русск. Стар. 1876 Біогр. Буяльскаго т. XV.

избрала иностранного доктора Федора Гейрота, главного врача Военно-Сухопутного госпиталя, который в первые годы Академии был адъюнктом по кафедре патологии и терапии ¹⁾. Адъюнктом его состоял бывший адъюнкт химии Евс. Покровский. Гейротъ, скоро ставшій Академикомъ и лейбъ-медикомъ, кромѣ профессуры занималъ еще должность вице-директора медицинского департамента военного м-ва и главного редактора „Военно-Медицинскаго Журнала“, основаннаго въ 1823. Онъ завѣдывалъ клинкой до своей смерти въ 1828.

Свои ученые труды Г. помѣщалъ въ „военно-медицинскомъ журналѣ“. Въ 1823 г. 1) „о нервной горячкѣ“, въ 1824 г.

¹⁾ Къ сожалѣнію въ архивахъ Медико-Хир. Академіи, 2-го военно-сух. (нынѣ клиническаго госпиталя) и главного военно-мед. управленія (быш. мед. департамента) не сохранилось никакихъ свѣдѣній о происхожденіи Гейрота.

Когда эта работа была уже написана, мнѣ удалось прочесть рядъ документовъ и дипломовъ (въ томъ числѣ формулярный списокъ) профессора Гейрота, находящихся у внука его Александра Александровича Гейрота и любезно предоставленныхъ мнѣ въ мое распоряженіе.

Изъ этихъ документовъ видно, что Theodor Friedrich Neuroth, католич. вѣроисповѣданія, родился въ Kelbra въ Thüringen'ѣ (Австрія) 28 декабря 1776 года.

Учился медициной въ разныхъ германскихъ университетахъ и въ 1801 г. прибылъ въ Россію со степенью доктора медицины и хирургіи. Въ 1801 г. былъ зачисленъ по сдачѣ экзамена кандидатомъ медицины въ военно-сухопутный госпиталь. Въ 1802 получилъ степень лекаря. Въ 1803 назначенъ адъюнктомъ къ проф. Саблеру. Въ 1804 командированъ въ Выборгъ для прекращенія эпизоотіи сибирской язвы. Послѣ этого Гейротъ написалъ на русскомъ языкѣ сочиненіе „о сибирской язвѣ“, напечатанное въ 1807 году на счетъ М-ва Внутр. дѣлъ. Въ 1810 г. избранъ членомъ корреспонд. Мед.-Хир. Академіи. Въ 1811 получилъ отъ Академіи степень д-ра медицины и хирургіи и тогда же назначенъ главнымъ докторомъ военно-сухопутнаго госпиталя. Съ 1812 по 1814 г. завѣдывалъ военными госпиталями въ Витебскѣ и Вильнѣ, причѣмъ въ 1813 году избранъ членомъ виленскаго медицинскаго общества. Въ 1817 г. назначенъ профессоромъ терапевтической клиники (19 сент.), въ 1820 вице-директоромъ военно-мед. департамента и лейбъ-хирургомъ. Въ 1825 г. получилъ монаршее благоволеніе за труды по борьбѣ съ астраханской холерой (1823 и 1824 гг.) и въ 1826 г. былъ Высочайше награжденъ бриллиантовымъ перстнемъ. Съ 1825 г. назначенъ лейбъ-медикомъ. Въ 1827 г. произведенъ въ академики. Умеръ 28 янв. 1828 года отъ послѣдствій болѣзни, полученной во время наводненія 7 ноября 1824 г.

Федоръ Федоровичъ
ГЕЙРОТЪ.

Съ рисунка, принадлежащаго музею
И. В. Медицинской Академіи.

2) „о госпитальной изнурительной горячкѣ, лихорадкѣ пантоновомъ огнѣ“; 3) „о египетскомъ воспаленіи глазъ“; 4) „медико-практическое описаніе сибирской язвы“, одобренное медиц. совѣтомъ; въ 1826 году: 5) „о цынгѣ“, 6) „нѣкоторыя замѣчанія о болѣзняхъ животнаго плодотворенія и объ употребленіи кровоочистительныхъ средствъ“. Наконецъ онъ же напечаталъ на казенный счетъ „описаніе скотской болѣзни“, за что получилъ награду по 10 рублей за печатный листъ. (Прозоровъ, матерьялы, стр. 84). Странно, что Военно-Медиц. Журналъ, единственный тогда русскій медицинскій органъ, не посвятилъ своему первому редактору и столь дѣятельному сотруднику отдѣльнаго некролога и лишь упомянулъ о его смерти въ отдѣлѣ исключенныхъ изъ списковъ.

О личности проф. Гейрота извѣстно, что будучи иностраннаго происхожденія (нѣмецъ), онъ держался независимо среди нѣмецкихъ петербургскихъ врачей, отличавшихся въ то время нетерпимостью къ русскимъ и преслѣдовавшихъ интересы своей обособленной касты. Отличаясь благороднымъ, возвышеннымъ характеромъ онъ относился одинаково справедливо ко всѣмъ, поддерживалъ талантливыхъ молодыхъ врачей изъ русскихъ и вообще имѣлъ благотворное вліяніе на молодое поколѣніе. „Ему то именно современныя и послѣдующія поколѣнія врачей обязаны высокимъ уровнемъ научнаго клиническаго образованія и честнымъ, серьезнымъ и гуманнымъ взглядомъ на значеніе врача у постели больныхъ“¹⁾.

О клиническомъ преподаваніи Гейрота сообщать по личнымъ воспоминаніямъ профес. Прозоровъ, учившійся въ Академіи при Гейротѣ. „Студентъ 4-го курса (кураторъ), принимая новаго больного съ вечера долженъ на слѣдующее утро разсказать на латинскомъ языкѣ при постели больного, въ присутствіи студентовъ 3-го и 4 курсовъ, исторію болѣзни, опредѣлить ее, объяснить происхожденіе, сдѣлать предсказаніе, сказать показанія къ лѣченію и назначить самыя средства.

¹⁾ Проф. Чисговичъ. Біографія Буальскаго, Русск. Старина 1876 г.

Профессоръ, требуя разныхъ объясненій, а особенно указывая на разныя погрѣшности куратора, спрашивалъ мнѣніе другихъ и потомъ уже дѣлалъ собственныя объясненія. По выздоровленіи больного кураторъ представлялъ исторію болѣзни въ клинику и со времени Гейрота начали ежегодно собирать аста clinica. Умершихъ въ клиникѣ анатомировали въ присутствіи учащихся, обыкновенно подъ руководствомъ адъюнкта, для объясненія болѣзни и причинъ смерти. Въ изсѣдованіи больного главная сторона была субъективная, а потомъ объективная, состоявшая въ осмотрѣ разныхъ частей тѣла. Свободный, правильный латинскій языкъ, 20 лѣтняя опытность Гейрота, изложеніе предмета точное, систематичное сжатое и притомъ ясное; рассказъ занимательный, нерѣдко шутивый особенно въ объясненіи ошибокъ слушателей, привлекали всегда общее вниманіе, были поучительны для учащихся и доставляли имъ хорошее практическое образованіе, что привлекало слушателей изъ университетовъ въ Академію для усовершенствованія¹⁾.

По воспоминаніямъ Буяльскаго Гейротъ для своего времени былъ превосходный клиницистъ и глубокообразованный врачъ. (Биографія Буяльскаго, Я. Чистовича).

Въ это время почти всѣ профессора Академіи читали свои лекціи на рускомъ языкѣ, но въ клиникахъ и госпиталяхъ, латинскій языкъ былъ безусловно обязательнъ. „Студентъ, который рѣшился бы „принимать больного“ въ клинику на рускомъ языкѣ, говорить Чистовичъ, былъ бы публично осмѣянъ товарищами, а профессорами даже не выслушанъ т. е. безапелляціонно осужденъ на оставленіе на 2-й годъ на томъ же курсѣ. Кажется, что такихъ примѣровъ, однако, не бывало и не могло быть, точно такъ, какъ не могло быть рецепта на рускомъ языкѣ. Это было не сообразно ни со старыми традиціями, ни съ правами и обычаями современнаго медицинскаго быта. Исключеніе допускалось только для иностранныхъ докторовъ, искавшихъ права практики въ Россіи. Но и тѣ отвѣчали на родномъ языкѣ только на экзаменѣ изъ теоретическихъ предметовъ, между тѣмъ какъ письменные

отвѣты и докторскія диссертациі писали на латинскомъ языкѣ²⁾.

При Гейротѣ въ аудиторіи терапевтической клиники ежегодно происходили между студентами диспуты на различные темы, назначенныя Конференціей. Это нововведеніе, очевидно заимствованное изъ англійскихъ университетскихъ обычаевъ, просуществовало не болѣе года (въ 1822).

Очень любопытныя свѣдѣнія о состояніи медицины въ Петербургѣ и въ частности клиникъ Медико-Хирургической Академіи въ двадцатыхъ годахъ, т. е. въ періодъ дѣятельности Гейрота, мы находимъ у англійскаго доктора Granville'я, который былъ членомъ Императ. Академіи Наукъ и С.-Петерб. Медико-Хирургической Академіи и посѣтилъ Петербургъ въ 1827 году. Здѣсь въ теченіи болѣе двухъ мѣсяцевъ (въ ноябрѣ и декабрѣ) онъ успѣлъ познакомиться со всѣми нашими больницами и изложилъ свои впечатлѣнія въ своемъ обширномъ и весьма обстоятельномъ описаніи Петербурга³⁾. Dr. Granville сблизился со своимъ соотечественникомъ президентомъ Академіи Виллье (Sir James Wylie), отъ котораго очевидно заимствуется много свѣдѣній.

Его удивило преобладаніе въ Петербургѣ врачей иностранцевъ (нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, итальянцевъ) надъ чисто русскими: послѣдніе по окончаніи Академіи отсылаются въ армію и немногіе остаются въ столицѣ. По образованію петербургскіе врачи, принадлежавшіе къ разнымъ школамъ, представляли пеструю смѣсь разныхъ направленій. Въ общемъ G. нашелъ врачей весьма отсталыми по сравненію съ современной англійской и французской медициной. Въ Петербургѣ въ это время не было ни одного врача съ громкой европейской извѣстностью; врачи почти ничего не пишутъ и не печатаютъ, и успѣхи новѣйшей медицины достигаютъ къ нимъ поздно и

¹⁾ Я. Чистовичъ. Исторія первыхъ медич. школъ стр. 415.

²⁾ St. Petersburg. A journal of travels to and from that capital by A. B. Granville, physician in ordinary to H. R. H. the Duc of Clarence etc. etc. in two volumes in 4. London 1828. vol. II chapt. XI, pag. 251—301.

окольными путями. Общениа между врачами незамѣтно, а между тѣмъ, разсуждаетъ онъ, лишь свободнымъ обмѣномъ открытій и полезныхъ наблюденій можно надѣяться удержаться на уровнѣ возможнаго совершенства въ медицинѣ (of medical superiority) (стр. 257). Полное отсутствіе специализаціи и даже неустановившееся раздѣленіе врачей на терапевтовъ и хирурговъ. Часто лѣчение основывается на принципахъ, давно уже признанныхъ въ другихъ странахъ ошибочными (напримѣръ излишнее поклоненіе *vis medicatrix naturae*). Придерживаясь буквально Pinel'я иные врачи допускаютъ черезъ-чуръ много болѣзней, которыя въ другихъ странахъ считаются только симптомами (стр. 254); замѣчается склонность къ длиннымъ и сложнымъ рецептамъ, что отразилось и на гораздо большей сложности русской фармакопеи по сравненію съ англійской. Лекарства, въ его удивленію, выписывали изъ Англии, даже такія, которыя безусловно можно было бы имѣть въ Россіи. Съ точки зрѣнія современной нѣкоторыя жалобы Гранвилля на нашу тогдашнюю отсталость только курьезны, свидѣтельствуя о былыхъ увлеченіяхъ, раздѣляемыхъ самимъ Гранвиллемъ. Такъ онъ сожалеетъ, что въ Петербургѣ рѣдко дѣлаютъ кровопусканія въ началѣ болѣзни, рѣдко прибѣгаютъ къ проноснымъ и меркуріальнымъ средствамъ, довольствуются больше слабыми слабительными, тоническими и такъ назыв. нервными средствами ¹⁾.

Авторъ посѣтилъ Военно-Сухопутный Госпиталь, гдѣ находились академическія клиники — хирургическая и терапевтическая. „Этотъ госпиталь, говоритъ онъ ²⁾, представляетъ много неудобствъ. Во первыхъ онъ слишкомъ разбросанъ (too extensive) и преимущественно построенъ изъ дерева. Палаты низки и загромождены множествомъ колоннъ, кровати старомодныя, деревянные и вслѣдствіе чрезмѣрнаго скопленія

¹⁾ „Powerful purgatives are seldom resorted to, mercurial alteratives are scarcely ever employed; feeble aperients on the one hand and tonics on the other and what are called nervous medicines are mostly used“. Granville, I. c. c. 255.

²⁾ Granville, I. c. стр. 277.

больныхъ стоять очень близко другъ къ другу. Иногда число больныхъ бываетъ такъ велико, что за недостаткомъ кроватей ихъ прямо кладутъ на полъ на однихъ тюфякахъ. Правда, часто переполненіе госпиталя зависитъ оттого, что нѣтъ мѣстъ въ другихъ госпиталяхъ и отъ случайныхъ препятствій въ сообщеніи госпиталя съ другими частями города во время ледохода. Въ госпиталь принимаются больные всѣхъ полковъ безъ различія, и въ мое посѣщеніе въ немъ было 1200 больныхъ. Теперь, съ расширеніемъ госпиталя вновь выстроенными каменными зданіями, въ немъ можно помѣстить 2050 больныхъ. Нерѣдко число поступающихъ сюда больныхъ достигаетъ 50—60 въ день. Выздоровливающіе выписываются 2 раза въ недѣлю. По прибытіи въ госпиталь больные поступаютъ въ большую приемную комнату, гдѣ ихъ раздѣляютъ, моютъ съ головы до ногъ и, надѣвши на нихъ чистое платье, отправляютъ въ палаты по назначенію.

Одежду ихъ собираютъ и отдаютъ для мытья въ прачешную, а потомъ въ бѣльехранилище до выхода больного изъ госпиталя. Лѣченіе больныхъ въ этой громадной больницѣ производитсядесятью врачами, являющимися вмѣстѣ съ тѣмъ и хирургами. Они находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ главнаго директора, нынѣ г. Гиглера.

Послѣдній увѣрялъ меня, что смертность въ этомъ огромномъ убѣжищѣ страждущихъ не болѣе 1 на 48. Я желалъ бы видѣть списки больныхъ и данныя, на которыхъ почтенный товарищъ основывался въ своихъ необыкновенно благопріятныхъ вычисленіяхъ“ (стр. 278 I. c.). Терапевтическая клиника „одно изъ отдѣленій этого обширнаго заведенія, похожаго во многихъ отношеніяхъ на маленький городокъ“; въ ней 30 кроватей для солдатъ и 10 для офицеровъ, помѣщенныхъ отдѣльно. Палаты вообще плохо вентилируются и слишкомъ переполнены; удивила д-ра Гранвилля чрезмѣрно высокая 1^а палата: 74° по Фарент.

Безпристрастіе отзывомъ Гранвилля удостовѣряется тѣмъ, что осмотрѣвъ всѣ другіе военные госпитали, онъ нашелъ ихъ въ отличномъ состояніи, очень хвалитъ также Маринскую

больницу, основанную для бѣдныхъ въ 1803; Обуховскую же больницу считаетъ самой худшей изъ всѣхъ Петербургскихъ больницъ. Поразила Granville'я высокая смертность въ Петербургскихъ больницахъ. На основаніи официальныхъ больничныхъ данныхъ за 1811 и 1812 годы Dr. Hermann (въ 9 томѣ записокъ С.-Петерб. Академіи Наукъ) вычислилъ % смертности для 2-хъ главныхъ городскихъ больницъ въ 18½%, т. е. въ три раза болѣе чѣмъ въ Лондонѣ. Въ своей статьѣ Dr. Hermann заявляетъ: „Nous admettons que le dixieme meurt en règle dans un hôpital bien administré ou il n'y a point de maladie contagieuse“. „Послѣ такого отзыва, замѣчаетъ Granville, я долженъ сказать, что если въ госпиталѣ обыкновенно (en règle) такая смертность, то я отнюдь не признаю его „bien administré“ и стану искать причину этого явленія въ общей неправильной постановкѣ лѣченія и содержанія больныхъ“¹⁾.

Послѣ смерти Гейрота терапевтической клиникой съ 1828 до 1836 года завѣдывалъ профессоръ Прохоръ Чаруковский²⁾. Онъ родился 10 февр. 1790 г. въ Переяславск. уѣздѣ Полтавской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Сперва учился (1802—1810) въ Черниговской семинаріи, въ 1812 поступилъ въ Медико-Хир. Академію. Въ 1816 г. окончилъ Академію съ золотой медалью и оставленъ при Академіи въ качествѣ адъюнкта при кафедрѣ математики и физики. Въ 1817 году Конференція Академіи добилась разрѣшенія послать за границу для приготовленія къ профессорскому званію 10 лучшихъ своихъ воспитанниковъ; поѣздки для усовершенствованія были прекращены во время Наполеоновскихъ войнъ и совсѣмъ вышли изъ практики (съ 1806 до 1817); въ числѣ этихъ десяти будущихъ профессоровъ

¹⁾ Говоря о громадной смертности въ Петербургѣ Dr. Granville съ видимымъ сочувствіемъ приводитъ слѣдующій отзывъ одного петербуржца изъ высшихъ сферъ: Les enfants qui nous restent doivent être au moins de fer et invulnérables, puisque ils ont échappé les effets d'un affreux climat et les medecins.“

²⁾ Энцикл. словарь Крайя 50-хъ годовъ и Зибель, Русск. врачи-писатели. Дѣла Конференціи за 1817 г. Biogr. Lexicon dr. Gurit'a.

были Саломонъ, Савенко (хирурги) и Чаруковский. Пребываніе за границей продолжалось три года, причемъ ежегодно полагалось по 1000 р. сер. на каждого. Чаруковскому предписано было заняться специально физиологіей, патологіей, терапіей съ фармакологіей „во всей обширности“ (Дѣла Конф. за 1817, проток. № 28). Въ данной ему инструкціи Конференція предписываетъ провести сперва 1½ года въ Германіи, посѣтить Вѣну, Берлинъ и Геттингенъ, изучать въ то же время англійскій языкъ, а затѣмъ на 1¼ года отправиться въ Лондонъ и Единбургъ.

Никому изъ 10, посланныхъ за границу для изученія различныхъ специальностей, Конференція не предложила заниматься во Франціи—неизвѣстно по какимъ соображеніямъ. По возвращеніи въ Россію Чаруковский назначенъ въ 1822 адъюнктомъ-профессоромъ клинической терапіи и ординаторомъ В. Сух. госпиталя. Въ 1823 онъ представилъ диссертацию de haemorrhisi и получилъ степень доктора медицины. Въ 1824 ему поручили читать студентамъ III класса семіотику, для преподаванія которой Чаруковский издалъ въ слѣдующемъ году собственное руководство. Съ 1825 по 1827 Чаруковский былъ редакторомъ Журнала Человѣколюбиваго Общества. Въ 1828 послѣ смерти Гейрота Чаруковский назначенъ профессоромъ терапевтической клиники и редакторомъ Военно-Медицинск. Журнала, которымъ руководилъ до 1834. Въ 1830 избранъ Ученымъ Секретаремъ Академіи. Въ 1836 году Чаруковский не угодилъ чѣмъ то Президенту Виллье, который настоялъ на переводѣ его въ Московскую Медико-Хир. Академію. Не желая покидать Петербурга, Чаруковский предпочелъ выйти въ отставку. Покончивъ со службой, онъ много занимался практикой и литературной дѣятельностью, участвуя въ изданіи всѣхъ врачебныхъ русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ журналовъ. Во всѣ общества, гдѣ онъ состоялъ членомъ (Имп. Человѣк. О-во, русскихъ врачей въ Сиб.-гѣ, Вестфальск. общ. естествоиспыт., Об-во наукъ и искусствъ въ Антверпенѣ), онъ посылалъ свои сообщенія.

Терапевтическая клиника при проф. Чаруковскомъ была

переведена изъ В.-Сухоп. госпиталя и помѣщалась вмѣстѣ съ хирургической въ двухъ одноэтажныхъ зданіяхъ на Самсоновскомъ проспектѣ, противъ улицы, ведущей къ Самсон. мосту. Вся клиника состояла изъ двухъ комнатъ: большой на 30 кроватей и маленькой на 6 кроватей для офицеровъ, кромѣ того комнаты для ординатора и для прислуги. Клинические болѣзные, какъ и госпитальные, содержались на счетъ коммисаріата, исключая вольнопоступающихъ, которые продовольствовались за плату отъ Академіи. Зданія клиники были чрезвычайно ветхи, потолки угрожали обрушиться на больныхъ, что вызывало постоянныя жалобы. Въ 1835 г. проф. хирург. клиники Саломонъ донесъ Конференціи, что его клиника находится въ невозможномъ положеніи, палаты протекаютъ во время дождя, окна пропускаютъ не только стужу, но и вѣтеръ, почему въ палатахъ всегда бываетъ сыро и холодно. Больные весьма часто простуживаются и кромѣ того лѣчение ихъ осложняется вслѣдствіе дурного воздуха. Трудные болѣзные отъ долгаго лежанія на весьма жесткихъ сомнительныхъ тюфякахъ получаютъ пролежни. Профессоръ терапевтической клиники вполне присоединился къ этому заявленію, такъ какъ его клиника была не въ лучшемъ состояніи. (Дѣла президента Академіи № 663, 1835 г.). Лишь съ переходомъ М.-Х. Академіи въ Военное Вѣдомство клиники вернулись въ Военно-Сухоп. госпиталь.

Какъ клиническій преподаватель Чаруковский извѣстенъ тѣмъ, что первый ввелъ у насъ выслушиваніе и постукиваніе, какъ методы объективнаго изслѣдованія больныхъ. Онъ же впервые привезъ въ Академію стетоскоп Лаеннеке'a. Правда, онъ не примѣнялъ его систематически, а только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ субъективныхъ признаковъ было недостаточно для постановки діагноза ¹⁾. По свидѣтельству его слушателя

¹⁾ По словамъ Прохорова, проф. Бушъ възялъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія бывшій операторъ В.-Сух. госп. и преподаватель хирургіи Саломонъ пользовался постукиваніемъ и выслушиваніемъ для распознаванія грудныхъ болѣзней, вѣрно опредѣлялъ количество выхлѣвовъ въ полости плевры, дѣлалъ съ усѣхомъ paracentesis и пр. См. также Heine, *Medicin. historisches aus Russland* 1851.

проф. Н. О. Здекауера Чаруковский „былъ начитанный эмпирикъ, преподававшій на семинарскомъ латинскомъ языкѣ, дѣлавшій гадательные диагнозы, только по краткимъ вопросамъ больныхъ безъ ихъ изслѣдованія, если исключить щупанье пульса и осмотръ языка“ ¹⁾. По мнѣнію Чаруковского большая часть болѣзней сводилась къ страданію желудка и кишокъ (*febris gastrico catarrhalis*), противъ чего онъ назначалъ свое любимое средство *mixture muriatis ammoniac stibiata*, измѣняя ее по обстоятельствамъ. Чаруковский отвергалъ столь популярное въ его время кровопусканіе, считая его настоящимъ бичомъ человечества и допускалъ только при воспаленіи паренхиматозныхъ органовъ, что составляетъ не малую заслугу для того времени, когда въ угоду нелѣпой доктринѣ проливались рѣки крови ²⁾. Профессоръ Здекауеръ думаетъ, однако, что по своимъ качествамъ, какъ клинициста, Чаруковский не могъ ни воспитать хорошихъ практическихъ врачей, ни образовать собственную школу.

Учено-литературная дѣятельность Чаруковского отличается большой плодovitостью. Всего имъ издано 35 работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя очень обширны. Перечисляю здѣсь главнѣйшія изъ нихъ, остальные мелкія журнальныя статьи приведены у Змѣева въ его книгѣ „Русскіе врачи писатели“, изд. 1886 г.

- 1) Разоръ и его ученіе, В.-Мед. журн. 1823 (или краткое обозрѣніе новаго Итальянскаго медиц. ученія).
- 2) Горячка отъ пьянства (*febris metisthica*) 1827.
- 3) О раздѣленіи болѣзней 1827
- 4) Отчетъ терапевтической клиники за 1827—1831.
- 5) Основаніе французской физиологической медицины или ученія парижскаго профессора Брюссэ 1828.

¹⁾ Н. О. Здекауеръ. Воспоминанія, Русская Старина 1891 г.

²⁾ Изъ дѣлъ Конференціи напр. за 1839 г. (№ 18) видно, что для двухъ академическихъ клиникъ на (40 кроватей каждая) требовалось однихъ пиявокъ 20 тысячъ штукъ въ годъ! (при 400—500 ежегодныхъ больныхъ), между тѣмъ какъ въ 1843—44 гг. Пироговъ и Мянковский расходуютъ уже только около 3000 пиявокъ на 3000—4000 больныхъ госпитальныхъ клиникъ.

- 6) О причинах несовершенства теории медицины 1828.
- 7) Извѣстіе о больныхъ, пользовавшихся въ терапевтической клиникѣ въ С.-Петербургѣ 1829.
- 8) О стетоскопѣ и признакахъ, помощью его открываемыхъ 1828.
- 9) Общая патологическая семіотика. 1825.
- 10) Опытъ системы практической медицины 1833.
- 11) Клиническія замѣчанія и наблюденія: польза селитры въ брюшной водяной болѣзни, ущемленіе тонкихъ кишекъ въ салъники. 1829.
- 12) О горячкахъ вообще 1830.
- 13) Нервно-воспалительная горячка съ огненными вередями. Кровопусканіе при крайнемъ повидимому изнеможеніи силъ 1830.
- 14) Горячка отъ запора мочи.
- 15) Наблюденія и замѣчанія о холерѣ, свирѣпствовавшей въ С.-Петербургѣ въ 1831 г.
- 16) Краткое извѣстіе о больныхъ, пользовавшихся въ терапевтической клиникѣ Мед. Хир. Академіи въ 1830 и 1831 гг.
- 17) О нервныхъ болѣзняхъ.
- 18) De haemorrhisi 1828.
- 19) Аневризма начальственной грудной артерій, прошедшая до лѣваго подвздоха. В. Мед. Жур.
- 20) Объ яглюкальваніи 1828. В. М. Жур.
- 21) О воспаленіи венъ. 1828. В. М. Жур.
- 22) Воспаленіе спинного мозга 1829. В. М. Жур.
- 23) Врачебное употребленіе спорыньи 1829 иб.

Другія его статьи печатались въ „Другѣ Здравія“ и въ Энциклопед. Словарѣ Плюшара (также рѣчь о преимуществахъ и невыгодахъ званія врача, Др. Здр. 1838, 8, увѣщаніе употреблять сонную одурь въ scarlatinѣ, Др. Здр. 1835, 12). Послѣ его смерти осталась рукопись: „Наставленіе молодымъ врачамъ“, гдѣ онъ излагаетъ обязанности врача въ отношеніи къ самому себѣ, къ обществу и товарищамъ. Чаруковский умеръ 11 іюля 1842 г.

Адъюнктомъ при проф. Чаруковскомъ былъ сперва Евс.

Покровский, умершій въ 1831. Онъ написалъ *dissertatio physico-medica de electricitate et galvanismo adnexis acupuncturae simplicis et electricae notionibus generalioribus*. 1830 г.

Послѣ Покровскаго адъюнктомъ состоялъ адъюнктъ-профессоръ Шинулинскій, написавшій диссертацию: *de diffusa textus cellulosi inflammatione* 1835.

Послѣ выхода изъ Академіи П. Чаруковскаго Президентъ Я. В. Виллье пригласилъ на кафедру терапевтической клиники Главнаго доктора Морского Госпиталѣ Карла Карловича Зейдлица (1836—1846). Этотъ замѣчательный необыкновенно талантливый врачъ и ученый вступилъ въ Академію, когда изученіе и преподаваніе медицины въ ней, если не находилось въ полномъ упадкѣ, то и не отвѣчало современнымъ научнымъ требованіямъ, исключая впрочемъ, анатомію и хирургию.

Преподаваніе діагностики и патологіи не опиралось на анатомію и фізіологію и было исключительно теоретическимъ. Въ это время кафедра фізіологіи была соединена съ патологіей и занималъ ее профессоръ Велланскій,¹⁾ имѣвшій особенно въ 20-хъ годахъ большое вліяніе на молодежь. Метафизикъ и натурфилософъ, онъ вмѣсто фізіологіи читалъ свою фантастическую систему, въ которой излагалъ аналогію между дѣятельностью органовъ тѣла и явленіями неорганической природы²⁾. Убѣжденный, что сущность природы можно постигнуть безъ содѣйствія внѣшнихъ чувствъ, одними геніальными догадками, Велланскій пренебрегалъ опытнымъ способами изслѣдованія, а для біологіи считалъ ихъ даже неприложимыми, и это въ то самое время, когда знаменитые фізіологи Charles Bell, Magendie и Flourens совершали при помощи экспериментальнаго метода свои блестящіе открытія. Онъ также совершенно отрицалъ пользу анатомическихъ вскрытій для объясненія прижизненныхъ патологическихъ явленій.

¹⁾ Интересная статья о Велланскомъ пр.-доц. Левина. Врачъ 1895, стр. 725.

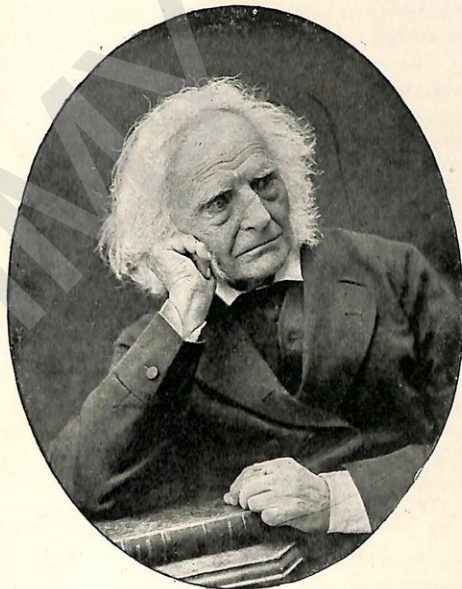
²⁾ Велланскій, Начертаніе Общей и Частной Фізіологіи 1836.

Подобного рода научный обскурантизм не покажется необыкновенным, если вспомнить, что по свидетельству Пирогова, въ германскихъ университетахъ начала 30-хъ годовъ медицина тоже находилась въ сильномъ упадкѣ и только въ лицѣ немногихъ передовыхъ умовъ успѣла выбиться изъ дебрей метафизики. Въ терапевтическихъ клиникахъ еще рѣдко можно было встрѣтить сочувственное отношеніе къ физическимъ методамъ изслѣдованія и систематическое преподаваніе выслушиванія и постукиванія; нѣмецкіе клиницисты съ насмѣшкой называли французскихъ ученыхъ „діагностами“, противопоставляя имъ себя какъ „терапевтовъ“. Вскрытій труповъ на университетскихъ курсахъ, кромѣ Бонна и Вѣны, гдѣ процвѣтала патологическая анатомія, почти не производилось.

Немаловажной причиной обидненія Мед. Хир. Академіи талантливыми преподавателями послужила также замкнутость ея профессорскаго состава, который вербовался долгое время только изъ своей среды—бывшихъ воспитанниковъ Академіи, болѣе проникнутыхъ духомъ кружка, чѣмъ интересами науки. Назначеніе Зейдлица было первой брешью, пробитой въ этой дурной традиціи, и предвѣстникомъ новой эры научнаго возрожденія Академіи.

К. К. Зейдлицъ (Seidlitz ¹⁾) родился въ Ревелѣ 17 марта 1798 г., медицину учился въ Дерптѣ съ 1815 по 1821 г.; на 4-мъ курсѣ былъ награжденъ золотою медалью за научную работу. Въ 1821 году онъ защитилъ диссертацию на доктора медицины „de praecipuis oculorum morbis inter Estonos obviis“. Въ 1822 году Зейдлицъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Морской Госпиталь, гдѣ оставался ординаторомъ до 1826 г. Въ 1823 году его командировали въ Астрахань по случаю холеры. Въ 1826 г. онъ уѣхалъ на 3 года за границу, работалъ въ Парижѣ, Montpellier и Пизѣ.

¹⁾ Формуляр. списокъ Зейдлица въ архивѣ Академіи. Gurlt, Biograph. Lexicon, Здекауеръ, воспоминанія въ Русск. Стар. 1891 г., Пироговъ, воспоминанія.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ
ЗЕЙДЛИЦЪ.

Съ фотографіи, принадлежавшей покойному
Н. О. Здекауеру.

Въ Германіи Зейдлицъ занимался въ клиникахъ знаменитыхъ профессоровъ — Nasse въ Боннѣ и Schönlein'a въ Цюрихѣ, потомъ въ Берлинѣ. Эти ученые первые въ Германіи ввели физическіе методы изслѣдованія больныхъ и въ своихъ чтеніяхъ опирались на патологическую анатомію. Зейдлицъ считалъ себя не мало обязаннымъ имъ и съ большимъ уваженіемъ отзывался объ этихъ первыхъ научныхъ клиницистахъ Германіи 30-хъ годовъ. Вернувшись въ Россію въ 1828 году, онъ вновь поступилъ на службу и въ 1829 г. участвовалъ въ походѣ русскихъ войскъ въ Турцію въ качествѣ старшаго врача главной квартиры 2-й арміи и завѣдывалъ устроеннымъ имъ чумнымъ госпиталемъ въ Андрианополѣ. По окончаніи войны Зейдлицъ короткое время былъ врачомъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополь, но въ 1830 г. возвратился въ Петербургъ и былъ назначенъ Медицинскимъ Инспекторомъ порта и Главнымъ докторомъ Морского Госпиталя. Съ 1836 по 1846 г. состоялъ ординарнымъ профессоромъ клиники внутреннихъ болѣзней при Мед.-Хир. Академіи. Въ 1836 г. назначенъ также почетнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта, который призналъ его докторомъ хирургіи *honoris causa*. Зейдлицъ былъ основателемъ Остзейскаго общества исторіи и древностей, членомъ корреспонд. Французской Академіи наукъ и многихъ другихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ (въ Вѣнѣ, Гамбургѣ, Мюнхенѣ, Боннѣ и др.). Кромѣ своихъ ученыхъ занятій и преподаванія въ Академіи Зейдлицъ вмѣстѣ съ Пироговымъ игралъ весьма важную роль въ реформахъ преподаванія медицины въ университетахъ, состоя членомъ Комитета Минист. Народн. Просвѣщенія „для предварительнаго соображенія мѣръ къ преобразованію учебной части въ заведеніяхъ“. Въ Комитетѣ Зейдлицъ и Пироговъ предложили сократить существовавшія до того времени 6 степеней врача (лекарь 1-го, 2-го и 3-го отдѣленія, медико-хирургъ, д-ръ медицины и д-ръ медицины и хирургіи) до 2-хъ степеней: лекаря и д-ра медицины, и ихъ предложеніе было принято съ сохраненіемъ, впрочемъ, степени д-ра медицины и хирургіи. Далѣе, по ихъ настоянію, упрощена очень сложная система экзаменовъ и

учреждены въ университетахъ по примѣру Мед.-Хир. Академій кафедры госпитальной терапіи и хирургіи. Пироговъ высоко цѣнилъ Зейдлица, который, между прочимъ, первый сдѣлалъ ему предложеніе перейти изъ Дерпта въ Академію на кафедру хирургіи, освободившуюся по выходѣ профессора Буха. Въ 1843 году, по разстроенному здоровью, Зейдлицъ рѣшилъ выйти въ отставку, но остался профессоромъ, уступая просьбамъ Конференціи Академій, попечителя дежурнаго генерала Веймарна и самого Военнаго Министра графа Чернышева. Всѣ хорошо понимали, какую крупную силу теряла въ немъ Академія¹⁾. Но въ 1846 г. Зейдлицъ повторилъ просьбу объ отставкѣ, хотя Конференція обѣщала ему выхлопотать годовой отпускъ для поправленія здоровья, и, окончательно оставивъ Академію и Петербургъ, удалился въ

¹⁾ Насколько Конференція Академій высоко цѣнила Зейдлица, не смотря на то что онъ былъ приглашенъ президентомъ Вилле вопреки ея желанію, доказываетъ слѣдующій эпизодъ. Проф. Чаруковский, вынужденный выйти въ отставку въ 1836 году, по переходѣ Академій въ военное вѣдомство подалъ прошеніе графу Клейнмихелю о принятіи его вновь профессоромъ въ Академію, жалуся при этомъ на бывшаго президента Вилле и Министра Внутр. дѣлъ графа Блудова, якобы незаконно устранившихъ его и предоставившихъ профессору Зейдлицу, не удовлетворяющему всѣхъ требованій закона для занятія профессора. Графъ Клейнмихель переслалъ это прошеніе—жалобу Чаруковского въ Конференцію съ предложеніемъ имѣть въ виду на случай вакантной кафедры. Зейдлицъ былъ оскорбленъ несправными намеками на его счетъ и объяснилъ Конференціи, что отнюдь не добивался кафедры въ Академіи, что ранѣе дважды отказался отъ предложенной ему профессуры въ Дерптѣ, довольствуясь своей практической дѣятельностью врача и огромнымъ доверіемъ къ нему публики. Согласился же на предложеніе Вилле въ убѣжденіи, что принесетъ пользу Академіи своими познаніями и трудами, поэтому просилъ Конференцію высказаться, считаетъ ли она его достойнымъ званія ординарнаго профессора или нѣтъ, и тѣмъ избавить его отъ нареканій Чаруковского. При этомъ онъ перечислялъ свои ученые работы, благодаря которымъ его назначали на важныя должности, хотя онъ не имѣлъ надлежащихъ чиновъ. Конференція постановила и занесла въ протоколъ, что „единогласно считаетъ его достойнымъ занимаемаго имъ мѣста, что по совершенному убѣжденію ее онъ исполняетъ свои обязанности съ большою пользою для учащихся и Академій и что всѣ члены Конференціи раздѣляютъ нанесенное ему Чаруковскимъ оскорбленіе“. (Проток. Конференціи, № 2, 1839 г.).

свое имѣніе около Дерпта, гдѣ и жилъ до самой смерти 19 февр. 1885 года.

Въ 1872 г. по случаю 50 лѣтняго юбилея К. Зейдлица Конференція постановила поднести ему, какъ почетному члену Академій, письменное поздравленіе отъ имени Конференціи и выразить ему глубокое уваженіе къ его полезной научной дѣятельности на поприщѣ клинической медицины. (Проток. Конф. № 15, 1872 г.).

Зейдлицъ писалъ довольно много по медицинскимъ вопросамъ въ свои молодые годы; по выходѣ же изъ Академій болѣе не занимался медициной, но различными общепольными учрежденіями своего края.

Онъ напечаталъ на нѣмец. языкѣ: 1. Bericht über die orientalische Brechruhr, welche in Astrachan zum ersten Male in Europa auftrat. 2. Beitrag zur Geschichte der Aegyptischen Augenentzündung in der russischen Flotte. 3. Beitrag zur medicinischen Geschichte des Feldzuges der Russen gegen die Türken 1828—1829 в Vermischte Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde St. Petersburg 1829. 4. Form der Cholera unter der Flottenmannschaft im Jahre 1831 zu St.-Petersburg 1832. 5. Ergebnisse der medicinischen Klinik an der Medic. Chirurg. Academie in St.-Petersburg 1837—1847. 6. Ueber Erkrankung's und Sterblichkeit's Kurven в Verm. Abhandl. aus d. Geb. der Heilk. 1840—45. 7. Zur Erinnerung an den türkischen Feldzug aus den Jahren 1828 und 1829. Dorpat (то же по русски въ Русск. Архивѣ 1878 г.). 8. Ein russisches Dichterleben (Wassili Joukoffsky) 1870.

Въ Запискахъ по части Врачебной Науки 1844 г. № 1 помѣщены: „Критическій разборъ сочиненія генералъ штабъ доктора Витта: „о свойствахъ климата Валахіи и Молдавіи и такъ называемой Валахской язвы, которая свирѣпствовала во 2-ой Русской Арміи въ продолженіи послѣдней Турецкой войны.

СПБ. 1842", въ Запискахъ по части Врачеб. Науки №№ 3 и 4, 1841 г. „О чумѣ во время Турецкой войны съ разборомъ сочин. Витта „о свойствахъ климата Валахіи и Молдавіи“ ордин. проф. К. К. Зейдлица. Въ этихъ статьяхъ Зейдлицъ вполне опровергъ ошибочныя мнѣнія Витта, доказавъ, что буббана, опустошившая русскую армію въ Румыніи въ 1828—29 гг. была заразительна и ничто иное, какъ левантская чума. Въ этомъ отношеніи Зейдлицъ сходилъсь вполне съ знатокомъ чумы Ив. Богд. Шлегелемъ и мнѣніе ихъ было принято въ Парижской Медицинской Академіи, когда этотъ вопросъ былъ спорнымъ въ медицинскомъ мірѣ (Я. Чистовичъ, Біографія Шлегеля, В. Мед. Жур. 1852).

Еще до вступленія въ Академію Зейдлицъ боролся съ гомеопатіей, которая начала распространяться въ Россіи въ концѣ 20-хъ годовъ. Извѣстно, что тогда гомеопатіей заинтересовались у насъ официальныя сферы и даже возникъ было вопросъ о введеніи гомеопатическаго лѣченія въ военныхъ госпиталяхъ. К. Зейдлицъ производилъ опыты лѣченія сифилитиковъ въ Маріинской больницѣ по гомеопатич. способу и пришелъ къ заключенію о бесполезности гомеопатіи. Опыты эти описаны имъ въ статьѣ: *Ueber die auf Allerhöchsten Befehl in St. Petersburger Militärhospitale angestellten homöopathischen Heilveruche*. Прочтя сочиненіе Ганемана, Зейдлицъ „былъ пораженъ такимъ громаднымъ количествомъ безсмыслицы, что потерялъ всякую охоту изучать гомеопатію и прилагать ее на практикѣ“ ¹⁾. Послѣ этого Зейдлицъ былъ всегда противникомъ гомеопатіи. „Гомеопатія исчезнетъ, говорилъ онъ, и превратится въ ничто, подобно мыльному пузырю, который тѣмъ скорѣе лопается, чѣмъ сильнѣе надувается“.

Послѣ такихъ заключеній о гомеопатіи Зейдлица, Вильмъ и другихъ авторитетовъ, Медицинскій Совѣтъ высказался рѣши-

тельно противъ нея, и въ 1832 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, запрещающее гомеопатическое лѣченіе въ военныхъ госпиталяхъ. Пироговъ упоминаетъ также о монографіи Зейдлица о скорбутномъ воспаленіи околосердечной сумки. Кромѣ того онъ напечаталъ на русскомъ языкѣ въ „Журналѣ Врачебныхъ и Естественныхъ наукъ“, издававшемся Академіей, замѣчательный „отчетъ о занятіяхъ въ терапевтической клиникѣ въ 1839—40 году“ ¹⁾.

Его взгляды на задачи и приемы клиническаго преподаванія сохраняютъ свое значеніе даже въ настоящее время, а тогда, когда студенты преимущественно изучали медицину по запискамъ профессоровъ, введенный имъ методъ былъ большою новизной, огромнымъ шагомъ впередъ. „Преподаваніе медицины, говоритъ Зейдлицъ въ своемъ отчетѣ, образовалось по старинной школьной методѣ: сначала ученики изучали довольно долгое время теоретическую часть науки, а потомъ переходили къ практикѣ. Поэтому въ наукѣ все казалось ученику пусто и мертво. Теорія въ самомъ началѣ опутывала юношескія способности своими тенетами, изъ которыхъ въ послѣдствіи съ трудомъ можно было выпутаться“ (стр. 113, Ж. В. и Е. Н. 1841). При поступленіи Зейдлица на кафедру преподаваніе патологіи и терапіи было исключительно теоретическое, ни опытовъ, ни демонстрацій, ни больныхъ на этихъ лекціяхъ студенты не видѣли. Поэтому поневолѣ первая обязанность его, какъ клиническаго преподавателя, была „обратить вниманіе ученика на явленія, происходящія въ здоровомъ и больномъ человѣкѣ, чтобы онъ привыкъ не упускать изъ виду ничего происходящаго въ больномъ организмѣ, умѣлъ отличать правильно и точно одно явленіе отъ другого“ (стр. 117, 1. с.). „Когда ученикъ послѣ достаточнаго упражненія будетъ въ состояніи отличать простыя явленія во всемъ ихъ объемѣ, тогда должно учить его посредствомъ ихъ доходить размышленіемъ до основнаго поврежденія и такимъ образомъ

¹⁾ Цитир. по Боянусу, Гомеопатія въ Россіи. См. тамъ-же переписку Зейдлица съ д-ромъ Далемъ гомеопатомъ.

¹⁾ Жур. Врач. и Естеств. наукъ 1841 г. Книжки II, III и IV.

при помощи своих анатомических и физиологических свѣдѣній добираться до субстрата болѣзненных явленій, другими словами учиться прикладной семіотикѣ (стр. 118).

„Научить ученика дѣлать подобныя изслѣдованія, обратить его вниманіе на взаимныя отношенія различныхъ системъ и органовъ, на жизненныя явленія и связь ихъ съ пораженнымъ органомъ, на отношеніе между причиною и настоящимъ состояніемъ больного, однимъ словомъ облагородить и одушевить глубокую анатомическую діагностику ученика, это вторая задача клиническаго преподавателя“. Далѣе Зейдлицъ говоритъ, что профессоръ не столько долженъ заботиться о томъ, чтобы передать въ ученика свои свѣдѣнія, сколько о томъ, чтобы возбудить въ немъ идеи, заставить его думать самого.

„Давно прошелъ вѣкъ тѣхъ клиническихъ профессоровъ, которые могли думать, что вполне исполнили свои обязанности, если вколотили въ голову своимъ слушателямъ нѣсколько сотенъ рецептовъ и передали имъ свою методику лѣченія“ (стр. 120, 1. с.).

Наконецъ третьей задачей клиническаго преподаванія онъ считаетъ руководство учащихся въ изслѣдованіи больного, упражненіе ихъ въ непрерывномъ наблюденіи (*fortlaufendes Beobachten*) за теченіемъ болѣзни, въ сравненіи настоящаго положенія съ прошедшимъ, въ указаніи имъ органическихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ живомъ тѣлѣ или трупѣ и развитіе въ слушателяхъ умѣнья выражать словесно и письменно все замѣченное ими (стр. 121).

Признавая „индивидуализированіе врачеванія высшей цѣлью терапевтики“, Зейдлицъ въ тоже время возстаетъ противъ ранней спеціализаціи учащихся. „Во всякомъ ученіи ничѣмъ такъ не вредятъ ученику, какъ тѣмъ, что слишкомъ скоро хотятъ научить его многому“ (стр. 126).

Позволяю себѣ сдѣлать еще нѣсколько выписокъ, прекрасно характеризующихъ его клиническое направленіе.

„Клиническое преподаваніе не лекція, гдѣ могутъ найдаться сотни и даже тысячи. Въ клиникѣ каждый ученикъ долженъ состоять сколько возможно въ ближайшихъ сношеніяхъ

съ больнымъ и профессоромъ. Онъ долженъ самъ лично видѣть и наблюдать явленія при постели больного и перенимать нѣкоторые приемы учителя“ (стр. 131).

До Зейдлица лекціи частной терапіи читались совмѣстно 3-му и 4 курсу; находя это нерациональнымъ, онъ отдѣлилъ 3-й курсъ и сталъ читать послѣднему особыя лекціи по семіотикѣ и общей терапіи, положивъ такимъ образомъ начало особой подготовительной клиники (при проф. Зейдлицѣ эти занятія исполняли сперва адъюнкты-проф. Шипулинскій, а съ 1841 г. адъюнкты-проф. Эккѣ).

Главнѣйшія занятія студентовъ 4 курса упражненія въ клиникѣ „въ текущихъ наблюденіяхъ“. Основательно знакомый уже съ симптоматологіей студентъ изучаетъ теперь болѣзнь въ цѣломъ и „если онъ выучивалъ до этого времени отдѣльныя слова по ничтожнымъ страницамъ, то теперь долженъ прочесть и основательно выучить цѣлое отдѣленіе въ книгѣ больной жизни (*fortlaufendes Beobachten*)“.

Слѣдуя своему педагогическому принципу переходить отъ простыхъ явленій къ сложнымъ, Зейдлицъ выбиралъ въ началѣ для своихъ лекцій „самые простые виды болѣзней, анализируя ихъ какъ можно точнѣе“, и дѣлалъ „самымъ простымъ образомъ, чтобы учащійся могъ слѣдить за естественнымъ развитіемъ болѣзни отъ начала до окончанія“. Такими приемами онъ старался развить въ своихъ слушателяхъ критическое отношеніе къ дѣлу и предохранить ихъ отъ будущихъ одностороннихъ увлеченій на практикѣ.

Съ другой стороны въ виду избраннаго имъ направленія клиническаго воспитанія будущихъ врачей Зейдлицъ предупреждаетъ, что его клинической отчетъ „не можетъ представлять ничего особеннаго—ни новыхъ открытій, ни образца учености“ (стр. 145, 1. с.). Не смотря на это скромное мнѣніе его отчетъ въ сущности прекрасныя клиническія лекціи, стоявшія на высотѣ современной науки (около 250 печатн. стран.).

Отмѣчу еще, что Зейдлицъ какъ точный изслѣдователь вѣрилъ въ будущіе успѣхи медицины только при условіи

разработки ея въ тѣсной связи съ естественными науками, на точные факты которыхъ она должна опираться. Отсюда его враждебное отношеніе ко всякимъ недостаточно обоснованнымъ теоріямъ, напоминавшимъ прежній метафизическій, натурфилософскій періодъ медицины. Въ 30-хъ годахъ, когда ученіе о чужеродныхъ находилось во младенчествѣ и фактическихъ знаній въ этой области было еще крайне мало, многіе ученые уже высказывали гипотезу, что вѣроятно большинство болѣзней зависитъ отъ неизвѣстныхъ чужеродныхъ. Зейдлицъ, возставаая противъ увлеченій, наставлялъ, что чужеродныя, если и играютъ въ болѣзняхъ нѣкоторую роль, то скорѣе второстепенную, такъ какъ паразиты не могутъ существовать и развиваться сами по себѣ, но „болѣзненный процессъ всегда находится въ зависимости отъ тѣхъ соковъ, отъ которыхъ происходитъ“ — *morbus non est ens sui generis* новой школы ¹⁾.

Въ заключеніе я приведу отзывъ о проф. Зейдлицѣ его бывшаго ученика и потомъ ассистента и адъюнкта при немъ профессора Н. Ѳ. Здекауера, лучше всего выражающій огромное значеніе Зейдлица для той эпохи. „Многосторонне образованный ученый, лично знакомый съ знаменитостями того времени Германіи и Франціи, близкій другъ академика Вэра, съ которымъ разрабатывалъ исторію развитія плода, профессоръ Зейдлицъ не только стоялъ на современной высотѣ науки, но и опередилъ ее собственными трудами. Онъ впервые читалъ намъ прикладную семіотику, первый познакомилъ насъ съ объективными способами изслѣдованія посредствомъ выслушивания, постукиванія, измѣренія и химическаго изслѣдованія выдѣленій и отбросовъ организма, первый показалъ намъ въ микроскопъ кровяные шарики, мочевинные кристаллы, объяснилъ значеніе объективныхъ признаковъ болѣзни, училъ дифференціальнымъ діагнозамъ, объяснялъ при вскрытіяхъ умершихъ анатомическій характеръ болѣзней и въ своемъ класси-

ческомъ отчетѣ „*Klinischer Bericht 1846*“ оставилъ неподражаемый образецъ учено-практическаго труда. Ему мы были обязаны здоровыми понятіями объ инфекціонныхъ болѣзняхъ, о ихъ циклическомъ ходѣ. Онъ употреблялъ тогда уже гидротерапію въ тифозныхъ болѣзняхъ. Его терапія была высоконучная, основанная на рациональныхъ показаніяхъ и на зрѣломъ опытѣ и близкомъ знакомствѣ съ дѣйствіемъ главнѣйшихъ врачебныхъ средствъ“ ¹⁾.

При этихъ словахъ невольно напрашивается сравненіе съ жалкимъ состояніемъ клиническаго преподаванія въ то время въ нашемъ старѣйшемъ разсадникѣ наукъ — Московскомъ Университетѣ, какъ это видно изъ воспоминаній Пирогова объ эпохѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Даже 20 лѣтъ спустя въ 50-хъ годахъ, какъ утверждаетъ биографъ С. П. Боткина д-ръ Вѣлоголовый, профессора-медики этого университета были настолько отстали, что одинъ изъ нихъ не только самъ никогда не примѣнялъ физическихъ методовъ изслѣдованія больныхъ, но открыто называлъ выслушиваніе и постукиваніе шарлатанскими приѣмами, рассчитанными на инпонируваніе больнымъ!

Студенты, по свидѣтельству Здекауера, очень любили Зейдлица, сознавая тѣмъ они обязаны ему; къ тому же онъ былъ простъ и ласковъ въ обращеніи и всегда къ ихъ услугамъ, между тѣмъ какъ другіе профессора держали себя недоступно. Зейдлицъ заботливо вникалъ въ нужды учащихся и постоянно входилъ въ Конференцію съ просьбами о снабженіи всѣхъ студентовъ стетоскопами и другими научными пособіями. По настоянію его были впервые устроены амбулаторные приѣмы при клиникѣ для постороннихъ больныхъ разнаго возраста и пола, ежедневно отъ 8 до 9 ч. утра, кромѣ праздниковъ ²⁾. Въ своемъ клиническомъ отчетѣ онъ выражаетъ сожалѣніе,

¹⁾ Н. Ѳ. Здекауеръ, СПб. Медико-Хир. Акад. 1833—1863. Русская Старина 1891, апрѣль.

²⁾ Прозоровъ I. с. 273).

¹⁾ Жур. врачев. и естеств. наукъ. Отчетъ Зейдлица, кн. II, 1841.

что по уставу больные женщины не допускались в клинику, вследствие чего клинический материал отличался однообразием. Клиника при Зейдлицъ оставалась до 1840 года все в томъ же деревянномъ зданіи, на крайнюю ветхость котораго жаловался проф. Чаруковский. Послѣ безконечной переписки и хлопотъ со стороны Академіи вопросъ былъ разрѣшенъ, и обѣ клиники, терапевтическая и хирургическая, переведены въ каменное 2-хъ этажное зданіе, фасадомъ на р. Неву, принадлежавшее раньше Морскому госпиталю и примыкавшее сирава къ зданію учебныхъ театровъ. Терапевтическая клиника открыта въ первомъ этажѣ этого зданія въ 1840 г. и оставалась въ связи съ 2-мъ военно-сухопутнымъ госпиталемъ до 1874 года, когда была переведена въ клиническую больницу баронета Виллье, построенную на средства, завѣщанныя бывшимъ президентомъ Академіи.

При профессорѣ Зейдлицъ въ 1842 году основана кафедра госпитальной терапевтической клиники, исторія которой составляетъ главный предметъ настоящей работы. Съ этого времени первая терапевтическая клиника, историческій очеркъ которой представленъ здѣсь, получаетъ названіе академической (respect. факультетской нашихъ университетовъ) въ отличіе отъ госпитальной терапевтической клиники. Прежде чѣмъ перейти къ этой послѣдней, напомнимъ еще, что по идѣ Зейдлица въ 1844 году возникла при его кафедрѣ пропедевтическая клиника для студентовъ 3-го курса, гдѣ они знакомились практически съ симптоматологіей и діагностикой, подготавливаясь къ занятіямъ въ академической клиникѣ въ теченіи 4-го курса; первымъ завѣдывавъ подготовительной клиникой 3-го курса адъюнктъ профессоръ В. Е. Эккъ.

Послѣ выхода въ отставку профессора Зейдлица съ 1846 по 1848 годъ академической клиникой завѣдывавъ адъюнктъ профессоръ Н. О. Здекауеръ совместно съ В. Е. Эккомъ.

Въ 1848 году на кафедру академической терапевт. клиники былъ избранъ экстраординарный профессоръ П. Д. Шипулинскій, читавшій теоретическій курсъ частной патологии и терапіи. Шипулинскій завѣдывавъ клиникой до 1861 года,

когда вышелъ въ отставку, уступая мѣсто новой блестящей звѣздѣ—гордости нашей Академіи Сергѣю Петровичу Боткину (1861 — 1889), дѣятельность котораго еще такъ свѣжа въ памяти нынѣ живущихъ поколѣній врачей. Этотъ новѣйшій славный періодъ академической терапевтической клиники, когда она поднялась на высоту знаменитѣйшихъ европейскихъ клиникъ нашего столѣтія, выходитъ уже изъ предѣловъ моей задачи и составитъ вѣроятно предметъ отдѣльнаго подробнаго описанія къ предстоящему столѣтнему юбилею Академіи.

Переходъ Императорской Медико-Хирургической Академіи въ вѣдѣніе Военнаго Министерства, присоединеніе къ ней 2-го Военно-Сухопутнаго Госпиталя и учрежденіе кафедры госпитальной терапевтической клиники.

Указомъ Правительствующему Сенату, даннымъ 18 дек. 1835 года, утверждены новый уставъ и штатъ Академіи. „С.-Петербургская Медико-Хирургическая Академія и Московское отдѣленіе ея, говорится въ указѣ, какъ высшія медицинскія учебныя заведенія всегда обращали на себя особенное Наше вниманіе. Нынѣ, по указанію опыта, Мы признали нужнымъ для усовершенствованія сихъ учебныхъ заведеній исправить и дополнить постановленія, коими оныя доселѣ руководствовались, усиливъ въ нихъ сообразно съ успѣхами и потребностями науки преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ и опредѣливъ съ большею подробностью и точностью обязанности какъ преподающихъ, такъ и учащихся“.

Главнымъ приобрѣтеніемъ Академіи по новому уставу было учрежденіе двухъ новыхъ кафедръ и введеніе 5 лѣтняго курса ученія вмѣсто прежняго 4 лѣтняго.

Возстановлялась также старая связь Академіи съ Военно-Сухопутнымъ госпиталемъ, уничтоженная уставомъ 1808 года. Именно постановлено было, чтобы студенты 5-го курса (класса) занимались госпитальною практикою подъ руководствомъ Главнаго доктора госпиталя и подъ надзоромъ палатныхъ ординаторовъ съ исполненіемъ госпитальной службы. Но осуществленіе всѣхъ новыхъ мѣръ, указанныхъ въ уставѣ, на практикѣ очень замедлилось. Президентъ Я. В. Виллье, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ весьма рѣдко посѣщавшій Академію, не могъ вдохнуть въ нее новую жизнь, умѣло и энергично провести реформы. По этому до оставленія имъ Академіи въ ноябрѣ 1838 года новыя кафедры остались незамѣщенными, вопросъ о переводѣ клиникъ изъ невозможныхъ

помѣщеній отложенъ на неопредѣленное время. Старый президент не пользовался болѣе авторитетомъ и вліяніемъ, безраздѣльно принадлежавшими ему въ прежнее царствованіе. Основываясь на предписаніи устава 1835 Я. В. Вилле прислалъ 21 августа 1837 года въ Конференцію Академіи утвержденныя имъ правила, которыми должно было руководствоваться въ госпитальныхъ занятіяхъ студентовъ 5-го класса.

Цѣль этихъ занятій—приложеніе на практикѣ надъ госпитальными больными медицинскихъ знаній по всѣмъ частямъ врачебной науки и изученіе обязанностей военно-медицинской службы.

Вилле предписывалъ раздѣлить студентовъ на 4 группы, чтобы каждая группа посвящала по 2 мѣсяца на изученіе 4-хъ категорій болѣзней: 1) внутреннихъ и психическихъ 2) хирургическихъ 3) любово-страстныхъ 4) глазныхъ, проходя такимъ образомъ въ теченіи 8 учебн. мѣсяцевъ весь госпитальный курсъ. Порядокъ палатныхъ занятій студентовъ основывается на общихъ правилахъ обязанностей палатныхъ ординаторовъ, студенты посѣщаютъ своихъ госпитальныхъ больныхъ въ обычные часы, т. е. въ 8 час. утра и въ 5 часовъ вечера; они занимаются подъ надзоромъ палатныхъ ординаторовъ, съ которыми обходятъ и осматриваютъ всѣхъ больныхъ, но кромѣ того имѣютъ на собственномъ полеченіи 2 или 3 кровати и этихъ больныхъ пользуют непременно самостоятельно, дѣлаютъ распознаваніе болѣзни и назначаютъ лѣченіе, которое представляютъ на утвержденіе старшаго доктора при посѣщеніи имъ больныхъ, или же приступаютъ къ лѣченію, посоветовавшись съ палатнымъ ординаторомъ.

Вскрытіе умершихъ обязательно для занимающихся студентовъ. Исторія болѣзни ведется студентомъ, утверждается палатнымъ ординаторомъ и служитъ отчетомъ въ занятіяхъ.

Для ознакомленія студентовъ съ госпитальной медицинской службой, кромѣ палатныхъ занятій, студенты наравнѣ съ ординаторами несутъ всѣ обязанности госпитальной службы и назначаются въ помощь дежурнымъ врачамъ по пріемному покою:

они обязаны принимать больныхъ, подавать имъ нужную помощь, свидѣтельствовать съѣстные припасы и нести и другія обязанности дежурнаго по правиламъ госпитального устава. Дежурные студенты надзираютъ также за приготовленіемъ лекарствъ, приучаясь къ аптечнымъ занятіямъ, принимаютъ участіе въ свидѣтельствovanіи мертвыхъ тѣлъ и прочихъ судебно-медицинскихъ актахъ, составляютъ акты и наблюдаютъ за притворными болѣзнями. (Дѣла Конференц. Акад. 1837).

Эти правила для госпитальныхъ занятій студентовъ были представлены Вилле, послѣ присылки ихъ въ Конференцію, на Высочайшее утвержденіе и признаны неудобными, такъ что 2 недѣли спустя Вилле вынужденъ былъ отмѣнить свое распоряженіе и извѣститъ Конференцію, что по желанію Государя окончившіе курсъ въ Академіи будутъ посылаться для занятій въ госпиталь подъ надзоромъ ординаторовъ, о занятіяхъ же студентовъ вовсе не упоминается.

Въ концѣ 1838 года Мед. Хир. Академія перешла въ вѣдѣніе Военнаго Министерства, причемъ ближайшій надзоръ за ея дѣлами порученъ Директору департамента военныхъ поселеній графу Клейнмихелю. Повидимому у правительства было и ранѣе намѣреніе подчинить Академію военному вѣдомству, такъ какъ главной задачей ея было приготовленіе врачей для арміи и флота.

Президентъ Вилле, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ десятки лѣтъ Главнымъ Военно-Медицинскимъ Инспекторомъ арміи держался даже такого узкаго взгляда на назначеніе военнаго врача, что противился учрежденію въ Академіи кафедры акушерства и женскихъ болѣзней на томъ основаніи, что „солдаты не беременѣютъ и не рожаютъ“¹⁾.

По разсказу современниковъ профессоръ Н. Θ. Здекауера и Я. С. Чистовича²⁾ ближайшей причиной новаго

¹⁾ Проговъ, Воспоминанія, т. I. Русская Старина 1891, апрѣль.

²⁾ Русская Старина 1886, декабрь. Здекауеръ и Чистовичъ разсказываютъ, что студентъ фармаціи Сочинскій, неоднократно сѣзавшій на экзаменѣ проф.

положенія Академія послужило трагическое событіе съ однимъ несчастнымъ студентомъ Академіи, который за свое преступленіе подвергся жестокому истязанію прогнаніемъ сквозъ строй въ присутствіи товарищей и профессоровъ Академіи. Чтобы подтунуть и успокоить распущенную Академію былъ призванъ суровый графъ Клейнмихель, назначенный попечителемъ ея. (декабрь 1838 г.). Онъ оказался прекраснымъ администраторомъ, скоро основательно ознакомился съ потребностями Академіи въ научномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, охотно и щедро удовлетворялъ всѣ представленія и просьбы Конференціи Академіи и ея новаго президента Шлегеля, бывшаго главнаго врача Московскаго военнаго госпиталя, человѣка весьма знающаго и преданнаго своему дѣлу.

За короткое время попечительства Клейнмихеля (съ 1839 по сент. 1842) Академія приобрѣла болѣе въ научномъ отношеніи, чѣмъ за послѣдніе 20 лѣтъ президентства Вилле: увеличены при всѣхъ кафедрахъ научныя пособія и улучшена обстановка преподаванія, выдано 25,000 р. с. на расширеніе библіотеки, клиники переведены въ каменное зданіе, присоединенное отъ Морскаго госпиталя къ Военно-Сухопутному, послѣдній подчиненъ Академіи для цѣлей преподаванія и наконецъ учреждены кафедры госпитальной хирургической и госпитальной терапевтической клиникъ. Несмотря на свое всемогущество и свой деспотизмъ гр. Клейнмихель съ гораздо большимъ тактомъ относился къ постановленіямъ и представленіямъ Конференціи въ специально научныхъ вопросахъ, чѣмъ послѣдующіе попечители Академіи генералы Веймарнъ (1842—1846), Анненковъ (1846—1848) и Игнатьевъ (1848 до 1853), позволявшіе себѣ нерѣдко мелочное и придирчивое вмѣшательство. Такъ наприм. генераль Веймарнъ оспариваетъ избраніе Конференціей адъюнкты-профессора Шипулинскаго

химіи Печавымъ съ отчаянія, въ виду предстоящаго увольненія изъ Академіи, бросился въ засѣданіи Конференціи на Печаву съ перочиннымъ ножикомъ; въ завязавшейся борьбѣ Сочинскій вмѣсто Печавы легко ранилъ проф. Калининскаго.

въ экстраординарные и сомнѣвается, дѣйствительно ли научныя заслуги и сочиненія послѣдняго даютъ ему на это право. Генераль Игнатьевъ не соглашается съ рѣшеніемъ Конференціи выдавать для чтенія студентамъ старшихъ курсовъ „Записки по части врачебной науки“, издававшіеся профессорами Академіи, находя что чтеніе журналовъ привьетъ имъ односторонніе взгляды и что студентамъ слѣдуетъ ограничиться изученіемъ руководствъ. Онъ же предлагаетъ Конференціи уничтожить въ названномъ журналѣ отдѣлъ „смѣсь“, представлявшій научные рефераты иностранной медицины, и замѣнить его лучше оригинальными статьями и т. п. Эти немногіе примѣры показываютъ, что благотѣльная съ одной стороны опека попечителей Академіи порою переходила въ мелочность, о которой теперь трудно составить себѣ представленіе. Нужно отдать полную справедливость Конференціи 40-хъ годовъ, что не смотря на свою полную зависимость отъ усмотрѣнія попечителей — генераловъ, она съ большимъ достоинствомъ отстаивала свои мнѣнія въ научномъ отношеніи и, ссылаясь на законъ и уставы, защищала Академію отъ нѣкоторыхъ искателей профессорскихъ мѣстъ, преимущественно иностранныхъ нѣмцевъ, которые старались проникнуть въ нее, заручившись протекціей сильныхъ лицъ ¹⁾. Дѣло иностраннаго доктора Эрнста Мейера является очень характернымъ въ этомъ отношеніи. Дежурный генераль Веймарнъ предложилъ Конференціи обсудить, нельзя ли поручить преподаваніе дѣтскихъ болѣзней въ Академіи д-ру Мейеру, завѣдующему дѣтской больницей В. Кн. Елены Павловны, предупреждая,

¹⁾ Въ 48-мъ году Конференція Академіи состояла изъ слѣд. членовъ:

1. Академикъ Эйхвальдъ (зоологъ и минералогъ). 2. Акад. Горининовъ, (ботан. и фармакологъ). 3. Академикъ Пироговъ. 4. Нарановичъ, (опис. анат.). 5. Дубовицкій (теор. хир.). 6. Карлъ Бэръ (сравн. анат. и физіол.). 7. Мясоевскій. 8. Прозоровъ (ветеринарія). 9. Рклицкій (опер. хир.). 10. Шипулинскій (акад. тер. клин.). 11. Заблонецкій Десятковскій (суд. мед., мед. полиція и гигиена). 12. Олендакій (фармація). 13. Зининъ (физика и химія). 14. Киптеръ (акушер.). 15. Эжкъ (частн. пат. и терап.). 16. Эдекауеръ (общая патолог. и терапія), Презид. Шлегель и инспекторъ студ. Шенрокъ.

что послѣднему покровительствуетъ Императрица. Конференція отвѣтила, что въ Академіи есть только отдѣленіе на 10 кроватей для дѣтей при акушерской клиникѣ, и чтеніе дѣтскихъ болѣзней поручено профессору Мянзовскому, хорошо исполняющему свое дѣло; признавая полезнымъ учрежденіе особой дѣтской клиники, Конференція находить, что должно въ такомъ случаѣ пригласить особаго профессора, и д-ръ Мейеръ, исполнивъ требованія устава, можетъ конкурировать съ другими. Мейеръ однако продолжалъ добиваться чрезъ Веймарна назначенія старшимъ врачомъ особаго дѣтскаго отдѣленія въ госпиталѣ.

Конференція возражала, что на основаніи представленныхъ Мейеромъ документовъ не считаетъ возможнымъ дать ему такое назначеніе, которое сравняло бы его съ профессоромъ Пироговымъ и Мянзовскимъ, предложила Мейеру подвергнуться экзамену и прочесть пробную лекцію; безъ исполненія этихъ требованій Конференція считала возможнымъ, въ случаѣ открытія особаго дѣтскаго клиники, сдѣлать Мейера только ординаторомъ, руководство же клиникой поручить профессору Мянзовскому, доказавшему свою способность и умѣнье управлять порученными ему клиниками съ большою пользою для учащихся. (Дѣла Конференціи за 1843).

Дѣло тянулось 2 года (до 1845) и кончилось предписаніемъ генерала Веймарна устроить при госпиталѣ дѣтскую клинику, поручивъ ее Мейеру, если онъ выдержитъ экзаменъ на адъюнкт-профессора и исполнитъ другія требованія устава. Мейеръ приступилъ къ экзаменамъ, но скоро отказался отъ своихъ притязаній. Въ дѣлахъ Конференціи есть указанія и на другихъ подобныхъ претендентовъ на кафедры.

Чтобы показать, съ какой заботливостію генерала Веймарна приходилось считаться Конференціи, приведу сокращенно слѣдующее предложеніе его. Разсматривая распределеніе наукъ въ Академіи, онъ замѣтилъ, что „предметы собственно медицинскіе преподаются въ теоріи особыми профессорами и не зависятъ отъ клиническихъ преподавателей. Предполагая, что преподаваніе теоріи отдѣльно отъ

примѣненія ея къ практикѣ, при разнообразіи системъ и мнѣній преподающихъ, можетъ затруднить понятіе учащихся, еще не утвердившихся въ основныя началахъ науки“, генералъ предписываетъ Конференціи обсудить, „не будетъ ли сообразнѣе съ порядкомъ науки и полезнѣе для учащихся соединить теоретическія кафедры терапіи, хирургіи и акушерства съ кафедрами практическими и затѣмъ преподаваніе этихъ наукъ въ теоріи представить профессорамъ клиникъ тѣхъ же частей“. Отвѣтъ Конференціи былъ отрицательный.

По счастию для Академіи первый ея попечитель графъ Клейнмихель, отличавшійся, по свидѣтельству профессора Н. О. Здекауера, меньшимъ образованіемъ, нежели генералъ Веймарнъ, но гораздо большимъ здравымъ смысломъ и талантомъ выбирать способныя людей, положилъ прочное основаніе реформамъ, и состояніе Академіи продолжало улучшаться, благодаря умѣлой дѣятельности Конференціи въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Важнѣйшей заслугой Клейнмихеля съ интересующей насъ точки зрѣнія было восстановленіе въ 1840 году старой связи Военно-Сухопутнаго госпиталя съ Академіей. Николай Ивановичъ Пироговъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что ближайшей причиной этой мѣры былъ его прозектъ, поданный графу Клейнмихелю. Уже было упомянуто, что профессоръ Зейдицъ предложилъ Пирогову перейти въ Академію на вакантную кафедру теоретической хирургіи послѣ выхода въ отставку профессора Буша. Хирургической клиникой въ Академіи заведывалъ профессоръ Саломонъ. Желая перейти въ Петербургъ клиническимъ профессоромъ, Пироговъ предложилъ Клейнмихелю основать при Академіи новую кафедру госпитальной хирургической клиники и мотивировалъ необходимость ея слѣдующими доводами:

„Молодые врачи, говорилъ онъ¹⁾, выходящіе изъ нашихъ учебныхъ заведеній, почти совсѣмъ не имѣютъ практическаго

¹⁾ Пироговъ, Вопросы жизни, т. I стр. 503.

что послѣднему покровительствуетъ Императрица. Конференція отвѣтила, что въ Академіи есть только отдѣленіе на 10 кроватей для дѣтей при акушерской клиникѣ, и чтеніе дѣтскихъ болѣзней поручено профессору Мянновскому, хорошо исполняющему свое дѣло; признавая полезнымъ учрежденіе особой дѣтской клиники, Конференція находитъ, что должно въ такомъ случаѣ пригласить особаго профессора, и д-ръ Мейеръ, исполнивъ требованія устава, можетъ конкурировать съ другимъ. Мейеръ однако продолжалъ добиваться чрезъ Веймарна назначенія старшимъ врачомъ особаго дѣтскаго отдѣленія въ госпиталѣ.

Конференція возражала, что на основаніи представленныхъ Мейеромъ документовъ не считаетъ возможнымъ дать ему такое назначеніе, которое сравняло бы его съ профессорамъ Пироговымъ и Мянновскимъ, предложила Мейеру подвергнуться экзамену и прочесть пробную лекцію; безъ исполненія этихъ требованій Конференція считала возможнымъ, въ случаѣ открытія особой дѣтской клиники, сдѣлать Мейера только ординаторомъ, руководство же клиникой поручить профессору Мянновскому, доказавшему свою способность и умѣнье управлять порученными ему клиниками съ большою пользою для учащихся. (Дѣла Конференціи за 1843).

Дѣло тянулось 2 года (до 1845) и кончилось предписаніемъ генерала Веймарна устроить при госпиталѣ дѣтскую клинику, поручивъ ее Мейеру, если онъ выдержитъ экзаменъ на адъюнктъ-профессора и исполнитъ другія требованія устава. Мейеръ приступилъ къ экзаменамъ, но скоро отказался отъ своихъ притязаній. Въ дѣлахъ Конференціи есть указанія и на другихъ подобныхъ претендентовъ на кафедры.

Чтобы показать, съ какою заботливостію генерала Веймарна приходилось считаться Конференціи, приведу сокращенно слѣдующее предложеніе его. Разсматривая распредѣленіе наукъ въ Академіи, онъ замѣтилъ, что „предметы собственно медицинскіе преподаются въ теоріи особыми профессорами и не зависятъ отъ клиническихъ преподавателей. Предполагая, что преподаваніе теоріи отдѣльно отъ

примѣненія ея къ практикѣ, при разнообразіи системъ и мнѣній преподающихъ, можетъ затруднить понятіе учащихся, еще не утвердившихся въ основныхъ началахъ науки“, генералъ предписываетъ Конференціи обсудить, „не будетъ ли сообразнѣе съ порядкомъ науки и полезнѣе для учащихся соединить теоретическія кафедры терапіи, хирургіи и акушерства съ кафедрами практическими и затѣмъ преподаваніе этихъ наукъ въ теоріи представить профессорамъ клиникъ тѣхъ же частей“. Отвѣтъ Конференціи былъ отрицательный.

По счастью для Академіи первый ея попечитель графъ Клейнмихель, отличавшійся, по свидѣтельству профессора Н. О. Здекауера, меньшимъ образованіемъ, нежели генералъ Веймарнъ, но гораздо большимъ здравымъ смысломъ и талантомъ выбирать способныхъ людей, положилъ прочное основаніе реформамъ, и состояніе Академіи продолжало улучшаться, благодаря умѣлой дѣятельности Конференціи въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Важнѣйшей заслугой Клейнмихеля съ интересующей насъ точки зрѣнія было возстановленіе въ 1840 году старой связи Военно-Сухопутнаго госпиталя съ Академіей. Николай Ивановичъ Пироговъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что ближайшей причиной этой мѣры былъ его прозекъ, поданный графу Клейнмихелю. Уже было упомянуто, что профессоръ Зейдлицъ предложилъ Пирогову перейти въ Академію на вакантную кафедру теоретической хирургіи послѣ выхода въ отставку профессора Буша. Хирургической клиникой въ Академіи завѣдывалъ профессоръ Саломонъ. Желая перейти въ Петербургъ клиническимъ профессоромъ, Пироговъ предложилъ Клейнмихелю основать при Академіи новую кафедру госпитальной хирургической клиники и мотивировалъ необходимость ея слѣдующими доводами:

„Молодые врачи, говорилъ онъ¹⁾, выходящіе изъ нашихъ учебныхъ заведеній, почти совсѣмъ не имѣютъ практическаго

¹⁾ Пироговъ, Вопросы жизни, т. I стр. 503.

медицинскаго образованія, такъ какъ наши клиники обязаны давать имъ только главные основныя понятія о распознаваніи, ходѣ и лѣченіи болѣзней. Поэтому наши молодые врачи, вступая на службу и дѣлясь самостоятельными при постели больныхъ въ больницахъ, военныхъ лазаретахъ и частной практикѣ, приходятъ въ весьма затруднительное положеніе, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы и не достигаютъ цѣли своего назначенія“. — Устранить этотъ важный недостатокъ, по убѣжденію Пирогова, можно было бы учрежденіемъ, кромѣ существующихъ клиникъ, новыхъ госпитальныхъ. Онъ же указалъ Клейнмихелю на отсутствіе затрудненій для осуществленія его проэкта, такъ какъ Академія и 2 Военно-сухопутный госпиталь находились рядомъ и подчинялись одному Военному Министерству.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Пироговъ говоритъ также, что имъ была подана Клейнмихелю мысль обратить весь госпиталь въ отдѣльныя клиники: терапевтическую, хирургическую, сифилитическую, сыпную etc. Изъ записки Н. И. Пирогова, врученной имъ въ январѣ 1840 г. Клейнмихелю и хранящейся въ архивѣ Академіи (№ 111 архива), а также изъ дѣлъ и протоколовъ Конференцій можно заключить, что на первыхъ порахъ не было рѣчи о такой широкой, общей реформѣ госпиталя, и предложеніе Пирогова практически сводилось прежде всего къ учрежденію естественно болѣе всего интересовавшей его госпитальной хирургической клиники.

Успѣхи новѣйшей медицины въ Европѣ, писалъ Пироговъ Клейнмихелю, вытекли изъ тѣснаго соединенія филантропическаго начала госпитальной практики съ началомъ учебнымъ.

Только въ госпиталѣ можетъ создаться настоящая врачебная клиническая наука, и въ нашихъ госпиталяхъ недостаетъ еще взаимной связи филантропіи съ наукой. „Облагородить, госпиталь, привести его къ истинному идеальному назначенію, соединить въ немъ пріютъ для страждущихъ вмѣстѣ со святыщемъ науки можно только, когда практическая дѣятельность госпитальныхъ врачей будетъ соединена съ изустнымъ преподаваніемъ при постели больныхъ для учащагося юношества“.

Только въ госпиталѣ учащіеся научатся наблюдать природу болѣзней, а не смотрѣть на нихъ глазами своихъ учителей. „Существующее уже въ университетахъ и Академіи клиническое преподаваніе при постеляхъ больныхъ имѣетъ совсѣмъ другую цѣль отъ практическаго преподаванія въ большихъ госпиталяхъ и одно недостаточно для полнаго пракческаго образованія врача“.

Профессоръ клиники занимается элементарными приемами практической медицины, „цѣль его показать методы распознаванія и главный планъ лѣченія болѣзни въ каждомъ индивидуумѣ“.

Госпитальный профессоръ практической медицины „устремляетъ при своихъ визитаціяхъ вниманіе слушателей на цѣлую массу одинаковыхъ болѣзненныхъ случаевъ, показываетъ притомъ и индивидуальныя ихъ отбѣнки, статистическимъ способомъ доказываетъ пользу той или другой методы лѣченія“. Къ слушанію госпитальныхъ лекцій должны быть допущены студенты V класса, получившіе уже предварительную клиническую подготовку.

„Присоединеніе большаго госпиталя совершенно въ составъ Академіи—ваша мысль, мнѣ не остается ничего болѣе какъ желать скорѣйшаго исполненія оной для блага науки въ нашемъ отечествѣ“ (изъ записки Пирогова, поданн. Клейнмихелю, № 111 архива).

Прозектъ Пирогова несомнѣнно встрѣтилъ сочувственное отношеніе со стороны графа Клейнмихеля, который, не принимая пока никакого рѣшенія, переслалъ его президенту Академіи Шлегелю и предписалъ Конференціи рассмотреть поданную ему профессоромъ Дерптскаго университета Пироговымъ просьбу объ учрежденіи въ Мед. Хир. Академіи новой кафедры патологической и хирургической анатоміи и госпитальной хирургіи для руководства студентовъ 5 класса и о переводѣ его, Пирогова, на эту кафедру (проток. Конф. № 6 отъ 17 февр. 1840 г.). Въ томъ же засѣданіи 17 февр. 1840 года Конференція постановила „донести Его Сіятельству графу Клейнмихелю, что она вполнѣ раздѣляетъ взгляды Пирогова

и убѣждена, что осуществленіе предложенной имъ мѣры принесетъ учащимся въ Академіи огромную пользу“; кромѣ того Конференція находила нужнымъ учредить при Старшемъ (главномъ) врачѣ госпиталя должности 2-хъ помощниковъ и назначить Пирогова на одну изъ этихъ должностей „съ тѣмъ однакоже, чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ при леченіи больныхъ онъ былъ независимъ отъ Старшаго врача“. „Къ сему присовокупить, что учрежденіе другой подобной же кафедры для руководства студентовъ въ госпитальной терапіи принесетъ неменьшую пользу. Если Его Сіятельство найдетъ такое представленіе Конференціи удобоисполнимымъ, то она полагала бы предоставить эту должность извѣстному по сей части клиническому преподавателю, съ опредѣленіемъ его, если пожелаетъ, также помощникомъ Старшаго доктора госпиталя на тѣхъ же основаніяхъ, какъ Пироговъ, съ производствомъ ему отъ Академіи жалованья, наравнѣ съ ея профессорами“¹⁾.

Послѣ этого отзыва вопросъ объ учрежденіи хирургической и терапевтической госпитальныхъ клиникъ при 2-мъ Военно-Сухопутномъ госпиталѣ былъ тотчасъ же рѣшенъ графомъ Клейнмихелемъ въ положительномъ смыслѣ и исполнѣ согласно съ предложеніемъ Конференціи. Кандидатомъ на учреждаемую кафедру госпитальной терапевтической клиники графъ Клейнмихель и президентъ Шлегель немедленно набыти докторъ Мандта, бывшаго профессора Грейфсвальдскаго университета и врача при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Неизвѣстно, остановился ли выборъ графа на Мандтѣ самостоятельно, или онъ былъ указанъ ему Шлегелемъ. Вѣроятнѣе послѣднее, ибо Клейнмихель поступалъ всегда осторожно въ чисто научныхъ вопросахъ. Не предупредивъ Конференцію, Шлегель обратился уже въ концѣ февраля съ письмомъ къ

¹⁾ Протоколъ этого засѣданія подписали президентъ Шлегель, уч. секр. Эйхвальдъ, заслуженн. проф. Полябинъ, Буальскій, Академики: Нечаевъ и Сазоновъ, ординари: профессоры Хотовицкій, Калинскій, Горяиновъ, Всеволодовъ, Пехенинъ, Зейдлицъ, Загорскій и инспекторъ Шенрокъ.

Мандту, предлагая ему мѣсто ординарнаго профессора въ Академіи. „Мед.-Хир. Академія писала онъ ему¹⁾, достигнувъ цвѣтущаго состоянія подъ просвѣщеннымъ управленіемъ своего попечителя, желаетъ обратить особенное вниманіе на практическое образованіе своихъ воспитанниковъ и намѣрена превратить присоединяемый къ ней большой военный госпиталь въ практическое образовательное учрежденіе, рядомъ съ двумя существующими уже въ Академіи клиниками. Старшій врачъ этого госпиталя долженъ имѣть 2 помощника, изъ которыхъ одинъ практически руководитъ студентовъ по хирургіи, другой по внутреннимъ болѣзнямъ у постели больныхъ. Академія пригласила уже опытнаго хирурга, а теперь въ поискахъ за ординарнымъ профессоромъ терапевтомъ. По моему убѣжденію Академія, удовлетворяя своему научному назначенію, не могла бы сдѣлать лучшаго выбора, какъ пригласивъ васъ занять это мѣсто и содѣйствовать насажденію научной медицины въ Россіи“. Далѣе Шлегель сообщаетъ Мандту, что онъ будетъ назначенъ (кромѣ званія ординарнаго профессора), помощникомъ главнаго врача, съ жалованьемъ въ 5000 р., не считая содержанія по должности помощника, и сверхъ клиническихъ лекцій долженъ читать психіатрію.

„Академія, заканчивая Шлегель, будетъ очень польщена (geschmeichelt), если вамъ угодно будетъ принять мое предложеніе, преслѣдующее исключительно научныя интересы ея, и вступить въ учрежденіе, которому предстоитъ широкое развитіе благодаря плодотворной дѣятельности и учености его членовъ“.

2-го марта 1840 года Шлегель объявилъ Конференціи²⁾, что по желанію директора департамента военныхъ поселеній графа Клейнмихеля онъ сносился съ докторомъ Мандтомъ, предлагая ему занять вновь учреждаемую кафедру для чтенія студентамъ V класса лекцій по психіатріи и руководства

¹⁾ Копія письма на нѣмецк. яз. въ дѣлахъ президента за 1840. Архивъ Мед.-Хир. Академіи.

²⁾ Протоколъ № 7, 1840.

ихъ въ госпиталѣ въ клинической терапіи, на основаніяхъ выработанныхъ Конференціей; получивъ отвѣтъ Мандта, предлагаетъ Конференціи обсудить его условія. Мандтъ охотно соглашался руководить студентовъ въ практическихъ занятіяхъ въ госпиталѣ, но въ числѣ не болѣе 12—16 студентовъ по его выбору, отказывался отъ жалованья и преподаванія психіатріи. Конференція, считая Мандта вполне достойнымъ занять кафедру, полагала, что преподаваніе психіатріи можно поручить другому профессору. Желаніе его служить безъ жалованья найдено неудобнымъ, ибо такой профессоръ вряд ли долго останется въ Академіи. Точно также намѣреніе Мандта заниматься только съ немногими избранными студентами ставило на очередь вопросъ объ остальныхъ студентахъ V класса (всего 65), требовавшихъ одинаковаго вниманія и поощеній. На этихъ основаніяхъ Конференція, убѣжденная въ громадной важности предположенныхъ госпитальныхъ клиникъ, постановила ходатайствовать предъ графомъ Клейнмихелемъ объ учрежденіи ихъ при Академіи навсегда и съ штатнымъ жалованьемъ ¹⁾.

Послѣ этого прошелъ почти годъ, и объ кафедры не были еще заняты. Изъ за Пирогова происходила борьба между графомъ Клейнмихелемъ и Министромъ Нар. Просвѣщенія Уваровымъ, не желавшимъ согласиться на переходъ Пирогова въ Академію, вопросъ о профессурѣ Мандта оставался также открытымъ. Въ это время состоялось правительственное распоряженіе о присоединеніи госпиталя къ Академіи для цѣлей преподаванія. 16 октября 1840 года графъ Клейнмихель увѣдомилъ президента Шлегеля, что Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ второму Военно-Сухопутному госпиталю состоять при здѣшней Медико-Хир. Академіи, „оставаясь въ отношеніи пріема больныхъ, содержанія ихъ и числа чиновъ на нынѣшнемъ положеніи. Президенту Академіи имѣть начальство надъ симъ госпиталемъ“ ²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Академическая больница была уничтожена и больныхъ студентовъ повелѣно помѣщать въ госпиталь на офицерское содержаніе.

Цѣль присоединенія госпиталя къ Академіи объясняется въ отношеніи графа Клейнмихеля къ президенту Шлегелю ³⁾ слѣдующимъ образомъ.

1. Удобнѣйшее усовершенствованіе воспитанниковъ Академіи въ практической медицинѣ подъ руководствомъ ученыхъ и опытныхъ наставниковъ и ознакомленіе съ порядкомъ военно-медицинской службы.
2. Доставить молодымъ адъюнктамъ и регентарамъ случаи къ практическому упражненію и подготовленію себя къ клиническому преподаванію.
3. Выбирать замѣчательныхъ больныхъ для клиникъ и производства операций. Для вѣрнѣйшаго доставленія Академіи всѣхъ выгодъ отъ обширной госпитальной практики, а госпиталю отъ ученыхъ занятій и опытности профессоровъ, президентъ Академіи назначается главнымъ начальникомъ госпиталя.

Должность старшаго доктора остается во всей силѣ. Онъ подчиняется со всѣми чиновниками медицинскому департаменту, которому представляетъ отчетъ. Конференція Академіи имѣетъ право просить департаментъ о назначеніи ординаторами при госпиталѣ тѣхъ лицъ, которыхъ она признаетъ болѣе достойными. Военно-Сухоп. госпиталь раздѣляется на терапевтическое и хирургическое отдѣленія, которыми завѣдуютъ 2 профессора. Обязанности ихъ состоятъ въ преподаваніи и наставленіи въ діагностическомъ, прогностическомъ и терапевтическомъ отношеніи при постеляхъ больныхъ, въ производствѣ операций и составленіи патологическаго кабинета.

Профессора направляютъ своими совѣтами дѣйствія ординаторовъ и о всѣхъ важныхъ случаяхъ и повальныхъ болѣзняхъ доносятъ президенту, который приглашаетъ, по своему усмотрѣнію, къ совѣщанію другихъ профессоровъ Академіи.

¹⁾ Протоколъ № 7, 2 марта 1840.

²⁾ Дѣло Конференціи № 60, 1840 г.

³⁾ Дѣла президента за 1840, № 871.

На президента Академіи возлагается общій и главный надзоръ за госпиталемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ обязанъ доставлять воспитанникамъ Академіи всѣ средства къ успешному практическому образованію и отвѣчаетъ за неправильное пользованіе и неточное выполненіе устава о содержаніи больныхъ и заботится о возможномъ улучшеніи госпиталя въ медицинскомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ ¹⁾.

Несомѣнно, что во время своего присоединенія къ Академіи этотъ громадный госпиталь на 2000 кроватей былъ наименѣ благоустроеннымъ изъ всѣхъ военныхъ госпиталей Петербурга. Н. И. Пироговъ даетъ въ своихъ запискахъ яркую картину его печальныхъ порядковъ. „Вся вентиляция огромныхъ палатъ на 60—100 кроватей въ главномъ каменномъ корпусѣ основывалась на длинномъ коридорѣ, а вентиляция коридора на ретирадникахъ. Дѣйствительно, въ коридоръ несло постоянно изъ ватерклозетовъ. Другія отдѣленія госпиталя, въ нѣкоторомъ отношеніи еще лучшія, помѣщались въ деревянныхъ отдѣльныхъ домахъ, въ каждомъ до 70 и болѣе кроватей. Вентиляция въ нихъ была натуральная, безъ коридоровъ, сырость неисправима“ ²⁾. „Лекарства, отпускавшіяся изъ госпитальной аптеки, были похожи на что угодно, только не на лекарства. Въѣсто хинина, напр., сдѣлали да рядомъ отпускалась бычачья желчь, въѣсто рыбьяго жира—какое то иноземное масло. Хлѣбъ и вся вообще провизія, отпускавшіеся на госпитальныхъ больныхъ, были ниже всякой критики. Воровство было не почное, а дневное“ ³⁾. Пироговъ рисуетъ старшаго врача госпиталя Флорію—какъ поистинѣ необычайный образчикъ невѣжества, развращенности и легкомысленно-циническаго отношенія къ несчастнымъ больнымъ. При назначеніи Пирогова мѣсто Флорію ⁴⁾ занялъ д-ръ Лоссіевскій, не уступавшій своему предшественнику нравственными каче-

ствами. При такихъ то тяжелыхъ условіяхъ началось въ стѣнахъ госпиталя клиническое преподаваніе, и нужны были вся громадная нравственная энергія и авторитетъ Пирогова, чтобы вступить въ борьбу съ хищниками—казнокрадами и оздоровить это болото.

Въ концѣ 1840 года докторъ Мандтъ назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ Императора, и 26-го ноября графъ Клейнмихель извѣстилъ президента Шлегеля, что Государь пожелалъ, чтобы лейбъ-медикъ Мандтъ занимался практически съ 12 студентами 5 класса, выбирая для своихъ лекцій больныхъ, помѣщенныхъ въ палатахъ госпиталя (Дѣла Конф. 1840, № 63). По смыслу извѣщенія д-ръ Мандтъ ставился въ совершенно независимое положеніе отъ Конференціи въ отношеніи отчетности и контроля надъ его занятіями. Окончательное опредѣленіе Мандта профессоромъ въ госпитальную терапевтическую клинику состоялось 26 апрѣля 1841 года, причемъ ассистентомъ къ нему, по его желанію, былъ назначенъ лекаръ Эдекауеръ, ординаторъ Военно-Сухоп. госпиталя, недавно вернувшійся изъ научнаго путешествія заграничей.

Докторъ Мартынъ Мартиновичъ Мандтъ (Mandt) ¹⁾ родился въ 1800 году въ Пруссіи, сынъ хирурга. Учился медицинѣ въ разныхъ университетахъ, между прочимъ въ 1821 году въ Берлинѣ. Въ томъ же году онъ принялъ участіе въ качествѣ врача и зоолога въ полярной экспедиціи въ Гренландію и Шпицбергенъ на китобойномъ суднѣ, субсидированномъ правительствомъ. Въ 1822 году напечаталъ въ Берлинѣ отчетъ о результатахъ этой экспедиціи, получивъ степень д-ра медицины и назначенъ окружнымъ врачомъ въ Güstrin. Въ это время онъ написалъ нѣсколько статей въ Rust's Magazin (1825 г.) и Praktische Darstellung der wichtigsten ansteckenden Epidemien und Epizootien in ihrer Bedeutung für die medic. Polizei (Berlin 1828).

Въ 1830 году Мандтъ назначенъ ординарнымъ профессо-

¹⁾ Дѣла № 871. Дѣл. презид. Акад. 1840.

²⁾ Пироговъ. Записки (вопросы жизни) стр. 518.

³⁾ Пироговъ I. с. стр. 514.

⁴⁾ Флорію былъ переведенъ старш. врач. 1-го военно сухоп. госпиталя.

¹⁾ Gurlt und Eulenburg Biograph. Lexicon.

ромъ хирургіи въ Greifswald'скомъ университетѣ, гдѣ содѣйствовалъ учрежденію особой глазной клиники. Въ 1832 году онъ путешествовалъ съ научной цѣлью 6 мѣсяцевъ по Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, преимущественно интересуясь учрежденіями для психическихъ больныхъ. Съ 1832 по 1834 годы Мандтъ помѣстилъ въ Rust's Magazin рядъ статей по хирургіи: 1) Exarticulatio humeri, Würdigung ihrer Historie nebst einer Operationsmethode. 2) Ueber fungus haematodes und andere Parasiten 3) Der Kropf, Geschichte und Exstirpation derselben 4) Resection eines Theiles des intestini recti и 5) Kurzer Umriss der Geschichte der Chirurgie bis zum Anfang unseres Jahrhundert's. (Greifswald 1833).

По рекомендаціи профессора Rust'a Мандтъ сопровождалъ въ 1835 году Великую Княгиню Елену Павловну въ поѣздѣкъ на минеральныя воды, а затѣмъ поступилъ къ ней постояннымъ врачомъ и переѣхалъ въ Петербургъ.

Въ 1840 году мы видимъ уже Мандта дѣйств. статск. совѣтн. русской службы и лейбъ-медикомъ Императора Николая Павловича. Живя въ Петербургѣ Мандтъ напечаталъ: 1) Rückenmark und Darmschleimhaut und ihr Verhältniss zur Cholera (1849) и 2) Färbung der Darmschleimhaut in Cholera und Typhusleichen in 15 color. Tafeln.

Въ столицѣ онъ имѣлъ обширную практику, главнымъ образомъ благодаря своему вліятельному положенію при дворѣ. Мандтъ былъ несомнѣнно талантливый человѣкъ, съ независимымъ и сильнымъ характеромъ. Къ сожалѣнію его нравственная личность была непривлекательна. Н. И. Пироговъ, познакомившійся съ нимъ еще до пріѣзда его въ Россію и потомъ встрѣчавшійся съ нимъ въ Петербургѣ, считаетъ его недюжиннымъ человѣкомъ, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ недетскія стороны его характера; тщеславіе, карьеризмъ, несправедливую рѣзкость въ сужденіяхъ о другихъ.

Къ русскимъ врачамъ Мандтъ относился пренебрежительно и надменно и своимъ исключительнымъ положеніемъ при дворѣ воспользовался для укрѣпленія вліянія нѣмецкой партіи.

Тотчасъ послѣ кончины Императора Николая въ 1855 г.

Мандтъ вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и уѣхать въ Германію, оставшись совершенно чуждымъ странѣ, въ которой онъ провелъ около 20 лѣтъ, и возстановивъ противъ себя общественное мнѣніе, приписавшее даже смерть Государя его системѣ леченія. Онъ умеръ въ 1858 году во Франкфуртѣ на Одерѣ.

Свои клиническія лекціи въ палатахъ Военно-Сухоп. госпиталя д-ръ Мандтъ началъ въ маѣ 1841; преподавалъ онъ преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, иногда по латыни. Кромѣ 18 выбранныхъ имъ студентовъ 5 курса, по Высочайшему повелѣнію были прикомандированы для слушанія его лекцій 9 только что окончившихъ курсъ врачей, которыхъ Мандтъ долженъ былъ „наставлять практически въ терапіи и хирургіи“. Лекціи по хирургіи повидимому болѣе соответствовали его предыдущей ученой дѣятельности, но съ другой стороны были совершенно излишними въ виду одновременной дѣятельности въ томъ же госпиталѣ гениальнаго Пирогова.

Въ своихъ лекціяхъ по терапіи Мандтъ обнаружилъ явное влеченіе къ гомеопатіи, проповѣдуя свою „атомистическую систему“ леченія болѣзней.

Главнымъ основнымъ положеніемъ въ „атомистическомъ“ ученіи Мандта является выводъ, что для всѣхъ болѣзненныхъ процессовъ точкой отправления служатъ слизистыя оболочки. На этой произвольной физиологической основѣ онъ и построилъ свое леченіе специфическими средствами. Вооружаясь, до извѣстной степени справедливо противъ чрезмѣрнаго обилія и сложности лекарствъ, Мандтъ очень ограничилъ число и примѣненіе ихъ, назначая притомъ въ дозахъ $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{100}$ и $\frac{1}{1000}$ грана! Любимыми медикаментами его были пих вописа и цинковая мазь (Мандтъ вѣрилъ, что отъ продолжительнаго растиранія мазей въ нихъ развивается особенная сила)¹⁾. Кровоусканій Мандтъ избѣгалъ, для кровопусканий употреблялъ обыкновенно одну двѣ пиявки.

¹⁾ См. Воннусъ, гомеопатія въ Россіи.

Въ основаніе терапіи острыхъ лихорадочныхъ болѣзней онъ полагалъ „строгую діету“, слишкомъ усердному примѣненію которой онъ обязанъ былъ отчасти нехорошей славой и даже негодованіемъ общества послѣ кончины его Августѣйшаго паціента въ 1855 году ¹⁾. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ въ придворномъ военномъ госпиталѣ, т. назыв. образцовомъ въ Петербургѣ и въ Уяздовскомъ госпиталѣ въ Варшавѣ произведено было въ большихъ размѣрахъ испытаніе „лѣченія исключительно по атомистической методѣ лейбъ-медика Мандта“.

Его брошюра на нѣмецкомъ языкѣ, въ которой изложена атомистическая теорія, по приказанію Императора Николая, переведена на русскій яз. и разослана при циркулярѣ генер. штаба для руководства во всѣ военные госпитали (см. Болнусъ, I. с.).

Въ апрѣлѣ 1853 г. профессоръ Мед. Хир. Акад. Е. Пеликанъ былъ командированъ въ Москву для леченія холеры по атомистическому способу Мандта (прот. Конф. № 6, 1853), а въ августѣ того же года Е. Пеликанъ по Высочайшему повелѣнію сопровождалъ Мандта въ Динабургъ и Варшаву для организаціи борьбы съ холерой на тѣхъ же началахъ. Въ Варшавѣ Мандтъ читалъ лекціи врачамъ и, въ виду своего могущественнаго officialнаго положенія, нашель, кажется, нѣкоторыхъ послѣдователей среди военныхъ врачей.

Докторъ И. С. Быстровъ напечаталъ ²⁾ отчетъ о 325 больныхъ, лѣченныхъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1853 года въ Уяздовскомъ госпиталѣ по этой пресловутой методѣ. Перемежающіяся лихорадки, тифы, дизентеріи, плевропневмоніи, водянки etc. etc. прекрасно протекали съ исходомъ въ выздоровленіе при приемахъ универсальнаго порошка Мандта—extr. nuc. vomic. spirit, extr. rad. bryon. (а gr. $\frac{1}{10}$, съ замѣной rad. bryon., смотря по обстоятельствамъ, экстрактомъ дигиталиса, chinin.

¹⁾ Такъ смотрѣли на несчастный исходъ болѣзни Императора врачи и развитая часть публики, другіе же доходили до обвиненій Мандта просто нелѣпныхъ—въ преднамѣренномъ и преступномъ отравленіи.

²⁾ Военно-Мед. Журн. 1853 г. часть LXII.

muriat. и пр. въ столь же дѣйствительныхъ дозахъ по $\frac{1}{100}$ грана (pro dosi). Послѣдній скептицизмъ д-ра Быстрова и другихъ врачей, слушавшихъ лекціи Мандта и примѣнявшихъ его методу, исчезъ, когда они увидѣли рядъ благопріятныхъ исходовъ при воспаленіи легкихъ, лѣченномъ „атомистическими порошками“ (extr. nucis et extr. digitalis (или aconiti) ana $\frac{1}{10}$ gr.). безъ примѣненія тогдашнихъ излюбленныхъ средствъ—кровопусканія, пивовъ, кровососныхъ банокъ etc!

Такой же officialный успѣхъ „атомистической метода“ Мандта имѣла и въ Петербургѣ ¹⁾: въ томъ же 1853 году „объявлена особенная признательность Государя Императора директору образцоваго военного госпиталя тайному совѣтнику лейбъ-медику Мандту за успѣшное атомистическое лѣченіе больныхъ и Высочайшее благоволеніе сотрудникамъ его старшимъ врачамъ того же госпиталя Е. Пеликану и Гольмеру“.

(Военно-Медиц. Журн. 1853 г. ч. LXII, офиц. извѣст.). Мандтъ до того убѣдилъ Императора Николая въ пользѣ своей методы, что по Высочайшему повелѣнію военные врачи должны были на смотрахъ и ученьяхъ носить на перевязи особые сумки съ атомистическими лекарствами для подачи первой помощи заболѣвшимъ нижнимъ чинамъ ²⁾.

Послѣ смерти Императора Николая 1-го и отъѣзда Мандта за границу адепты атомистической методы, угрожавшей затормозить развитіе нашихъ госпиталей, быстро ступевались.

Въ виду своеобразнаго научнаго направленія д-ра Мандта онъ, очевидно, не могъ принести никакой пользы Академіи, гдѣ терапевтическая клиника находилась подъ руководствомъ талантливаго Зейдлица, поставившаго преподаваніе на небывало научную высоту, знакомую лишь очень немногимъ европейскимъ клиникамъ того времени.

Къ тому же Мандтъ занимался только съ 18 студентами

¹⁾ Впослѣдствіи въ 1856 г. для оффиціи лѣченія по атомистической методѣ была учреждена по Высочайшему повелѣнію коммиссія, въ которую вошелъ профессоръ Зденкауеръ и Энкъ. Неблагопріятныя заключенія этой коммиссіи навсегда похоронили пресловутую атомистическую методу.

²⁾ См. воспоминанія д-ра Ильинскаго въ Русск. Стар. 1894 г.

5 курса, 26 же прочих студентов посѣщали Военно-Сухоп. госпиталь, оставаясь безъ руководства въ своихъ практическихъ занятіяхъ. Конференція Академіи, видя ненормальность подобнаго порядка вещей, старалась найти профессора, который могъ бы быть полезнымъ студентамъ 5 курса въ госпиталь, ведя преподаваніе „по методу клиническихъ наставленій профессора Зейдлица въ 3-мъ и 4-мъ классахъ“. Не найдя подходящаго преподавателя, Конференція единогласно постановила „просить профессора Зейдлица наставлять клинически въ госпиталь студентовъ 5 класса“. Зейдлицъ согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему, какъ профессору Пирогову, позволено было выбирать для своихъ лекцій интересныхъ больныхъ, помѣщая ихъ въ особыя госпитальныя палаты. По принятіи своихъ ежедневныхъ занятій въ терапевтической клиникѣ Зейдлицъ выразилъ желаніе руководить студентовъ въ госпитальной терапіи только три раза въ недѣлю, въ остальные же дни, по его предложенію, занятія ведетъ ординаторъ, по его, Зейдлица, выбору и подъ его отвѣтственность. При этомъ Зейдлицъ просилъ, принимая на себя новыя обязанности, освободить его отъ чтенія общей терапіи и, семіотики, поручивъ послѣднее адъюнкту Шипулинскому.

Конференція приняла предложенія и условія Зейдлица. (Проток. Конференц. 6 сент. 1841 № 27).

Такимъ образомъ рядомъ съ Мандтомъ выступилъ Зейдлицъ и, безъ всякаго сомнѣнія, при свободномъ выборѣ профессора, всѣ слушатели оказались бы на сторонѣ послѣдняго, подобно тому какъ въ 1861 году студенты перестали слушать профес. Шипулинскаго и перешли къ его адъюнкту С. П. Вогкину. Но это, разумѣется, не могло случиться при суровой военной дисциплинѣ и регламентаціи ученія при графѣ Клейнмихелѣ. Впрочемъ въ скоромъ времени докторъ Мандтъ, какъ и предвидѣла Конференція, сталъ тяготиться своими профессорскими обязанностями, которыми онъ къ тому же исполнялъ бесплатно).

¹⁾ Какъ лейбъ-медики Мандтъ получалъ 19 тыс. руб. асс. (Дѣло канц. воен. М-на 1844 г. № 405 арх. Акад.).

1 декабря 1842 года онъ уѣхалъ въ заграничный отпускъ, по возвращеніи изъ котораго болѣе не возобновлялъ своихъ лекцій въ госпиталь¹⁾.

Обращеніе къ профессору Зейдлицу было временной мѣрой Конференціи, и приглашеніе достойнаго профессора на вакантную кафедру госпитальной терапевтической клиники составляло по прежнему очередной вопросъ.

2 декабря 1841 года президентъ Шлегель пишетъ графу Клейнмихелю что по его убѣжденію самымъ подходящимъ кандидатомъ для занятія вакантной кафедры былъ бы профессоръ Виленской Медико-Хирургической Академіи Мянновскій, напечатавшій въ журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ отчетъ о своемъ двухлѣтнемъ пребываніи за границей, гдѣ онъ занимался общей и частной терапіей и изучилъ постановку клиническаго преподаванія. По возвращеніи въ Россію Мянновскій съ большимъ успѣхомъ и пользой для учащихся занималъ должность профессора терапевтической клиники сперва въ Виленскомъ Университетѣ, а потомъ въ Виленской Мед. Хир. Академіи.

По собраннымъ имъ даннымъ Мянновскій занимается въ Вильнѣ обширною практикой и имѣетъ всѣ необходимыя качества хорошаго преподавателя.

Шлегель предполагаетъ, въ случаѣ перехода Мянновскаго поручить ему преподаваніе психіатріи студентамъ 4 класса, завѣдываніе терапевтическимъ отдѣленіемъ госпиталя на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ приглашенъ Пироговъ, клиническое руководство студентовъ V класса съ жалованіемъ профессору 5000 рубл. ассигнаціями, кромѣ жалованья по должности его, какъ главнаго врача терапевт. отдѣленія госпиталя. При этомъ Шлегель не опускаетъ случая высказать свое

¹⁾ Дѣла президента Мед. Хир. Академіи 1841 № 902.

Въ 1845 г. Мандтъ, ссылаясь на расстроенное здоровье, хотѣлъ покинуть Петербургъ и подать отставку отъ службы при дворѣ, но былъ удержанъ Императоромъ, предложившимъ ему годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія (дѣло канцеляріи воен. министерства, перед. въ архивъ М. Х. Акад. № 464). Тутъ же подлинныя письма Мандта.

убѣжденіе, что раздѣленіе Военно Сухоп. госпиталя на терапевтическое и хирургическое отдѣленія дѣло величайшей пользы для преподаванія медицины въ Академіи, для самого госпиталя, ординаторовъ его, студентовъ V класса и молодыхъ лекарей, оставляемыхъ для усовершенствованія (дѣла президента 1841, № 904).

Вѣроятно, рекомендуя Мянковского, Шлегель заручился согласіемъ послѣдняго на переходъ въ Академію, такъ какъ на этотъ разъ вопросъ о замѣщеніи вакантной кафедры рѣшенъ окончательно, и 19 янв. 1842 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ профессора Виленской Медико-Хирург. Академіи Мянковского въ Петербургскую Медико-Хир. Академію, сверхъ штата для отдѣльнаго преподаванія психіатріи, съ жалованьемъ 5000 р. ассигн. изъ Государственного Казначейства. Сверхъ того Мянковскій опредѣляется во 2-й Военно-Сухопутный госпиталь для руководства студентовъ въ клиническихъ занятіяхъ и завѣдыванія госпитальнымъ отдѣленіемъ внутреннихъ болѣзней на томъ же основаніи, какъ главный врачъ отдѣленія наружныхъ болѣзней (Широковъ) (протоколъ Конференціи отъ 24 янв. 1842).

Осипъ Игнатьевичъ
МЯНОВСКІЙ.

Съ рисунка въ газетѣ «Kiosy» 1879 года.

Кафедра госпитальной терапевтической клиники при
профессоръ О. И. Мянновскѣ (1842—1860 г.).

Осипъ Игнатьевичъ Мянновскій ¹⁾ родился въ 1804 году въ г. Умани. Онъ происходилъ изъ бѣдной дворянской польской семьи, учился сперва на родинѣ въ Умани, въ уѣздномъ училищѣ, а потомъ поступилъ въ 1822 въ казенный институтъ при Виленскомъ университетѣ и окончилъ съ отличіемъ лекаремъ 1-го отдѣленія въ 1826 году. Въ это время Виленскій университетъ былъ въ апогее своей славы. Мянновскій былъ сверстникомъ и товарищемъ Адама Мицкевича и слушалъ лекціи знаменитаго Sniadezk'аго и Joseph'a Frank'a имѣвшихъ большое вліяніе на его умственное развитіе и образованіе высокихъ нравственныхъ качествъ, отличавшихъ его характеръ.

29 іюня 1828 Мянновскій защитилъ диссертацию на доктора медицины „De tetano observationes tres cum epicrisi“ и оставленъ при университетѣ помощникомъ профессора терапевтической клиники. Въ февралѣ 1831 года, по его личному желанію, ему порученъ былъ уходъ за больными и ранеными солдатами виленскаго военнаго госпиталя. Это обратило на него вниманіе правительства и отчасти содѣйствовало его будущей карьерѣ въ Петербургѣ. Мянновскій былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ за ревностную службу и ему было

¹⁾ Gazeta lekarska, № 5 1879 (некрологъ), Kłosy 1879, стр. 54, некрологъ съ портретомъ, Tygodnik Ilustrowany, 1879 стр. 38, Wspomnienie pośmiertne Sulimierskiego, Русская Старина 1891, воспом. проф. Здекауера; формулярный списокъ Мянновскаго въ архивѣ Военно-Медиц. Академіи. Историческій Вѣстникъ 1880 г. А. Д. Мицкевичъ, Неслуховскаго.

объявлено Монаршее благоволение. Въ тоже время онъ началъ въ Виленскомъ университетѣ чтеніе лекцій по физиологій и былъ избранъ членомъ мѣстнаго „Towarzystwo lekarskie“.

Послѣ закрытія Виленскаго университета въ 1832 году Мянновскій назначается ассистентомъ при кафедрѣ терапевтической клиникі въ Виленской Медико-Хирургической Академіи, со званіемъ адъюнкта-профессора съ 1834 г. Въ 1830 году онъ напечаталъ въ „Dziennik med. chirurg. i technicz.“ отчетъ о дѣятельности терапевтической клиникі професс. Sniadezk'аго за 1829—1830 г. („Zdania o pracy z dziejow kliniki medycznej przy wydziale lekarskim w uniwersytecie wilenskim“), послѣ чего С.-Петербургская Мед. Хир. Академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Въ 1837 году Мянновскій помѣстилъ въ *Collectanea medico-chirurgica* „Observationes ex actis medicis instituti clinici anno 1834—1835“; за этотъ трудъ онъ получилъ благодарность отъ Министра нар. просвѣщенія и удостоился отъ Государя Императора награжденія брилліантовымъ перстнемъ. Тогда же (дек. 1837 г.) онъ былъ избранъ членомъ корреспондентомъ Берлинскаго Медико-Хир. Общества.

Въ 1837 году Мянновскій посланъ насчетъ Мед. Хир. Акад. за границу на 2 года. Изъ его отчетовъ объ этомъ научномъ путешествіи (жур. Мин. Вн. Дѣл № XII 1837 и №№ IX и X 1838 г.) видно, что онъ посѣтилъ всѣ выдающіяся научные центры Германіи и Австріи: Прагу, Дрезденъ, Лейпцигъ, Галле, Берлинъ, Боннъ, Франкфуртъ, Гейдельбергъ, Вѣну, работая въ клиникахъ, слушая лекцій знаменитыхъ профессоровъ и подробно осматривая больницы и учрежденія для психическихъ больныхъ. Въ Берлинѣ онъ занимался 4 мѣсяца у Флорина патологическ. анатоміей и примѣненіемъ стетоскопа къ распознаванію болѣзней. Особенно привлекалъ его Боннъ, гдѣ блистали имена профессоровъ Бишофа, Наумана и Нассе, наиболѣе передоваго клинициста того времени въ Германіи. Прослушавъ курсъ у Нассе, Мянновскій отдаетъ ему должное уваженіе, не впадая въ излиш-

нее поклоненіе. У Нассе онъ впервые видитъ особую подготовительную клинику для студентовъ III курса „самую необходимую и полезную, гдѣ студенты учатся наблюдать больного и употреблять, извѣстные средства, чтобы дойти до познанія болѣзни“. „Я почитаю ее¹⁾, говоритъ Мянновскій самою необходимою, потому что видѣлъ ея вліяніе на студентовъ. Нигдѣ не случалось замѣтить мнѣ, чтобы наблюденія дѣлались съ болѣею точностью, нигдѣ исторіи больныхъ не были лучше изложены... такой успѣхъ приписываю я не только исключительно таланту начальника школы, но и естественному слѣдствію тѣхъ правилъ, которыхъ профессоръ заставляетъ придерживаться“.

Однако къ личности Нассе онъ относится критически, находя, несмотря на его признанную славу, что у него „можетъ быть болѣе воображенія, нежели сколько бы нужно профессору практической медицины“²⁾; „при постели больного Нассе собственно теоретикъ и мысли его о существѣ болѣзней, о ближайшей ихъ причинѣ, не что иное, какъ гипотезы“³⁾.

Нассе былъ главой нѣмецкой школы, отвергавшей идиопатическія душевныя болѣзни. Въ его клиникѣ Мянновскій слушалъ также лекціи по психіатріи и осматривалъ институты для душевныхъ больныхъ:—частный проф. Нассе въ Боннѣ и образцовый правительственный въ Сигбургѣ близъ Бонна, о которомъ отзывается съ большой похвалой.

Вѣна разочаровала Мянновскаго; она не была болѣе средоточіемъ научной мысли, какъ при Петрѣ Франкѣ и Гильдебрандтѣ. Врачи превратились въ отсталыхъ рутинеровъ. Школа тогда еще не выступила и только одинъ Рокитанскій былъ восходящей звѣздой, работая надъ громаднымъ патолого-анатомическимъ матеріаломъ Вѣнской общей больницы. Мянновскій съ ироніей говоритъ о профессорѣ терапевтической клиникі Ваврухѣ, посредственномъ клиницистѣ, извѣстномъ въ Вѣнѣ

¹⁾ Жур. Мин. Вн. Дѣл, № X, стр. 300, 1838 г.

²⁾ Жур. Мин. Вн. Дѣл. Донесеніе Мянновскаго, стр. 297, кн. X 1838 г.

³⁾ 1, с. стр. 300.

подъ названіемъ grosser Wurmdoctor. Наибольшую пользу онъ вынесъ изъ знакомства съ патологическимъ музеемъ профессоровъ Рокитанскаго и Коллежки, гдѣ впервые увидѣлъ на препаратахъ разницу „между изъязвленіями въ тифусѣ и изъязвленіями бугорковатыми, встрѣчающимися въ простомъ и кровавомъ поносѣ“¹⁾. Тутъ же при разсѣченіяхъ труповъ у Рокитанскаго и Коллежки Мянновскій убѣждается, „что endocarditis всегда сопряжена съ воспаленіемъ селезенки и почекъ; что острая бугорковая чахотка никогда не поражаетъ однихъ легкихъ, но что почти всѣ органы въ ней участвуютъ, а въ особенности селезенка, печень и мозгъ“²⁾.

По возвращеніи въ Вильну въ началѣ 1839 года Мянновскій назначается адъюнктомъ терапевтической клиники и экстраординарн. профессоромъ физиологій, а въ 1840 ординарнымъ профессоромъ физиологій въ Виленской Мед.-Хир. Академіи. Въ 1839 году онъ издалъ сочиненіе „O złamaniach kości“ (о переломахъ костей) въ 2 томахъ. Vilna 1839. Это была его послѣдняя печатная работа, если не считать статьи: „aethiops mineralis при холерѣ“, напечат. въ Gazetta lekarska 1870 г.

Въ 1839 г. Мянновскій былъ выбранъ почетнымъ членомъ общества физическихъ и химическихъ наукъ въ Парижѣ.

По назначеніи на кафедру госпитальной клиники въ Академіи, съ переѣздомъ въ Петербургъ чисто научная дѣятельность Мянновскаго прекратилась неожиданно помимо его воли. Сверхъ клиническихъ занятій профессора у него тотчасъ же возникла въ столицѣ громадная врачебная практика преимущественно въ средѣ высшего общества и при дворѣ. Все время Мянновскаго было поглощено этой дѣятельностью. Скоро онъ сдѣлался лейбъ-медикомъ и неоднократно командировается за границу для сопровожденія Высочайшихъ особъ, иногда на долго прерывая свои профессорскія занятія въ Академіи. Личныя качества Мянновскаго дѣлали его особенно драгоцѣн-

нымъ практическимъ врачомъ. Прекрасно подготовленный специалистъ, онъ обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкимъ по полнотѣ общимъ образованіемъ и утонченнымъ воспитаніемъ. Очень добрый и мягкій отъ природы, онъ соединялъ съ сердечной теплотой особый тактъ и умѣнье обходиться со всѣми. Благородный, открытый характеръ приобрѣли ему общее расположеніе, и не удивительно, что въ короткое время онъ сталъ популярнѣйшимъ врачомъ. Товарищи по Конференціи питали къ нему полное довѣріе и уваженіе.

Извѣстно, что Н. И. Пироговъ благодаря своему независимому, какъ говорили многіе — тяжелому характеру, и быстрой служебной карьерѣ стоялъ въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ къ большинству Конференціи, которое, признавая его громадные научныя заслуги и поддерживая всѣ его научныя начинанія, втайнѣ завидовало ему и не любило его. Мянновскій былъ горячимъ почитателемъ Пирогова³⁾, съ которымъ находился въ наилучшихъ дружескихъ отношеніяхъ, что не мѣшало ему оставаться совершенно независимымъ въ академической жизни: Пироговъ по дѣльнымъ годамъ не бывалъ въ Конференціи, Мянновскій же, несмотря на свою крайнюю занятость, очень аккуратно посѣщалъ засѣданія ея, усердно участвуя въ обсужденіи всѣхъ научныхъ вопросовъ и нуждъ Академіи.

Среди своихъ слушателей, студентовъ М. Х. Академіи, Мянновскій также пользовался большою популярностью благодаря своимъ клиническимъ познаніямъ, ласковому отношенію

³⁾ Глаубовуважаемый профессоръ А. Я. Красовскій (выпуска изъ Академіи 1848 года) рассказывалъ намъ слѣдующій случай, свидѣтельствующій о дружбѣ Мянновскаго съ Пироговымъ. Въ 1848 г. на лекцію Пирогова зашелъ Мянновскій. Пироговъ собирался сдѣлать грыжесѣченіе больному, приготовленному на операционномъ столѣ. Бѣгло взглянувъ на больного, Мянновскій замѣтилъ Пирогову, что грыжу можно вправить. „Попробуйте, попробуйте“, добродушно откликнулся Пироговъ. Мянновскій попросилъ дать больному хлороформъ и, къ общему удивленію аудитора, вправилъ грыжу. По словамъ А. Я. Красовскаго Мянновскій не обнаруживалъ особенной учености въ своихъ лекціяхъ, но какъ практикъ поражалъ своихъ слушателей ловкостью, находчивостью и особеннымъ вдохновеніемъ діагностики.

¹⁾ Жур. М. Ви. Дѣлъ кн. X. 1838 стр. 311.

²⁾ I. с. стр. 311.

къ больнымъ, искреннему сочувствію къ молодежи и особенному располагающему добродушію ¹⁾).

Въ 1855 году исполнилось 25 лѣтъ преподавательской дѣятельности Мянковского, при чемъ онъ былъ выбранъ Конференціей единогласно еще на 5 лѣтъ.

Въ 1860 году онъ вышелъ въ отставку ²⁾ съ пенсіей въ 1713 р. с. въ годъ и званіемъ заслуженнаго профессора и отправился въ Италію для поправленія здоровья, разстроеннаго большой практикой. Подъ вліяніемъ жены, ревностной католички (женился въ 1850 году на дочери одного извѣстнаго петербургскаго врача), Мянковский рѣшилъ поселиться навсегда въблизи Рима. Но событія еще разъ призвали его къ дѣятельности на пользу родины. Уступая настоятельнымъ просьбамъ административнаго совѣта царства польскаго, онъ принялъ на себя званіе ректора главной школы въ Варшавѣ (1862 г.) и на этомъ трудномъ посту служилъ своему краю до преобразования школы въ университетъ въ 1869 г.

Въ тяжелый періодъ политическихъ смутъ Мянковский своимъ высокимъ авторитетомъ дѣйствовалъ благотворно и успокоительно на молодежь, питавшую къ нему неограниченное довѣріе, и завоевалъ общія симпатіи. Польское общество одѣлило его высокія качества, благодаря которымъ было спасено не мало молодежи.

Въ Варшавѣ Мянковский рѣдко занимался практикой, преимущественно дѣтской, охотно помогая бѣднымъ всѣмъ, чѣмъ могъ ³⁾).

Въ 1869 году онъ снова удалился въ Италію, лишь изрѣдка наѣзжая въ Варшаву; умеръ онъ въ Анконѣ въ 1879 г., 75 лѣтъ отъ роду ⁴⁾.

¹⁾ Сообщено слушателемъ Мянковского професс. Иваномъ Гавриловичемъ Карпинскимъ выпуска 1858 г.

²⁾ Причемъ (прот. № 30. 1860, дѣло канц. пр. 75. 1861) былъ награжденъ Государемъ Императоромъ золотой табакеркой съ бриллиантовымъ именемъ Государя. Товарищи по Конференціи съ президентомъ Дубовицкимъ почтили Мянковского процѣпленнымъ обѣдомъ въ гостини. Демуть 28 дек. 1860 г.

³⁾ Wspomnienie posmiertne, Filip Sulimiersky

⁴⁾ Gazeta lekarska № 5, 1879, Tygodn. illustr. 1. с.

Назначенный профессоромъ госпитальной терапевтической клиники въ М. Х. Академіи 19 янв. 1842, Мянковский пришелъ изъ Вильны въ Петербургъ и вступилъ въ должность 28 марта 1842 г., получивъ въ свое распоряженіе терапевтическое отдѣленіе госпиталя со званіемъ главнаго врача этого отдѣленія. Старшимъ врачомъ госпиталя былъ Лоссіевскій, съ возмутительными злоупотребленіями котораго боролся Пироговъ; благодаря энергіи его наиболѣе вопіющія безобразія скоро прекратились.

Тотчасъ же по вступленіи въ должность, Мянковский проситъ назначить ему адъюнктомъ д-ра медицины Генриха Кулаковскаго изъ Виленской мед. хир. Академіи, для практическихъ занятій со студентами и повторенія пройденнаго курса. (Прот. 25 мая 1842). Конференція согласилась съ его мнѣніемъ и постановила ходатайствовать предъ графомъ Клейнмихелемъ. 30-го мая 1842 Кулаковский опредѣленъ въ клинику Мянковского съ допущеніемъ къ экзамену на званіе адъюнкта и къ чтенію пробной лекціи. Въ скоромъ времени, по просьбѣ Мянковского, Кулаковский зачисляется ординаторомъ госпиталя, чтобы имѣть право распоряжаться лѣченіемъ и замѣнять профессора въ его отсутствіе (28 ноября 1842 г.).

Кромѣ завѣдыванія госпитальной клиникой Мянковский долженъ былъ читать 4-му курсу лекціи по психіатріи.

18 іюня 1842 Конференція ходатайствуетъ предъ директоромъ департамента военныхъ поселеній гр. Клейнмихелемъ о разрѣшеніи Мянковскому читать акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни. Мянковский соглашался принять на себя эти обязанности съ условіемъ, чтобы его освободили отъ преподаванія психіатріи, которую Конференція желала поручить Шипулинскому. Представленіе Конференціи было утверждено, и Мянковскому поручено временное завѣдываніе акушерскимъ, женскимъ и дѣтскимъ отдѣленіемъ клиники, съ оставленіемъ профессоромъ терапевтической клиники.

5 сентября 1842 президентъ Шлегель предложилъ проф. Мянковскому и Пирогову, ради удобства практическихъ упражненій студентовъ V класса, раздѣлить ихъ на двѣ половины и заниматься съ

каждой поочередно по 2 мѣсяца, чтобы всѣ студенты имѣли 8 мѣсяцевъ госпитальныхъ занятій въ годъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ госпиталя, терапевтическомъ и хирургич., поучительные больные помѣщаются въ особыя палаты. Студенты 5-го класса, кромѣ занятій надъ больными въ утренніе часы подъ руководствомъ профессоровъ, должны аккуратно посѣщать своихъ больныхъ также по вечерамъ, подъ надзоромъ адъюнктовъ-профессоровъ и репетиторовъ и каждую пятницу представляютъ инспектору отчетную вѣдомость объ ежедневныхъ посѣщеніяхъ. Такимъ же образомъ студенты 5-го класса посѣщаютъ подъ руководствомъ професс. Мянковского акушерскую женскую и дѣтскую клинику. (Дѣла конфер. № 44, 1843).

Строгая регламентація ученія облегчалась въ то время небольшимъ числомъ учащихся. Въ 40-хъ годахъ до Крымской войны на 5-мъ курсѣ было не болѣе 50—60 студентовъ. Профессоръ, его адъюнктъ и репетиторъ находились въ ежедневномъ тѣсномъ общеніи со студентами, которые много выигрывали отъ этого. Постоянныя заботы о твердомъ усвоеніи учащимися пройденнаго курса и контроль надъ ихъ практическими занятіями, конечно, были обременительны и излишни для немногихъ талантливыхъ студентовъ, но среднему большинству несомнѣнно приносили пользу. Этой системою достигалась извѣстная гарантія, что оканчивающіе госпитальные курсы дѣйствительно были подготовлены къ независимой практической дѣятельности. Въ 1841 году состоялось съ той же цѣлью Высочайшее повелѣніе не отправлять тотчасъ оканчивающихъ Академію въ полки, но оставлять еще на одинъ годъ для практическихъ занятій, съ исполненіемъ ординаторскихъ обязанностей при Военно-Сухопутномъ госпиталѣ. Эта полезная мѣра просуществовала до 1848—1849, когда усиленная потребность во врачахъ для венгерской кампаніи вызвала отмену ея.

Терапевтическое отдѣленіе 2-го Военно-Сухопутнаго госпиталя при Мянковскомъ помѣщалось въ томъ самомъ каменномъ 2-хъэтажномъ флигелѣ, гдѣ и нынѣ находится госпитальная терапевтическая клиника, съ той разницей, что въ то время зданіе клиники не вполне примыкало къ части госпиталя, выходящей фасадомъ на р. Большую Неву, но сообщалось съ нимъ коридоромъ; женское отдѣленіе госпитальной клиники

Мянковского помѣщалось тамъ же, гдѣ и теперь. Комнаты или палаты госпитальной клиники въ сущности по обстановкѣ не отличались отъ прочихъ госпитальныхъ палатъ. Входъ въ палаты открывался направо и на лѣво изъ коридора, проходившаго посреди каждого этажа. Въ палатахъ обыкновенно помѣщалось по 15—20 больныхъ; всѣ палаты были проходныя.

Въ первые годы клинической дѣятельности Мянковского, при попечителѣ Академіи Веймарнѣ, 2-й Военно-Сухопутный госпиталь подвергается ряду улучшеній и нововведеній, благодаря которымъ онъ постепенно становится не только ареной для діагностическихъ упражненій на громадномъ больничномъ матеріалѣ, но является уже сносной клиникой, гдѣ было до извѣстной степени возможно рациональное лѣченіе и уходъ за больными. Много полезныхъ и необходимыхъ госпитальныхъ улучшеній возникло по почину Мянковского и Пирогова. Президентъ Академіи Шлегель, бывшій ранѣе директоромъ военныхъ госпиталей въ Ригѣ и Москвѣ и прекрасно знакомый съ организаціей и потребностями больничныхъ учреждений, также не мало сдѣлалъ для прочнаго слиянія госпиталя съ Академіей и для правильной постановки въ немъ клиническаго преподаванія. Заслуга его въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе велика, что ему приходилось быть посредникомъ между Академіей и такими попечителями ея какъ генералы Веймарнъ, Анненковъ и Игнатьевъ, которые, не будучи враждебны процвѣтанію Академіи, понимали свою задачу по отношенію къ ней довольно своеобразно, проявляя излишнее вмѣшательство и претендуя на компетентность въ чисто специальныхъ вопросахъ.

При частной смѣнѣ попечителей Академіи главнымъ начальникомъ, на утвержденіе котораго восходили всѣ важнѣйшія реформы въ Академіи, въ теченіи около 15 лѣтъ оставался военный министръ князь А. И. Чернышовъ; по счастью, онъ всегда относился благосклонно къ Академіи, цѣнилъ талантливыхъ профессоровъ и вообще отличался широкими взглядами на учебно-ученныя задачи Академіи.

Приведемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ тѣ мѣры,

которые имѣли значеніе для развитія госпитальныхъ клиникъ и клиническаго преподаванія.

14 ноября 1842 дежурный генералъ Веймарнъ, только что назначенный попечителемъ Академіи, по ходатайству Конференціи предоставляет госпитальнымъ клиникамъ право принимать гражданскихъ больныхъ по выбору профессоровъ. Это распоряженіе имѣло немаловажное значеніе, такъ какъ клиническій матеріалъ громаднаго 2-го Военно-Сухопутнаго госпиталя отличался большимъ однообразіемъ. Изъ какихъ больныхъ составлялся этотъ матеріалъ, и откуда они поступали въ госпиталь, видно изъ донесенія главнаго доктора госпиталя Лосіевскаго президенту Академіи Шлегелю въ общемъ обзорѣ состоянія госпиталя съ 1-го ноября 1842 по 1-е ноября 1843 г.

Доноси, что во 2-мъ В.-Сух. госпиталѣ средняя годовая смертность была 1 на 12 больныхъ, онъ объясняетъ такую большую смертность тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ госпиталь служитъ складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ петербургскихъ военныхъ госпиталей, направлявшихъ въ него обременительныхъ больныхъ, отъ которыхъ желательно было отдѣлаться. 1. Сюда переводятся истощенные и безнадежные больные изъ закрывающихся военныхъ госпиталей. 2. Изъ всѣхъ столичныхъ и окрестныхъ госпиталей присылаются больные съ острыми и хроническими сыпями и помѣшанные, часто въ сильной степени истощенія. 3. Гвардейскіе полки, имѣющие свои лазареты, присылаютъ въ госпиталь истощенныхъ больныхъ и для операций. Изъ остальныхъ полковъ поступаютъ старые и дряхлые нижние чины, назначенные по болѣзни на внутреннюю службу или въ отставку; далѣе идутъ инвалиды командъ пожарныхъ, городскихъ etc., арестанты, изнуренные болѣзнями, тюремнымъ заключеніемъ и душевными страданіями. Больные нерѣдко доставляются въ отчаянномъ состояніи и умираютъ, не проживши въ госпиталѣ сутокъ.

Изъ отчетовъ главныхъ врачей Хотинскаго и Нелюбина видно, что главный контингентъ госпитальныхъ больныхъ по прежнему поступалъ изъ этихъ источниковъ, смертность остается довольно высокой, что проф. Мянновскій по отношенію къ своему отдѣленію объясняетъ подборомъ трудныхъ больныхъ въ интересахъ преподаванія.

19 декабря 1842 попечитель дежурный генералъ Веймарнъ

предложилъ Конференціи Академіи обсудить вопросъ, не слѣдуетъ ли больнымъ женщинамъ, дѣтямъ и роженицамъ академической клинки давать другую пищу, въ отличіе отъ больныхъ нижнихъ чиновъ, продовольствуемыхъ по госпитальной табели. Конференція, выполнѣ раздѣляя это предложеніе, ходатайствуетъ, чтобы такое же отличіе было сдѣлано для частныхъ гражданскихъ больныхъ госпитальныхъ и академическихъ клиникъ, которые еще болѣе нуждаются въ привычной имъ лучшей пищѣ, нежели больные женщины и родильницы изъ низшихъ сословій.

Генералъ Веймарнъ не согласился съ мнѣніемъ Конференціи и предложилъ всѣхъ гражданскихъ больныхъ содержать въ академическихъ клиникахъ, въ госпиталь же принимать только больныхъ военнаго вѣдомства. Конференція въ своемъ отвѣтѣ возражаетъ, что на средства Академіи содержатся только 15 частныхъ больныхъ; если же гражданскихъ больныхъ принимать исключительно въ академическія клиники, то слѣдовало бы ихъ (т. е. клиники) совсѣмъ отдѣлить отъ госпиталя въ хозяйственномъ отношеніи. (Прот. Конфер. № 3, 23 янв. 1843 г.).

27 февраля 1843 г. Конференція получила весьма характерный отвѣтъ отъ генерала Веймарна по тому же вопросу о содержаніи въ госпиталѣ частныхъ больныхъ. «Разсмотрѣвъ представленіе Конференціи и приложенную къ нему порціонную табель, по которой предполагается довольствовать частныхъ больныхъ въ клиникахъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ и дѣтей безъ различія сословія, пола и возраста, Его Превосходительство находитъ, что полагаемая по табели той пища менѣе разнообразна чѣмъ по (дѣйствующей) госпитальной табели, и притомъ заключая въ составѣ своемъ болѣе изысканности, нежели существенной потребности (!?), едва ли можетъ быть полезною для дѣтей и особенно для женщинъ, такъ какъ эти послѣднія, будучи по увѣренію Конференціи изъ низкаго сословія, привыкли къ грубой пищѣ. Его П-во предлагаетъ вторично сообразить, прилично ли будетъ отличать довольствіе частныхъ больныхъ отъ довольствія больныхъ военнаго сословія, когда всѣ эти люди поступили въ клинику для единой цѣли, сохраняютъ равныя права какъ на лѣченіе, такъ и на содержаніе. Не было ли бы удобнѣе частныхъ больныхъ, дѣйствительно ищущихъ врачебной помощи, заохочивать къ поступленію въ клиники болѣе успѣхомъ лѣченія, чѣмъ изысканностью содержанія». Въ заключеніе генералъ Веймарнъ предложилъ Конференціи оставить все на прежнемъ положеніи, а для родильницъ, больныхъ женщинъ и дѣтей выработать снова особую табель пищевого довольствія. Конференція выбрала для

этого комиссию из профессоров Саломона, Зейдлица и Мянковского (Проток. Конфер. 1843 г.)

Два месяца спустя, на основании заключений этой комиссии, Конференция решила отстаивать свое первоначальное мнение о предложенной на утверждение генерала Веймарна табели для питания гражданских больных, принятых в клиники. Частных больных простого звания Конференция соглашается поместить в особые палаты и давать им общую госпитальную пищу, развочивцев же и лечавшихся на собственный счет предполагает кормить из академической кухни¹⁾, что всегда практиковалось раньше в клиниках Академии от основания их до перемещения их в военно-сухопутный госпиталь (1841). «Конференция Академии, принимая во соображение, что клиники составляют важнейшую часть каждого хорошо устроенного врачебного заведения и желая привести свои клиники на возможную степень совершенства, убеждена, что диететические меры должны соответствовать способу лечения, и что эти основанные на правилах медицины отношения могут способствовать достижению желаемой цели успешного лечения»; на этом основании определено возобновить ходатайство о снабжении всех больных, пользующихся в академических клиниках по прежнему из академической кухни по выработанной табели, представляемой дежурному генералу с некоторыми изменениями. (Проток. Конф. № 13, 1-го мая 1843).

9 октября 1843 последовало согласие генерала Веймарна на продовольствие всех гражданских больных из академической кухни; табель, выработанная Конференцией для этих больных, также утверждена.

В следующем 1844 г. генерал Веймарн уведомил Конференцию, что Военный Совет утвердил его разрешение кормить частных госпитальных больных из академической кухни, в вид опыта по табели Конференции, с тем чтобы эти больные лежали в особых палатах от военных, и чтобы Конференция донесла о результатах опыта в Комиссариатский департамент: в случае успеха имелося в виду ввести такие же порции и в других военных госпиталях (проток. Конференц. № 30, 1844 г.).

4 дек. 1843 г. Конференция ходатайствует об учреждении в деревянных флигелях 2-го военно-сухоп. госпиталя особого отделения для помещения больных гражданского ведомства на 200 кроватей (100 для мужчин, 50 для женщин и 50 для детей). Это ходатайство было удовлетворено только отчасти: в 1845 было разрешено принимать в госпиталь 75 гражданских больных для хирургической клиники (30 ноябр. 1845).

Самые элементарные потребности госпитальных клиник

¹⁾ Кухня при интернах студентов Академии.

нередко удовлетворялись лишь после долгой и сложной переписки и повторных ходатайств пред высшим начальством. Примером может служить вопрос о снабжении клиник медикаментами и врачебными пособиями, возбужденный профессором Мянковским и Пироговым¹⁾. В своем заявлении, поданном в Конференцию 8 апреля 1844 года, они говорят, что «занятия профессоров в госпиталь могут принести существенную пользу учащимся только тогда, когда госпиталь снабжен достаточным количеством самых необходимых употребительных врачебных средств, действительность которых дознана неоспоримым опытом».

До сих пор они должны были ограничиваться употреблением средств, полагающихся по госпитальному уставу: действительно полезных средств в официальном каталоге значится очень мало, и выписываются они в недостаточном количестве. Поэтому Мянковский и Пирогов просят Конференцию ходатайствовать о разрешении выписывать для госпиталя необходимые и полезные лекарства сверх официального каталога по особому каталогу, составляемому профессорами и одобренному Конференцией. Эти медикаменты должны поступать в академическую аптеку и расходоваться для больных госпитальных клиник Мянковского и Пирогова, по мере надобности.

Разделяя мнение названных профессоров, Конференция постановила: «принимая во соображение, что с учреждением акушерской, женской и детской клиники и увеличением академических кабинетов значительно умножилась потребность в лекарствах и других веществах, не положенных вовсе по каталогу 1839 года

¹⁾ Необыкновенная скудность и недостаточность госпитальных каталогов медикаментов была особенно большим местом военных госпиталей. Не имея возможности контролировать расход медикаментов (аптеки больших госпиталей тогда считались очень доходными местами), правительство старалось как можно более сокращать каталоги лекарств, предоставляя больным лечиться больше госпитальными деконтами и госпитальным воздухом (Мед. Вестник № 5, 1861). Может быть увлечение правящих военных сфер начала 50-х годов гомеопатической доктриной Манда объясняется отчасти подобными соображениями.

или положенных въ ограниченномъ количествѣ, несоотвѣтствующемъ нынѣшнему состоянію клиникъ и кабинетовъ Академіи, ходатайствовать предъ дежурнымъ генераломъ о разрѣшеніи пересмотрѣть и дополнить прежній каталогъ медикаментовъ и другихъ веществъ и представить на утвержденіе высшаго начальства». (Прот. Конфер. № 11, 1844 года).

По представленію Конференціи Веймарнъ разрѣшилъ пересмотрѣть и пополнить каталогъ медикаментовъ, «ограничиваясь при этомъ лишь дѣйствительной и существенной надобностью, устраняя излишества и замѣняя дорогія лекарства тождественными болѣе дешевыми»; пополненный такимъ образомъ каталогъ представить ему для распоряженія объ его утвержденіи.

Конференція поручаетъ составленіе каталога профессорамъ клиникъ и завѣдующимъ кабинетами, предлагая имъ принять во вниманіе каталогъ, составленный уже Мянковскимъ и Пироговымъ для госпитальныхъ клиникъ. (Проток. Конф. № 14, 13 мая 1844).

Вскорѣ дежурный генералъ уведомляетъ Конференцію о принципиальномъ согласіи Военнаго Министра на снабженіе госпитальныхъ клиникъ добавочными лекарствами, на этомъ основаніи Конференція посылаетъ въ медицинскій департаментъ Военнаго М-ва выработанный ею дополнительный каталогъ для должнаго распоряженія. (Проток. № 16, 1844).

Наконѣцъ новый каталогъ утверждается Военнымъ Министромъ и Конференція представляетъ право требовать добавочныя лекарства для академической аптеки. (Прот. № 17, 1844).

Но переписка и ходатайства по поводу лекарствъ не заканчиваются на этомъ. Медицинскій департаментъ на просьбу Конференціи объ отпускѣ добавочныхъ лекарствъ для клиническихъ отдѣленій отвѣчаетъ, что въ утвержденномъ Министромъ докладѣ разрѣшается Конференціи Академіи требовать по представленному ею каталогу нужныхъ для клиникъ средства и дозволяется ей вновь выписывать лишь пять врачебныхъ средствъ, не положенныхъ въ каталогахъ, но признаваемыхъ профессорами необходимыми для пользы больныхъ.

Тогда Конференція постановила вторично рассмотреть дополнительный каталогъ медикаментовъ, уменьшивъ насколько возможно количество послѣднихъ, и довести до свѣдѣнія дежурнаго генерала Веймарна, что если отпускъ этихъ средствъ будетъ разрѣшенъ, то получится возможность купить пивки для клиникъ Пирогова (1200 шт.) и Мянковского (2000 шт.) на счетъ суммъ, назначенной на содержаніе академической аптеки, которая (сумма) нынѣ большей частью затрачивается на покупку новыхъ медикаментовъ, не положенныхъ по каталогу или отпускаемыхъ въ недостаточномъ количествѣ. (Проток. № 22, 30 іюня 1844).

23 декабря 1844 Веймарнъ извѣщаетъ Конференцію, что медицинскій департаментъ, рассмотрѣвъ дополнительные каталоги вра-

чебныхъ средствъ для клиникъ, кабинетовъ, академической аптеки, терапевтическаго и хирургическаго отдѣленія госпиталя, соглашается съ заключеніемъ Конференціи, что пополненіе каталога вызвано крайней необходимостью и что при назначеніи количества лекарствъ соблюдена лишь дѣйствительная надобность. Тѣмъ не менѣе Веймарнъ всетаки внушаетъ Конференціи принять мѣры для уменьшенія расходовъ въ лекарствахъ, и предлагаетъ рассмотреть, не будетъ ли удобно установить извѣстное время въ году, когда Академія должна требовать медикаменты и припасы по новымъ каталогамъ etc. (Проток. № 41, 1844).

Я прекращаю дальѣйшія выписки изъ этой утомительной канцелярской переписки по вопросу о новыхъ медикаментахъ, полагая, что сказанное исчерпываетъ суть дѣла и достаточно характеризуетъ зависимость Академіи отъ ея начальства въ специально-лѣчебныхъ вопросахъ.

Въ 1845 году генералъ Веймарнъ пишетъ президенту Академіи, что по его мнѣнію цѣль, съ которой выпускаемые изъ Академіи врачи прикомандировываются къ госпитальнымъ клиникамъ, не вполне достигается, ибо въ теченіе этого времени они имѣютъ слишкомъ мало самостоятельныхъ занятій, и усовершенствованіе ихъ не подвергается никакому контролю. Поэтому онъ предлагаетъ, чтобы врачи представляли въ Конференцію ежемѣсячно или полугодно отчеты о своихъ занятіяхъ въ клиникахъ, и чтобы Конференція на основаніи ихъ работъ выдавала имъ особые свидѣтельства объ успѣхахъ или же сообщала о послѣднихъ въ медицинскій департаментъ.

Конференція выработала при участіи проф. Мянковского и другихъ клиническихъ профессоровъ проектъ занятій для молодыхъ лекарей, оставляемыхъ на 1 годъ для практическаго усовершенствованія при клиникахъ Академіи и военно-сух. госпиталѣ.

1. Молодые медики распределяются по госпитальнымъ палатамъ по мѣрѣ числа ихъ. Ординаторы этихъ палатъ отдѣляютъ изъ числа больныхъ, одержимыхъ болѣе замѣчательными болѣзнями, не менѣе 5 человекъ на каждого, и наблюдаютъ, чтобы больные утромъ и вечеромъ были посѣщаемы молодыми лекарями, пользующимися надлежащимъ образомъ и чтобы скорбные листы были ведены по правиламъ науки и общезаведенному порядку. Главный надзоръ надъ пользованіемъ больныхъ, ввѣренныхъ молодымъ лекарямъ, имѣютъ профес-

сора, заведывающіе терапевтическимъ и хирургическимъ отдѣленіями; къ нимъ же поступаютъ, по выѣзду больныхъ изъ госпиталя или при передачѣ другому лекарю, скорбные листы, которые должны быть лично передаваемы имъ пользовавшимися лекарями. Чтобы молодые лекаря имѣли случаи видѣть и пользоваться разныхъ больныхъ, главный докторъ госпиталя распоряжается, чтобы они примѣрно чрезъ каждые 2 мѣсяца раздѣляемы были по палатамъ, гдѣ они могли бы поочередно наблюдать за слѣдующими болѣзнями: скоротечными, хроническими, поносными, наружными поврежденіями и язвами разнаго рода, венерическими и глазами болѣзнями, переводя ихъ изъ одной палаты въ другую.

2. Главный докторъ требуетъ ежемѣсячно отъ молодыхъ лекарей отчеты объ ихъ дѣйствіяхъ, скрѣпленные палатными ординаторами равно и скорбные листы, разсмотрѣнные главными врачами вышеупомянутыхъ госпитальныхъ отдѣленій (Мяновскимъ и Пироговымъ).

3. Сверхъ того вѣняется молодымъ лекарямъ въ обязанности представлять каждые 2 мѣсяца главному доктору описанія замѣчательныхъ больныхъ, ими наблюдаемыхъ, съ подробнымъ изложеніемъ мнѣнія своихъ о свойствахъ болѣзни и характеристикой ихъ признаковъ, предсказаніемъ хода и исхода, показаніемъ предпочтительнаго метода лѣченія, съ объясненіемъ причинъ такого образа дѣйствія и прибавленіемъ историческаго взгляда на различные методы въ пользованіи. Если больные эти подвергались операціи, то описываются подробно также прежнее болѣзненное состояніе ихъ, причины, побудившія къ операціи, способъ производства и различные методы этихъ операцій. Таковыя описанія, по предварительномъ разсмотрѣніи главными врачами госпитальныхъ отдѣленій, отсылаются главнымъ докторомъ въ Конференцію для разсмотрѣнія и обсужденія. Отличившимся такими описаніями болѣзней молодымъ лекарямъ выдаются отъ Конференціи свидѣтельства, для представленія военно-медицинскому департаменту при отправленіи ихъ на службу по полкамъ.

4. Кромѣ того Конференція Академіи даетъ двѣ задачи для диссертаций: одну о терапевтическомъ, другую о хирургическомъ предметѣ, содержаніе которыхъ должно быть объявлено черезъ главнаго доктора молодымъ лекарямъ, оставленнымъ при госпиталѣ, и должно обрабатываться ими въ теченіе нахождения ихъ при госпиталѣ. Сочиненія эти должны быть представлены ими или на русскомъ или на латинскомъ языкахъ, по крайней мѣрѣ за 1 мѣсяцъ до отправленія молодыхъ лекарей по полкамъ, главному доктору для препровожденія въ Конференцію Академіи, которая, разсмотрѣвъ эти диссертации со всюю строгостію, опредѣляетъ достойнѣйшимъ сочинителямъ награды отъ 100 до 200 р. ассигнаціями, изъ экономическихъ суммъ, испрашивая на каждую выдачу разрѣшеніе попечителя Академіи. Лучшія изъ этихъ работъ могутъ быть напечатаны по желанію Конференціи въ Академическомъ журналѣ.

5. Прикомандированные къ госпиталю лекаря дежурятъ по введенному госпитальному порядку и по назначенію главнаго поکتора.

6. Въ случаѣ болѣзни они должны доносить объ этомъ главному доктору и поступать для пользованія въ офицерское отдѣленіе госпиталя. (Протоколъ Конференціи № 5, 10 февраля 1845 г.).

Этотъ проектъ Конференціи для госпитальныхъ занятій врачей былъ Высочайше утвержденъ безъ измѣненій и немедленно введенъ въ практику въ терапевтической и хирургической госпитальныхъ клиникахъ. (Проток. № 8, 10 марта 1845). Ежемѣсячные отчеты молодыхъ лекарей и описанія замѣчательныхъ болѣзней присылались въ Конференцію до отъѣзду прикомандированія въ 1848 году; Конференція обыкновенно поручала разборъ этихъ работъ профессор. Мяновскому, Рклицкому (хирургъ) и Заблоцкому (судебн. медицина и сифиллологія). Пироговъ, повидимому, былъ освобожденъ отъ этихъ обязанностей. Для него было создано совершенно особенное привилегированное положеніе въ госпиталѣ, чтобы дать ему возможность посвящать болѣе времени наукѣ.

Въ ноябрѣ 1845 г. генералъ Веймарнъ, усматривая изъ донесенія Пирогова, что кругъ его дѣйствій въ качествѣ главнаго врача хирургическаго отдѣленія госпиталя не соответствуетъ его наклонностямъ и многочисленнымъ госпитальнымъ занятіямъ мѣшаютъ систематическимъ научнымъ занятіямъ по его кафедрѣ, предлагаетъ Конференціи отдѣлить въ госпиталѣ нѣсколько палатъ для помѣщенія 30—40 хирургическихъ больныхъ и назначить Пирогова директоромъ этой клиники, уволивъ его отъ должности главнаго врача хирургическаго отдѣленія. Въ новой клиникѣ должны заниматься студенты 5-го курса. Клиника не находится въ зависимости отъ госпитального начальства и туда поступаютъ интересные больные изъ хирургическаго отдѣленія и частные больные. Конференція спрашиваетъ мнѣнія Пирогова; послѣдній отвѣчаетъ, что подобная клиника будетъ соответствовать учебнымъ цѣлямъ: интересные больные будутъ собраны въ одномъ мѣстѣ и не будутъ исключительно изъ одного званія (военнаго), какъ прежде. Чтобы сдѣлать наблюденія еще разнообразнѣе, Пироговъ предложилъ включить въ число больныхъ нѣсколько женщинъ. Проектъ былъ утвержденъ, причемъ остальные палаты хирургич. отдѣленія остались въ заведываніи ординаторовъ подъ надзоромъ главнаго доктора госпиталя.

Изъ дѣлъ Конференціи не видно, чтобы подобное же распоряженіе было сдѣлано относительно терапевтической клиники. (Проток. Конфер. 34 и 38, 1845 г.).

Важнейшей учебно-административной работой разсматриваемого периода было полное присоединение 2-го военно-сухопутного госпиталя к Медико-Хирург. Академии. Инициатива в этом деле всецело принадлежала президенту Ивану Богдановичу Шлегелю, много и добросовестно потрудившемуся для развития Академии.

Состоя членом военного комитета по улучшению госпитальной части, Шлегель предлагает генералу Веймарну в своем рапорте от 25 января 1845 года присоединить 2-й военно-сух. госпиталь к Академии для лучшего его устройства и для испытания некоторых мер, в виде опыта для других госпиталей, временно на три года. Шлегель указывает на ненормальность существующего порядка и положения госпиталя, зависящего одновременно от трех департаментов: медицинского д-та военного министерства, комиссариатского д-та по хозяйственной части *) и от департамента военных поселений по строительной части; отсюда чрезмерное разномыслие канцелярской переписки в ущерб делу.

К тому же по закону 1840 года на госпиталь должен влиять президент академии, что не всегда встречается сочувственно главным медицинским инспектором армии (тогда все еще бывшим президентом Вилле). Поэтому лучше всего соединить госпиталь с Академией или вовсе отделить его. При слиянии с Академией необходимо объединить управление госпиталя в административном, медицинском и хозяйственном отношениях под главным высшим начальством попечителя академии. Важнейшие выгоды этой меры: улучшение госпитальных строений, содержания и пользования больных; получится возможность открыть в деревянных зданиях госпиталя отделение для гражданских больных, весьма полезное для молодых врачей и учащихся по причине разнообразия болезней. Главным доктором госпиталя Шлегель предлагает назначить одного из бывших профессоров, знакомого с госпитальным делом; он должен быть членом Конференции; ординаторами, по проекту, состоять адъюнкты-профессоры и ассистенты академии или отличные врачи военного ведомства. Главного доктора с помощниками и ординаторов избирает Конференция, утверждает попечитель дежурный генерал.

Главный доктор подчиняется непосредственно президенту академии, чрез которого он сносится с медицинским департаментом. Президент заведует госпиталем во всех отношениях.

*) В дѣлахъ президента этого времени есть указаніе, что Шлегель хотѣлъ даже выйти въ отставку вслѣдствіе столкновений съ комиссариатскимъ вѣдомствомъ.

Необходимо прекратить все отношения чиновников госпиталя к комиссариатскому ведомству, подчинив их исключительно правлению академии, которое представляет их к назначению и увольнению. Хозяйственная часть госпиталя также ведется правлением Академии совершенно независимо от комиссариатского департамента. (Дѣла Презид. Ак. 1845 г.).

Предложение Шлегеля было принято во всех подробностях, и в 1846 2-й Военно-сухопутн. госпиталь повелено передать Академии на 3 года, а впоследствии 13 марта 1850 года, на основании заключения Военного Совета и особого Комитета по госпитальной части, признавших опыт временного присоединения госпиталя весьма удачным, госпиталь был передан навсегда Медико-Хир. Академии для ее учебно-клинических целей.

Основания, на которых присоединен госпиталь, изложены в следующем „положении“ 1846.

§. 1. 2-й военно-сухопутн. госпиталь, причисленный в 1840 году к Мед. Хир. Академии в видах практического образования воспитанников, присоединяется к этой же Академии на 3 года на правах, в семь положений изложенных по части административной и хозяйственной. § 2. Цель этой временной меры та, чтобы в кругу военно-лечебных заведений иметь одно опытное, которое, сохраняя все условия, необходимые для успокоения и врачевания больных воинов, изыскивало бы способы к сокращению расходов, употребляемых ежегодно на содержание военных госпиталей. § 3. Правила, по которым госпиталь присоединен (ранее) к Академии как учебное пособие, остаются в своей силе. § 4. Дѣлать опыты над новыми изысканиями, ведущими к уменьшению расходов, разрешается Академии с согласия Военного Совета. § 5. Если опыт покажет полезность предположений, то Военный Совет дает разрешение на общее их применение в госпиталях. § 6. На время присоединения госпиталь переходит из комиссариатского ведомства под начальство президента Академии и зависит от правления Академии. § 7. Президент и правление Академии по заведыванию госпиталем находятся под начальством дежурного генерала. § 9.). Вместе с госпиталем в вѣдѣніе Академии переходит также и находящаяся при нем фельдшерская школа. § 14. Президент Академии обязан иметь ближайшее наблюдение: 1) за точным

*) Пропускаю тѣ §§, которыя содержатъ менѣе интересныя подробности административно-хозяйственныхъ отношеній.

исполнениемъ всѣми госпитальными чинами лежащихъ на нихъ обязанностей, 2) за внутреннимъ устройствомъ госпиталя, 3) за исправнымъ содержаніемъ и продовольствіемъ больныхъ, 4) за исправнымъ снабженіемъ госпиталя всѣмъ, слѣдующимъ ему по штатамъ и положеніямъ, 5) за успѣшнымъ пользованіемъ больныхъ, руководствуя врачей въ исполненіи ихъ обязанностей, 6) за исправнымъ приемомъ больныхъ, 7) за отправленіемъ выздоравливающихъ, 8) за соблюденіемъ общаго порядка и дисциплины, 9) за содержаніемъ въ исправности госпитальныхъ зданій. § 19. Главный докторъ, помощники и ординаторы избираются президентомъ Академіи, и если они изъ вѣдомства Академіи, то утверждаются дежурнымъ генераломъ, если изъ военно-медицинскаго вѣдомства, то по сношенію съ военно-медиц. департаментомъ. § 20. Главный докторъ госпиталя долженъ быть членомъ Конференціи Академіи и преимущественно избираемъ изъ профессоровъ ея, служившихъ въ госпиталяхъ и пріобрѣтшихъ извѣстность въ практическихъ врачебныхъ познаніяхъ и опытность по службѣ въ в.-медиц. вѣдомствѣ. Въ помощники главного доктора и ординатора назначаются профессоровъ, адъюнктовъ и ассистентовъ или врачей военно-медиц. вѣдомства. (Изъ дѣлъ президента за 1846 г. № 1067 архива Академіи).

Впослѣдствіи въ 1850 г. на тѣхъ же основаніяхъ былъ присоединенъ къ Академіи морской госпиталь, такъ что въ госпитальныхъ клиникахъ могли помѣщаться одновременно болѣе 2000 больныхъ. „Академія, говоритъ Я. С. Чистовичъ въ своей биографіи И. Б. Шлегеля, можетъ съ гордостью указать на этотъ плодъ его мысли, потому что ни изъ русскихъ и даже заграничныхъ факультетовъ нѣтъ такой обширной и всегда полной клиники, каковъ 2-й военно-сухопутный госпиталь, сдѣлавшійся клиникой“ (в.-мед. жур. 1852 г. LIX).

Старшимъ врачомъ госпиталя былъ назначенъ заслуженный профессоръ Академіи Нелюбинъ (съ 1846 по 1853 г.).

По смерти генерала Веймарна попечителемъ Академіи назначается 6 іюля 1846 г. генераль-адъютантъ Анненковъ; своимъ отношеніемъ къ Мед.-Хир. Академіи онъ напоминаетъ своего предшественника. Въ общемъ ему нельзя отказать ни во вниманіи, ни въ заботливости, часто однако переходящимъ въ ненужную мелочность и въ претенціозное вмѣшательство въ учебно-научные вопросы.

Вскорѣ по своемъ назначеніи, просматривая протоколы Конфе-

ренціи, Анненковъ выражаетъ ей свое удовольствіе по поводу большого количества научныхъ журналовъ, выписываемыхъ Академіей¹⁾, и предлагаетъ отвести въ госпиталь особую комнату, гдѣ ординаторы и прикомандированные врачи могли бы каждый день читать русскіе и иностранные журналы, по прочтеніи ихъ профессорами, и такимъ образомъ ближе знакомиться съ состояніемъ науки. Конференція отвѣчаетъ, что врачи и прежде пользовались журналами по для пользы дѣла главному врачу госпиталя предложено устроить особую комнату, куда и будутъ сдаваться прочитанные журналы.

Въ 1847 году дежурный генераль Анненковъ замѣчаетъ Конференціи, что форма скорбныхъ листовъ въ терапевтич. госпитальной клиникѣ одинакова съ таковою всѣхъ военныхъ

¹⁾ Въ 1846 и 1847 гг. Конференція получала слѣдующ. журналы: 1) The british and foreign medical review. 2) Revue medicale française et étrangère. 3) La lancette française, gazette des hôpitaux. 4) Annales des sciences naturelles par Andoin. 5) Encyclopedie des sciences medicales. 6) Gazette medicale de Paris. 7) Annalen der Physik und Chemie v. Poggenдорф. 8) Comptes rendus hebdomadaires de l'Academie des sciences. 9) Annalen der Pharmacie von Liebig. 10) Allgemeine medicinische Central-Zeitung. 11) Jahrbuch der in- und ausländischen Medicin. 12) Neue Notizen an dem Gebiete der Natur u. Heilkunde. 13) Archiv der Naturgeschichte v. Wiegman. 14) Bronn's Jahrbuch (neues) für Mineralogie, Geognosie etc. 15) Isis, encyclopaedische Zeitschrift v. Oken. 16) Recueil de médecine veterinaire pratique p. Bouly. 17) Bibliographie de la France. 18) Magazin f. d. gesammte Heilkunde v. Gult u. Hertwig. 19) Archiv für physiologische und pathologische Chemie und Microscopie v. Dr. Heller. 20) Zeitschrift für d. Staatsarzneikunde v. Müller. 21) Archiv f. Anatomie, Physiologie und wissenschaftliche Medicin v. Müller. 22) Journal f. practische Chemie v. Erdman u. Marschand. 23) Linnæa, herausgeg. v. Schlechtendal. 24) Bibliographie von Deutschland. 25) Encyclopedie medicale publiee par Lartigue à Paris. 26) Annales de la Chirurgie française et étrangère. 27) Archives generales de médecine. 28) Neue Zeitschrift f. Geburtskunde v. Ruch. 29) Journal f. Kinderkrankheiten v. Behrend u. Hildebrandt. 30) Journal de pharmacie et des sciences accessoires. 31) Annales de chimie, de physique par Goulousvay (?). 32) Journal de chimie, de pharmacie et de toxicologie 33) Annales de l'hygiene publique et de médecine légale. 34) Annales medico physiologiques par Boulanger, Cerise et Longet. 35) Bouchner's Repetitorium f. die Pharmacie, 36) Canstatt's Jahrbücher. 37) Vierteljahrsschrift f. d. praktische Heilkunde, herausgeg. in Prag. 38) Centralarchiv f. d. gesammte Staatsarzneikunde, herausg. v. Friedrich. 39) Rose u. Wunderlich, Archiv f. patol. Heilkunde. 40) Medicinische Jahrbücher des K. K. Oesterreichisch. Staates v. Raimann. 41) Военно-Медиц. Журн. 2 экз. 42) Другъ Здравія 2 экз. 43) Терапевтический Журн. Заѣкина. 44) Medicinische Zeitung Russlands v. Heine. 45) Библиотека для чтенія. 46) Отечество. записки.

госпиталей, и предлагать съ своей стороны ввести въ листахъ особую графу, для занесенія практическихъ замѣчаній профессоръ, завѣдующихъ клиникой.

Конференція, соглашаясь, что форма скорбныхъ листовъ дѣйствительно одинакова, указываетъ на разницу въ подробностяхъ изложенія болѣзней, сравнительно съ обыкновенными госпиталями. Со времени завѣдыванія проф. Зейдлица (болѣе 10 лѣтъ) велись скорбные листы двоякаго рода: въ однихъ тотчасъ же послѣ визитацій записывались только факты теченія болѣзни, безъ всякихъ разсужденій; эти листы находились при кроватяхъ и назывались „госпитальными“; другіе—ведутся студентами на дому и представляютъ полный разборъ болѣзни—распознаваніе, дифференціальныя діагнозы, предсказаніе, методъ лѣченія, перемѣны, произведенныя лѣченіемъ, другими словами суть настоящія исторіи болѣзней. Конференція полагаетъ, что должна быть разниця между госпитальной и клинической исторіей болѣзни. Первая должна представлять фактическое описаніе болѣзни, вторая аналитическій и синтетическій разборъ болѣзни. Эти два вида описаній приняты не только въ академическихъ клиникахъ, но и во всѣхъ заведеніяхъ подобнаго рода. Поэтому трудно замѣнить клиническую исторію отдѣльной графой въ госпитальномъ листѣ; между тѣмъ послѣдніе тоже необходимы для сношенія съ госпиталями и для справокъ практикантовъ. (Проток. Конф. № 37, 29 ноябр. 1847).

Не удовлетворяясь этимъ объясненіемъ, Анненковъ настаиваетъ, что хотя студенты Академіи и ведутъ на дому подробныя исторіи болѣзней, но госпитальные листы должны быть также цѣльнымъ разсказомъ болѣзни и служить образцомъ для другихъ военныхъ госпиталей.

Конференція постановила сообщить это предписаніе дежурнаго генерала профессорамъ госпитальныхъ клиникъ. (Проток. Конф. № 1. 1848 г. 3 янв.).

Въ 1848 г. попечитель генералъ Анненковъ предписываетъ учредить дежурство студентовъ 5 курса въ госпитальныхъ клиникахъ. Эта мысль, повидимому, подана Шлегелемъ, неутомимо работавшимъ для улучшенія учебной части въ Академіи. Конференція поручаетъ инспектору назначать ежедневно по одному дежурному изъ числа студентовъ, находящихся на очереди занятій въ терапевтической клиникѣ.

Инструкцію для дежурныхъ предложено составить проф. Олендскому (Прот. № 4, 1848). По обсужденіи ея въ Конференціи она была утверждена попечителемъ Академіи въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾.

¹⁾ Дѣло Конф. № 45, 1848 г.

«Конференція Академіи, озабочиваясь постоянно тѣмъ, чтобы студенты какъ можно болѣе совершенствовались въ практической медицинѣ, въ настоящее время признала необходимымъ, дабы студенты 5 курса сверхъ рационально-практическихъ наставленій, сообщаемыхъ имъ во время визитацій въ терапевтической клиникѣ госпиталя, упражнялись самостоятельно и въ отсутствіе директора клиники въ распознаваніи и опредѣленіи острыхъ и хроническихъ болѣзней, наблюдали за ходомъ перемѣнъ и окончаніемъ оныхъ, представляли свои суточныя наблюденія и выведенныя изъ нихъ заключенія на разсмотрѣніе профессора, приобрѣтали навыкъ въ производствѣ кровопусканій etc. Съ этой цѣлью, по предписанію попечителя Академіи, учреждается дежурство студентовъ 5 курса, чтобы дать имъ возможность видѣть госпиталь днемъ и ночью, обозрѣвать и наблюдать огромное число различныхъ болѣзней у людей различныхъ возрастовъ; присутствуя при раздачѣ лекарствъ и давая ихъ труднѣйшимъ больнымъ, студентъ изучитъ на дѣлѣ ихъ врачебное дѣйствіе; при этомъ онъ испытаетъ пріятное чувство отъ сознанія, что и теперь уже приноситъ фактическую пользу больнымъ.

Обязанности дежурныхъ студентовъ: 1) Всѣ медицинские студенты 5 курса (казенные, пансионеры, вольнослушатели) во время года, назначенное имъ для практики въ госпитальной терапевтической клиникѣ, обязаны дежурить въ терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя въ теченіе сутокъ.

Для соблюденія очереди долженъ въ клиникѣ находиться списокъ студентовъ и особая книга за скрѣпою академич. начальства. 2. Студентъ вступаетъ въ дежурство лѣтомъ въ 7 ч., а зимою въ 8 час. утра, предъ началомъ визитацій; въ присутствіи директора или ассистента онъ расписывается въ вышеозначенной книгѣ. NB. Если студентъ не явился, то директоръ или ассистентъ назначаютъ слѣдующаго по списку, а о неявившемся сообщаютъ инспектору Академіи.

3. Отъ дежурствъ никто, кромѣ президента Академіи, увольнять не можетъ. По принятіи дежурства студентъ долженъ безотлучно слѣдовать за профессоромъ во время визитацій и записывать въ особую тетрадь все, что будетъ назначено профессоромъ (дѣту, внутреннимъ и наружнымъ лекарствамъ). По окончаніи визитацій дежурный вмѣстѣ съ ординаторомъ и кураторомъ свѣряютъ рецепты и требованія и если что пропущено, то пополняютъ немедленно. Дежурный вмѣстѣ съ кураторомъ долженъ исполнять назначенія, не терпящія отлагательства, кровопусканье, рвотное и пр.; въ отсутствіе же куратора при помощи фельдшера и учениковъ. 4. Исполнивъ экстренныя назначенія, дежурный отправляется по палатамъ, осматриваетъ трудныхъ больныхъ, записываетъ въ своемъ журналѣ, справляется по скорбному листу, какое имъ назначено лекарство и какъ часто употреблять; если время пріема наступило въ его присутствіи, то собственноручно даетъ его; дежурный осма-

триваетъ всѣхъ вновь прибывшихъ и если имъ назначено безотлагательное пособіе, то исполнять его при помощи фельдшера. 5. Посѣтивъ всѣ больничныя палаты, студентъ возвращается въ клинику и безпрестанно слѣдитъ за трудными больными, оставивъ фельдшера въ болѣе отдаленныхъ палатахъ давать лекарства.

При вечерней визитации дежурный студентъ доносить профессору или ассистенту: а) о необыкновенныхъ переменахъ у больныхъ за этотъ промежутокъ времени, б) о вновь прибывшихъ и умершихъ, в) о неисправностяхъ со стороны аптеки, куратора или фельдшера д) распоряженія или замѣчанія президента или главнаго доктора. Послѣ вечерней визитации студентъ обходитъ всѣ палаты, соблюдая выше-сказанное.

6. Если студенту дадутъ знать, что въ какой либо палатѣ случилась внезапная перемена, то онъ немедленно доноситъ дежурному врачу, въ присутствіи коего дѣлаетъ кровопусканіе и записываетъ назначенное врачомъ лекарство въ скорбный листъ, въ которомъ отмѣчаетъ, обозначая время, и самыя перемены. Всѣхъ умершихъ студентъ осматриваетъ выѣстъ съ дежурнымъ врачомъ, причемъ для студента поучительно справиться въ скорбномъ листѣ или у окружавшихъ о предсмертныхъ явленіяхъ и замѣчательныхъ изъ нихъ записать въ журналъ.

7. Утромъ, до прибытія профессора, студентъ обходитъ всѣ палаты, затѣмъ просматриваетъ свои мемуары и przygotowываетъ отчетъ, который долженъ быть представленъ профессору. Затѣмъ онъ передаетъ журналъ новому дежурному,

8. Студентъ долженъ помнить что онъ находится здѣсь съ чисто «сциентистической» (научной) цѣлью, какъ бы въ аудиторіи, и потому не долженъ допускать самоуправства и нарушенія госпитальныхъ порядковъ. На фельдшера и учениковъ онъ можетъ жаловаться дежурному врачу и помощнику главнаго доктора. Съ больными долженъ обходиться кротко и безъ шума. (Прот. Конф. № 36, 1848 г. Дѣло Конф. № 45, 1848).

Любопытно, что сложныя и отвѣтственныя обязанности, возложенныя Конференціей на дежурныхъ студентовъ, были утверждены, не встрѣтивъ никакихъ возраженій, между тѣмъ какъ аналогичныя предложенія Виллье въ 1837, какъ мы видѣли (стр. 72 и 73), были отвергнуты именно потому, что по инструкціи Виллье, студентамъ была отведена, какъ казалось, очень самостоятельная и отвѣтственная роль.

Выѣстъ съ изданіемъ приведенной инструкціи главному доктору госпиталя и ассистентамъ терапевтическаго и хирургическаго отдѣленій предложено повѣрять, кто изъ студентовъ не бываетъ на занятіяхъ въ госпиталѣ, и доносить о не бывшихъ инспектору Академіи.

Профессора Мяновскаго Конференція проситъ наблюдать затѣмъ, чтобы студенты 5 курса занимались нужными для больныхъ пособиями: кровопусканіемъ, приставленіемъ пиявокъ, кровососныхъ бабокъ, перевязками, приставленіемъ мушекъ, втираніями маселъ и т. п. (Проток. Конф. № 36, 1848).

24 янв. 1848 г. Конференція предложила клиническимъ профессорамъ доставлять ежемѣсячно вѣдомости больныхъ, чтобы въ случаѣ недостатка въ поучительныхъ больныахъ возможно было принять зависящія мѣры.

Несмотря на громадное количество матеріала во 2-мъ военномъ госпиталѣ, Конференція Академіи, желая доставлять въ распоряженіе профессоровъ госпит. клиникъ возможно болѣе интересныхъ и разнообразныхъ для преподаванія больныхъ, ходатайствовала о разрѣшеніи переводить больныхъ въ клинической госпиталь изъ другихъ военныхъ госпиталей. Медицинскій департаментъ отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что 1) переводъ не безвреденъ для больныхъ, 2) могутъ возникнуть недоразумѣнія между врачами, отъ которыхъ переводятъ больныхъ, и тѣми, куда ихъ переводятъ, 3) несправедливо отнимать у достойныхъ врачей ихъ больныхъ. (Проток. Конф. № 16, 1848 г.).

Съ 8 ноябр. 1848 по 10 сент. 1853 г. попечителемъ Академіи былъ генералъ адъют. П. Н. Игнатьевъ. Ранѣе было уже упомянуто о нѣкоторыхъ странныхъ предписаніяхъ и совѣтахъ его Конференціи Академіи напр. какъ издавать академ. медиц. журн. и несогласіе его на чтеніе студентами медицинскихъ журналовъ. Возвращаясь еще разъ къ этому, такъ какъ тутъ профессоръ Мяновскій отъдѣлился отъ Конференціи въ своемъ особомъ мнѣніи. Конференція рѣшила выпустить для чтенія казеннокоштныхъ студентамъ по 36 экз. «Записокъ по части врачебныхъ наукъ» (издав. Академіей съ 1843—49 г.) и Военно-Медицинск. журнала, для раздачи имъ въ камеры. (Проток. № 3, 22 янв. 1849).

Въ то время самое маловажное распоряженіе восходило на высшее утвержденіе попечителей академіи¹⁾. Въ данномъ случаѣ генералъ Игнатьевъ не нашелъ особенно полезнымъ выписывать для студентовъ періодическія изданія (Зап. по ч. врач. наукъ и В. Мед. Журн.), на томъ основаніи, что къ отдѣльнымъ ученымъ статьямъ они не могутъ отнестись критически и впадутъ въ односторонность или получать какія нибудь свѣдѣнія, противоположныя общему направленію ихъ образованія. Поэтому попечитель пред-

¹⁾ Въ протоколахъ Конференціи 40-хъ годовъ есть случаи, гдѣ бланзурскій студентъ получаетъ право носить очки лишь послѣ ходатайства объ этомъ Конференціи предъ попечителемъ. Для замѣны въ клиническомъ госпиталѣ соломанныхъ тѣлофиковъ мочальными потребовалось уже Высочайшее разрѣшеніе. (Дѣла президента за 1847 г.).

ложил лучше затрачивать деньги на покупку для студентов руководств и классических сочинений. Конференция возражает, что считает чтение журналов студентами 5 курса полезным, ибо там они могут почерпнуть разнородные взгляды на различные отрасли медицинских наук, что, наоборот, скорее отвратит их от односторонности. Студенты, оканчивающие курс, должны относиться критически къ сообщаемым свѣдѣніямъ. Ученымъ врачамъ нельзя быть безъ чтенія. Хорошими руководителями студенты снабжены въ достаточномъ количествѣ, и Конференція желаетъ, кромѣ русскихъ медицинскихъ журналовъ, выписать для нихъ лучшіе иностранные.

Професс. Мянвскій высказался въ особомъ мнѣніи, что считаетъ чтение журналовъ студентами полезнымъ, но не необходимымъ. (Прот. № 7, 1849).

Вопросъ разрѣшился предписаніемъ попечителя установить особые часы, когда студенты могли бы читать журналы въ академической библиотекѣ. (Прот. № 12, 1849).

Съ 1849 г. по желанію попечителя Академіи студенты 5 курса посѣщаютъ въ опредѣленные часы ежедневно госпитальную терапевтическую и хирургическую клинику, вмѣсто прежнихъ двухмѣсячныхъ занятій поочередно въ томъ и другомъ отдѣленіи. (Прот. № 9, 1849).

Въ 1849 г. Конференція получила предложеніе Военнаго Министра составить новый штатъ по учебной части Академіи. По проекту Конференціи сверхштатныя кафедры душевныхъ болѣзней и госпитальной терапевтической и хирургической клиникъ дѣлаются штатными, что и утверждено въ новомъ штатѣ Академіи 28 іюля 1850 г.

Въ 1849 г. морской госпиталь окончательно присоединенъ къ 2-му военно-сухопутному, и оба они служатъ клиническимъ задачамъ Академіи.

Въ 1851 г. назначается по Высочайшему повелѣнію комитетъ для разсмотрѣнія новаго штата 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, въ составъ комитета вошло нѣсколько профессоровъ Академіи.

Исходя изъ положенія ¹⁾, что цѣлью присоединенія госпиталя была возможная экономія по содержанію его, комитетъ задается вопросомъ, какъ велика эта экономія, не стѣснительна ли она и не

¹⁾ Протоколъ комитета по разсмотрѣнію штата госпиталя. Дѣла президента 1852.

сопряжена ли съ ущербомъ для больныхъ. Не отвѣчая на эти вопросы за неимѣніемъ данныхъ, комитетъ констатируетъ важность и полезность этой мѣры для студентовъ Академіи, ссылаясь на упорядоченіе практическихъ занятій въ 1847 г. въ терапевтическомъ и хирургическ. отдѣленіяхъ, учрежденіе дежурства студентовъ, отчетность въ занятіяхъ ихъ и пр., а потому высказывается за сохраненіе въ будущемъ установленныхъ въ госпиталѣ порядковъ.

Одинъ изъ членовъ комитета профессоръ Здекауеръ въ представленномъ имъ рапортѣ ¹⁾ дѣлаетъ рядъ предложеній для повышенія научно-образовательнаго значенія госпиталя. По его мнѣнію госпиталь еще не вполне слѣлся съ Академіей и только тогда онъ будетъ вполне соответствовать своему назначенію, когда въ немъ сосредоточится рядъ специальныхъ практическихъ отдѣленій, въ которыхъ должны быть собраны и развиты всѣ виды специальной врачебной практики. Такое устройство вполне возможно и необходимо въ академическомъ госпиталѣ и притомъ дастъ благотворные результаты для преподаванія медицины, не измѣняя заведеннаго административнаго порядка. По проекту Здекауера, хозяйственная и врачебная администрація и штатъ госпиталя остаются безъ измѣненій.

Составъ академическаго госпиталя долженъ быть двойной: а) постоянный и б) измѣняемый. Къ первому относятся: главный докторъ, его помощникъ, главные врачи терапевтическаго и хирургическаго отдѣленій, директоръ акушерской и дѣтской клиники и всѣ преподаватели практическихъ кафедръ. Они раздѣляютъ между собою госпиталь на спеціальныя клиническія отдѣленія, какъ-то: кожныхъ, глазныхъ, сифилитическихъ, нервныхъ и другихъ болѣзней. Обязанности ихъ: заниматься преподаваніемъ своей специальности студентамъ 5 курса и прикомандированнымъ врачамъ, представлять ежегодно отчеты по своему отдѣленію, участвовать въ изданіи особой госпитальной газеты. Съ другой стороны каждый клиническій профессоръ выбирать двухъ, а адъюнктъ одного ассистента изъ прикомандир. врачей, которые и несутъ собственныя ординаторскіе обязанности подъ надзоромъ профессора, они мѣняются ежегодно или черезъ 2 года (измѣняемый составъ). При такомъ устройствѣ госпиталь можетъ сдѣлаться вполне образованымъ, молодые медики могутъ совершенствоваться въ отдѣльной специальности. Студентовъ можно обязать проходить чрезъ всѣ отдѣленія.

Съ 1852 по 1856 г. въ положеніи Академіи и госпиталя не произошло никакихъ реформъ или улучшеній. Все вниманіе правительства было поглощено Крымской войной. Отъ Академіи потребовали ускоренныхъ выпусковъ врачей. Въ 1853 г. студенты окончили въ мартѣ, въ 1854 г. 5 курсъ сдалъ окончательные экзамены въ январѣ, для студентовъ 4 курса теоре-

¹⁾ Рапортъ Здекауера отъ 10 полб. 1852 г. въ дѣлахъ презид. Академіи.

тическія лекціи были сокращены, и ихъ допустили къ занятіямъ въ госпиталѣ. Тоже произошло въ 1855 и 1856 гг., когда студенты окончили, едва перейдя на 5 курсъ: тутъ было не до правильныхъ госпитальныхъ упражненій и лекцій. Въ сентябрѣ 1855 года Конференція поручила профессорамъ Мянновскому, Шигулинскому и Экку раздѣлить студентовъ 4 и 5 курсовъ, предназначенныхъ къ ускоренному выпуску, на 3 группы и сообщать имъ, каждому въ своей клиникѣ, необходимые практическія свѣдѣнія.

По смерти Шлегеля съ 1851 по 1856 г. президентомъ Академіи былъ В. В. Пеликанъ, бывший ректоръ Виленской Академіи и директоръ медицинскаго департамента военнаго министерства (при немъ вице-президентъ д. с. с. Бальбиани). Онъ оказался плохимъ администраторомъ и не сдѣлалъ ничего хорошаго для Академіи.

По увольненіи Пеликана, въ послѣдніе годы профессуры Мянновскаго, началась широкая и необыкновенно плодотворная для Академіи дѣятельность П. А. Дубовицкаго, бывшаго профессора теорет. хирургіи и ученаго секретаря Академіи, назначенаго президентомъ ея 24 января 1857.

Тотчасъ по вступленіи въ должность Дубовицкому пришлось заняться реформой 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, гдѣ къ концу пятилѣтняго управленія Пеликана возникли безпорядки и даже злоупотребленія¹⁾. Ухудшеніе госпитальныхъ порядковъ совпадаетъ съ временемъ Крымской войны, когда надзоръ за госпиталемъ былъ очень слабъ. Старшій врачъ госпиталя заслуженный профессоръ Нелюбинъ, руководившій имъ добросовѣстно и со знаніемъ дѣла, вышелъ въ отставку въ 1853 году. Мѣсто его занялъ д-ръ Поповъ, личность, повидимому, совершенно безцвѣтная. Главная гроза всякихъ

злоупотребленій Н. И. Пироговъ съ 1854 года находился въ Крыму, на театрѣ войны. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ госпиталь скоро пришолъ въ упадокъ.

Еще 9 марта 1853 г. Императоръ Николай при своемъ посѣщеніи 2-го в. сухоп. госпиталя остался очень доволенъ его состояніемъ (Дѣло канцеляріи президент. № 1576). Между тѣмъ Военный Министръ генералъ-адъютантъ Сухо-занетъ, посѣтивъ 2-й военно-сухоп. госпиталь въ іюлѣ 1856-го года, нашелъ его въ очень неудовлетворительномъ положеніи.

Въ своемъ отношеніи къ медицинскому департаменту отъ 19 іюля 1856 г. (Дѣло архива Академіи № 1646). Министръ указываетъ на слѣдующіе недостатки госпиталя, замѣченные имъ при личномъ бѣгломъ осмотровѣ. 1) На головныхъ доскахъ измѣнены названія болѣзней²⁾ не съ тѣмъ, чтобы скрыть отъ больнаго опасность его положенія, а чтобы скрыть отъ посѣтителя его болѣзнь. 2) Въ палатахъ не было должнаго раздѣленія больныхъ: лихорадочные, тифозные и хирургическіе больные лежали въ одной и той же палатѣ, на что, по словамъ главнаго доктора Попова, было будто бы разрѣшеніе медицинскаго департамента «для уравненія достоинства воздуха». 3) Скорбные листы офицеровъ находились на квартирѣ у одинокорыхъ. 4) На нѣкоторыхъ доскахъ болѣзни не обозначены. 5) Приемная комната для больныхъ и ванны — грязны; ванны занимали комнату, гдѣ прежде были отхожія мѣста: сырость и сквозной вѣтеръ въ этой комнатѣ подвергали больныхъ опасности простуды; 6) лѣтнія помѣщенія больныхъ были въ жалкомъ состояніи, полы въ нихъ стили и мѣстами провалились. 7) Въ баняхъ печи покрыты трещинами и грозятъ пожаромъ. Письма Министру показались порядочной, особенно офицерская.

Послѣ этого для подробнаго осмотра госпиталя былъ посланъ докторъ Гольмеръ, нашедшій рядъ неисправностей сверхъ замѣченныхъ министромъ. Палаты женскаго отдѣленія (проф. Мянновскаго) содержались хорошо, но арестантское отдѣленіе госпиталя было въ очень печальномъ состояніи: палаты грязны, мясо дурного качества, причѣмъ, чтобы заглушить запахъ, его вымачивали въ уксусѣ; молоко снятое, квасъ недоброкачественный и пр. Дурно также содержалось холерное отдѣленіе; 2-е и 4-е отдѣленія, гдѣ находились палаты глазныхъ, сифилит., поносныхъ, цынготныхъ, умалишенныхъ

¹⁾ При президентѣ Пеликанѣ особенно дурно велась хозяйственная часть Академіи. Студентовъ интерновъ кормили столь скверно, что нѣсколько молодыхъ людей, извѣрившись во всякіе протесты, обратились съ личной жалобой къ Государю, весной 1856 г. во время прогулки Государя близъ Лѣтняго сада. Студенты были сурово наказаны, но жалоба ихъ достигла цѣли.

²⁾ Головные доски съ названіями болѣзней впервые введены въ госпиталѣ въ 1852 г. по примѣру парнаснаго узаводскаго госпиталя; тогда же ввели для больныхъ ношеніе подштанниковъ и короткихъ рубахъ, вмѣсто прежнихъ длинныхъ.

и хронических больных оказались в сносомъ видѣ, если не считать частаго отсутствія и небрежнаго веденія скорбныхъ листовъ во многихъ палатахъ и спутаннаго размѣщенія больныхъ. Не смотря на запрещеніе больные курили въ палатахъ. Въ 1-мъ отдѣленіи палаты чесоточныхъ, сыпныхъ, горячечныхъ и поносныхъ больныхъ (проф. Мяновскаго) найдены Гольмеромъ въ хозяйственномъ отношеніи порядочными. Бѣлье всюду было довольно чистое, исключая арестантскихъ палатъ. Тюфики были хороши. Аптека въ порядкѣ, но лекарства раздавались неправильно. Кухни и пекарни содержались довольно чисто. Ни въ одной палатѣ госпиталя не оказалось термометра (стѣнного). Ванныя комнаты грязны. Почти всѣ зданія госпиталя, по мнѣнію Гольмера, настоятельно требуютъ различнаго ремонта.

Послѣ ревизіи госпиталя Гольмеромъ Военный Министръ, желая имѣть еще болѣе авторитетный и безпристрастный отзывъ, послалъ для осмотра его главнаго врача Сиффероп. госпиталя Алышевскаго и д. ст. сов. Гинтера.

На основаніи доклада ихъ Военный Министръ постановилъ: 1) за измѣненіе и неимѣніе надписей на доскахъ сдѣлать выговоръ виновнымъ врачамъ. 2) Смотрителя, за принятіе отъ поставщиковъ дурныхъ продуктовъ, отрѣшить отъ должности. 3) Сдѣлать замѣчаніе главному доктору, чтобы не допускалъ «разнороднаго размѣщенія больныхъ, пока наукой не будетъ выяснена польза этой мѣры»¹⁾. 4) Завѣдующимъ хозяйствомъ и медицинской частью госпиталя сдѣлать строгій выговоръ. Далѣе министръ выражаетъ неудовольствие Мед. Хир. Академіи за слабый надзоръ за госпиталемъ и предлагаетъ медицинскому департаменту принять строгія мѣры къ искорененію неурядицъ. Тогда же военный министръ поручилъ генералу Фельдману осмотрѣть госпиталь съ инженерами для производства необходимаго ремонта.

Вслѣдъ за увольненіемъ президента Академіи Пеликана въ 1856 г. вышелъ въ отставку и вице-президентъ Балбиани, на мѣсто котораго былъ приглашенъ отставной профессоръ И. Т. Глѣбовъ (см. ниже).

Просвѣщенная энергія Военнаго Министра генералъ-адъютанта Сухожанета оказала благотворныя послѣдствія на развитіи Академіи. Назначенный имъ новый президентъ Дубо-

вицкій оказался превосходнымъ знающимъ устройтелемъ и администраторомъ: онъ влилъ новую жизнь въ Конференцію Академіи, освѣжилъ составъ профессоровъ новыми силами и талантами и своими преобразованиями вывелъ Академію на путь непрерывнаго прогресса, благодаря которому она достигла своего нынѣшняго блестящаго состоянія. Если переходъ Академіи въ вѣдомство военнаго министерства въ концѣ 30-хъ годовъ былъ началомъ второй эпохи ея жизни—эпохи крупныхъ улучшеній, то съ конца 50-хъ годовъ начинается третій періодъ—славныхъ реформъ, навсегда связанныхъ съ незабвеннымъ именемъ Дубовицкаго. Я не имѣю возможности излагать здѣсь все, сдѣланное Дубовицкимъ для развитія Академіи, какъ научно-медицинскаго центра, ибо это не входитъ въ мою задачу, и ограничусь по прежнему только перечисленіемъ въ соответственныхъ мѣстахъ главнѣйшихъ мѣръ и нововведеній, касающихся 2-го военно-сухопутн. госпиталя и клиническаго преподаванія. Конечно, широкія и плодотворныя преобразования Дубовицкаго удалась потому, что были предприняты при исключительно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, при полномъ сочувствіи и довѣріи къ его дѣятельности со стороны представителей военнаго министерства (генерала Сухожанета, а потомъ Д. А. Милотина) и высшихъ правительственныхъ сферъ. Рутиня и канцелярищина притихли, то было время горячей вѣры въ науку. Еще до назначенія Дубовицкаго, осенью 1856 г., возникъ вопросъ о передачѣ Мед.-Хир. Академіи изъ военнаго вѣдомства въ министерство народнаго просвѣщенія. На предложеніе военно-медицинскаго департамента высказать свое мнѣніе, Конференція отвѣтила, что для блага Академіи должно оставить ее въ военномъ вѣдомствѣ. Академія, вспоминая свое прозябаніе при прежнихъ министерствахъ и свой относительно большой прогрессъ съ 1839 года, правильно сдѣлала выборъ. Дѣйствительно, только при большихъ средствахъ военнаго министерства и широкихъ взглядахъ его представителей могли осуществиться всѣ задуманныя реформы....

Военный министр Сухожанетъ не только не тормозилъ ин-

¹⁾ Главнымъ врачъ Поповъ былъ уволенъ въ слѣдующемъ 1857 г. и на его мѣсто приглашенъ заслуженный профессоръ хирургіи Рязицкій; при немъ и произошли первыя серьезныя улучшенія госпиталя. Рязицкій вышелъ въ отставку по болѣзни въ 1860 г. и умеръ въ 1861 г. Д-ръ Ильинскій въ своихъ воспоминаніяхъ (см. Русская Старина 1894 г.) смѣшалъ Рязицкаго съ Поповымъ, приписывая первому безпорядки въ госпиталѣ, обнаруженные Сухожанетомъ, за что будто бы Рязицкій и былъ уволенъ.

одного предложения Дубовицкаго и Конференции, но всегда благодарил за всё полезные проекты и начинания, которые поэтому воплощались в жизнь съ неслыханной до того быстротой.

Конференция, помнившая иное, не столь счастливое время, уже в 1857 году выразила свою благодарную признательность генералу Сухожанету, прося его принять звание почетнаго члена Академии¹⁾.

Дубовицкий начал свою преобразовательную деятельность съ 2-го военно-сух. госпиталя. „Желая устранить замѣченные въ госпиталѣ беспорядки, поставить на должную высоту врачевание больных, поддержать строгую отчетность и на дѣлѣ доказать пользу присоединения госпиталя къ Академии“, президентъ по совѣщанію съ главнымъ докторомъ госпиталя выработалъ проектъ новаго распредѣленія госпитальныхъ занятій, который представилъ на заключеніе Конференціи Академіи.

Проектъ былъ слѣдующій. (Дѣло Конф. № 42, 1857 г.)

§ 1. Госпиталь раздѣляется по родамъ болѣзней на 13 отдѣленій, которыя уже отчасти и прежде существовали въ немъ. § 2. Каждымъ отдѣленіемъ заведуетъ профессоръ или адъюнкты, состоящіи въ госпитальной службѣ. Ему предоставляются всѣ права и обязанности, какія обыкновенно принадлежатъ клиническому профессору. § 3. На обязанности профессора, заведующаго госпитальнымъ отдѣленіемъ, остается вся собственно врачебная часть ввѣреннаго ему отдѣленія. § 4. Для этого ему подчиняются тѣ ординаторы, которые назначены въ каждое госпитальное отдѣленіе. § 5. Про-

¹⁾ Членами Конференціи въ 1859 г. были: презид. Дубовицкій, вице-през. Глѣбовъ, уч. секрет. Зининъ, Академики Ржаніцкій, Прозоровъ, Нарановичъ, Шингулинскій, Киперъ, Заблоскій, орд. профессора: Мяновскій, Загорскій, Брандтъ, Энкъ, Эдекауеръ, Кулаковскій, Траппъ, Чистовичъ, Иллінскій, и д. орд. пр. Красовскій и Мерхелевичъ (инспекторы).

Д-ръ Иллінскій въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ 1894 г., упоминаетъ о военномъ министрѣ Сухожанетѣ, говоритъ, что онъ враждебно относился къ военнымъ врачамъ. Однако отношеніе его къ расадину военныхъ врачей—Мед.-Хир. Академіи было не только корректное, но безусловно просвѣщенное и сочувственное (см. отчеты вице-президента Глѣбова о деятельности Академіи за 1857—1860 г.).

фессора или адъюнкты, заведующіе госпитальными отдѣленіями, остаются безмѣнно въ своихъ отдѣленіяхъ, между тѣмъ какъ ординаторы, подчиненные имъ, могутъ быть переимѣнены изъ одного отдѣленія въ другое чрезъ извѣстные сроки, по собственному желанію или по желанію профессора, или сообразно встрѣчающейся въ томъ надобности. § 6. Заведующіе отдѣленіями посѣщаютъ ежедневно свои отдѣленія и осматриваютъ всѣхъ больныхъ своего отдѣленія, руководя ординаторовъ въ лѣченіи, и вообще исполняютъ обязанности клиническаго преподавателя, осматриваютъ скорбные листы, рецепты, порціонныя требованія и скрѣпляютъ своей подписью рецепты и прочіе документы. § 7. Затѣмъ они не несутъ уже никакихъ другихъ обязанностей по госпиталю, кромѣ постоянного наблюденія за точнымъ исполненіемъ обязанностей службы подчиненными имъ ординаторами. § 8. Ординаторы всѣхъ госпитальныхъ отдѣленій, кромѣ визитации больныхъ и лѣченія ихъ подъ главнымъ наблюдениемъ гг. заведующихъ отдѣленіями, исполняютъ всѣ другія обязанности по госпиталю, по распоряженію госпитальной конторы, т. е. дежурятъ по госпиталю и пр. Между прочимъ имъ вмѣстѣ съ обязанностью писать своевременно какъ ординаціи въ скорбныхъ листахъ, такъ и всѣ рецепты, посылаемые въ аптеку. § 9. Какъ профессоръ, такъ и ординаторы тщательно наблюдаютъ за добросовѣстностью и правильностью отпуска для больныхъ лекарствъ и комиссариатскихъ вѣществъ. Въ случаѣ неточности исполненія ихъ предписаній, ординаторы доносятъ профессорамъ, которые сносятся по этому съ главнымъ докторомъ.

§ 10. Тоже самое относится и вообще до всѣхъ прочихъ предметовъ, могущихъ имѣть влияние на здоровье больныхъ. Въ случаѣ недобросовѣстности пищи, несоблюденія въ палатахъ надлежащей температуры и чистоты воздуха, нечистоты бѣлья, не надлежащаго исполненія фельдшерми и служителями своихъ обязанностей, ординаторы обязаны доносить обо всемъ профессору. Заключеніемъ, ординаторы обязаны доносить обо всѣхъ неисправностяхъ заведующему отдѣленіемъ, который въ случаѣ неисправности упущеній сообщаетъ о томъ главному доктору. § 11. Профессора имѣютъ право разрѣшать посѣщеніе ихъ отдѣленій посторонними врачами и воспитанниками академіи во время ихъ клиническихъ визитаций. § 12 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 13 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 14 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 15 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 16 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 17 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 18 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 19 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 20 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 21 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 22 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 23 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 24 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 25 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 26 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 27 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 28 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 29 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 30 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 31 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 32 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 33 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 34 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 35 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 36 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 37 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 38 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 39 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 40 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 41 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 42 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 43 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 44 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 45 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 46 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 47 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 48 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 49 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 50 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 51 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 52 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 53 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 54 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 55 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 56 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 57 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 58 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 59 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 60 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 61 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 62 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 63 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 64 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 65 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 66 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 67 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 68 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 69 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 70 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 71 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 72 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 73 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 74 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 75 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 76 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 77 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 78 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 79 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 80 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 81 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 82 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 83 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 84 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 85 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 86 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 87 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 88 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 89 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 90 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 91 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 92 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 93 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 94 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 95 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 96 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 97 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 98 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 99 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций. § 100 старшіе ординаторы или прикоманд. старшіе врачи визитаций.

Далѣ въ §§ 12, 13 и 14 проекта Дубовицкаго подробно излагаются обязанности старш. ординаторовъ по контролю надъ аптекой, назначеніемъ и отпускомъ лекарствъ и по отчетности, которая была особенно важнымъ мѣстомъ госпиталя. § 15. Подъ руководствомъ и наблюдениемъ профессора, заведующаго отдѣленіемъ, ординаторы его ведутъ отчеты, согласно скорбнымъ листамъ, о движеніи боль-

ных. По этим отчетам составляются ежемѣсячныя вѣдомости, въ примѣчаніяхъ къ которымъ излагается все достойное вниманія, равно также и причины поддержки нѣкоторыхъ медикаментовъ противъ положенныхъ каталогомъ. Эти ежемѣсячныя вѣдомости служатъ основаніемъ къ составленію одной общей вѣдомости, которая представляется главному доктору. § 16. Отношенія всѣхъ врачей госпиталя, не исключая и завѣдующихъ отдѣленіями, къ конторѣ госпиталя и къ главному доктору не измѣняются этимъ положеніемъ и остаются тѣже, какія опредѣлены госпитальнымъ уставомъ¹⁾.

Этотъ проектъ Дубовицкаго²⁾ былъ вполне одобренъ Конференціей, равно и сдѣланное имъ распредѣленіе палатъ госпиталя между преподавателями (см. ниже).

Введенныя въ 1847 дежурства студентовъ V курса въ госпитальныхъ клиникахъ, въ періодъ войны и экстренныхъ выпускныхъ, повидимому, упразднились; Конференція вводитъ ихъ снова, постановивъ назначать для ознакомленія съ обязанностями врача ежедневно 4 студента 5 курса для дежурства въ 2-хъ госпитальныхъ терапевтическихъ отдѣленіяхъ, въ госпит. хирургической и акушерской клин.; 2-хъ студентовъ для терапевт. и хирургич. академической клиники. (Прот. конф. № 24, дѣло Конф. № 40, 1857 г.).

Тогда же Конференція обратила вниманіе, что 2-й военно-сук. госпиталь снабжается медикаментами по каталогу 1852, совершенно недостаточному, ибо въ него не вошли многія средства, нынѣ наиболѣе употребительныя и незаменимыя никакими другими. Поэтому въ госпиталь иногда возникаютъ важныя затрудненія при лѣченіи больныхъ. Кромѣ того въ виду соединенія госпиталя съ Академіей ради образовательныхъ цѣлей, студенты должны знакомиться въ немъ съ дѣйствіемъ лучшихъ и важнѣйшихъ врачевныхъ средствъ. Слѣдовательно академическій госпиталь обязанъ имѣть всѣ медикаменты и пособія для прочихъ обыкновенныхъ госпиталей. По предложенію президента подъ предѣлительствомъ вице-презид. Глѣбова составилась коммиссія для выработки новаго каталога, въ которую вошли: професс. Мяновскій, Неммертъ, Здекауеръ. Кигеръ, Траппъ, главный докторъ госпиталя и его помощникъ, (Прот. Конф. № 39, 1857).

Военный Министръ генер.-адют. Сухозанетъ, на докладъ Дубовицкаго о предпринятомъ имъ пересмотрѣ госпитального каталога медикаментовъ, отвѣтилъ ему слѣдующимъ образомъ: «Душевно благодарю за дѣльное, ясное и правильное изложеніе убѣжденія

Вашего, съ коимъ я совершенно согласенъ. Пора же намъ выйти изъ старой, заросшей терніемъ дороги! Мед.-Хир. Академія должна дать сему первый примѣръ, чего я отъ ея усердія и просвѣщеннаго направленія сотрудниковъ вашихъ имѣю право надѣяться» (прот. Конф. № 1, 1858 г.).

Трудъ коммиссіи по пересмотру каталога продолжался 2 года. Въ него были введены всѣ новѣйшія и употребительнѣйшія средства, установлена научная номенклатура, сообразная современному состоянию науки, опредѣлены способы учета лѣкарствъ не по среднему числу больныхъ, но по дѣйствительному расходу. Новый каталогъ утверждён 13 марта 1860 г.

Въ началѣ 1857 года Государь повелѣлъ возложить на Конференцію составленіе проекта новаго устава, причемъ ей предложено «не стѣсняться въ своихъ предположеніяхъ, лишь бы эти предположенія клонились къ истинной пользѣ Академіи и послужили твердымъ основаніемъ будущему благоустройству и процвѣтанію сего столь важнаго учрежденія въ государствѣ и, вообще, могли поставить въ отечествѣ нашемъ нашу врачебную науку на ту же степень совершенства, въ коей она находится въ Германіи и Франціи» (изъ отношенія Воен. Мин. къ през. Акад., прот. № 4, 1857).

Приступая къ разработкѣ устава, Конференція ходатайствовала о немедленномъ разрѣшеніи писать и защищать диссертации не только на латинскомъ, но и на русскомъ языкѣ, ссылаясь на опытъ другихъ странъ и на крайнюю стѣснительность и недостаточность латинскаго языка при современномъ состояніи науки. (Прот. № 35, 1857). Латинскія диссертации были обыкновенно компиляціями, лишеными всякой оригинальности и писались лекарями на произвольную тему. Послѣ разрѣшенія писать ихъ на русск. языкъ Конференція вначалѣ предлагала обязательныя темы, впрочемъ предоставляя врачамъ выбирать специальность, по которой они желаютъ работать.

Тогда же (прот. № 33, 1857) по предложенію президента Дубовицкаго возбужденъ былъ вопросъ о возстановленіи существовавшихъ до 1849 года оставленія молодыхъ врачей при клиникахъ Академіи и госпиталѣ для усовершенствованія.

По ходатайству Дубовицкаго эта полезная мѣра была введена снова, съ той существенно-важной разницей, что по окончаніи Академіи постановлено оставлять не всѣхъ врачей, но только лучшихъ въ числѣ 10-ти, и не на 1 годъ, а на 3, съ обязательнымъ избраніемъ извѣстной специальности. Это

¹⁾ Въ 1858 г. была учреждена военно-медич. коммиссія для изысканія средствъ «къ очищенію госпитального воздуха».

²⁾ Въ этомъ проектѣ Дубовицкаго осуществлены главныя предложенія вышеприведеннаго проекта проф. Здекауера (въ 1851 г.).

было началомъ „врачебнаго института“ при Академіи, давшаго впоследствии столько талантливыхъ преподавателей медицины не только Академіи, но и университетамъ. (Прот. №№ 20, 22 и 23, 1858, № 20, 1859).

Въ 1858 году Конференція ходатайствовала о допущеніи приватъ-доцентовъ къ чтенію частныхъ лекцій, указывая на то, что молодые начинающіе ученые получаютъ возможность развивать свои преподавательскія способности, а Конференція ближе ознакомится съ ихъ дарованіями и будетъ имѣть большій выборъ при открытіи вакантныхъ кафедръ. (Прот. № 34, 1858)

Наконецъ въ 1859 г. избирается коммиссія изъ клиническихъ профессоровъ для учрежденія амбулаторныхъ приемовъ при клиникахъ 2-го военно-сухоп. госпиталя (см. ниже о професс. Бессерѣ).

Эта мѣра была задумана Дубовицкимъ для поднятія учебнаго значенія клиникъ. При всемъ обиліи больныхъ въ госпиталѣ болѣзни были очень однообразны, ибо болные-военные мало отличались возрастомъ, образомъ жизни, занятіями, пищей и пр.

По докладу президента военному министру о желаніи Конференціи открыть при 2 военно-сухоп. госпиталѣ, по примѣру университетовъ, амбулаторіи при всѣхъ клиникахъ, съ объявленіемъ въ стенографическіе отчеты о приемахъ больныхъ, генералъ-адъютантъ Сухопутнаго вѣдомства одобрилъ съ благодарностью это благое намѣреніе. (Прот. № 12, 1859 г.).

Въ тоже время по ходатайству президента и докладу Военнаго Министра Государь повелѣлъ «для лучшаго практическаго образованія воспитанниковъ М. Х. Академіи помѣщать безплатно въ глазномъ и другихъ отдѣленіяхъ 2-го военно-сухоп. госпиталя на имѣющихся свободныхъ кроватяхъ до 100 человекъ больныхъ гражданскаго вѣдомства, въ томъ числѣ 15 человекъ офицерскаго званія съ замѣчательными болѣзнями, издержки отнести на счетъ Коммисаріата». Конференція сдѣлала слѣдующее распредѣленіе больныхъ по отдѣленіямъ: для 3-хъ терапевтическихъ отдѣленій назначено 45 человекъ (по 15 въ каждомъ, въ томъ числѣ по 2 офицера). Считая 75 гражд. больныхъ, раньше поступавшихъ преимущественно въ хир. отдѣленіе госпиталя, всего допускалось 175 частныхъ больныхъ. Выборъ ихъ всецѣло предоставлялся профессорамъ, заведывающимъ отдѣленіями. (Прот. № 15, 1859 г.).

Сверхъ того разрѣшенъ приемъ въ госпитальныя клиники 400 больныхъ за плату, меньшую, однако, чѣмъ въ остальныхъ городскихъ больницахъ.

Я изложилъ съ нѣкоторой подробностью всѣ распоряженія, касающіяся госпитальной терапевтической клиники и важнѣйшія мѣры академическаго преподаванія, найденныя мною

въ протоколахъ и дѣлахъ Конференціи, дѣлахъ президентовъ и попечителей за сороковые и пятидесятые годы, съ цѣлью выяснитъ формальныя внѣшнія условія, въ которыхъ находилась кафедра при профессорѣ Мянковскомъ.

Уже было упомянуто, что скоро по переѣздѣ въ Петербургъ Мянковский былъ поглощенъ громадной частной практикой и врачебными обязанностями при дворѣ, вслѣдствіе чего, занимая 18 лѣтъ кафедру, онъ не издалъ ни одного ученаго труда. Это будетъ еще менѣе удивительно, если принять во вниманіе, что Мянковский занималъ въ Академіи съ 1843 года, сверхъ госпитальной терапевтической, еще другую кафедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и состоялъ директоромъ Александро-Маріинскаго дѣтскаго пріюта. Чтеніе лекцій по психіатріи, входившее сперва также въ обязанности Мянковского, было поручено впоследствии Шипулинскому (1843 г.), а затѣмъ Кулаковскому (1848 по 1852 годъ) и, наконецъ, Балинскому.

Въ 1848 году, по предложенію Мянковского и Пирогова, кафедра акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней была раздѣлена: для преподаванія акушерства приглашенъ профессоръ Кутерь (изъ Казанскаго университета), а Мянковский продолжалъ заведываніе клиникой женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

Кромѣ ежедневныхъ занятій въ двухъ большихъ клиникахъ Мянковскому приходилось затрачивать не мало времени на производство существовавшихъ тогда частыхъ контрольных экзаменовъ студентовъ и всевозможныхъ испытаній на ученые степени. Конференція часто поручаетъ ему разсмотрѣніе диссертаций, ученыхъ работъ и популярныя сочиненія по медицинѣ, присылаемыхъ цензурнымъ комитетомъ для заключенія ¹⁾ и отзыва.

¹⁾ Медицинскія сочиненія до 1863 г. разсматривались къ печати лишь послѣ одобрительнаго отзыва Академіи. Въ Академію присылались также для заключенія медицинскія сочиненія, русскія и иностранныя, предназначенныя авторами для поднесенія Высочайшимъ Особамъ, что тогда случалось нерѣдко.

Тѣмъ не менѣе онъ принималъ видное участіе во всѣхъ занятіяхъ Конференціи и въ работахъ, касающихся улучшеній въ госпиталяхъ и клиникахъ.

Кромѣ вышеупомянутого участія его въ общихъ трудахъ, совместно съ другими профессорами, 20 декабря 1845 года Мянновскій подалъ докладную записку Военному Министру князю Чернышеву «съ нѣкоторыми предположеніями объ улучшеніи медицинской части въ военныхъ госпиталяхъ». Въ этой запискѣ онъ предлагаетъ, между прочимъ, поднять научный уровень старшихъ (или главныхъ) госпитальныхъ врачей, подвергая дополнительнымъ экзаменамъ ищущихъ этихъ должностей, устраивать ежемѣсячныя научныя совѣщанія въ госпиталяхъ, на которыхъ должны участвовать всѣ врачи госпиталя и, по желанію, посторонніе медики; далѣе указывается необходимость организовать патолого-анатомическія упражненія въ госпиталяхъ. На основаніи этого рапорта была образована коммисія изъ Мянновскаго и проф. Нарановича, подъ предѣлательствомъ Шлегеля, выводы которой были приняты военно-медиц. ученымъ комитетомъ. Предположенія Мянновскаго были одобрены, кромѣ дополнительныхъ экзаменовъ для старшихъ врачей. (Дѣло 517, архива Акад.).

Профессоръ Мянновскій принималъ участіе въ работахъ коммисіи, занимавшейся по Высочайшему повелѣнію опытами „надъ фармакодинамическимъ дѣйствіемъ китайскихъ лечебныхъ средствъ“¹⁾.

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Штабъ-лекарь Кирилловъ, бывшій врачомъ при русской духовной миссіи въ Китаѣ, привезъ изъ Пекина около 120 различныхъ китайскихъ лекарствъ (три ящика), употребляемыхъ китайскими врачами, и представилъ ихъ Медицинскому Совѣту. Послѣдній, предполагая, что въ числѣ этихъ лекарствъ могутъ оказаться новыя полезныя средства, неизвѣстныя въ Европѣ, рѣшилъ передать ихъ въ Медико-Хир. Академію для изслѣдованія въ фармакологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. О дарѣ штабъ-лекаря Кириллова было доложено Государю, который живо заинтересовался этимъ вопросомъ²⁾.

Конференція Академіи составила комитетъ изъ академика Горьнинова, профессоровъ Мянновскаго и Олендзскаго и состоящаго при азиатскомъ департаментѣ штабъ-лекаря Кириллова для выработки

проекта испытанія китайскихъ лекарствъ въ академическихъ и госпитальныхъ клиникахъ.

Въ мартѣ 1846 г. комитетъ представилъ слѣдующій проектъ. 1. Штабъ-лекарь Кирилловъ составить списокъ всѣхъ привезенныхъ имъ лекарствъ, съ означеніемъ китайскихъ и другихъ названій имъ лекарствъ и латинскими или русскими буквами, и съ показаніемъ китайскими и латинскими или русскими буквами, и съ показаніемъ способовъ и формъ употребленія, также случаевъ, въ которыхъ то или другое лекарство употребляется въ Китаѣ.

2. Коммисія, основываясь на видимыхъ свойствахъ, а гдѣ можно, и на естественномъ физиологическомъ средствѣ, также на химическихъ составныхъ частяхъ китайскихъ лекарствъ, опредѣлитъ приблизительно сходство ихъ съ извѣстными лекарственными веществами и возможность испытывать ихъ надъ здоровыми и больными.

3. Для нѣкоторыхъ средствъ можетъ представиться возможность испытать предварительное дѣйствіе ихъ на свѣжеевыпущенную кровь человѣка и животныхъ, а надъ живыми животными посредствомъ впрыскиванія ихъ въ вены, введенія въ подкожную клѣтчатку, желудокъ, кишки, брюшную полость и проч.

4. Нѣкоторые изъ членовъ коммисіи и другія osoby, можетъ быть, пожелають испытать надъ своимъ здоровымъ организмомъ дѣйствіе новыхъ для Европы средствъ, какъ то производилъ Ганеманъ, Александеръ, Мичерлихъ, Шнеллеръ, Фихнеръ, Швильгъ, Барбіе и другіе.

5. Послѣ такихъ предварительныхъ (физиологическихъ) изслѣдованій лекарствъ можно будетъ приступить къ испытанію терапевтическихъ свойствъ ихъ. Для этого, выбравши больныхъ изъ лѣгоступающихъ въ клинику и госпиталь, сообразно испытываемымъ средствамъ, помѣститъ ихъ въ академическихъ клиникахъ, гдѣ они могутъ быть удобнѣе наблюдаемы членами коммисіи, опредѣлитъ болѣзни, показанія, противопоказанія и средства со всею точностью и поручитъ пользованіе китайскими лекарствами штабъ-лекарю Кириллову, при совѣщаніяхъ и надзорѣ членовъ комитета. Такое лѣченіе должно быть производимо съ надлежащей осторожностью для лучшаго объясненія терапевтическихъ свойствъ испытываемыхъ веществъ.

6. Выѣннѣ въ обязанность дежурному студенту, врачу и ординатору клиники слѣдить за дѣйствіемъ лекарства и записывать болѣе важныя перемѣны въ скорбные листы. Если можно будетъ имѣть нѣсколько больныхъ разнаго возраста и пола съ одинаковыми болѣзнями, то для сравненія результатовъ лѣчить въ тоже время нѣкоторыхъ изъ нихъ обыкновенными средствами.

7. Такъ какъ болѣе вѣрныя заключенія о дѣйствіи лекарствъ выйдутъ изъ большаго числа опытовъ, то и желательно имѣть сколько можно болѣе случаевъ для безвреднаго испытанія лекарствъ при разныхъ условіяхъ со стороны больного.

8. Наконецъ слѣдуетъ присовокупить, что результаты испы-

¹⁾ Протоколъ № 25, 7 сент. 1846 г.

²⁾ Императоръ Николай I весьма интересовался также вопросомъ о наркотѣ эфиромъ и хлороформомъ и живо слѣдилъ за всими подробностями работъ Высочайше назначенной коммисіи для сравнительной оцѣнки этихъ средствъ.

танія отъ нѣкоторыхъ средствъ нельзя ожидать совершенно удовлетворительныхъ, потому что при перевозкѣ изъ Китая, отъ 7 лѣтнаго времени сбереженія, предлагаемыя для испытанія лекарства могли болѣе или менѣе измѣниться въ своемъ составѣ.

Проектъ комисіи былъ рассмотрѣнъ и одобренъ Конференціей 15 октября 1846 г. По докладу военного министра Государю Императору, Высочайше повелѣно подвергнуть испытанію китайскія лекарства, согласно программѣ Конференціи, въ клиникахъ академіи и 2-го военно-сухоп. госпиталя, назначивъ для этого особую комиссію изъ 3-хъ профессоровъ и штабъ-лекаря Кириллова, съ опредѣленіемъ послѣдняго для этой цѣли сверхштатнымъ ординаторомъ госпиталя.

О результатахъ испытанія лекарствъ Конференція предписано доносить ежемѣсячно военному министру (черезъ попечителя Академіи). Комиссія начала свои опыты 28 октября. 1 ноября Конференція извѣщена, что Государь Императоръ удостоилъ рассмотрѣнія списокъ замѣчательнѣйшихъ китайскихъ лекарствъ, составленный Кирилловымъ и поднесенный ему президентомъ Академіи, собственноручно написать: «о послѣдствіяхъ испытанія донести».

Магистръ фармаціи Траппъ¹⁾ сдѣлалъ химическій анализъ китайскихъ средствъ и раздѣлилъ ихъ на 11 родовъ: 1) аналептическія, 2) первоукрѣпительныя, 3) пріяныя, 4) горькія, 5) вяжущія, 6) смолотыя, 7) острыя, 8) разрыхляющія, 9) грудныя, 10) питательныя, 11) соляныя, минеральныя и известковыя. По Траппу изъ 120 средствъ 90 неизвѣстно въ Европѣ; но изъ всѣхъ лекарствъ, привезенныхъ Кирилловымъ, только 30 оказались въ количествѣ, достаточномъ для производства опытовъ надъ больными. Испытаніе китайскихъ средствъ, согласно программы комисіи, производилось въ терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя и въ академической клиникѣ. Дѣятельность комисіи очень замедлялась недостаткомъ свѣжихъ лекарствъ и, особенно, вслѣдствіе постоянныхъ уклоненій отъ занятій д-ра Кириллова, человека болѣзненнаго и, повидимому, не особенно довольнаго своими неожиданными научными обязанностями. Между тѣмъ попечители Академіи Анненковъ и Игнатьевъ постоянно торопили комиссію, чтобы удовлетворить любознательность Государя.

Къ 1849 году члены комисіи представили результаты испытанія китайскихъ лекарствъ въ 20 исторіяхъ болѣзни. Испытано было 48 лекарствъ²⁾, принадлежавшихъ къ 1) аналептическимъ, 2) первоукрѣпительнымъ, 3) ароматическимъ, 4) горькимъ, 5) острымъ, 6) разрыхляющимъ, 7) груднымъ и 8) питательнымъ.

Первыя заключенія комисіи были еще довольно оптимистичны, и нѣкоторыя лекарства признаны достойными вниманія и дальнѣйшихъ опытовъ, почему комиссія ходатайствовала о выпискѣ изъ Китая свѣжихъ лекарствъ³⁾.

Съ теченіемъ времени взгляды комисіи измѣнились⁴⁾, и въ апрѣлѣ 1852 комиссія для испытанія китайскихъ лекарствъ пришла къ заключенію о бесполезности продолжать дальнѣйшіе опыты съ китайскими лекарствами, на томъ основаніи, что среди послѣднихъ нѣтъ вовсе такихъ средствъ, которыхъ нельзя было бы съ успѣхомъ замѣнить европейскими.

Въ 1858 г. профессоръ Мянновскій производилъ въ своей клиникѣ, по порученію Конференціи, опыты лѣченія больныхъ перемежающейся лихорадкой салициномъ. Порученіе было вызвано рапортомъ Военному Министру д-ра Червинскаго, будто бы излѣчивавшаго лихорадку этимъ средствомъ. Министръ передалъ вопросъ на сужденіе Академіи.

Въ своемъ донесеніи Мянновскій говоритъ, что число наблюденныхъ имъ случаевъ еще недостаточно, но и на основаніи ихъ можно заключить, что салицины въ большихъ дозахъ, хотя и ослабляютъ малярію, однако не можетъ сравниться съ хининомъ. (Дѣло Конф. № 55, 1858 г.).

Свои ежедневныя клиническія лекціи въ госпиталѣ (отъ 11 до 1 ч. дня) надъ больными Мянновскій читалъ на латинскомъ языкѣ⁵⁾, которымъ онъ владѣлъ, по словамъ современниковъ, въ замѣчательномъ совершенствѣ.

Строго говоря, это не были лекціи, но просто обходы больничныхъ палатъ, въ которыхъ профессоръ останавливался надъ болѣе поучительными случаями. При этомъ очередной студентъ, въ присутствіи и подъ руководствомъ профессора, изслѣдуетъ

¹⁾ Что было разрѣшено комиссіи съ отнесеніемъ расходовъ на счетъ клиники. Академикъ Гораниновъ, примѣнявшій въ частной практикѣ корень хуанъ-чи, нашелъ, что онъ дѣйствуетъ какъ хорошее «грудное средство».

²⁾ Проток. № 12, 1852.

³⁾ Мянновскій не вполне правильно владѣлъ русской разговорной рѣчью, хотя писалъ хорошо по русски.

¹⁾ Проток. № 3, 1849.

²⁾ Проток. № 11, 1849.

больного, дѣлаетъ распознаваніе, предсказаніе, излагаетъ показанія и методъ лѣченія; кураторъ больного, на основаніи сдѣланнаго такимъ образомъ разбора, ведетъ исторію болѣзни до ея окончанія.

Отвлекаемый обширной практикой и сложными учебными занятіями, Мянновскій только въ началѣ своей дѣятельности представлялъ довольно подробный клиническій отчетъ (за 1842—43 годъ), по которому можно отчасти судить о его направленіи въ терапіи въ этотъ періодъ.

Этотъ клиническій отчетъ ¹⁾ придерживается общепринятаго хронологическаго порядка госпитальной отчетности. Привожу его in extenso.

Хотя въ военномъ госпиталѣ болѣзни менѣе разнообразны, чѣмъ въ другихъ больницахъ, но и здѣсь, подъ вліяніемъ перемѣнъ воздуха и температуры, онѣ различны въ разное время года. Въ ноябрѣ чаще всего болѣзни „ревматическо-катаррального“ характера, воспаленія легкихъ и плевры. Обильныя кровопусканія въ началѣ болѣзни помогали лучше, чѣмъ другіе способы, показываемые студентамъ для сравненія хода болѣзни при разныхъ способахъ лѣченія. Въ декабрѣ и январѣ характеръ заболѣваній остается тотъ же: острые ревматизмы лечились противовоспалительными средствами, или большими приемами рвотнаго камня съ равнымъ успѣхомъ. Въ февралѣ преобладаютъ „катарральныя“ и другія болѣзни слизистыхъ оболочекъ. Лѣченіе успокоительными средствами. Въ концѣ февраля и въ мартѣ чаще всего встрѣчались случаи легочной чахотки. При лѣченіи чахотки были перепробованы разные средства. По наблюденіямъ Мянновскаго, въ случаѣхъ сильно развившихся ни іодъ, ни креозотъ (тогдашнія популярныя средства) не приносятъ пользы. *Вообще при лѣченіи этой болѣзни „обращалось вниманіе слушателей на измѣненіе въ сей болѣзни употребленіе противовоспалитель-*

тельной методы ¹⁾ и строгой діеты“ и „мы находили, что питательная діета гораздо лучше замедляетъ теченіе и исходъ чахотки, чѣмъ строгая діета“.

Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, кромѣ названныхъ болѣзней, начали появляться „болѣзни мозга и его оболочекъ, осложненные гастрическими страданіями“, и болѣзни тифознаго характера. Тифомъ Мянновскій называетъ всѣ формы первоначальной лихорадки, которая, смотря по обстоятельствамъ, имѣетъ различныя проявленія. На этотъ разъ эпидемія носила преимущественно гастрическій характеръ и сопровождалась желтухой и рожей. При лѣченіи этихъ заболѣваній Мянновскій убѣдился, что обычно практикуемое „обильное кровопусканіе въ самомъ началѣ болѣзни всегда было вредно и даже опасно, ибо послѣ незначительнаго облегченія слѣдовало общее разслабленіе (collapsus), болѣзнь становилась продолжительной и, нерѣдко, опасной для жизни“. Головные боли уменьшались отъ приложенія пиявокъ къ вискамъ и холодныхъ компрессовъ. „Болѣзненная чувствительность брюшной полости унималась отъ рожковъ и припарокъ. Средства сіи, равно какъ горячники, обливаніе тѣла холодной водой или водой съ уксуомъ, камфорнымъ спиртомъ, питье воды съ клюквой, если не было поноса, хотя не всегда уменьшали жаръ, однакожъ по большей части не давали ему слишкомъ увеличиваться“.

При „измѣненіи членовъ“, расширеніи зрачковъ, уменьшеніи мочи примѣнялись: мушка близъ головы, меркуріальныя втиранія, настой арники и иногда каломель. Противъ умѣреннаго поноса ничего не предпринималось; если же онъ принималъ изнурительный характеръ и грозилъ коллапсомъ, то дѣлались клизмы съ опіемъ, обыкновенно приносившія пользу. Если всѣ эти средства не помогали, то примѣнялись только возбуждающія (вино и простая водка). „Изъ всего, что мы упоминали о способахъ лѣченія тифозной лихорадки, резю-

¹⁾ Годовой отчетъ профес. Мянновскаго по терапевтическому отдѣленію госпиталя съ 1 ноября 1842 г. по 1843 г. (Изъ дѣлъ президента Ак. за 1844 г.).

¹⁾ Другими словами—кровопусканій, слабительныхъ etc., которыми такъ ужасно злоупотребляли въ то время, ускоряя гибель несчастныхъ чахоточныхъ.

мируеть Мянoвскій, можно заключить, что, по опытамъ нашимъ, успѣшно дѣйствовали не одни только тѣ средства, которыя согласовались съ разными понятіями о сущности и ближайшей причинѣ этой болѣзни, но что болѣе приносить пользы способъ лѣченія, основанный на укрощеніи болѣзни посредствомъ удаленія сопряженій (complicaciones), по большей части воспалительныхъ, и съ предоставленіемъ прочаго собственному своему ходу или, какъ говорятъ, силамъ природы“.

Въ слѣдующіе мѣсяцы болѣзни носятъ гастрическій характеръ: болѣзни печени, кишечнаго канала, желтуха, кровавый поносъ. Съ мая тифозная эпидемія стала стихать, но другія гастрическія заболѣванія усилились: противъ воспаленій печени и другихъ съ успѣхомъ примѣнялись рвотныя. Въ это же время встрѣчаются перемежающіяся лихорадки. Вообще же въ теченіе всего года въ госпитальной клиникѣ преобладаютъ болѣзни „ревматическаго характера“.

Съ сентября по ноябрь не было никакихъ сильныхъ заболѣваній, исключая нѣсколькихъ случаевъ тифа, въ которыхъ *„пробовали мы холодныя ванны. Дѣйствіе въ сихъ случаяхъ было вѣрное, и съ ними никакое средство въ скорости благотворнаго дѣйствія сравниться тутъ не можетъ: языкъ очищается, кожа теряетъ свою жесткость и становится мягче, жаръ уменьшается. Вообще чѣмъ жаръ сильнѣе, кожа суше и слабость очевиднѣе, тѣмъ болѣе можно надѣяться на пользу отъ холодныхъ ваннъ“*.

Отчетъ даетъ слѣдующую смертность въ госпитальной клиникѣ: въ лихорадкахъ и воспаленіяхъ умиралъ 1 изъ 28, при кровотеченіяхъ 1 изъ 7, въ водяной 2 изъ 5, чахоткѣ 10 изъ 13, въ перемежающ. лихорадкахъ, нервныхъ болѣзняхъ и ломотѣ смертныхъ случаевъ не было.

Въ этомъ отчетѣ проф. Мянoвскій представляется независимымъ наблюдателемъ, клиницистомъ, отрѣшающимся отъ господствующей рутинѣ и выступающимъ съ самостоятельной терапіей въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ личный опытъ ставилъ его въ противорѣчіе съ установленными догмами.

Дѣлать кровопусканіе чахоточнымъ или тифознымъ! Подоб-

ная мысль представляется намъ теперь совершеннымъ безуміемъ. Поддерживать силы чахоточнаго усиленнымъ питаніемъ, умѣрять бурное теченіе тифа примѣненіемъ холодной воды — это теперь такія общія мѣста, которыя усваиваются всѣми безъ всякаго усилія мысли.

Но чтобы возвыситься до этихъ истинъ въ то время, требовался наблюдательный и самостоятельный умъ. Такой крупный талантъ, какъ профессоръ Н. О. Здекауеръ, сообщаетъ ¹⁾, что онъ долго раздѣлялъ заблужденіе о необходимости для чахоточныхъ „легкой діеты“ или недостаточнаго питанія, чтобы раздраженіемъ желудка и кишокъ не ухудшить процесса въ легкихъ, и только одинъ счастливый случай помогъ ему оцѣнить всю важность кормленія чахоточныхъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ Мянoвскій примѣнялъ этотъ методъ въ своей клиникѣ. Вспомнимъ также, что въ то время какъ Мянoвскій лѣчилъ тифозныхъ холодной водой, убѣдившись въ благотворномъ дѣйствіи ея при тяжелыхъ лихорадкахъ, этотъ методъ былъ осужденъ парижской медицинской Академіей, какъ ненадежный и даже опасный! (1842 г.).

Клинические отчеты Мянoвскаго за слѣдующіе годы не представляютъ интереса: это просто краткія вѣдомости съ голыми цифрами, составленныя по общепринятому шаблону госпитальной отчетности.

Вотъ образецъ этихъ отчетовъ: Рапортъ проф. Мянoвскаго отъ 1-го дек. 1843 г.

Въ терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя съ 1-го сент. по 1-е дек. было по послѣднему размѣщенію 493 кровати. Рубрики болѣзней: лихорадка, перемежающаяся лихорадка, чахотка съ изнурительной лихорадкой, воспаленія, кровотеченія, оспа, корь, нервныя болѣзни, помѣшательство ума, ломота, поносы, завалы внутренностей, водяная, параличъ, старческая дряхлость и пр.

Въ отчетное время въ клиникѣ сдѣланы слѣдующ. операціи: paracentesis abdominis 5 разъ, applicaciones moxarum 3 раза. Студенты 5 курса занимались пользованіемъ больныхъ во 2-й, 3-ей и 4-й палатахъ, а также у поносныхъ, въ 24-й палатѣ. Остальные

¹⁾ Н. О. Здекауеръ. О бугорчатомъ страданіи легкихъ. Военно-Медиц. Жур. 1857 г.

палаты посѣщались подъ руководствомъ профессора. Всѣхъ студентовъ работало 17 (и каждый въ среднемъ имѣлъ по 14—15 больныхъ). «Адъюнктъ-проф. Кулаковскій присутствовалъ на утреннихъ и вечернихъ визитаціяхъ и руководилъ студентовъ въ отсутствіе профессора. Кулаковскій читалъ кромѣ того по понедѣльникъ и средамъ кожныя болѣзни 4-му курсу. Исполнялъ обязанности свои хорошо».

По рапорту Мянковского отъ 1 іюля 1844, въ терапевтич. отдѣленіи госпиталя число кроватей около 500. Число больныхъ съ 1-го янв. по 15 іюня было 2136 чел., изъ нихъ умерло 246. Операции *aprie. moxarum*—2 раза. Въ клиническихъ палатахъ студенты поочередно принимали поступающихъ больныхъ, кромѣ того навѣщали и другія палаты, занимались также въ палатѣ поносныхъ. Всего работало 16 студентовъ, на каждого приходилось около 16 больныхъ. Кулаковскій присутствовалъ при утреннихъ визитаціяхъ отъ 9½ до 1 часу.

Такого характера и всѣ послѣдующіе отчеты 40-хъ и 50-хъ, изъ которыхъ около половины подписаны Кулаковскимъ, завѣдывавшимъ клинкой во время продолжительныхъ отлучекъ Мянковского.

Изъ отчетовъ по 2-му военно-сух. госпиталю за 1848 и 1849 гг. видно, что одною изъ господствующихъ болѣзней была эпидемическая холера. Въ 1848 г. она обнаружилась въ іюнѣ, поражала людей всѣхъ состояній, особенно же нисшіе классы, истощенные разнаго рода лишеніями. Жертвою ея сдѣлались главнымъ образомъ люди, страдавшіе разстройствомъ пищеварительнаго тракта. Съ половины іюля эпидемія стала уменьшаться, въ исходѣ ноября въ госпиталь уже не поступало холерныхъ больныхъ. Въ 1849 г. холера началась съ мая, продолжалась въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ; сила этой эпидеміи была меньше прошлагодной. Въ результатъ при разнообразныхъ способахъ лѣченія всетаки умирало около половины больныхъ.

Объ общемъ количествѣ больныхъ въ терапевтической клиникѣ Мянковского въ 40-хъ годахъ даетъ представленіе слѣдующая таблица 1):

Въ какомъ году.	Состояло больныхъ.	Выздоров.	Умерло.	Сколько студентовъ лѣчили больныхъ.
1843	1882	1372	214	6—16
1844	3391	2348	354	20—45
1845	3591	2372	458	14—36
1846	6219	4060	1068	25—45
1847	4495	3254	399	2—20
1848	3983	2566	389	13—34
1849	4849	3394	406	21—39
Итого.	28410	19366		

Среднее годовое число за 40-е годы.

Состояло больныхъ: 4058,

выздоровѣло 2766,

умерло 469.

Среднее число больныхъ на студента 14—33.

Послѣ присоединенія госпиталя во всѣхъ отношеніяхъ къ Академіи въ 1846 году, какъ мы видѣли, хозяйственная сторона госпиталя была улучшена и упорядочена.

Съ этого времени при ежемѣсячныхъ рапортахъ старшаго врача госпиталя профессора Нелюбина присылается президенту Академіи вѣдомость съ указаніемъ, во что обошлось содержаніе больныхъ въ теченіе мѣсяца. Привожу здѣсь эти свѣдѣнія за одинъ лѣтній и одинъ зимній мѣсяцъ (май и ноябрь 1851 г.).

Стоимость содержанія.	Продолжительные естественныя и искусственныя приемы.	Лекарствен. вещества.	Отопленіе, освѣщеніе и проч. расход.	Матѣ бѣлыя, содержаніе, прачечн. кастелянши и помощницы.	Салома для вост. лѣченія бѣлыя и подпальна для ослѣпавшихъ.	Чистка и мытье трубокъ, содержаніе лошадей и собакъ.
въ май.						
офицеръ	27¼ к.	1½ к.	3¼/16 к.	7/8 к.	1/16 к.	1/8 к.
нижній чинъ	8¼/16 "	1½ "	3¼/16 "	7/8 "	1/16 "	1/8 "
кантонистъ	5¼/8 "	1½ "	3¼/16 "	7/8 "	1/16 "	1/8 "
отъ 10 до 15 лѣтъ.						
въ ноябрѣ.						
офицеръ	25 "	1½ "	9¾/8 "	7/8 "	1/8 "	1/8 "
нижній чинъ	8¼/8 "	1½ "	9¾/8 "	7/8 "	1/8 "	1/8 "
кантонистъ	5¾/8 "	1½ "	9¾/8 "	7/8 "	1/8 "	1/8 "

Итого по всѣмъ статьямъ: офицеръ стоялъ 33¾ коп., нижн. чинъ 14¼/16 к., кантонистъ 12¼/16 коп.

Общая сумма содержанія госпиталя въ 1850 г. была 184355 р. с. 12¼ к.

1) Прозоровъ. Матеріалы, стр. 383.

Смертность въ терапевтической госпитальной клиникѣ все время остается довольно высокой, но особенно она увеличилась въ 1846 году, когда изъ 6219 больныхъ умерло 1068; такую высокую смертность Мянковский объясняетъ ¹⁾ тѣмъ, что для демонстраціи студентамъ нарочно часто принимаются въ клинику неизлѣчимые и совершенно безнадежные больные съ *hydrops ex degeneratione hepatis*, *hydrops ex degenerat. ovarii*, *phthisis pulmonum*, *phthisis socio hydrope*, съ туберкулезомъ кишечника и т. п., окончившіеся смертью.

Послѣдній отчетъ Мянковского, написанный въ годъ оставленія имъ Академіи (3 мая 1860 г.), не менѣе любопытенъ, чѣмъ его первый отчетъ 1843 г.

Это своего рода *profession de foi* добросовѣстнаго и опытнаго стараго практика, покидающаго свое поприще, на которомъ выступило сразу много свѣжихъ силъ, съ другими приемами мышленія, съ новымъ отрицательнымъ направленіемъ.

Мянковский здѣсь ²⁾ какъ бы подводитъ итогъ дѣятельности своего поколѣнія, съ одной стороны оправдывая его образъ дѣйствій, съ другой — отдавая должную дань уваженія новымъ пріобрѣтеніямъ науки.

Клиника его въ это время была раздѣлена, какъ увидимъ ниже, между нѣсколькими преподавателями. Въ отдѣленіи Мянковского было съ 1-го янв. по 1-е мая 1860 г. 234 больныхъ. Клинику посѣщали, кромѣ 75 студент., врачи и „докторанты“; каждый студентъ имѣлъ не менѣе 2-хъ больныхъ въ полугодіе.

По отчету, при распознаваніи болѣзни употреблялись всѣ возможные методы изслѣдованія; студенты ежедневно упражнялись въ употребленіи микроскопа и химическихъ реактивовъ, химическія и микроскопическія изслѣдованія производились по возможности тщательно и точно ³⁾. „Отдавая полную

справедливость новому направленію врачебной науки, основанному на примѣненіи къ ней положительныхъ знаній, почерпнутыхъ изъ другихъ естественныхъ наукъ, мы старались, говоритъ Мянковский, однакоже обращать вниманіе слушателей на недостаточность этихъ познаній въ настоящее время и раскрыть передъ глазами ихъ всю обширность круга будущей ихъ ученой дѣятельности“. Мянковский училъ, что при современномъ состояніи науки распознаваніе болѣзни не можетъ быть установлено съ желательной точностью, и нужно ограничиваться составленіемъ лишь приблизительнаго понятія о ея сущности; въ такомъ положеніи выручаетъ опытность, пріобрѣтаемая постояннымъ, тщательнымъ наблюденіемъ, и знакомство съ замѣчаніями лучшихъ практическихъ врачей. Наблюденія, сдѣланные у постели больного, должно стараться проверять; если это не всегда возможно, все же, при точности наблюденій, они не лишены цѣнности для науки, „ибо изслѣдованія лучшихъ патологовъ воплотили подтвердили правильность замѣчаній дѣлнѣйшихъ наблюдателей минувшихъ столѣтій“. Мянковский старался знакомить слушателей съ немногочисленными средствами, употребленіе которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть названо рациональнымъ; съ другой стороны указывалъ, что въ значительномъ большинствѣ болѣзней подобная терапия непримѣнима, являясь такимъ образомъ сторонникомъ рациональнаго эмпиризма. Онъ предостерегаетъ слушателей отъ вѣрованія въ безчисленные лекарства и методы лѣченія, равно какъ и отъ „жалкаго скептицизма въ терапіи, столь распространеннаго между новѣйшими врачами.“ Мянковский не упускалъ случая разъяснять всю важность умѣнья примѣнять лѣкарство правильно и своевременно, поэтому вслѣдъ за діагнозомъ требовалъ отъ студентовъ подробнаго и отчетливаго установленія терапевтическихъ показаній и практического умѣнья назначать соответственное средство: строго

взглянуть въ микроскопъ можно было только въ палатѣ, назначенной для раздѣванія профессора и ассистента. Самъ И. Г. Карпинскій познакомился съ употребленіемъ микроскопа лишь благодаря проф. Бессеру въ 1858 г.

¹⁾ Репортъ Мянковского президенту Академіи отъ 6 апр. 1847 г.

²⁾ Дѣло Конференціи. № 225, 1860 года.

³⁾ Проф. И. Г. Карпинскій (выпуска 1858 г.) сообщалъ намъ, что подобная упражненія студентовъ въ дѣйствительности не существовали, до такой степени силъ были незначительными и случайными. Лабораторіи при клиникѣ не было и

обсудивъ предложенія студента онъ выбиралъ то лекарство, въ дѣйствительности котораго убѣдился долготѣннымъ опытомъ. Онъ обращалъ вниманіе студентовъ на необходимость, тщательно слѣдя за ходомъ болѣзни, своевременно и правильно измѣнять назначенія, не упускать ни малѣйшей возможности облегчить состояніе больного, что особенно важно въ хроническихъ тяжелыхъ недугахъ, гдѣ у молодыхъ врачей иногда истощается терпѣніе и находчивость. Стараясь прививать студентамъ такіа убѣжденія, Мянновскій высказываетъ надежду, что они не дойдутъ до скептицизма въ терапіи и не отстанутъ отъ науки, но принесутъ истинную пользу человечеству.

Онъ съ радостью указывалъ своимъ слушателямъ на всѣ замѣчательныя улучшенія послѣдняго времени (т. е. конца 50-хъ годовъ) въ содержаніи больныхъ во 2-мъ военно-сух. госпиталѣ.

По его убѣжденію, „вниманіе молодыхъ врачей должно быть постоянно обращено на этотъ предметъ, ибо *благопріятныя гіііеническія условія составляютъ главное основаніе успѣшнаго лѣченія*“. Онъ указывалъ на недостатки вентилациі въ госпиталѣ, зависящіе отчасти отъ архитектуры зданія, на ненадежность прислуги, обсуждал также средства поправить эти недостатки.

Исслѣдованіе причинъ болѣзней составляло не маловажную отрасль клиническихъ занятій.

Мянновскій пришелъ къ заключенію, что съ нѣкотораго времени характеръ болѣзней измѣнился, ссылаясь на наблюденія всѣхъ врачей, практикующихъ 20—30 лѣтъ. „Воспалительныя болѣзни“ стали рѣже, чѣмъ и объясняется болѣе рѣдкое примѣненіе кровопусканій, а не измѣненіемъ взглядовъ ученыхъ, или вліяніемъ новыхъ патологическихъ теорій. Эта перемена въ характерѣ заболѣваній (по Мянновскому) совпадаетъ съ первымъ появленіемъ холеры. Основываясь на своихъ послѣднихъ наблюденіяхъ, Мянновскій предполагалъ „наступленіе новыхъ измѣненій въ эпидемическомъ характерѣ болѣзней, такъ какъ въ послѣднее время воспаленіе органовъ грудной полости стало чаще“. Характеръ воспалительныхъ заболѣваній

органовъ груди, по его наблюденію, былъ таковъ, что болѣзни эти лучше протекали при примѣненіи кровопусканій, чѣмъ при выжидательномъ методѣ.

Однако кровопусканія приносили пользу только въ самомъ началѣ болѣзни, въ дальѣйшемъ же теченіи примѣнялись успѣшно, смотря по обстоятельствамъ, селитра, рвотный камень, арника, камфора, вино. При такомъ методѣ, несмотря на несовсѣмъ благопріятную гіііеническую обстановку, изъ 35 больныхъ потеряли только 3-хъ. Наблюденія Мянновскаго надъ хроническимъ ревматизмомъ привели его къ заключенію, что изъ всѣхъ современныхъ средствъ въ этой болѣзни лучше всего помогаетъ іодистый потассій. (Дѣло Конф. № 225, 1860).

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ здѣсь мнѣній Мянновскаго не утратили своего значенія и въ настоящее время и обличаютъ въ немъ осторожнаго опытнаго врача и добросовѣстнаго наставника; жаль только, что отсутствіе сколько-нибудь подробныхъ клиническихъ отчетовъ за долгій періодъ 1844—1860 не позволяетъ намъ ближе ознакомиться съ его терапевтическими приемами.

Во время отпусковъ Мянновскаго завѣдываніе госпитальной терапевтической клиникіи всецѣло переходило къ адъюнкту-профессору Кулаковскому.

Въ первый разъ это состоялось въ 1845 году, когда Мянновскій отправился по порученію военнаго министерства для осмотра въ медицинскомъ отношеніи военныхъ госпиталей сѣверо-западнаго края, для чего былъ уволенъ отъ службы въ Академіи и госпиталѣ. Въ маѣ 1847 года Мянновскому разрѣшено, по окончаніи клиническихъ экзаменовъ, отправиться за границу на 5 мѣсяцевъ для посѣщенія „знаменитыхъ практическихъ заведеній въ Европѣ“. При этомъ Конференція проситъ Мянновскаго по возвращеніи составить отчетъ о его занятіяхъ и наблюденіяхъ въ осматрѣнныхъ имъ клиникахъ и другихъ врачебныхъ заведеніяхъ, особенно относительно методовъ лѣченія и преподаванія, для напечатанія въ журналѣ Академіи— „Зап. по части врач. наукъ“. (Прот. № 13, 1847). Занимаясь въ Collège de France у професс. Мажанди (Magendie),

Мяновскій неосторожно ранилъ себя въ руку и заболѣлъ (лимфангоитомъ?) на дорогѣ изъ Франціи въ Берлинъ, вслѣдствіе чего вернулся въ Петербургъ въ началѣ 1848 г. Отчета о своемъ путешествіи Мяновскій, повидимому, не представилъ, по крайней мѣрѣ о немъ не упоминается ни въ дѣлахъ Академіи, ни въ академическомъ журналѣ. Въ 1849, 1856, 1858 и 1859 годахъ Мяновскій оставался долгое время за границей съ Высочайшими особами.

Отчеты Кулаковскаго по госпитальной клиникѣ ограничивались также краткими вѣдомостями съ цифровыми данными, безъ всякихъ комментариевъ. По нимъ нельзя составить никакого представленія ни о его напращиваніи въ терапіи, ни о приемахъ клиническаго преподаванія.

Генрихъ Казиміровичъ Кулаковскій¹⁾ родился въ 1808 году. Въ 1825 году онъ поступилъ въ Виленскій университетъ, гдѣ изучалъ сперва математику, потомъ юриспруденцію и, наконецъ, медицину. Окончивъ курсъ юридическаго факультета въ 1829 г. Кулаковскій служилъ до 1831 г. по Мин. Вн. Дѣлъ. По окончаніи виленской медич. Академіи въ 1837 году, Кулаковскій остался прозекторомъ и ординаторомъ при мѣстной терапевтической клиникѣ. Въ 1840 г. былъ врачомъ при воспитательномъ домѣ младенца Іисуса. Въ 1842 г. получилъ степень д-ра медицины и званіе инспектора врачебной управы. Съ 1842 г. сталъ ассистентомъ клиники Мяновскаго и ординаторомъ 2-го в.-сухоп. госпиталя (съ 1843 г.). Въ 1846 г. Кулаковскій выдержалъ словесный экзаменъ на адъюнктъ-профессора и прочелъ пробную лекцію на русскомъ языкѣ „о способахъ изслѣдованія въ клиническомъ отношеніи“, и на латинскомъ „de plica“, и признанъ Конференціей достойнымъ званія дѣйствительнаго адъюнкта. Въ 1849 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ фармакологіи и старшимъ ординаторомъ госпиталя. Въ 1852 г. получилъ званіе ординарнаго профессора. Съ 1843 г. Кулаковскій читалъ въ

¹⁾ Формуляр. списокъ въ архивѣ Академіи, Змѣевъ, русск. врачи, энцикл. слов. Брокгауза.

госпиталѣ на латинск. языкѣ болѣзни кожи, которая онъ продолжалъ преподавать и впоследствии, будучи профессоромъ фармакологіи.

Въ 1848 г. Конференція поручила Кулаковскому читать психіатрію. Кромѣ диссертациі: *de cheiloplastica et stomato roasi. Vilna, 1842*, Кулаковскій напечаталъ: *de plica*, В. Мед. Журн. 1846 и *de pathogenia plicae pausa praemisit* 1846. Въ 1861 г. Кулаковскій былъ за границей съ научной цѣлью; послѣ этого онъ напечаталъ сочин. „*Considérations sur la vie organique, mémoires envoyés à l'Académie de Médecine à Paris*“. Кулаковскій прекратилъ преподаваніе въ 1869 году и окончательно вышелъ въ отставку въ 1871 г. Послѣ этого онъ долго былъ старшимъ врачомъ главн. о-ва желѣзн. дорогъ и умеръ въ 1889 (?) году.

По назначеніи Кулаковскаго ордин. профессоромъ фармакологіи Мяновскій просилъ Конференцію опредѣлить къ нему адъюнктомъ И. М. Балинскаго (13 сент. 1852 г.). Конференція согласилась съ условіемъ, чтобы Балинскій выдержалъ предварительный экзаменъ на д-ра медицины. Вслѣдствіе разныхъ командировокъ Балинскій окончилъ экзамены на адъюнкта и защитилъ диссертацию только въ 1856 году, когда и былъ утвержденъ Конференціей ассистентомъ Мяновскаго въ званіи адъюнктъ-профессора госпитальной терапевт. клиники (Прот. Конфер. 8 марта 1856 г.).

Въ 1856 году во времяграничнаго путешествія Мяновскаго исполненіе его должности было по прежнему возложено на Кулаковскаго. Но уже въ октябрѣ 1855 года, по соглашенію президента Академіи Пеликана съ Конференціей, былъ назначенъ для клиническаго преподаванія студентамъ V курса докторъ медицины Бессеръ, состоявшій при 1-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ и носившій офиціальныи титулъ „наставника молодыхъ врачей“. Мѣра эта была вызвана, очевидно, сознаннымъ необходимою введени свѣжій элементъ въ преподаваніе; къ тому же съ начала 50-хъ годовъ число студентовъ въ Академіи стало быстро возрастать, въ 56-мъ году число поступившихъ на 1-й

курсъ было около 300. Очень занятый практикой и начавший прихварывать Мянковский совершенно не могъ справиться съ новыми запросами учебнаго дѣла. Мы видѣли, что въ сентябрѣ 1855 года съ выпускными студентами занимались одновременно Эккъ, Шипулинскій и Мянковский. Поэтому вновь поступившему Бессеру, на первыхъ порахъ, предложено было помочь профессору Эдекауеру въ преподавательской клиникѣ 3-го курса, гдѣ занятія особенно осложнились вслѣдствіе большого наплыва учащихся. Съ 1856 года Бессеръ сталъ читать постоянно клиническія лекціи V курсу въ госпитальной терап. клиникѣ, гдѣ ему было поручено самостоятельно завѣдывать отдѣленіемъ этой клиники. Лекціи проф. Мянковского становились все болѣе спорадическими, наконецъ въ 1858—1859 году онъ совсѣмъ былъ освобожденъ отъ службы въ Академіи, находясь заграницей въ распоряженіи Великой Княгини Маріи Николаевны. Офіціальная отставка его состоялась въ декабрѣ 1860 года, но фактически дѣятельная руководящая роль въ госпитальной терапевтической клиникѣ въ послѣдніе пять лѣтъ перешла къ Бессеру и адъюнкту-профессору И. М. Балинскому, будущему основателю русской школы психіатровъ, который съ 1856 года сталъ читать лекціи по психіатріи, устроивъ при 2 военно-сух. госпиталѣ особое отдѣленіе для нервныхъ и душевныхъ больныхъ. (1858—59). Женскимъ отдѣленіемъ клиники Мянковского съ 1854 г. самостоятельно завѣдывалъ бывший ординаторъ его адъюнктъ-профессоръ А. Я. Красовскій, основатель русской гинекологической школы.

Вернувшись изъ заграничнаго путешествія къ началу 1860 года, Мянковский въ послѣдній разъ читаетъ клиническія лекціи въ теченіе одного семестра, о чемъ представляетъ свой заключительный вышеприведенный отчетъ. Во время его отсутствія въ 1858 и 1859 годахъ, по просьбѣ Конференціи, его отдѣленіемъ руководилъ вице-президентъ Глѣбовъ, уже въ 1857 г. получившій въ свое завѣдываніе нѣсколько терапевтическихъ палатъ. Такимъ образомъ обширное терапевтическое отдѣленіе госпиталя было раздѣлено на три меньшихъ отдѣленія: 1) отдѣ-

леніе проф. Мянковского, 2) отдѣленіе д-ра Бессера и 3) отдѣленіе проф. Глѣбова, не считая особаго отдѣленія адъюнкты-проф. Балинскаго, назначеннаго специально для нервныхъ и душевныхъ больныхъ.

Слѣдующая таблица представляетъ общее распредѣленіе занятій въ госпиталѣ въ 1858 г., предложенное президентомъ Дубовицкимъ и одобренное Конференціей.

Расписаніе госпитальныхъ отдѣленій на 1857—58 учебн. годъ.

Въ 1-мъ отдѣленіи			
Отдѣленія.	Палаты.	Завѣдуетъ.	Ординаторы.
Судебно-медиц.	1—2	Чистовичъ	Рябининъ и Вилъсъ
Терапевтическое	3—4—5—6—7	Бессеръ	Сорокинъ
Хирургическое	8—9—10—11—12	Неммертъ	Гиршгофъ и Пильцъ
Терапевтическое	13—14—15— 16—17—18	Глѣбовъ	Ершовъ, Верхов- скій и Ленскій
Терапевтическое	19—20—21— 22—23—24	Мянковский	Моносъ
Болн. поносомъ и холерою	27	Маркузенъ	Кнохъ и Голь- файтеръ.
Во 2-мъ отдѣленіи			
Офицерское	офицерская	Эккъ	Бугаевскій и Иллинскій
Глазное	1 и 2 корп.	Кабатъ	Недюбинъ и Бонгардъ
Сифилитическое	3 корп.	Заблоцкий	Соловейчикъ
Сыпное	4 и 5 корп.	Кулаковский	Щеголь и Штронштейндеръ
Умопомѣшаннымъ	6 и 7 корп.	Балинскій	Гленбоцкий и Бекъ
Въ 3-мъ отдѣленіи			
Арестантское	1 половина	Вейсъ	Росновскій и Вагнеръ
Женское	2 >	Красовскій	Никитинъ.

Вице-президент Академіи Иванъ Тимофѣевичъ Глѣбовъ, заступавшій мѣсто проф. Мяновскаго въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ, былъ отставнымъ профессоромъ Московскаго университета. Онъ родился въ 1806 г. и происходилъ изъ духовнаго званія. Первоначальное образованіе получилъ въ рязанской семинаріи; окончивъ съ золотою медалью Московскую Мед.-Хир. Академію, онъ былъ оставленъ при Академіи для приготовления къ профессорскому званію. Въ 1832 году былъ назначенъ адъюнктомъ-професс. анатоміи и физиологіи въ Моск. Мед.-Хир. Акад., въ 1833 г. адъюнктомъ-професс. общей патологіи и терапіи. Получивъ степень д-ра медицины, Глѣбовъ перешелъ на кафедру ветеринаріи. Въ 1837 былъ посланъ за границу на 3 года. Вернувшись въ 1840 г., онъ сталъ читать въ Моск. Мед.-Хир. Академіи физиологію и патологію. По закрытіи этой Академіи перешелъ въ Моск. университетъ, гдѣ былъ сперва профессоромъ зоологіи и сравнительной анатоміи, а въ 1849 году занялъ тамъ же кафедру физиологіи. Съ 1845 по 1855 годъ Глѣбовъ состоялъ ординаторомъ Московскаго военнаго госпиталя. Назначенный въ 1857 году помощникомъ къ Дубовицкому и непререкаемымъ членомъ военно-медиц. ученаго комитета, Глѣбовъ принималъ живѣйшее участіе въ реформахъ Академіи, и подъ его ближайшимъ руководствомъ учредился профессорскій институтъ М.-Х. Академіи. Въ 1880 г. Глѣбовъ отпраздновалъ свой 50 лѣтній юбилей, по поводу котораго врачи профессорскаго института Академіи издали „Глѣбовскій сборникъ“, состоящій изъ ряда научныхъ статей, посвященныхъ авторами юбиляру. Умеръ онъ въ 1884 г. ¹⁾.

Изъ печатныхъ работъ И. Т. Глѣбова извѣстны: 1) *De pathematibus sensu physiologico, pathologico, therapeutico et pharmacologico*. Dissert. 1834. 2) *Recherches microscopiques sur les parties molles de mamouth (elephas primogenitus)*. 3) Физиологія аппетита или голода. Москва 1856. 4) Объ

¹⁾ Зѣфель. Русскіе врачи писатели, энцикл. словарь Брокгауза.

отношеніи физиологіи къ прочимъ наукамъ, рѣчь на актѣ Моск. у-та 1856. 5) Опытъ лѣченія перемежающейся лихорадки средствами китайскаго огуречника. Прот. о-ва русск. врач. 1857—58 г.

Кромѣ того въ 1830 г. Глѣбовъ перевелъ «краткія основанія физиологіи» Magendie, написалъ свою автобіографію (см. словарь Парфенова), «о занятіяхъ медиковъ врачебнаго института» 1863, и рядъ мелкихъ статей, перечисленныхъ у Зѣфеля (русск. врачи писатели).

Вице-президентъ Глѣбовъ, завѣдуя отдѣленіемъ госпитальной терапевтической клиники около 3-хъ лѣтъ, ежегодно представлялъ отчеты о своихъ занятіяхъ.

Въ отчетѣ 1857—58 года ¹⁾ Глѣбовъ говоритъ что, руководя студентовъ V курса въ госпитальныхъ занятіяхъ, онъ раздѣлялъ ихъ на своеобразныхъ и казеннокоштныхъ: съ первыми занимался въ 1-мъ полугодіи, съ послѣдними во второмъ. Каждый студентъ имѣлъ подъ его наблюденіемъ 3—4 больныхъ, причемъ обязанъ былъ написать подробныя исторіи болѣзни.

«Способъ изслѣдованія и изученія болѣзни былъ употребляемъ синтетическій. Начинали съ формы болѣзни, которая разлагалась на свои элементы, т. е. на симптомы (физиологическіе и анатомическіе), объясняли внутреннее значеніе симптомовъ, взаимная связь ихъ и зависимость, изъ чего выводилась такъ называемая *causa proxima* болѣзни, отыскивалась причина болѣзни, образъ дѣйствія и законъ образованія ея (*genesis morbi*), далѣе выводилось предсказаніе какъ относительно хода, такъ и исхода болѣзни, устанавливалось показаніе (*indicaciones*) и, наконецъ, назначалось лѣченіе, по возможности рациональное, а гдѣ нельзя эмпирическое».

Фармацевтическаго лѣченія Глѣбовъ избѣгаетъ, предпочитая гигиеническія и діететическія средства, а изъ лекарствъ наименѣе сложныя. Послѣ смерти дѣлались вскрытія, результаты которыхъ записывались въ исторію болѣзни.

Число всѣхъ больныхъ въ его отдѣленіи (13, 14, 15, 16, 17 и 18 палаты) въ теченіе года было 423, выздоровѣло 341, ум. 21. Одинъ умершій на 20% больныхъ и на 16% выздоровѣвшихъ.

Въ отчетѣ 1858—59 г. Глѣбовъ представилъ таблицу наиболѣе частыхъ заболѣваній въ его отдѣленіи. Онъ не соглашается съ мнѣніемъ о ненужности кровопусканій при крупозной пневмоніи и ссылается на свои наблюденія, гдѣ кровопусканіе въ первомъ періодѣ купировало болѣзнь, а во второмъ часто доставляло значи-

¹⁾ Дѣла Конф. за 1858 г.

тельное облегчение. При этомъ описывается одинъ подобный случай крупознаго воспаления въ отчетномъ году: кровопускание быстро ослабило всѣ тяжелые симптомы. Допуская, что показанія къ кровопусканию справедливо ограничены, Глѣбовъ считаетъ его, однако, существенно полезнымъ приемомъ въ извѣстныхъ случаяхъ.

Въ клиникѣ его производились опыты надъ дѣйствіемъ *hypophosphis calcis et sodae* при чахоткѣ (средство, горячо рекомендованное англійскимъ врачомъ Черчиллемъ), но результаты получились скорѣе отрицательные.

Указывается случай излѣченія молокомъ Брайтовой болѣзни. «Характеръ лѣченія былъ самый простой, говоритъ Глѣбовъ, отчасти по ограниченности средствъ госпитальнаго каталога, а болѣе потому, что мы простой способъ лѣченія предпочитаемъ способамъ сложнымъ. Специфическихъ средствъ особенно не старались искать. Заботились болѣе всего о вѣрномъ опредѣленіи анатомическаго и физиологическаго свойства болѣзни, средства же употребляли разныя, разумѣется приличныя» (Дѣло Конференціи, № 204, 1859 г.).

Викторъ Вилибальдовичъ Бессеръ читалъ клиническія лекціи V курсу и завѣдывалъ отдѣленіемъ госпитальной терапевтической клиники съ 1856 до конца 1860 года, когда онъ получилъ независимую кафедру. Бессеръ ¹⁾ родился 24 марта 1825 года въ Кременцѣ. Его отецъ былъ профессоромъ ботаники въ мѣстномъ лицей, а впоследствии перешелъ на кафедру ботаники въ Кіевскій университетъ и составилъ себѣ почетное имя въ наукѣ своими многочисленными работами, преимущественно по флорѣ юго-западнаго края. По окончаніи гимназій въ Кіевѣ В. В. Бессеръ поступилъ на философскій факультетъ Кіевскаго университета, который окончилъ въ 1845 году со степенью кандидата и званіемъ домашняго наставника. Пробывши нѣкоторое время учителемъ въ одной аристократической семьѣ, Бессеръ началъ изучать медицину въ 1846 году въ Московскомъ университетѣ, гдѣ получилъ только что учрежденную стипендію баронета Виллье.

Окончивъ курсъ въ 1851 г. лекаремъ съ отличіемъ, Бессеръ былъ посланъ, какъ стипендіатъ Виллье, для усовершенствованія

¹⁾ Формуляр. списокъ службы въ архив. Акад., газета „Врачъ“ № 16, 1890 (некрологъ), Венгеровъ, крит. бібліогр. слов. русс. писат. и ученыхъ, слов. Брокгауза.

ванія въ Англію, Францію и Германію на три года. Онъ работалъ преимущественно въ Германіи у Вирхова и въ Вѣнѣ у Рокитанскаго; кромѣ того Бессеръ объѣхалъ и основательно изучилъ всѣ главнѣйшія группы европейскихъ минеральныхъ водъ, приобрѣтя въ этой области обширныя познанія, которыя онъ охотно прихѣплялъ въ своей практикѣ. Возвратившись въ Россію, Бессеръ защитилъ въ Москвѣ въ 1855 году диссертацию на д-ра медицины: „*de therapeutica aquarum mineralium actione.*“

Въ томъ же году, на основаніи положенія о стипендіи Виллье, Бессеръ былъ назначенъ „наставникомъ молодыхъ врачей“ съ прикомандированіемъ къ 1-му военно-сухопутному (Николаевскому) госпиталю, а съ октября 1855 года, какъ мы видѣли, началась его дѣятельность при 2 военно-сухопут. (клиническомъ) госпиталѣ. Въ 1860 году, по предложенію Дубовицкаго, онъ былъ выбранъ единогласно ординарнымъ профессоромъ на кафедру общей патологіи, діагностики и общей терапіи, освободившуюся послѣ профессора Эдекауера.

Избирая его на отдѣльную кафедру, Конференція постановила, чтобы Бессеръ продолжалъ по прежнему свои занятія съ молодыми врачами, прикомандированными къ клиникамъ госпиталя для специальныхъ занятій клинической терапіей (Дѣло Конф. № 4, 1860). При этомъ Конференція отмѣчаетъ, что Бессеръ, замѣняя професс. Мянковского въ чтеніи лекцій V курсу, выдѣлился какъ отличный опытный преподаватель. (Прот. № 30, 1860.)

На этой кафедрѣ онъ оставался до окончанія 25 лѣтія въ 1879 году. Уступая настоятельнымъ желаніямъ своихъ друзей, Бессеръ баллотировался еще на 5 лѣтіе, но не былъ избранъ. Въ 1879 году Бессеръ былъ назначенъ совѣщательн. членомъ военно-медицинскаго комитета. Онъ умеръ въ Петербургѣ 15 апрѣля 1890 года.

Дѣятельность Бессера въ Академіи началась въ эпоху преобразованій ея строя Дубовицкимъ. Вполнѣ сочувствуя новымъ вѣяніямъ, Бессеръ принималъ живое участіе въ реформахъ. Онъ ожидалъ очень плодотворныхъ результатовъ

отъ учрежденія профессорскаго врачебнаго института при Академіи и введенія приватъ-доцентуры. Онъ первый подалъ и отстаивалъ ¹⁾ мысль объ оставленіи при Академіи въ профессорскомъ институтѣ молодыхъ врачей по конкурсу, а не по отбѣткамъ; онъ же доказывалъ необходимость выбирать профессоръ изъ приватъ-доцентовъ также по конкурсу, къ которому должно допускать не только академическихъ доцентовъ и докторовъ, но и постороннихъ врачей, удовлетворяющихъ извѣстному научному цензу. Основнымъ мотивомъ преподавательской дѣятельности Бессера является его сочувственное отношеніе къ учащейся молодежи и начинающимъ ученымъ. Чуждый всякой узкой партійности, относясь одинаково ко всѣмъ безъ различія, онъ считалъ главной своей обязанностью широко открывать двери своей клиники всѣмъ желающимъ учиться и давать имъ нужныя для этого пособія и указанія ²⁾. Будучи человѣкомъ очень добрымъ и пользуюсь репутацией опытнаго и талантливаго діагноста, Бессеръ имѣлъ до конца жизни обширную частную практику, что не мѣшало ему добросовѣстно исполнять свои преподавательскія обязанности ³⁾. Преподаваніе его носило преимущественно демонстративный характеръ: всѣ новѣйшіе методы изслѣдованія тщательно примѣнялись въ его клиникѣ къ распознаванію болѣзней; при случаѣ, прижизненная діагностика непременно провѣрялась результатами вскрытія. Въ своихъ лекціяхъ онъ всегда опирался на патологическую анатомію.

При своей кафедрѣ онъ учредилъ лабораторію, гдѣ постоянно занимались студенты и врачи.

Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ его лабораторіи работали,

¹⁾ Медиц. Вѣстникъ № 44, 1862, Бессеръ, нѣсколько словъ о выборѣ профессоровъ.

²⁾ Свое искреннее сочувствіе молодежи Бессеръ доказалъ, между прочимъ, учрежденіемъ еще при своей жизни нѣсколькихъ стипендій въ разныхъ университетахъ (на 14000 р.), а послѣ своей смерти завѣщалъ для той же цѣли 100 тыс. руб.

³⁾ Въ началѣ своей практической дѣятельности Бессеръ особенно охотно занимался болѣзнями органовъ брюшной полости (Дѣло Конф. № 45, 1861).

между прочимъ, слѣдующіе врачи и будущіе профессора, получившіе въ послѣдствіи извѣстность: В. А. Манассеинъ, М. Субботинъ, И. И. Насиловъ, Г. М. Николаевъ, А. Е. Чесноковъ, Я. А. Стольниковъ, Н. А. Засѣцкій, С. Д. Костюринъ, Л. И. Тумасъ и др. В. А. Манассеинъ, получивъ кафедру частной патол. и терапіи и не имѣя въ своемъ распоряженіи клиники (до 1879 г.), пользовался для цѣлей преподаванія клиникой Бессера.

Кромѣ занятій въ своей клиникѣ Бессеръ принималъ участіе въ работахъ Максимилиановской лѣчебницы.

Содѣйствуя всѣми силами преподаванію и обученію молодежи, Бессеръ былъ менѣе всего ученымъ теоретикомъ.

Будучи очень образованнымъ человѣкомъ и выдающимся лингвистомъ (кромѣ русскаго онъ зналъ хорошо нѣмецкій, франц., англійскій, итальянскій, польскій, латинскій и греческій языки), онъ написалъ вообще немного. Кромѣ его докторской диссертациі имъ напечатаны: „отчетъ ¹⁾ о терапевтическомъ отдѣленіи 2-го военно-сухопутнаго госпиталя съ 1-го сент. 1857 по 1-е янв. 1858 г.“ „отопленіе и провѣтриваніе госпиталей“ ²⁾ „отравленіе белладонной“ ³⁾. Въ московскомъ врачебн. журналѣ Полунина онъ помѣстилъ: а) отчетъ о состояніи медицины въ Австріи въ 1851 и 1852 годахъ, б) современное ученіе о психическихъ болѣзняхъ, в) о состояніи медицины въ Италіи, г) о терапевтическомъ дѣйствіи минеральныхъ водъ. (Дѣло Конф. 45, 1861). „Къ казуистикѣ бургорчатки“, (Мед. Вѣстн. № 15, 1869) и кромѣ того нѣсколько критическихъ замѣтокъ ⁴⁾. Бессеръ часто ѣздилъ на вакаціонное время за границу съ научными цѣлями. Въ 1857 году, предъ его путешествіемъ въ Германію и Францію, Конференція поручила ему осмотрѣть устройство водяного и парового

¹⁾ Протоколы Общ. Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ за 1857—1858 г.

²⁾ Военно-Мед. Жур. 1857 г.

³⁾ Мед. Вѣстн. 1864, № 2.

⁴⁾ Въ библиот. Мед. Наукъ д-ра Хана конца 50-хъ годовъ.

отопления заграничных клиникъ, а также вообще лучшія европейскія клиники и ортопедическія заведенія.

Этими свѣдѣніями имѣли въ виду воспользоваться при будущей постройкѣ Михайловской клинической больницы Вилле. (Прот. № 13, 1857 г.).

Профессоръ Мянговскій просилъ Конференцію включить въ инструкцію Бессеру: 1) вникнуть въ подробности введеннаго д-ромъ Дюшеномъ въ Булони метода примѣненія электричества къ физиологін и, въ особенности, къ лѣченію болѣзней, «сдѣлать дознание», въ чемъ заключается преимущество измѣненій, введенныхъ въ методъ Дюшена Ремакомъ въ Берлинѣ. 2) Ознакомиться съ результатами лѣченія чахоточныхъ въ Лондонской больницѣ Consumption House, гдѣ введены новыя способы отопленія и вентиляціи, такъ что воздухъ всегда свѣжъ и температура постоянно одинаковой высоты. Примѣненіе этой системы могло бы найти мѣсто при устройствѣ клинической больницы Вилле. (Дѣло Конф. № 21. 1857 г.).

Результатомъ поѣздки Бессера былъ его отчетъ „объ отопленіи и провѣтриваніи госпиталей“.

В. В. Бессеръ составлялъ очень подробные и обстоятельныя отчеты о своей клинической дѣятельности, въ которыхъ заключается много интересныхъ наблюденій (напримѣръ обширный отчетъ о различныхъ методахъ лѣченія холеры въ его отдѣленіи госпиталя въ 1866 году¹⁾; должно сожалѣть, что они не появились въ печати. Я, по необходимости, остановлюсь только на тѣхъ изъ нихъ, которые относятся ко времени между 1856 и 1860 г., когда Бессеръ руководилъ отдѣленіемъ госпитальной клиники, замѣняя, по порученію Конференціи, професс. Мянговскаго. Въ первомъ его отчетѣ за 1857—58 г.²⁾ видны новыя вѣянія и переворотъ, совершившійся въ терапіи. Бессеръ высказывается вообще рѣшительно противъ кровопусканій, допуская ихъ только при исключительныхъ показаніяхъ: онъ убѣжденъ вмѣстѣ съ другими авторами, что въ серьезныхъ болѣзняхъ (тифахъ etc.) кровопусканія даютъ

весьма плачевные результаты, выздоровленіе замедляется, смертность значительна. Какъ бы оправдывая это новаторство и разрывъ съ традиціей, онъ говоритъ: „не патологическая школа, не Скода, не Дитль выдумали лѣченіе безъ кровопусканій, но клиническія наблюденія, вредъ, происходящій отъ употребленія этихъ средствъ, заставили врачей искать другихъ способовъ для лѣченія больныхъ“ (стр. 402).

Больныхъ въ его отдѣленіи за 4 мѣсяца было 229 со смертностью 8,7%. Больше всего умерло отъ бугорчатки (легочной чахотки). Говоря объ убійственномъ дѣйствіи госпитальнаго воздуха въ этой болѣзни, Бессеръ указываетъ на поступленіе въ госпиталь чахоточныхъ солдатъ уже съ развившимися тяжелыми явленіями: солдаты въ начальной стадіи болѣзни, вопреки совѣтамъ врачей, удерживаются въ строю для надобностей службы или по недоверію къ заявленіямъ врачей. Въ госпитальномъ отдѣленіи Бессера съ 1-го октября 1855 г. по 1 мая 1857 года было 205 чахоточн. солдатъ со смертностью 46,7%. При госпитальныхъ условіяхъ всѣ средства фармакопей безполезны для чахоточныхъ. Заболѣвающихъ солдатъ необходимо во время отсылать въ деревню на поправку.

Воспаленія легкихъ Бессеръ лѣчитъ отхаркивающими, иногда назначаетъ рвотное (рвотный камень), какъ жаропонижающее даетъ дигиталисъ (extr. fol. gr xij : ℥vj).

Бессеръ не высказывается абсолютно противъ кровопусканій при крупозномъ воспаленіи легкихъ, „ибо мы лѣчимъ не болѣзни, но больныхъ съ разнообразнымъ темпераментомъ и живущихъ въ разнообразныхъ условіяхъ“, но наученный опытомъ онъ прибѣгаетъ съ крайнею осторожностью къ обильнымъ кровопусканіямъ въ этой болѣзни, такъ какъ наблюдалъ послѣ нихъ сильный упадокъ силъ, и выздоровленіе такихъ больныхъ было трудное и продолжительное.

Этотъ отчетъ заканчивается нѣсколькими весьма подробными и поучительными исторіями болѣзни съ результатами патолого-анатомическихъ вскрытій.

Въ первой половинѣ 1858 г. Бессеръ производилъ въ своей клиникѣ опыты лѣченія чахотки по способу д-ра Черчилля, предложенному авторомъ парижской медиц. Академіи. *Nurprophosphis sodae et calcis* (3—9 gr pro dosi, 3 раза въ день) оказалась безполезной для чахоточныхъ: болѣзнь не замедлялась и патолого-анатомическія вскрытія не обнаружили ни малѣйшей наклонности къ

¹⁾ Въ 1866 году Бессеръ много работалъ въ холерной коммисіи.

²⁾ Этотъ отчетъ съ 1-го сент. 1857 по 1 янв. 1858 напечатанъ въ Прот. Общ. Русс. Вр. 1857—58 г.

исцелению процесса: ни измѣненія кавернь, ни стремленія ихъ къ рубцеванію, ни омѣненія образовавшихся бугорковъ¹⁾.

При лѣченіи тифа, Бессеръ слѣдую совѣтамъ англійскаго врача Тода, давалъ больнымъ простую водку (6 разъ въ день по столов. ложкѣ); средство это оказалось очень полезнымъ, особенно въ состояніи истощенія, адинаміи.

Изъ отчета Бессера²⁾ за 1859—60 годъ видно, что больныхъ въ его отдѣленіи было 706, изъ которыхъ умерло 94. Особенно много было нервныхъ больныхъ (43), давшихъ возможность испытать методъ лѣченія фарадизаціей снарядомъ Штерера. Слѣдую указаніямъ Дюшена и Мейера, Бессеръ пришелъ однако, къ неблагоприятнымъ выводамъ. Фарадизація далеко не столь важное лѣчебное средство, какъ его прославляютъ: оно не помогаетъ при многихъ параличахъ, и показанія для его примѣненія довольно ограничены.

При дифтеритномъ пораженіи глѣза Бессеръ имѣлъ случаи примѣнить съ успѣхомъ oleum martis внутрь и наружно для смазываній (также argent. nitric.). Послѣдовательныхъ дифтеритныхъ параличей, описанныхъ Труссо и другими, не наблюдалъ ни въ госпитальной, ни въ частной практикѣ.

При холерѣ, по наблюденіямъ его въ госпиталь, — въ начальномъ стадіи холернаго поноса лучше всего помогаютъ наркотическія и слизистыя средства, совершенно бесполезныя въ послѣдствіи, когда весь эпителий кишокъ выдѣлится съ серозными испраженіями³⁾.

Въ холодномъ (альгидномъ) періодѣ холеры лучше всѣхъ средствъ заворачиваніе больного въ холодныя мокрыя простыни и малые приемы каломеля по gr j чрезъ 2 часа.

Въ клиникѣ дѣлались также наблюденія надъ лѣченіемъ кроваваго поноса большими дозами гаd. пресас. (3j—3jss); организмъ привыкаетъ и переноситъ такіе приемы, но, вопреки англійскимъ врачамъ, терапевтическій эффектъ оказался ничтожнымъ.

Въ заключеніе отчета приведено нѣсколько подробныхъ интереснѣйшихъ исторій болѣзни съ результатами вскрытій и патолого-анатомическими находками.

По поводу одного случая апоплексіи Бессеръ излагаетъ разницу между thrombus и embolus по Вирхову.

Половину всѣхъ вскрытій, какъ всегда, дали чахоточные (10 холерныхъ и 6 тифозныхъ): поступаая съ развившимся уже пораженіями эти больные быстро гибнутъ отъ госпитальнаго воздуха.

По поводу наблюденій Бессера надъ примѣненіемъ фарадизаціи въ нервныхъ болѣзняхъ замѣчу здѣсь, что въ то время, вообще, возлагались большія надежды на электричество,

какъ лѣчебное средство. Именно въ 1859 г. по поводу статей общей печати, въ которыхъ сообщалось о крайне благоприятномъ будто бы лѣченіи холеры электричествомъ по способу бельгійскаго врача Дефонтена, Военный Министръ предложилъ Конференціи высказаться по этому вопросу.

Въ своемъ отвѣтѣ Конференція заявляетъ, что въ Россіи электричество уже давно примѣняется къ лѣченію нѣкоторыхъ болѣзней, въ томъ числѣ и холеры. Кабатъ (въ 1844 г.), Пироговъ (1846 г.), Шипулинскій (1848 и 1849 г.) занимались опытами лѣченія электричествомъ во 2 военно-сухоп. госпиталѣ. Опыты Шипулинскаго лѣченія лихорадки электричествомъ производились въ большихъ размѣрахъ на Кавказѣ и, повидимому, приносили пользу. Шипулинскій первый въ 1852 г. наблюдалъ дѣйствіе электричества при холерѣ, Здекауеръ во 2 военно-сухоп. госпиталѣ наблюдалъ, если не излѣченіе, то временное прекращеніе припадковъ.

Однако этому агенту нельзя приписывать особенно цѣлебныхъ свойствъ: электричество является, повидимому, только сильнымъ возбуждающимъ. Принимая во вниманіе патологическую анатомію холеры, можно сомнѣваться въ пользѣ электричества при развившейся въполнѣ болѣзни. Лучше же всего, какъ показалъ опытъ Парижа и Лондона, бороться съ эпидеміей мѣрами санитарными и гигиеническими.

Заключеніе Конференціи было передано президентомъ Военному Министру, который доложилъ объ этомъ Государю Императору. (Прот. Конф. № 27 и 29, 1859, Дѣло Конф. № 131, 1859 г.).

Профессоръ Бессеръ принималъ дѣятельное участіе въ работѣхъ комиссіи⁴⁾ по устройству амбулаторныхъ приѣмовъ при 2 военно-сухоп. госпиталѣ.

Комиссія выработала проектъ, который былъ одобренъ Конференціей и утвержденъ Военнымъ Министромъ.

1. Постановлено было открыть тотчасъ же амбулаторныя клиники⁵⁾ при госпитальныхъ отдѣленіяхъ и академическихъ клиникахъ. 2. Въ каждой изъ такихъ клиникъ консультантомъ долженъ быть профессоръ. 3. При терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя должно быть двѣ амбулаторныя клиники; одна, открытая по вторникамъ и пятницамъ отъ 9 до 10 часовъ утра, въ завѣдываніи професс.

¹⁾ Изъ отчета Академіи за 1857—58 уч. годъ.

²⁾ Дѣло Конф. 226, 1860.

³⁾ Проток. № 26, 1859 г.

⁴⁾ Въ дѣйствительности приемы организовались съ начала 1860.

Бессера, другая—по средам и субботам от 10 до 11 часов утра, въ заведываніи проф. Глѣбова (проф. Мяновскій былъ заграницей). 4. Избрать для помѣщенія этихъ клиникъ приемные покои, имѣющіеся уже при нѣкоторыхъ госпитальныхъ отдѣленіяхъ (при терапевтическомъ отдѣленіи не было), а для другихъ назначить удобныя для того палаты.

Расходы по содержанію амбулаторій были отнесены на остатки суммы, назначенной на содержаніе 100 гражданскихъ больныхъ.

Въ декабрѣ 1859 г. комиссія по устройству амбулаторій, въ представленномъ Конференціи проектѣ объявленія ¹⁾ объ открытіи ихъ, между прочимъ, объявляетъ, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 3 дек. 1859 г. учрежденіе амбулаторныхъ клиникъ имѣетъ цѣлью: 1) доставить бѣднымъ людямъ всякаго состоянія, званія, возраста и пола, равно и всѣмъ желающимъ, средство получить бесплатно полезный совѣтъ въ болѣзни, рецептъ на лекарство отъ самыхъ опытныхъ и вѣдущихъ врачей-профессоровъ медицины; 2) дать возможность подвергнуться всякой хирургической операціи больному, одержимому хирургической болѣзнію, 3) безъ всякаго затрудненія дать акушерское пособіе ищущей такового, 4) предоставить желающимъ, по усмотрѣнію начальниковъ отдѣленій, поступить въ клинику и лечиться бесплатно, особенно, если болѣзнь будетъ тяжкая и упорная, или представить особенный клиническій интересъ въ какомъ нибудь отношеніи. Клиникамъ учрежденіе амбулаторій доставитъ возможность наблюдать больныхъ съ болѣе разнообразными, рѣдкими и замѣчательными болѣзнями... Амбулаторіи будутъ открыты ежедневно кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней по опредѣленному росписанію...

Профессоръ терапіи Мяновскій ²⁾ будетъ принимать больныхъ съ внутренними болѣзнями въ амбулаторной клиникѣ 1-го отдѣл. госпиталѣ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ съ 9 до 10 ч. утра. Это объявленіе, приведенное здѣсь въ сокращеніи, было препровождено къ Оберъ-Полиціймейстеру для напечатанія въ СІВ. Полицейскихъ Вѣдомостяхъ (прот. Конф. № 8, 1860).

Упомянемъ еще объ одномъ начинаніи Конференціи, не получившемъ, повидимому, практическаго примѣненія. Основываясь на чрезвычайной важности для практической медицины солидныхъ знаній физики и химіи и невозможности для врачей овладѣть этими науками во всемъ ихъ объемѣ, Конференція, ссылаясь на примѣры Франціи и Англіи, гдѣ лучшей лѣчебной заведенія имѣютъ своихъ физиковъ и химиковъ-спеціалистовъ, высказалась за учрежденіе подобныхъ должностей при 2 военно-сухонутномъ госпиталѣ.

Эти спеціалисты посвящаютъ свою дѣятельность рѣшенію меди-

цинскихъ и гигиеническихъ вопросовъ, возникающихъ у представителей медицины, или по распоряженію правительства.

Госпитальный физикъ и химикъ должны быть врачами и примѣнять свои знанія именно къ медицинѣ, руководить врачами и студентами и пр. Они состоятъ непремѣнными членами Конференціи, начальники госпитальныхъ отдѣленій обращаются къ нимъ за совѣтами и пособіями. Конференція можетъ предлагать имъ вопросы, требующіе специальныхъ познаній. По службѣ въ госпиталѣ они пользуются правами начальниковъ отдѣленій. Каждый изъ нихъ читаетъ высшіе курсы по какой нибудь отрасли предмета молодымъ врачамъ. (Прот. Конф. № 1—1860 г.)

Вѣроятно эти предложенія Конференціи не осуществились потому, что представилась возможность радикальнымъ образомъ измѣнить и поставить на надлежащую научную высоту преподаваніе въ Академіи всѣхъ естественныхъ наукъ, которыя до сихъ поръ владѣли въ ней, подъ названіемъ вспомогательныхъ, довольно жалкое существованіе, благодаря недостатку средствъ и отдѣльныхъ кафедръ, а главное—отсутствію лабораторій и научныхъ пособій.

Въ концѣ 1860 года, въ разгарѣ реформаторской дѣятельности Дубовицкаго, исполнилось 30 лѣтъ службы профессора Мяновскаго (30 ноября 1860 г.). На вакантную кафедру госпитальной терапевтической клиники и должность главнаго врача терапевтическаго отдѣленія выразилъ желаніе перейти ординарный профессоръ Академіи Н. О. Здекауеръ, выдающийся представитель клинической медицины въ Медико-Хир. Академіи, уже около 20 лѣтъ съ честью державшій въ ней знамя науки.

Въ засѣданіи 17 декабря 1860 г. Конференція, „отдавая полную справедливость заслугамъ и опытности Здекауера“, согласилась на перемѣщеніе его на вакантную кафедру, причѣмъ на его мѣсто избранъ В. В. Бессеръ (см. выше).

Какъ увидимъ ниже, блестящая преподавательская и ученая дѣятельность профессора Здекауера принадлежить эпохѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ М. Х. Академіи, и появленіе его на кафедрѣ госпитальной клиники было очень кратковременно, по сравненію съ его предыдущей и послѣдующей ученой и общественной дѣятельностью.

Профессору Здекауеру наслѣдовалъ на кафедрѣ госпитальной терапевтической клиники другой блестящій клиницистъ

¹⁾ Для напечатанія въ газетахъ.

²⁾ Мяновскій оставался въ должности до декабря 1860 г.

его товарищъ, сверстникъ и близкій другъ В. Е. Эккъ. Дѣятельность ихъ обоихъ въ Академіи шла совершенно параллельно: будучи одного выпуска (1838 г.), они учились въ Академіи и за границей у однихъ и тѣхъ же учителей, принадлежали къ одной и той же научной школѣ, одно время (съ 1846 по 1848 г.), послѣ отставки Зейдлица, занимали вмѣстѣ кафедру академической терапевтической клиники, ибо, цѣня въ равной степени ихъ заслуги, Конференція затруднилась отдать предпочтеніе одному изъ нихъ. Научная дѣятельность проф. Экка тоже принадлежитъ 40-мъ и 50-мъ годамъ, и на кафедру госпитальной клиники онъ вступилъ умудреннымъ долгимъ опытомъ и съ глубокими практическими познаніями. Профессоры Здекауеръ и Эккъ были гордостью Академіи въ 40 и 50-хъ годахъ, и, какъ клиницисты терапевты, не знали соперниковъ: они были лучшимъ научнымъ наслѣдіемъ старой Академіи новой, возрожденной П. А. Дубовицкимъ. Прежде чѣмъ перейти къ ихъ дѣятельности считаю необходимымъ предпослать краткое изложеніе реформъ М. Х. Академіи, начатыхъ въ 50 годахъ и совершенно измѣнившихъ къ концу профессуры В. Е. Экка учебную фیزیономію Академіи и принадлежащаго ей госпиталя.

Кафедра госпитальной терапевтической клиники при
профессорахъ Н. О. Здекауеръ (1861—1863) и В. Е. Эккъ
(1863—1874).

Въ шестидесятыхъ годахъ осуществилась большая часть преобразованій Медико-Хирургической Академіи, задуманныхъ П. А. Дубовицкимъ. Кромѣ учрежденія врачебнаго профессорскаго института и ряда упомянутыхъ улучшеній и нововведеній конца 50-хъ годовъ въ учебной сферѣ 2 военно-сухопутнаго госпиталя, современная Академія обязана ему всѣмъ своимъ нынѣшнимъ развитіемъ, всей широкой образцовой постановкой въ ней преподаванія. Конференція, руководимая П. А. Дубовицкимъ, пришла къ убѣжденію, что спеціально медицинскія науки могутъ быть основательно изучены лишь въ тѣсной связи съ естественными науками, которыя до того времени, по недостатку средствъ, находились въ Академіи въ полномъ пренебреженіи и назывались „вспомогательными“ предметами.

Для преподаванія естественныхъ наукъ существовало всего 2 кафедры, и условія практическихъ занятій были ниже всякой критики. Конференція выдвигаетъ эти науки на первый планъ, какъ основаніе медицинскихъ знаній.

По мысли Конференціи, Медико-Хирургическая Академія должна въ сущности состоять изъ двухъ факультетовъ: естественныхъ наукъ, преподаваемыхъ въ полномъ объемѣ, гдѣ студенты получаютъ основательное знакомство съ фактами этихъ наукъ и методами изслѣдованія ихъ, и факультета чисто медицинскихъ наукъ.

Съ этой цѣлью задуманы и учреждены при Академіи три института:

1) Естественно-историческій для преподаванія физики, химіи, минералогіи и геологіи съ палеонтологіей. Для преподаванія этихъ наукъ построено особое зданіе около Литейнаго (Александровскаго) моста, законченное и открытое въ 1863 г. Тогда же для преподаванія ботаники возведено въ саду особое зданіе съ учебной оранжереей и аудиторіей.

2) Анатомио-фізіологическій институтъ, назначенный для изученія наукъ, объектами которыхъ являются трупы и живыя животныя (вивисекціи): нормальной анатоміи, гистологіи, фізіологіи, зоологіи, патологической анатоміи, судебной медицины. Прекрасное, обширное зданіе этого института начато постройкой въ 1864 году; преподаваніе же соответствующихъ наукъ открылось въ немъ лишь въ 1871.

Наконецъ 3) клиническій институтъ долженъ былъ образоваться изъ клинической больницы, разрѣшенной къ постройкѣ на капиталъ, завѣщанный президентомъ барономъ Я. В. Виллье, и изъ госпитальныхъ клиникъ 2 военно-сухопутнаго госпиталя. Учрежденіе клинической больницы Виллье при Академіи было всецѣло заслугой незабвеннаго П. А. Дубовицкаго¹⁾.

Постройка этой больницы началась въ 1864—65 году и совершенно закончена въ 1869 году, но академическія клиники были переведены въ клиническую больницу Виллье только 1 января 1874 г., помѣщенія же этихъ послѣднихъ клиникъ въ госпиталь получили другое назначеніе.

Изъ дѣла Академіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ видно, какъ осторожно, основательно и предусмотрительно относилась Конференція къ предстоявшей ей почетной задачѣ преобразовать Академію, создать три названныхъ института. Въ виду новизны дѣла, нѣсколько лѣтъ было затрачено на собраніе предварительныхъ свѣдѣній и разработку плановъ: многіе профессора²⁾ по порученію Конференціи подолгу путешествовали заграницей, всесторонне изу-

чая соответствующія научныя европейскія учрежденія. Собранныя данныя и свѣдѣнія были тщательно обсуждены и взвѣшены, и все что было современнаго и лучшаго въ Европѣ, нашло себѣ приложеніе въ нашихъ академическихъ институтахъ³⁾. П. А. Дубовицкому, безвременно умершему въ мартѣ 1868 г., не пришлось видѣть окончательнаго осуществленія своихъ идей...

Преобразованія 2 военно-сухопутнаго госпиталя, также непрерывно продолжались съ конца 50-хъ годовъ. Годовые отчеты главнаго врача госпиталя и ежегодные всеподданнѣйшіе доклады Военнаго Министра, въ которыхъ находятся также отчеты президента Дубовицкаго о состояніи М. Х. Академіи, даютъ возможность видѣть изъ года въ годъ постепенный переходъ стараго госпиталя къ нынѣшнему его положенію.

Мы видѣли, что уже при проф. Мянновскомъ были сдѣланы нѣкоторыя улучшенія въ содержаніи и лѣченіи больныхъ. Эти улучшенія были настолько существенны, что профессоръ Мянновскій съ радостью указывалъ на нихъ своимъ слушателямъ, какъ на признаки наступленія новой эры. Но первыя капитальныя улучшенія самого госпиталя были произведены въ 1860 году. Прежде всего радикально измѣнена крайне антигигіеничная мѣстность, окружавшая госпиталь, постройки котораго были разбросаны на громадномъ протяженіи. Мѣстность эта болотистая, низкая, была занята полузаброшенными огородами, съ заплывшими гніющими прудами, съ ямами и рвами, наполненными всякими нечистотами. Понятно, что подобныя окрестности не только не могли служить для прогулокъ больныхъ и не были резервуаромъ чистаго воздуха для госпиталя, но, наоборотъ, постояннымъ гніеніемъ органическихъ частей заражали воздухъ, вредно дѣйствуя на больныхъ и здоровыхъ. Оздоровить эту мѣстность было вопросомъ первостепенной важности.

Послѣ долгихъ ходатайствъ, Академіи удалось добиться отъ городского управленія и инженернаго вѣдомства проложенія водосточныхъ трубъ по улицамъ Выборгской стороны, и тогда приступили къ дренажу и осушенію госпитальной мѣстности. Для стока стоячихъ водъ, которыя раньше не просыхали до середины лѣта, въ болѣе низкихъ частяхъ вырыты проточные пруды, все остальное

¹⁾ Этотъ вопросъ подробно изложенъ въ статьѣ Чистовича, посвященной памяти Я. В. Виллье, въ протоколѣхъ Общества русс. врачей 1859—60 г.

²⁾ Глѣбовъ, Зининъ, Здекауеръ, Бессеръ, Сиченовъ и другіе.

³⁾ Членами Конференціи въ срединѣ 60-хъ годовъ (67 г.) были: презид. Дубовицкій, вице-пр. Глѣбовъ, уч. секрет. проф. Балинскій, академики: Зининъ, Заблужній, Катеръ, Нарановичъ, Брандтъ, орд. профес. Эжикъ, Иллинскій, Чистовичъ, Якубовичъ, Боткинъ, Бородинъ, Мерзлякъ, Сиченовъ, Кузковскій, Транъ, Груберъ, Бессеръ, Красновскій, Юнге, Хлѣбниковъ, Исп. дожи. орд. пр. Шесговъ, инспект. Мерхелевичъ.

пространство пересѣчено въ разныхъ направлєніяхъ подземными водосточными трубами, соединенными съ городскими; огороды съ капустой уничтожены, на ихъ мѣстѣ устроены сады съ аллеями, газонами и кустарниками; посажены деревья, въ саду поставлены скамейки, и госпитальныя окрестности получили привлекательный видъ, стали служить мѣстомъ лѣтняго отдыха и прогулокъ для выздоравливающихъ.

Ясно, насколько выиграла госпиталь въ гигиеническомъ отношеніи отъ этихъ перемѣнъ.

Неоднократныя внезапныя ревизіи военно-сухопутнаго госпиталя въ это время показали, что онъ содержался во всѣхъ отношеніяхъ въ образцовомъ состояніи, насколько это было возможно при старыхъ условіяхъ размѣщенія больныхъ. Послѣ ревизіи госпиталя д-ромъ Гольмеромъ въ 1861 г. Военный Министръ благодарилъ главнаго врача Гребскаго и смотрителя госпиталя (Дѣло № 17, 1861, канц. презид.). Въ столь же блестящемъ порядкѣ найденъ былъ госпиталь и особенно лица больныхъ губернаторомъ Петербурга Княземъ Суворовымъ, внезапно посѣтившимъ 2 военно-сухопутный госпиталь 24 іюня 1862 г. (№ 83, канц. презид. 1862).

Коренная перестройка самого госпиталя началась съ 1863 г.)

Прежде всего были отстроены разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ обветшавшія деревянныя зданія госпиталя и приспособлены для удобнаго лѣтняго помѣщенія въ нихъ больныхъ. Съ весны 1863 г. въ нихъ перевели больныхъ такъ называемаго 1-го каменнаго корпуса 1 отдѣленія госпиталя—праваго крыла, гдѣ находится нынѣ госпитальная церковь. Въ этомъ каменномъ корпусѣ, соединявшемся раньше съ остальнымъ госпитальнымъ зданіемъ (фасадомъ на Неву) только деревяннымъ коридоромъ, помѣщались кромѣ двухъ терапевтическихъ отдѣленій (въ верхнемъ этажѣ) еще хирургическое и сифилитическое. Въ немъ заключалось до 450 больныхъ. Въ виду солидности каменной кладки стѣнъ въ немъ была сдѣлана только внутренняя передѣлка. Прежнее расположеніе палатъ измѣнено: вмѣсто большихъ проходныхъ палатъ сдѣланы меньшія изолированныя, устроены также маленькія комнаты для отдѣльнаго содержанія трудныхъ больныхъ.

Лекціи въ госпиталь читались у постелей больныхъ въ палатахъ, которыя, не смотря на свою величину, не могли вмѣстить всѣхъ слушателей, вслѣдствіе чего въ палатахъ получалась въ высшей степени вредная атмосфера, отъ которой страдали прежде всего больные, а затѣмъ студенты и преподаватели.

Теперь въ перестроенномъ зданіи устроена не существовавшая прежде аудитория *) для чтенія лекцій, кабинеты для профессоръ

и комнаты для приема амбулаторныхъ больныхъ. Отведены особыя помѣщенія для ординаторовъ, фельдшеровъ и служителей этого отдѣленія; устроено отопленіе герметическими камнями съ вентиляционными трубами въ стѣнахъ, отдушины которыхъ въ нижнемъ отдѣлѣ внутреннихъ стѣнъ служили для вытягиванія изъ палатъ комнатнаго воздуха †). Въ отстроенное отдѣленіе госпиталя впервые была проведена вода изъ водоема въ естественно-историческомъ зданіи, и вездѣ устроены раковины и ватерклозеты, замѣнившіе прежнія отхожія мѣста, бывшія источникомъ ничѣмъ неустраняемаго зловонія. Къ сожалѣнію, въ этой части госпиталя было оставлено прежнее устройство коридоровъ, проходившихъ посрединѣ каждаго этажа: больничныя палаты открывались въ коридоръ съ обѣихъ сторонъ. Это неудобство было устранено лишь впоследствии, въ семидесятыхъ годахъ.

Послѣ передѣлки этой части госпиталя въ сентябрѣ 1864 года въ немъ были размѣщены больные. Въ верхнемъ этажѣ открыто 1-е терапевтическое отдѣленіе, а внизу 1-е хирургическое.

Въ слѣдующіе годы (1864, 1865 и 1866) была перестроена часть госпиталя, выходящая на р. Неву, сперва правая его половина, а затѣмъ лѣвая (окончена въ 1869 г.) и, наконецъ, лѣвое крыло госпиталя, гдѣ помѣщалось арестантское отдѣленіе и женское терапевтическое.

П. А. Дубовицкій постоянно добивался удаленія изъ госпиталя неклиническаго арестантскаго отдѣленія, не имѣвшаго ничего общаго съ учебными цѣлями и только причинявшаго ненужныя заботы и хлопоты Академіи, такъ какъ въ немъ содержались иногда важныя преступники. Дубовицкій проектировалъ устроить въ этомъ отдѣленіи клинику заразныхъ болѣзней (какъ оспа, скарлатина, злокачественная гангренозная жаба), желая имѣть лишнее помѣщеніе на случай эпидемій (Дѣло канц. презид. № 70, 1866).

Зданіе, выходящее на Неву, было совершенно разрушено и возведено вновь, причемъ полъ былъ поднятъ надъ уровнемъ почвы. Высота этажей увеличена, палаты распределены по южной сторонѣ зданія, а коридоръ по сѣверной.

Въ этихъ частяхъ госпиталя также были устроены аудитории, профессорскіе кабинеты, помѣщенія ординаторовъ и пр. Средняя часть госпиталя, такъ называемое зданіе учебныхъ театровъ, построенное еще въ началѣ столѣтія, гдѣ прежде сосредоточивалось все преподаваніе, было передѣлано послѣднимъ въ 1873 и 1874. Послѣ коренной перестройки всего госпиталя эта часть нарушала стиль зданія, сообщала ему «настоящее архитектурное безобразіе», и Дубовицкій хлопоталъ еще въ 1867 году объ измѣненіи его и

*) Отчеты главн. врача госпиталя и исподдани. отчеты за 1861—65 гг.

†) За исключеніемъ, къ сожалѣнію, госпит. терапевт. клиники, которая попрежнему оставалась безъ аудиторіи до 70-хъ годовъ.

*) Отчетъ главнаго врача Гребскаго за 1864 г. изъ дѣлъ канц. президента.

приспособленія главнымъ образомъ для помѣщенія большой академической библиотеки и вновь основаннаго хирургическаго музея Академіи.

Свой окончательный нынѣшній внѣшній видъ госпиталь получилъ такимъ образомъ въ 1874 году; въ 1872 г. въ немъ всюду устроено газовое освѣщеніе.

Во всѣхъ всеподданнѣйшихъ докладахъ военнаго министерства 60-хъ годовъ выставляется на видъ неуклонное прогрессивное движеніе Академіи къ цѣли, Высочайше указанной ей повелѣніемъ 1857 года—стать въ ряду лучшихъ врачебныхъ и учебно-медицинскихъ учрежденій въ Европѣ. Въ отчетахъ 1861—1863 еще обращается вниманіе на тѣсноту и неудобство учебныхъ зданій и особенно клиникъ, которыя не годятся ни для правильнаго и гигиеническаго содержанія больныхъ, ни для преподаванія въ нихъ воспитанникамъ Академіи способовъ распознаванія и лѣченія болѣзней. Въ исполненіе Высочайшей воли были созданы три вышеназванныхъ института: естественно-историческій, анатоми-физиологическій и клинический, и такимъ образомъ „преподаваніе самихъ медицинскихъ предметовъ въ Академіи получило надлежащее развитіе, число кафедръ увеличено, и можно положительно сказать, что въ Академіи преподаваніе какъ естественныхъ, такъ и медицинскихъ наукъ имѣетъ надлежащую полноту и происходитъ совершенно въ современномъ направленіи“¹⁾.

Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности, вдаваться въ подробности всѣхъ замѣчательныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Академіей въ періодъ 60-хъ годовъ, я вынужденъ ограничиваться только указаніями на перемѣны въ госпитальномъ дѣлѣ и въ общей учебной сферѣ.

О вновь отстроенной къ 1867 г. правой части госпиталя, совершенно оконченной и занятой больными, мы находимъ слѣдующій отзывъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1866 г.: «выходящія на Неву свѣтлыя, высокія палаты, въ обоихъ этажахъ съ паркетнымъ поломъ, въ ряду ихъ аудиторіи, комнаты для аналитическихъ работъ, профессорскіе кабинеты съ пріемными для приходящихъ

больныхъ, ванны покои, помѣщенія для ординаторовъ, фельдшеровъ и палатной прислуги, общій свѣтлый и теплый коридоръ съ теплыми ватерклозетами, устроенная въ подвальномъ этажѣ особая система отопленія и вентиляціи, при роскошной отдѣлкѣ всѣхъ частей зданія и снабженія ихъ неводскою водою посредствомъ трубъ и крановъ, преобразили бышую на этомъ мѣстѣ неудобную и ветхую часть госпиталя въ прекрасное, чистое, со всеми удобствами новое больничное помѣщеніе. Соединительное зданіе, связывающее эту часть госпиталя съ первымъ госпитальнымъ флигелемъ (гдѣ помѣщалась 1-е терапевтическое отдѣленіе), вмѣщаетъ въ себѣ двѣ русскія бани съ ваннами: одна изъ нихъ предназначена для набережнаго зданія, а другая для названнаго флигеля»... (Дѣло Канц. презид. № 48, 1867).

Однако къ концу всѣхъ этихъ капитальныхъ перестроекъ госпиталь имѣлъ еще не мало нѣкоторыхъ частныхъ недостатковъ, которые были устранены впоследствии. Весной 1868 года военно-сухопутный госпиталь былъ подробно осмотрѣнъ и изученъ во всѣхъ отношеніяхъ, по приказанію Военнаго Министра (28 апр. 1868 г.), графомъ Сиверсомъ и профессоромъ т. сов. Козловымъ.

Въ своемъ весьма обширномъ отчетѣ¹⁾ они указываютъ, между прочимъ, что „каменный корпусъ перваго отдѣленія“²⁾ для больничнаго учрежденія представляетъ капитальное неудобство по расположенію внутренняго коридора, раздѣляющаго рядъ больничныхъ палатъ съ окнами справа на западъ и слѣва на востокъ. При этомъ старинномъ устройствѣ почти невозможно поддерживать постоянно хорошій воздухъ въ палатахъ. Хотя при капитальномъ исправленіи корпуса проведены въ стѣнахъ вентиляціонныя трубы, сообщающіяся съ герметическими печами и открывающіяся отверстиями внутрь палатъ, но система эта мало помогаетъ освѣженію въ нихъ воздуха. Число больныхъ не соответствуетъ размѣру палатъ, особенно если принять во вниманіе нечистоплотность больныхъ простаго званія и болѣзни, сопряженныя съ зловонными испареніями и изверженіями; дежурные ученики и служители, не имѣя особой дежурной, ночуютъ въ палатахъ; студенты, посѣщающіе клинику, собираются въ извѣстное время дня и дышать тѣмъ же палатнымъ воздухомъ. Весь этотъ испорченный воздухъ собирается во внутренній, ничѣмъ не вентилируемый коридоръ, такъ какъ онъ размѣрами своими перевѣшиваетъ искусственную тягу; въ него же

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго отчета за 1866 г.

¹⁾ Дѣло о ревизіи 2 военно-сухоп. госпит. (Дѣло канцел. президента 1868 г.)

²⁾ Гдѣ именно помѣщалась госпит. терапевт. клиника.

открываются казармы служителей и заносится запах из отхожих мѣстъ, отъ чего коридоръ постоянно, особенно въ зимнее время, представляетъ резервуаръ дурного воздуха.⁴

Далѣе отчетъ указываетъ на недостатокъ отопленія въ этомъ отдѣленіи госпиталя: въ палатахъ больныхъ почти невозможно было поддерживать одинаковую температуру; въ кабинетахъ и амбулаторныхъ клиникахъ при одинаковыхъ условіяхъ зимою температура бывала часто не болѣе 10—12° R., что затрудняло занятія студентовъ и врачей.

Въ новомъ набережномъ зданіи госпиталя отопленіе и вентилляція также оказались не вполне удовлетворительными. Воздухъ во всемъ зданіи былъ недостаточно влажнымъ, особенно во время сильныхъ морозовъ. Сухость воздуха оказывала неблагоприятное вліяніе на теченіе горячекъ, болѣзней сердца и легкихъ; полы и мебель растрескивались, въ коридорахъ находилось много тонкой, легко подвижной пыли. Вентилляція въ коридорахъ почти не было, къ госпитальному воздуху примѣшивался запахъ отъ керосиновыхъ лампъ и даже отхожихъ мѣстъ. Послѣднія дурно вентилируются, провѣтриваніе палатъ часто производится только насчетъ коридоровъ.

Отопленіе палатъ набережнаго зданія очень несовершенно: одні палаты нагреваются до 20° R., другія едва до 10° R., что въ отчетѣ объясняется дурно вставленными рамами и небрежностью рабочихъ, завѣдующихъ калориферами.

Въ этомъ же отчетѣ гр. Сиверса и проф. Козлова встрѣчается жалоба на неправильности въ приемѣ и выпускѣ больныхъ въ госпиталь. По закону больныхъ слѣдовало принимать только чрезъ приемный покой, съ соблюденіемъ порядка, на которомъ основывается правильная отчетность. Но съ учрежденіемъ амбулаторныхъ клиникъ профессора начали принимать больныхъ помимо приема покоя, прямо изъ кабинетовъ. Вслѣдствіе этого контора не можетъ слѣдить за правильностью ординаторскихъ требованій и контролировать расходность по точному числу больныхъ, такъ какъ ординаторы и ассистенты забываютъ направить больного въ приемный покой для записи въ книгу, видя въ этомъ одну формальность...

На всѣ госпитальныя зданія были только одинъ приемный покой, причемъ далекое разстояніе отъ него нѣкоторыхъ клиникъ представляло большое неудобство, особенно зимою¹⁾.

Эти недостатки были большей частью устранены въ 1869 году: устроенная въ госпиталь система отопленія Дершау усовершенствована, сдѣланы приспособленія для увеличенія влажности воздуха, вводимого въ палаты согрѣтымъ, перестроены ватерклозеты и улучшена въ нихъ вентилляція.

Кромѣ этихъ недостатковъ госпиталя, обусловленныхъ техническими и инженерными погрѣбностями постройки, графъ Сиверсъ и проф. Козловъ указали, къ сожалѣнію, и другіе, которые отчасти зависѣли отъ доброй воли лицъ, завѣдывающихъ госпиталемъ.

Такъ въ отчетѣ ихъ констатируется грязное содержаніе приемнаго покоя и нѣкоторыхъ палатъ, стѣны которыхъ забрызганы разными «цвѣтными жидкостями», на больныхъ встрѣчалось грязное бѣлье, на пустыхъ кроватяхъ оставалось грязное постельное бѣлье отъ прежнихъ больныхъ.

Очистка (!) воздуха въ палатахъ производилась, по контракту съ инженеромъ Ждановымъ при помощи флаговъ въ 3—4 ладони шириной, смоченныхъ растворомъ желѣзнаго купороса съ примѣсью древеснаго уксуса или дегтя, что, не достигая цѣли, портило еще болѣе госпитальный воздухъ.

Табель порцій для больныхъ нижнихъ чиновъ найдена неудовлетворяющей клиническимъ требованіямъ и недостаточной для больныхъ, молоко и яйца, покупаемая госпиталемъ для больныхъ плохого качества.

Прислуга для ухода за больными, по словамъ ревизіоннаго отчета, самая слабая сторона госпиталя: набранные изъ нестроевыхъ солдатъ, эти люди не привыкли къ дисциплинѣ, часто наклонны къ пьянству и воровству, неспособны къ гуманному и разумному обращенію съ больными, непривычны къ аккуратности и чистотѣ, что особенно рѣзко выступало по сравненію палатъ госпиталя съ палатами акушерской и лѣкарскаго клиникъ, гдѣ пользовались женской прислугой. Фельдшеръ полагался одинъ на 50 кроватей.

Хотя начальникъ Академіи, заслуженный профессоръ Нарановичъ, въ объясненіи своемъ главному военно-медицинскому управленію, отклонялъ отъ себя отвѣтственность за униженія, но несомнѣнно, что послѣднія не могли бы возникнуть при президентѣ П. А. Дубовицкомъ, который умѣлъ всѣмъ служащимъ внушать идею служебнаго долга, лично выкалѣ во всѣ мелочи управленія, постоянно посѣщалъ госпиталь, всѣхъ контролировалъ, всѣмъ руководилъ.

Мы видѣли, что уже въ 1858 рѣшеніемъ Конференціи 2 военно-сухопутный госпиталь былъ раздѣленъ по родамъ болѣзней на клиническія отдѣленія, изъ которыхъ каждое находилось въ завѣдываніи отдѣльнаго клиническаго профессора, состоявшаго въ то же время госпитальнымъ ординаторомъ. Распредѣленіе госпитальнаго матеріала по специальнымъ отдѣленіямъ оказалось настолько удобнымъ и выгоднымъ, что

¹⁾ Отчетъ о ревизіи 2 военно-сухоп. госпит. 1868 г. Дѣла канц. презид.

примѣру 2 военно-сухопутнаго госпиталя стали слѣдовать и другія большія больницы и госпитали 1).

Организація клиническихъ отдѣленій и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ достигнута были, конечно, не сразу, а постепенно. Въ особенности Конференція заботилась, чтобы преподаваніе въ клиническихъ отдѣленіяхъ не страдало отъ односторонности вслѣдствіе недостатка казуистики. Хорошо устроенныя амбулаторныя клиники, охотно посѣщаемыя публикой, доставили столько матеріала для наблюденій, что приносимая ими польза быстро окупала всѣ издержки на нихъ.

Въ числѣ мѣръ для улучшенія клиническаго преподаванія было установлено правильное соотношеніе кафедры патологической анатоміи съ богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ 2 военно-сухопутнаго госпиталя. Конференція постановила, чтобы всѣ вскрытія въ госпиталѣ были сосредоточены при кафедрѣ патологической анатоміи подъ руководствомъ профессора послѣдней, чтобы молодые врачи, обязанные присутствовать при вскрытіи поступившихъ отъ нихъ больныхъ, имѣли въ этомъ окончательномъ клиническомъ актѣ повѣрку и разъясненіе видѣнныхъ ими прижизненныхъ явленій³⁾.

До 1869 года во 2 военно-сухопутномъ госпиталѣ было всего 12 клиническихъ отдѣленій и два неклиническихъ.

Во всѣхъ отдѣленіяхъ помѣщалось до 1335 больныхъ 4).

Распределеніе больныхъ по отдѣленіямъ въ 60-хъ годахъ видно изъ слѣдующей таблицы, помѣщенной въ ревизіонномъ отчетѣ графа Сиверса и тайнаго совѣтника Козлова.

Госпитальныя клиническія отдѣленія

1-е терапевтическое для мужчинъ	професс. Экка	на 104 кровати.
2-е терапевт. діагностич. для мужч.	проф. Бессера	> 75 >
При немъ ушное его же		> 16 >
Хирургич. мужское проф. Ландцверта		> 43 >

¹⁾ Годовой отчетъ главнаго врача 2 военно-сух. госп. за 1861.

²⁾ Изъ годового отчета по госпиталю къ 1-му янв. 1861. Проф. патолог. анатом. Иллінскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи одну палату при 1-мъ терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя на правахъ ординатора.

³⁾ Годовыя вѣдомости 2 военно-сух. госпит. за 1861 г. въ архивѣ клин. военнаго госпиталя.

Хирургич. мужское проф. Кitera	на 104 кровати.
Терапевт. женское проф. Красовскаго	> 49 >
Хирургич. женское проф. Кitera	> 30 >
Глазное лейбъ-окулиста Кабата	> 60 >
Сыпное проф. Кулаковскаго	> 44 >
Сифилитическое проф. Заблоцкаго	> 75 >
Пріютъ неизлѣчимыхъ умалишенныхъ профессора	
Балинскаго	> 100 >
Судебно-медицинское проф. Чистовича	> 20 >

Итого . . 720 кроватей

Кромѣ того въ госпиталѣ помѣщались академическія клиники:

Терапевтическая клиника проф. Боткина	на 50 кроватей
Хирургическая клиника проф. Заблоцкаго	> 53 >
Глазная клиника проф. Юнге	> 30 >
Акушерская и дѣтская профессоровъ Красовскаго и	
Флоринскаго	> 30 >

При госпиталѣ считалась также:

Клиника душевныхъ болѣзней проф. Балинскаго	> 100 >
---	---------

Итого . . 263 кровати

Всего во 2 военно-сух. госпиталѣ было къ 1868 году 983 кровати, не считая арестантскаго отдѣленія.

При госпиталѣ числилось также неклиническое фармацевтическое отдѣленіе.

Въ первомъ отдѣленіи госпиталя (такъ называлась правая половина госпиталя—каменный корпусъ праваго флигеля и новая двухъ этажная постройка до средней части госпиталя) въ 1863 г. помѣщались въ обоихъ этажахъ:

Госп. хир. мужское отдѣл. проф. Кitera въ 6 пал.	на 104 больныхъ
Академ. глазная клин. Юнге	> 3 > > 30 >
Госпит. суд. мед. отд. пр. Чистовича	> 1 > > 20 >
Госпит. терапев. мужск. отд. пр. Экка	> 9 > > 104 >
Госпит. хир. мужск. отд. пр. Ландцверта	> 5 > > 43 >
Академ. терапевт. клин. пр. Боткина	> 7 > > 50 >

Всего . 39 палатъ 404 больныхъ

Сверхъ того въ этомъ же корпусѣ приспособлены по распоряженію президента Дубовицкаго:

Подъ хирургическій музей	4	палаты
> операционныя залы	2	>
> аудиторіи	2	>
> залы приходящ. больныхъ . . .	3	>
> кабинеты профессоровъ	7	>
для химическихъ изслѣдованій . .	1	>
> помѣщенія ординаторовъ . . .	3	>
> дежурныхъ студентовъ	1	>

Итого . . . 23 палаты.

Сверхъ того отведены:

для дежурныхъ по госпиталю . . .	1	палата
> приемаго покоя	1	>
> библиотеки госпиталя	1	>
> помѣщенія фельдшеровъ	4	>
> помѣщенія служителей	3	>
> ваннъ и нагрѣванія воды . . .	5	>

Итого . . . 15 палатъ.

Раздѣленіе госпиталя на клиническія отдѣленія просуществовало 10 лѣтъ (съ 1858—1868), чрезвычайно содѣйствовало подъему преподаванія въ Академіи и всетаки оставалось какъ бы временной мѣрой, не утвержденной въ законодательномъ порядкѣ. Ревизіей графа Сиверса и тайнаго совѣтника Козлова былъ поднятъ даже вопросъ о незаконности существовавшихъ въ госпиталѣ порядковъ—именно раздѣленія на спеціальныя отдѣленія съ опредѣленнымъ количествомъ больныхъ въ нихъ, и, дѣйствительно, Академія могла сослаться лишь на давность такого порядка вещей, установившагося по личному соглашенію между президентомъ Дубовицкимъ и военнымъ министромъ, и на разныя косвенныя доказательства признанія самими военными министрами (Сухозанетомъ и Д. А. Милютинимъ) полезности сдѣланныхъ въ госпиталѣ измѣненій. Хотя 2 военно-сухопутный госпиталь по своему устройству совершенно переродился за десятилѣтнее управленіе Дубовицкаго, получилъ исключительно клиническое учебное назна-

ченіе, но до 1869 года онъ управлялся по старому уставу. Начиная съ 1861 г. для госпиталя вырабатывалось новое положеніе, одновременно съ пересмотромъ общаго устава военныхъ госпиталей. Въ это же время пересматривались уставъ и штаты Медико-Хир. Академіи. Всѣ важнѣйшія пріобрѣтенія госпиталя: раздѣленіе на спеціальныя клиническія отдѣленія, пріемы гражданскихъ больныхъ и больныхъ женщинъ, амбулаторныя клиники, научно-обставленное фармацевтическое отдѣленіе, возможность примѣнять при лѣченіи больныхъ средства, неположенныя для обыкновенныхъ военныхъ госпиталей¹⁾, были узаконены новымъ положеніемъ 15 іюля 1869 г. По этому положенію 2 военно-сухопутный госпиталь, переименованный въ *Клиническій военный госпиталь*, сталъ окончательно нераздѣльной частью Медико-Хирургической Академіи подъ общимъ управленіемъ начальника послѣдней. Положеніемъ о Клиническомъ военномъ госпиталѣ, утвержденнымъ одновременно съ новымъ уставомъ М. Х. Академіи 15 іюля 1869 г., госпиталь этотъ управляется до настоящаго времени.

Онъ былъ раздѣленъ на 9 клиническихъ отдѣленій, кромѣ обширной клиники душевныхъ болѣзней и состоящаго при госпиталѣ фармацевтическаго отдѣленія для практическихъ занятій студентовъ фармаціи. Каждое изъ отдѣленій его—самостоятельная клиника, но клиники эти въ тоже время связаны между собой единствомъ учебныхъ цѣлей и одинаковымъ спеціально-образовательнымъ направленіемъ.

Клиническій военный госпиталь по положенію 1869 г. долженъ былъ заключать въ себѣ 600 кроватей (не считая клиники душевно-больныхъ).

¹⁾ При всѣхъ кафедрахъ установлены кабинеты для занятій и ученыхъ изысканій; на необходимыя для нихъ матеріалы и припасы назначена годовая сумма въ 15,000 р., заимѣваемая отпускомъ этихъ предметовъ по постояннымъ каталогамъ изъ аптечнаго магазина (Дѣло канц. Акад. № 54, 1870, объ отчетѣ за 1869 г.).

Въ 1869 г. Конференція распредѣлила больныхъ по отдѣленіямъ госпиталя слѣдующимъ образомъ. (Дѣло Конф. № 21, 1869):

Название клиническаго отдѣленія.	Число кроватей.					
	Для воен. больныхъ.		Для гражданскихъ.			
			Безплатные.		Платные.	
	офиц.	нижн. чины	благ. званія	прост. званія	благ. званія	прост. званія
1-е терапевт.	10	60	6	10	—	19
2-е терапевт.	3	44	2	7	—	14
1-е хирургич.	10	70	6	13	—	26
2-е хирургич.	2	27	3	6	—	12
Глазное.	5	15	2	6	—	12
Сифилит.	6	26	4	5	—	9
Сыпное.	4	23	2	3	—	8
Женское.	10	15	25	—	—	50
Суд. Медич.	—	20	—	—	—	20
Итого.	50	300	50	50	—	100
						550 кроватей

Сверхъ того запасн. мѣста для нижн. чиновъ 20 и для женщинъ съ хирургическими болѣзнями 30, а всего 600 мѣстъ.

При отдѣльности и самостоятельности устройства каждого клиническаго отдѣленія постоянный штатъ госпиталя былъ невеликъ и состоялъ въ 1869 году изъ 1 главнаго врача (д-ра Торопова) съ 2 помощниками, 8 профессоровъ завѣдывающихъ отдѣленіями, 8 ассистентовъ ихъ (девятимъ служилъ аптекаръ, не носившій этого званія) и 30 молодыхъ врачей, оставившихся на 3 года при Академіи и замѣнявшихъ младшихъ ординаторовъ.

Кромѣ того 4 врача при клиникѣ душевныхъ болѣзней, 2 врача при неклиническомъ арестантскомъ отдѣленіи, 5 фармацевтовъ при аптекѣ (не считая низшаго персонала), всего 60 чиновъ медицинскихъ и фармацевтическихъ. При клиническомъ госпиталѣ постоянно состояло для научныхъ занятій съ конца 50-хъ годовъ, множество прикомандированныхъ врачей. Такъ въ 1869 году было 117 военнаго и 50 гражданскаго вѣдомства.

Такимъ образомъ уже въ 60-хъ годахъ Клиническій военный госпиталь М. Х. Академіи служилъ обширною и сложною лабораторіей, въ которую стекались желающіе работать и учиться медицинѣ молодые люди и врачи со всѣхъ концовъ Россіи ¹⁾.

На основаніи новаго устава Академіи и Клиническаго военнаго госпиталя профессора клиникъ выбираютъ больныхъ для систематическаго обученія студентовъ правильному изслѣдованію больныхъ, анализу припадковъ, распознаванію болѣзней и построению плана лѣченія изъ клиническаго и другихъ военныхъ госпиталей по сношенію съ начальствомъ оныхъ (ст. 1156 положенія объ Академіи). Каждое клиническое отдѣленіе госпиталя находится по учебно-лѣчебной части въ завѣдываніи одного изъ преподавателей Академіи по назначенію Конференціи (ст. 396 положен. о Клинич. военномъ госпиталѣ).

Распредѣленіе числа мѣстъ для гражданскихъ больныхъ представляется Конференціи, а приемъ этихъ больныхъ—завѣдующимъ клиническими отдѣленіями преподавателямъ Академіи. Для ихъ учета ведется особая приемная книга; приемъ ихъ совершается на общемъ основаніи (ст. 391). Завѣдывающіе клиническими отдѣленіями госпиталя подчиняются академическому начальству (ст. 406).

Ассистенты каждаго госпитальнаго клиническаго отдѣленія наблюдаютъ за правильнымъ веденіемъ врачебнаго журнала своего отдѣленія, записывая въ него каждаго больного, время его поступленія въ отдѣленіе и выхода изъ него, съ обозначеніемъ метода лѣченія (ст. 414). Ассистентъ составляетъ мѣсячные и годовые отчеты о движеніи больныхъ въ своемъ отдѣленіи и своевременно представляетъ ихъ главному врачу госпиталя (ст. 414).

Отсюда видно, что по новому уставу Академіи положеніе клиническихъ профессоровъ въ госпиталѣ существенно измѣнилось: прежде профессора, будучи одновременно старшими ординаторами госпиталя, находились въ нѣкоторой зависимости отъ госпитальнаго начальства, обязаны были ¹⁾ составлять отчеты для представленія главному врачу госпиталя и пр. Профессора получали, конечно, жалованье, столовые и квартирные, денщицы и проч. довольствіе, присвоенное ординаторамъ.

Нынѣ же профессора опредѣляются въ госпиталь только для учебно-лѣчебныхъ занятій, для обученія учащихся при-

¹⁾ Изъ отчета за 1869 г.

¹⁾ Адъюнкты-профессора будучи младшими ординаторами госпиталя обязаны были даже дежурить въ госпиталѣ.

мѣнять теоретическія медицинскія знанія къ практическому врачебному дѣлу; должность завѣдывающаго отдѣленіемъ не относится къ военно-медицинскимъ должностямъ; клиническіе профессора не подчинены главному врачу и не несутъ въ госпиталѣ никакихъ другихъ обязанностей, кромѣ преподавательскихъ и врачебныхъ, не принимая вовсе участія въ госпитальной администраціи; они не состоятъ въ спискахъ военно-медицинскихъ чиновъ и не получаютъ денщицкаго и квартирнаго довольствія.

На ассистентовъ же возложены, кромѣ помощи профессорамъ въ учебномъ дѣлѣ, всѣ административныя и хозяйственныя обязанности въ своемъ отдѣленіи.

Задача завѣдующаго отдѣленіемъ профессора учить студентовъ распознаванію болѣзней и лѣченію больныхъ, задача ассистента помогать профессору и въ тоже время знакомить студентовъ съ порядками военно-госпитальной службы. Такимъ образомъ, по новому уставу, профессоръ есть представитель науки, подчиненный только академическому начальству, между тѣмъ какъ ассистентъ есть представитель администраціи въ своемъ отдѣленіи, помощникъ главнаго врача, вполне подчиненный ему и обязанный наблюдать за точнымъ исполненіемъ госпитальныхъ порядковъ въ отдѣленіи ¹⁾.

До положенія о Клиническомъ госпиталѣ 1869 года въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ госпиталя были уже постоянные ассистенты профессоровъ изъ госпитальныхъ ординаторовъ, но кругъ ихъ дѣятельности не былъ опредѣленъ точными законами. Такъ мы видимъ, что въ 1861 году профессора Бессеръ, Эккъ и нѣкоторые другіе просятъ Конференцію назначить имъ для клиническихъ отдѣленій постоянныхъ ассистентовъ, ибо при постоянныхъ переѣздахъ ординаторовъ имъ невозможно отвѣчать за порядокъ въ отдѣленіяхъ, по малому знакомству съ дѣломъ молодыхъ прикомандированныхъ врачей. Поэтому профессора вынуждены сами нести госпитальную службу въ ущербъ своимъ научнымъ занятіямъ. (Дѣло Конф. № 27, 1861 г.).

¹⁾ По введеніи новаго положенія о госпиталѣ возникли недоразумѣнія между главнымъ врачомъ и завѣдующими отдѣленіями, вызвавшіе подробное разъясненіе вышеизложенныхъ отношеній. Дѣло канц. Акад. № 36, 1871.

Отмѣтивъ главные моменты измѣненій академическаго госпиталя и положенія преподавателей въ 60-хъ годахъ, остается упомянуть, что въ тоже время и положеніе учащихся Медико-Хирургической Академіи кореннымъ образомъ измѣнилось.

1-го сентября 1861 года было закрыто общежитіе, гдѣ обыкновенно находилось до 300 казенныхъ воспитанниковъ на полномъ попеченіи академическаго начальства, обязаннаго слѣдить за нравственностью студентовъ и за ихъ ученіемъ; вмѣсто того учреждены казенныя стипендіи, сперва только 50, а съ 1869 года число ихъ увеличено до 200. На студентовъ стали смотрѣть какъ на взрослыхъ людей, достаточно развитыхъ, чтобы понимать цѣли, для которыхъ они поступили въ Академію, и лежащія на нихъ обязанности.

Имъ предоставлено было жить, гдѣ угодно, надзоръ за ними вмѣ Академіи прекращенъ, и они подчинены дѣйствию общихъ гражданскихъ законовъ.

Вообще въ этомъ отношеніи реформы въ Мед.-Хир. Акад. шли параллельно общей университетской реформѣ, выразившейся въ уставѣ 1863 г.

Многочисленные контрольные экзамены—третьи и переводные были отмѣнены ¹⁾; вмѣсто нихъ были введены два экзамена: полудекарскій при переходѣ съ 2 курса на 3-й и окончательный экзаменъ на лекаря по выслушаніи полныхъ 10 семестровъ.

Впрочемъ въ 1868 году переводные экзамены вводятся вновь, между прочимъ, какъ одно изъ средствъ контроля многочисленныхъ стипендиатовъ.

Нельзя, однако, утверждать, чтобы студенты М. Х. Академіи тотчасъ же оцѣнили дарованную имъ свободу ученія. Уже въ 1861 году президентъ Дубовицкій, постоянно посѣщавшій госпитальныя клиники, замѣтилъ, что студенты не являются на клиническія лекціи и другія практическія занятія и что при посѣщеніи клиники профессорами у постели больныхъ бывають только одни кураторы, да и то не всегда; поэтому президентъ предложилъ

¹⁾ Любопытно, что инициатива этого исходила отъ самихъ студентовъ, которые въ январѣ 1861 года подали въ Конференцію Академіи общую просьбу, подписанную „студенты И. М. Х. Академіи“, ходатайствуя объ отмѣнѣ экзаменовъ, въ виду ихъ обременительности и бесполезности, и ссылаясь на примѣръ университетовъ, гдѣ переходные экзамены были уже отмѣнены (Дѣло Конф. за 1861 г.).

Конференція принять мѣры, чтобы студенты не уклонялись отъ посѣщенія клиникъ, именно ставить отмѣтки по практическимъ предметамъ съ разборчивостью только тѣмъ, кто постоянно бываетъ въ клиникахъ, сдѣлать обязательнымъ посѣщеніе всѣхъ клиникъ съ аттестаціей занятій въ каждой изъ нихъ. (Дѣло Конф. № 110, Прот. Конф. № 17, 1861). Определеніемъ Конференціи сдѣлано обязательнымъ посѣщеніе соответствующихъ клиникъ студентамъ 4-го и 5 курса, и всѣмъ клиническимъ преподавателямъ предложено представлять въ концѣ года списки съ отмѣтками по клиническимъ занятіямъ и наблюдать, чтобы исторіи болѣзней писались съ натуры, а не по памяти, для чего кураторы должны были подавать исторію болѣзни не позже 4 недѣль по смерти или выходѣ больного. (Предложеніе проф. Здекауера).

Императорская Медико-Хирургическая Академія, бывшая уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ самымъ популярнымъ центромъ медицинского образованія въ Россіи ¹⁾, благодаря своимъ реформамъ и блестящему развитію своихъ институтовъ, въ 60-хъ годахъ стала самой богатой и славной медицинской школой въ Имперіи, привлекая массы учащейся молодежи со всѣхъ концовъ Россіи.

Ни отдаленность Петербурга, ни тяжесть матеріальныхъ условий и трудность заработка ²⁾ не останавливали обыкновенно лишенную всякихъ средствъ молодежь, стремившуюся въ Академію слушать профессоровъ, слава которыхъ гремѣла по всей Россіи. Между тѣмъ какъ провинціальныя университеты слабо привлекали учащихся, въ Академіи число ихъ, быстро увеличиваясь, дошло къ 1-му январю 1869 г. до 1003 (на всѣхъ отдѣленіяхъ—медиц., фармацевтич., и ветеринарномъ, причемъ однихъ медиковъ было 867). При дальнѣйшемъ усиленіи притока студентовъ, превышающемъ даже богатія учебныя средства Академіи, это повело къ разнымъ затрудненіямъ въ преподаваніи и другимъ нежелательнымъ явленіямъ, о которыхъ упомянемъ ниже.

Въ блестящей плеядѣ молодыхъ профессоровъ Мед. Хир.

Николай Федоровичъ
ЗДЕКАУЕРЪ.

Съ фотографіи 1862 года.

¹⁾ См. воспоминанія д-ра Ильинскаго въ Русск. Стар. 1894.

²⁾ До 1869 г. въ М. Х. А. было всего 50 стипендій, т. е. меньше чѣмъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ того времени.

Академіи 60-х годовъ ярче всего свѣтились имена Боткина, Сѣченова, Руднева..., но кромѣ этихъ ученыхъ М. Х. Академія считала еще въ своей средѣ нѣсколько почтенныхъ талантливыхъ представителей прежняго періода, которые съ честью и пользой для учащейся молодежи трудились въ обновленной Академіи, гдѣ научная жизнь была бурнымъ ключемъ.

Къ этимъ послѣднимъ прежде всего относились профессора: анатомъ Груберъ, химикъ Зининъ и клиницисты Здекауеръ и Эккъ.

Непрерывное прогрессивное движеніе научной мысли ставитъ каждому поколѣнію научныхъ работниковъ новыя задачи, новыя требованія; способность проникнуться этими послѣдними встрѣчается обыкновенно у немногихъ старыхъ учителей, стоящихъ выше уровня посредственности. Если безпощадное время не позволяетъ имъ болѣе принять выдающееся участіе личнымъ трудомъ въ новомъ движеніи, то простое сочувственное отношеніе къ нему будетъ уже заслугой.

Обращаясь теперь къ представителямъ кафедры госпитальной терапевтической клиники 60-хъ годовъ, мы убѣдимся, что они безусловно удовлетворяли этимъ требованіямъ, обязательнымъ для всякаго наставника учащейся молодежи.

Николай Ѳеодоровичъ Здекауеръ ¹⁾ родился въ Свеаборгѣ 17 марта 1815 года, гдѣ отецъ его, выходецъ изъ Чехіи, вызванный на службу при Александрѣ I-мъ въ числѣ 7 другихъ врачей, былъ главнымъ врачомъ морского госпиталя ²⁾. Получивъ первоначальное образованіе въ пансіонѣ пастора Муральта, Н. Ѳ. поступилъ въ 1831 году въ С.-Петербургскій университетъ, по факультету естественныхъ наукъ, но въ 1833 перешелъ вольнослушателемъ въ Медико-Хир. Академію, гдѣ окончилъ курсъ 7 мая 1838 года лекаремъ 1-го отдѣленія съ отличіемъ. На послѣднемъ курсѣ Здекауеръ забо-

¹⁾ Формул. списокъ Здекауера, дѣло о его службѣ въ архивѣ Академіи; Biographisches Lexicon Gurlt'a, Энциклопедич. словарь Брокгауза и пр.

²⁾ Впоследствии онъ былъ врачомъ конюшеннаго придворнаго госпиталя въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ въ 1836 году.

лѣлъ „египетскимъ“ воспаленіемъ глазъ, вслѣдствіе чего ему было разрѣшено держать экзаменъ ранѣе товарищей и уѣхать за границу для лѣченія. Имѣя отличную память, онъ приготовился къ экзамену и прекрасно выдержалъ его, только слушая товарищей, читавшихъ вслухъ записки профессоровъ. Вслѣдствіе отъ этой болѣзни у него медленно развилась катаракта, лишившая его на долгіе годы возможности заниматься микроскопическими изслѣдованіями; только въ 1850 году Н. И. Пироговъ сдѣлалъ ему операцію, и Здекауеръ получилъ вновь возможность работать съ микроскопомъ¹⁾.

Заграницей (съ 1838 г.) Здекауеръ, кромѣ лѣченія глазъ, занялся усовершенствованіемъ въ медицинѣ и пополненіемъ пробѣловъ въ своихъ познаніяхъ. Онъ работалъ въ университетахъ и клиникахъ Германіи и Австріи: въ Берлинѣ слушалъ знаменитаго физиолога Johannes Müller'a, посѣщалъ клиники: окулистическую — проф. Юкена, хирургическую — проф. Руста, оперативную — проф. Диффенбаха, акушерскую — профессора Буша и педиатрическую — проф. Баря. Здекауеръ признается, что у проф. Буша онъ видѣлъ первую роженицу (въ М. Х. Акад. еще не было акушерской клиники), точно также клиника Баря была первая видѣвшая имъ специально дѣтская клиника. Кромѣ того онъ прослушалъ у знаменитаго Ромберга курсъ невропатологіи и діагностики. Лекціи Ромберга посѣщали лишь немногіе, больше иностранные врачи: читалъ онъ за городомъ въ арестантскомъ госпиталѣ. На этихъ курсахъ онъ превосходно излагалъ, кромѣ нервныхъ болѣзней, еще основанія физическихъ методовъ изслѣдованія, училъ перкуссіи и аускультации, за что онъ и его слушатели подвергались осмѣянію со стороны другихъ врачей и студентовъ!! (см. воспомин., Русск. Стар. 1891).

Только тогда, познакомившись съ низкимъ уровнемъ медицинскаго и общаго развитія врачебнаго міра Германіи, Здекауеръ вполне оцѣнилъ своего учителя Зейдлица, который

¹⁾ Здекауеръ, воспомин. Русск. Стар. 1891, Дѣло Конф. 188, 1842 г.

уже нѣсколько лѣтъ официально преподавалъ діагностику въ стѣнахъ М. Х. Академіи, согласно съ направленіемъ перодовыхъ научныхъ дѣятелей медицины.

Вообще, по замѣчанію Здекауера, кромѣ немногихъ свѣтлыхъ умовъ берлинскіе профессора были очень отсталыми въ наукѣ: они щеголяли діагнозами на разстояніи и говорили тономъ непогрѣшимыхъ жрецовъ, что не мѣшало имъ, конечно, впадать нерѣдко въ весьма забавныя ошибки.

Въ Дрезденѣ Здекауеръ слушалъ курсъ антропологіи Каруса, тутъ же онъ познакомился съ молодымъ врачомъ Опольцеромъ, впоследствии знаменитымъ клиницистомъ.

Въ Вѣнѣ 4го мѣсяца слушалъ *privatissimum* и практически занимался по патологич. анатоміи на трупахъ у проф. Рокитанскаго. Въ это время Scoda былъ еще младшимъ ординаторомъ въ Allgem. Krankenhaus. Здекауеръ занимался у него вмѣстѣ съ немногими иностранными врачами, посѣщая его практическій курсъ физикальной діагностики грудныхъ болѣзней. Туземные врачи не слушали вовсе лекцій Scoda и смѣялись надъ нимъ.

Кромѣ того въ свободное время Здекауеръ занимался въ Берлинѣ въ терапевтической клиникѣ проф. Вольфа, посѣщалъ судебно-медиц. лекціи проф. Вальтера, въ Вѣнѣ работалъ также въ клиникахъ — терапевтич. Гильдебрандта, акушерской проф. Клейна и окулистической Розаса и Егера.

По возвращеніи въ Петербургъ въ 1839 году, Здекауеръ представилъ, вмѣстѣ со свидѣтельствами заграничныхъ профессоровъ, подробный отчетъ о своихъ ученыхъ занятіяхъ и былъ опредѣленъ младшимъ ординаторомъ Красносельскаго военнаго госпиталя съ прикомандированіемъ ко 2 военно-сухопутному госпиталю. Въ теченіе 1½ года онъ былъ исправляющимъ должность прозектора патологической анатоміи при кафедрѣ терапевт. клиники проф. Зейдлица и, съ 3-го дек. 1840 года по 1842-й годъ, состоялъ ассистентомъ въ госпиталѣ при проф. Мандтѣ¹⁾. Будучи прозекторомъ при Зейдлицѣ, Здекауеръ

¹⁾ Дѣла Конф. 188, 1842.

читалъ казуистически (въ теченіе одного учебнаго года) патологическую анатомію и представилъ въ академическій музей болѣе 30 препаратовъ. Лекціи его по патологической анатоміи были первыя по времени въ Академіи; до 1842 г. Здекауеръ, кромѣ ординарскихъ госпитальныхъ занятій, также читалъ въ Академіи, въ госпитальныхъ палатахъ, отдѣльныя и самостоятельныя лекціи по объективной діагностикѣ¹⁾ и упражнялъ студентовъ въ изслѣдованіи больныхъ по объективному методу. Въ 1842 году онъ получилъ степень доктора медицины за диссертацию „de scrophulosi“ и съ 21 апрѣля 1842 года былъ назначенъ адъюнктомъ клиники проф. Зейдлица, причемъ ему поручено было читать общую терапію.

Эти первые годы преподавательской дѣятельности Здекауера были временемъ его пылкаго юношескаго увлеченія наукой и, въ особенности, новыми тогда отраслями медицины — патологической анатоміей и физическими, объективными методами изслѣдованія. Вернувшись изъ-за границы наэлектризованнымъ лекціями своихъ учителей, онъ съ жаромъ принялся за любимое дѣло, „вообразивъ себя такимъ же великимъ діагностомъ, какъ Ромбергъ и Шкода“²⁾. Онъ проводилъ все свое время въ отведенной ему госпитальной палатѣ, съ увлеченіемъ занимаемая упражненіями въ аускультациі, перкуссиі, мензураціи, примѣненіи спирометра Гутчинсона и пр., писалъ подробныя исторіи болѣзней, дѣлая тончайшіе діагнозы.

„Но при первыхъ же вскрытіяхъ съ ужасомъ и немалымъ разочарованіемъ долженъ былъ сознать свои ошибки въ распо-

знаніи болѣзней, принявъ напр. бронхоэктазію за каверну, аортныя атеромы за недостаточность двустворчатого клапана, ожиреніе съ расширеніемъ сердца за водянку околосердця и т. п. на основаніи однихъ объективныхъ признаковъ“¹⁾. Геніальный наставникъ Зейдлицъ, которому Здекауеръ, по собственному его признанію, былъ обязанъ всѣми основаніями своихъ научныхъ знаній, ободрялъ его, и въ послѣдствіи, постоянно сличая функціональныя разстройства и ихъ явленія съ объективными признаками и жалобами больныхъ при распознаваніи отдѣльныхъ случаевъ, онъ достигъ того, что грубыя діагностическія ошибки стали повторяться рѣже. Онъ сознается²⁾, что только пять лѣтъ спустя послѣ лекцій Шкоды и Ромберга онъ овладѣлъ методами объективнаго изслѣдованія больныхъ, вполне достаточно для цѣлей діагностики по тогдашнему состоянію знаній.

Когда въ 1846 году Зейдлицъ вышелъ въ отставку, для замѣщенія вакантной кафедры были предложены 2 кандидата: Здекауеръ и Эккъ. Конференція, цѣля въ равной степени научныя заслуги обоихъ кандидатовъ, постановила временно раздѣлить между ними кафедру академической терапевтической клиники съ тѣмъ, чтобы адъюнктъ-профессоръ Здекауеръ занимался практически со студентами и завѣдывалъ клиникой, а адъюнктъ-професс. Экку поручено было читать теоретическія лекціи по частной патологіи и терапіи. Годъ спустя, въ 1847 г. Конференція донесла попечителю Академіи, что достойнѣе Здекауера и Экка не было предложено кандидатовъ на кафедру терапевтической клиники, а потому она считаетъ нужнымъ оставить за ними еще на 1 годъ исправленіе занимаемыхъ ими должностей, „чтобы дать имъ возможность образовать себя и быть достойными занять кафедру ординарныхъ профессоровъ“ (прот. Конф. № 26, 1847 г.). Хотя попечитель Академіи генералъ Анненковъ не согласился съ мнѣніемъ

¹⁾ Прот. Конф. № 16, 1863.

²⁾ Желая посвятить себя исключительно терапіи, Здекауеръ обратился въ 1842 г. въ Конференцію съ просьбой допустить его въ экзамену на степень д-ра мед. ранѣе установленнаго тогда срока (4 года спустя по окончаніи курса), обращая вниманіе Конференціи на свои занятія за границей и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляя: „не гордая самоацѣпностью, но желаніе развѣдаться, такъ сказать, отъ умственного бремени, дабы все время и всѣ усилія употребить на изученіе любимаго предмета, побуждаютъ меня“ и проч... Ходатайство Здекауера, по представленію Конференціи, удовлетворено граф. Клейнмихелемъ.

³⁾ Здекауеръ, Русская Стар. 1894, воспоминанія.

¹⁾ Здекауеръ, I. с.

²⁾ I. с. Русск. Стар. 1891.

Конференціи относительно пользы и умѣстности дальнѣйшаго одновременнаго занятія кафедры двумя адъюнктами, но вопросъ остался въ томъ же положеніи до іюня 1848 г. Тогда, по предложенію президента Шлегеля, рѣшено выдѣлить для пользы науки врачебную діагностику, общую терапію и общую патологию (ранѣе соединенную съ физиологіей) въ особую кафедру, назначивъ сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ ея адъюнкта Здекауера.

7 Августа 1848 года состоялось Высочайшее утвержденіе новой кафедры съ отдѣльнымъ профессоромъ. (Прот. 22 и 23, 1848).

18 сент. 1848 г. ад. проф. Здекауеръ заявилъ Конференціи, что онъ готовъ занять вновь открытую кафедру, если ему будутъ предоставлены 1) все права и преимущества штатнаго профессора, чего эта кафедра заслуживаетъ въ виду сложности и огромнаго количества занятій, 2) старшинство въ званіи ординарнаго профессора съ того времени, когда было возбуждено ходатайство объ учрежденіи кафедры, 3) если ему зачтутъ въ службу Академіи время, проведенное имъ за границей съ іюня 1838 по 1-е сентября 1839 г. (прот. Конф. № 25, 1848).

Попечитель Академіи нашелъ требованія Здекауера незаконными и просилъ Конференцію дать свое заключеніе. Конференція признала желанія Здекауера исполнѣ справедливыми и законными, не исключая послѣдней просьбы о зачисленіи въ службу заграничнаго путешественія, въ виду его научныхъ занятій и сдѣланныхъ имъ препаратовъ, переданныхъ М. Х. Академіи; важной его заслугой Конференція считала изложеніе при клиникѣ Зейдлица патолого-анатомическаго ученія Рокитанскаго о главныхъ болѣзненныхъ процессахъ. (Прот. № 33, 1848).

Послѣ этого вопросъ былъ улаженъ, и Здекауеръ избранъ Конференціей и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ названной сверхштатной кафедры съ жалованьемъ 4000 р. ассигн.¹⁾

При этой кафедрѣ не полагалось клиники, но для практическихъ занятій по діагностикѣ Здекауеру была отведена палата или 2 въ военно-сухопутн. госпиталѣ.

На этой кафедрѣ Здекауеръ оставался 12 лѣтъ, и, какъ мы видѣли, былъ переведенъ въ декабрѣ 1860 года на кафедру госпит. терапевтической клиники. Это былъ самый долгій и плодотворный періодъ его учебно-научной дѣятельности въ М. Х. Академіи. Здекауеру пришлось работать одновременно

съ проф. Н. И. Пироговымъ, съ которымъ его соединяла сердечная дружба; онъ былъ членомъ тѣснаго кружка врачей, душой котораго былъ Н. И. Пироговъ, и гдѣ горячо обсуждались различные научные вопросы.

Кафедру госпитальной клиники Здекауеръ занималъ только около 2 лѣтъ. Въ это время, въ 1861 г., онъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ консультантомъ и принималъ также участіе въ качествѣ консультанта въ Максимилиановской лѣчебницѣ. Отвлекаемый отъ учебной дѣятельности въ М. Х. Академіи обширной частной практикой и новыми обязанностями по Двору Здекауеръ рѣшилъ выйти въ отставку весной 1863 г., когда исполнилось 25 лѣтъ его профессуры, и просилъ Конференцію исходатайствовать ему увольненіе отъ службы, ссылаясь на свое здоровье, разстроенное усиленными занятіями. Конференція Академіи, отдавая должную справедливость пользѣ всей преподавательской дѣятельности Здекауера, признала его достойнымъ званія заслуженнаго профессора и выбрала его почетнымъ членомъ М. Х. Академіи „за любовь къ наукамъ и содѣйствіе успѣху оныхъ своими трудами и долговременное участіе въ практическомъ образованіи учащихся въ Академіи и 2 военно-сухопутномъ госпиталѣ“ (Дѣло Конф. № 103, 1863 г. ¹⁾).

Послѣ выхода изъ Академіи Здекауеру суждено было много и плодотворно поработать по санитарному дѣлу и различнымъ вопросамъ общественной гігіены. Еще въ 1850 году выѣхавъ съ Е. Пеликаномъ, И. А. Кочубеемъ и Ю. К. Траппомъ онъ задумалъ основать въ Россіи общество для изслѣдованія предметовъ народнаго продовольствія по образцу Лондонской аналитической комиссіи. Тогда эта попытка не удалась, но идея подобнаго учрежденія не оставляла Здекауера. Въ 60-хъ годахъ онъ сосредоточилъ свою дѣятельность на борьбѣ съ заразными

¹⁾ Сослуживцы и друзья изъ М. Х. Академіи и Медицинскаго Совѣта, гдѣ Здекауеръ состоялъ членомъ съ 1857 года, поднесли ему на прощанье альбомъ со своими свѣтописанными снимками и почтили его прощальнымъ обѣдомъ.

¹⁾ Жалованье ордин. профессоромъ равнялось 5000 р. ассигн.

болѣзнями, главнымъ образомъ оспой и холерой. Въ 1866 году по его инициативѣ былъ учрежденъ главный холерный комитетъ; одно время онъ самъ занималъ должность врачебнаго инспектора одной изъ главнѣйшихъ частей столицы и всюду подавалъ примѣръ энергіи, труда и даже самоотверженія ¹⁾. При появленіи холеры въ 60-хъ годахъ онъ доказывалъ въ городской думѣ необходимость учрежденія въ городѣ постоянного санитарнаго надзора за жилыми помѣщеніями, за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ и продуктовъ и чистой воды для питья. Въ этихъ мѣрахъ Здекауеръ видѣлъ самое надежное средство для борьбы съ эпидеміями и вообще для оздоровленія городовъ. И послѣ ему неоднократно приходилось принимать близкое участіе въ организаціи мѣръ борьбы съ заразными болѣзнями въ Петербургѣ и окрестностяхъ: такъ въ 1866 году онъ боролся съ эпидеміей оспы въ Царскомъ Селѣ. Кромѣ того Здекауеръ заботился объ улучшеніи положенія грудныхъ младенцевъ и сиротъ, былъ членомъ Человѣколюбиваго Общества и Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Но бесспорно самая главная заслуга его предъ русскимъ обществомъ въ этотъ періодъ его жизни — основаніе Русскаго Общества Охраненія Народнаго Здравія, вопросъ о которомъ былъ снова поставленъ имъ на очередь въ 1876 году.

Возвратившись съ гигиенической выставки въ Брюсселѣ, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ русскаго отдѣла, Здекауеръ началъ усиленно хлопотать объ открытіи у насъ давно задуманнаго имъ общества и на этотъ разъ настолько успѣшно, что въ 1877 году былъ утвержденъ уставъ этого общества, а въ 1878 г. онъ былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ его, оставаясь въ этомъ званіи непрерывно до 1895 г. Здекауеръ былъ инициаторомъ важнѣйшихъ начинаній Общества, какъ устройство лѣчебныхъ колоній для слабосильныхъ дѣтей, школа кулинарнаго искусства, первая всероссійская гигиениче-

¹⁾ Новое Время, некрологъ 17 янв. 1897.

Николай Федоровичъ
ЗДЕКАУЕРЪ.

Съ фотографіи 1888 года.

ская выставка 1893 г., и вообще не мало сдѣлалъ для санитарнаго благоустройства столицы.

Съ 1884 по 1889 г. онъ былъ председателемъ Медицинскаго Совѣта. Въ Совѣтѣ Здекауеръ съ большой твердостью отстаивалъ права и преимущества врачебнаго сословія.

Кромѣ Мед. Хир. Академіи, Академіи Наукъ, Медицинскаго Совѣта, военно-медиц. ученаго комитета, избравшихъ его своимъ почетнымъ членомъ, Здекауеръ былъ почетнымъ членомъ до 40 различныхъ ученыхъ и общественныхъ учреждений ¹⁾, русскихъ и иностранныхъ.

Въ 1888 г. Здекауеръ отпраздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей, причемъ получилъ отъ Государя Императора Александра III табакерку, украшенную портретомъ Его Величества и усыпанную брилліантами, при Высочайшемъ рескриптѣ.

Его пытливый, постоянно работавшій умъ сохранилъ ясность и способность къ труду до самаго преклоннаго возраста. Въ послѣдній годъ жизни, уже сильно страдая отъ развившейся болѣзни сердца, Здекауеръ еще продолжалъ интересоваться научными вопросами и различными общественными новостями. Умеръ онъ 15 января 1897 года.

Кромѣ обширной и плодотворной дѣятельности врача практика и гигиениста, Здекауеръ оставилъ также печатные научные труды; изъ нихъ нѣкоторые въ свое время были крупнымъ вкладомъ въ русскую медицинскую науку. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ самъ говоритъ, что складъ его ума, по преимуществу практическій, всегда побуждалъ его отдавать предпочтеніе прикладнымъ медицинскимъ наукамъ, въ силу чего любимыми его науками сдѣлались „техническая діагностика“ и патологическая анатомія, позволявшая ему наглядно

¹⁾ Членомъ русск. Общества Краснаго Креста съ основанія его, долго былъ членомъ главнаго управленія его; одно время состоялъ гласнымъ царскосельскаго уѣднаго и петербургскаго губернскаго земства, а также председателемъ земскихъ санитарныхъ комиссій уѣдной царскосельской и губернской петербургской.

проверяя прижизненные заключения его о природе заболеваний¹⁾.

И действительно все его работы проникнуты практическим духом. Но, отличаясь по преимуществу позитивным умом, Здекауер в тоже время несомненно обладал философской складкой, потребностью обобщения фактов и отыскания руководящих идей. Первой его работой была диссертация на степень д-ра медицины „de scrophulosis“. Далее следовали:

1. *Клинический отчет* (за 1844—45 год) по терапевтической клинике проф. Зейдлица адъюнкт-проф. Здекауера, напечатан в „Записках по части Врачебной Науки“ 1847 кн. 3.

Этот сжатый отчет в двух частях, со многими историями болезней и результатами вскрытий, ясно свидетельствует о научном направлении ученика Зейдлица, Ромберга и Шкоды, показывая, насколько высоко стояла уже в то время диагностика внутренних болезней в И. М. Х. Академии.

2. „О распознавании болезней сердца, основанном на объективном исследовании, по современному состоянию науки“. Зап. по ч. Врач. Науки 1846 кн. 4.

3. В 1848 г. Здекауер напечатал „о развитии, распознавании и лечении туберкулезных грануляций“ (отчет Шлегеля почит. Академии за 1848 г.).

„О бурном страданіи легких“. Военно-Медиц. журн. 1854 г. (стр. 154—178).

Здесь Здекауер излагает результаты своих наблюдений по 2 военно-сухопутн. госпиталям с 1839 по 1848 г. над 340 чахоточными (из 2400 больных его отделений или около $\frac{1}{7}$). $\frac{3}{4}$ этих больных погибли в госпиталь. Излечение и улучшение процесса скорей достигалось летом, когда больных перевозили в палатки, устроенные в саду. Чистый воздух окружающих садов действовал лучше рыбьего жира, йодистого железа и наружных

отвлекающих. Здекауер констатирует несколько случаев произвольного излечения от чахотки силами природы. На этих случаях он основал свою систему лечения чахотки. Смертность от чахотки давала 75%, а выздоровление едва 6%. Здекауер верно замечает, что холера с ее 50% смертности более слабая болезнь, пугающая только внезапностью своего наступления. Даже врачи считают холеру за крайне опасную болезнь, не отдавая себя отчета.

«Ибо что же мы наконец знаем, говорит он, о всякой другой болезни более, чем ее течение т. е. местное образование и распространение болезненного процесса, его характеристическая явления как то: продолжение, исход, анатомический характер, способность сопряжений и исключений, наконец случайный и располагающий причины и предполагаемую ближайшую причину? Но все это также хорошо знают о холере, как и о легочной чахотке».

По наблюдениям Здекауера, чахотка в госпиталь развивается от одного госпитального воздуха, от долгого лежания больных в палатах, наприм. при тяжелых переломах etc. Люди, ведущие подвижную жизнь на открытом воздухе, редко болеют чахоткой (фонарики)¹⁾.

«Жизнь солдата в казармах является главной причиной в этиологии чахотки». Солдаты, живущие в деревнях, страдают реже.

С другой стороны Здекауер утверждал, что при начинающейся phthisis сильное курение табаку, вызывая образование эмфиземы, будто бы останавливает развитие туберкулезных отложений.

Физические признаки начинающейся чахотки, обнаруживаемые постукиванием и выслушиванием, изложены классически в этой работе Здекауера; клиническая картина чахотки нарисована также весьма точно и ярко.

При терапии, в стадии размягчения, Здекауер поставил себя

¹⁾ У самых выдающихся представителей медицины этого периода настолько было глубоко сознание бесполезности и даже вреда всякого больного лечения чахотки, что это помешало им, вероятно, оценить пользу санаториев при этой болезни, появившихся позднее в 70-х годах. Как известно, в Бозе почившая Императрица Мария Александровна († 1880 года) завещала крупный капитал более миллиона рублей на основание больницы для чахоточных. Профессора С. П. Боткин и Н. О. Здекауер, приглашенные высказаться по поводу более рационального употребления завещанного капитала с означенною целью, пришли к заключению, что научная терапия чахотки требует не сосредоточения в одном месте (больница) этого рода больных, а, наоборот, рассылания их, рассели на деревнях и т. п. Вследствие этого большая часть этого капитала получила тогда другое благотворительное назначение.

¹⁾ Заметим здесь, что Н. О. Здекауер любил также заниматься химией, между прочим известный химик профессор А. П. Бородин по окончании курса занимался сперва в кабинете Здекауера.

правилом не ограничивать отхаркивания мокроты, пока последнее совершается легко, одышка спосна и больной в хорошем расположении духа; в противном случае больные падают духомъ, у нихъ является предчувствие смерти, проходящее при возобновлении отхаркивания (стр. 166). Противъ туберкулезной дискразии Здекауеръ видѣлъ иногда пользу только отъ рыбьяго жира и іодистаго желѣза, но при первой возможности онъ высылалъ своихъ больныхъ изъ города, ибо «никакое средство не можетъ замѣнить пребыванія на чистомъ воздухѣ». До 1845 г. онъ воздерживался отъ чисто «вязжущихъ» средствъ (вина и другихъ), давая чахоточнымъ больнымъ легкую питательную діету. «изъ боязни раздраженіемъ усилить процессъ размягченія (бугорковъ)». Одно случайное наблюдение, гдѣ при процессѣ размягченія съ образованіемъ даже кавернъ больному (солдату 28 лѣтъ) была временно назначена питательная діета съ крѣпкимъ хиннымъ декоктомъ и 6 унціями портувейна,—замѣнило его образъ мыслей на этотъ счетъ. Къ счастью этого больного (по близости самого автора) его совсѣмъ упустили изъ виду и надолго оставили на этомъ режимѣ, причемъ къ удивленію всѣхъ онъ выздорѣвалъ. Впослѣдствіи Здекауеру пришлось наблюдать и другіе случаи, гдѣ чахоточные были спасены питательной діетой.

Онъ требуетъ, чтобы діета была не только очень питательная, но даже немного раздражающая, лѣтомъ больной долженъ быть всегда на воздухѣ, комнату его слѣдуетъ хорошо провѣтривать. Хотя эти гигиеническіе свѣты были даны 45 лѣтъ назадъ, но въ настоящее время они сохраняютъ всю свою силу и значеніе. Здекауеръ подробно описываетъ питательную діету, которую онъ ставитъ на первомъ планѣ, выше лекарствъ.

Далѣе кромѣ чисто симптоматическаго лѣченія чахоточныхъ Здекауеръ очень хвалитъ назначеніе свинцоваго сахара (по $\frac{1}{3}$ гр. на приемъ) на томъ основаніи, что это средство замедляетъ дыханіе, уменьшаетъ усиленное движеніе легкихъ (съ 40—36 до 30—25), даетъ имъ покой, но одновременно съ этимъ онъ совѣтуетъ давать балъзамическія вдыханія ol. saferuti, дѣлать мѣстныя отвлекающія, втираніе раздражающей мази ес. Тутъ же сообщаются иѣя пракτικά примѣры хорошихъ результатовъ подобнаго лѣченія.

4. Лѣто 1857 года (съ 12 мая по 25 августа) Здекауеръ провелъ въ ученѣмъ путешествіи заграницей. Онъ предпринялъ эту поѣздку для поправленія здоровья и личныхъ сношеній съ извѣстными преподавателями патологій и діагностики. Конференція Академіи поручила ему вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрѣть и изучитъ устройство и гигиеническое состояніе лучшихъ новѣйшихъ клиникъ и госпиталей въ Европѣ. Свѣдѣніями этими Конференція рассчитывала воспользоваться при постройкѣ клиники на капиталъ, завѣщанный баронетомъ Виллѣе. Пору-

ченіе Здекауеру было дано въ общихъ чертахъ, безъ всякой программы. Несмотря на краткость времени, Здекауеръ представилъ подробный и обстоятельный отчетъ¹⁾ со многими чертежами и рисунками и всесторонне освѣтилъ въ этой работѣ важнѣйшіе вопросы гигиены госпиталей и больницъ, которые до этого времени почти совсѣмъ не затрогивались въ русской литературѣ.

Здекауеръ излагаетъ, на основаніи фактическихъ данныхъ, вопросы 1) о выборѣ мѣстности для госпитальныхъ зданій и о возможномъ улучшеніи почвы (дренажъ и проч.), 2) объ устройствѣ госпитальныхъ зданій: системы коридорная или павильонная, система большихъ или малыхъ палатъ, расположеніе оконъ, дверей, лѣстницъ, устройство половъ, помѣщеніе врачебнаго персонала и прислуги, отдѣленіе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ построекъ — прачешной, ледниковъ, погребовъ и покойничкой; 3) преимущества и недостатки различныхъ системъ освѣщенія, отопленія и вентилляціи, отъ которыхъ безспорно зависитъ большая или меньшая смертность благоустроеннаго госпиталя. «Надлежащій доступъ и равномерное распредѣленіе свѣта, теплоты и воздуха превращаютъ больницу изъ расадника миазмъ и заразы въ истинно цѣлебное убѣжище».

Для рѣшенія намѣченныхъ вопросовъ Здекауеръ посѣтилъ всѣ крупныя центры Европы: Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Вѣну, Дрезденъ, Лейпцигъ, Прагу, Вюрцбургъ, Мюнхень, Цюрихъ, Верону и Венецію, всюду изучая госпитальное дѣло. Въ Англіи онъ близко познакомился съ извѣстными изобрѣтателями — инженерами и главнымъ санитарнымъ дѣятелемъ того времени д-ромъ Сутерландомъ.

Его отчетъ представляется особенно цѣннымъ потому, что кромѣ общихъ указаній заключалъ въ себѣ множество важныхъ, критически освѣщенныхъ подробностей. Онъ говоритъ о нормальной величинѣ больничныхъ палатъ, высотѣ ихъ, объемѣ воздуха на каждого больного (1600—1500 к. ф.), окраскѣ комнатъ (сѣраго или голубого цвѣта), размѣщеніи оконъ, кроватей, объ устройствѣ дверей, кроватей, тюфяковъ²⁾, одѣялъ; обращаетъ вниманіе на обеззараживаніе стѣнъ, рекомендуя для этой цѣли (по Сутерланду) негашеную известь, уничтожающую миазмы госпиталей (gangr. posocot. etc.); углы и карнизы въ палатахъ Здекауеръ совѣтуетъ дѣлать закругленными, ибо они хранятъ сырость и къ нимъ пристають миазмы (заополучия или несчастныя угловыя кровати госпиталей). Освѣ-

¹⁾ Отчетъ объ ученѣмъ путешествіи заграницей съ 12 мая по 25 августа 1857 г. Военно-Медиц. Жур. 1859 г. стр. 89—150.

²⁾ Рекомендуетъ научуковъ, тюфяки, наполняемые водою.

щеніе для коридоровъ и лѣстницъ лучше газовое, для палатъ хорошія лампы. Изъ различныхъ системъ отопленія Здекауеръ отдавалъ преимущество (въ смыслѣ сбереженія топлива) водяному, усовершенствованному академикомъ Пелемъ. Хорошо также улучшенное пневматическое отопленіе Амосова съ усовершенствованиями Мейснера (каменные трубы) и Чимары (овлажнение воздуха водой). Вентиляція должна быть независима отъ отопленія, ибо вентилировать больницу слѣдуетъ и лѣтомъ. Необходимо имѣть въ двухъ или трехъ палатахъ небольшой очагъ съ чисто амосовскимъ отопленіемъ для одержимыхъ водяною, хроническими катаррами и слизетеченіями, для ревматиковъ, сифилитиковъ, скорбутныхъ, лейкофлегматическихъ субъектовъ, которымъ полезно, какъ врачебное пособие, сухой и теплый воздухъ. Въ госпиталь должно обязательно провести воду. На этихъ основаніяхъ Здекауеръ выработалъ подробную программу условій постройки Клинической больницы баронета Виллѣе и устройствъ въ ней терапевтическаго отдѣленія.

Я остановился подробно на этой работѣ Здекауера потому, что, хорошо ознакомившись практически съ гигиеническими вопросами, онъ принесъ огромную пользу М. Х. Академіи и всей столицѣ. Его идеи о дренажѣ, отопленіи и вентиляціи нашли потомъ примѣненіе, при содѣйствіи генераловъ Тотлебена и Евреинова, не только при перестройкѣ клиническаго госпиталя и учрежденіи другихъ институтовъ М. Х. Академіи, но также во многихъ госпиталяхъ и больницахъ, родильныхъ домахъ, казармахъ, театрахъ и дворахъ.

5. Здекауеръ вмѣстѣ съ Е. Пеликаномъ и д-ромъ Аридтомъ „Нѣсколько вопросовъ относительно дѣйствія йодистаго калія, преимущественно въ токсикологическомъ отношеніи“ В. Мед. Жур. 1858 г.

6. Н. О. Здекауеръ. „О вліяніи фосфорноватистокислаго кальція и натрія на бугорчатый процессъ“¹⁾.

Въ 1857 г. американецъ Dr. Churchill заявилъ парижской Академіи наукъ о найденномъ имъ специфическомъ средствѣ противъ бугорчатки. Его сочиненіе „De la cause immediate et du traitement spécifique de la phthisis pulmonaire et des maladies tuberculeuses par J. Churchill Paris 1858 г.“ надѣлало большого шума. Чернядъ видѣлъ причину бугорчатки въ недостатокѣ въ крови нѣкоторыхъ неорганическихъ солей—именно фосфорноватисто-кислыхъ. Здека-

уеръ выписалъ препаратъ изъ Парижа, проф. Транпъ приготовилъ ему hypophosphis calcis et natr. Прежде всего Здекауеръ испыталъ физиологическое дѣйствіе раствора на себѣ. Наблюденія показались ему благоприятными; онъ продолжалъ ихъ сперва надъ болѣе тяжелыми больными¹⁾ съ кавернами и сильно лихорадящими. Основываясь на 22 исторіяхъ болѣзни, Здекауеръ нашелъ средство Черчилля безальнымъ въ скоротечной формѣ бугорчатки и иногда полезнымъ при хронической формѣ. Оно вліяетъ на кровотовереніе подобно желѣзу при марганцу, специфичность его дѣйствія на бугорки представляется ему очевидной: hypoph. calcis возбуждаетъ всасываніе, быстрое исчезаніе жидкихъ болѣзненныхъ продуктовъ и даже оплотнѣвшихъ инфильтратовъ, уменьшаетъ отдѣленіе слизистыхъ оболочекъ легкихъ и бронховъ и улучшаетъ кровотовереніе. Въ этомъ смыслѣ средство Черчилля заслуживаетъ названія специфическаго противъ бугорчатки. Впрочемъ тутъ же Здекауеръ сознается, что наблюденія его недостаточны для рѣшенія вопроса.

7. Въ 1861 г., будучи уже на кафедрѣ госпитальной клиники, Здекауеръ написалъ „новый способъ леченія кровохарканья“²⁾.

Въ этой работѣ онъ предложилъ лѣчить кровохарканье разведенными растворами полторохлористаго желѣза (3j 50% воднаго раствора на шесть унцій воды, 1/2 этого количества на одну сеансъ). Растворъ распылялся недавно изобрѣтеннымъ пульверизаторомъ Матье, привезеннымъ въ М. Х. Академію французскимъ ученымъ Leger d'Etiole въ 1859 г. Приводится нѣсколько случаевъ благопріятнаго примѣненія средства при кровохарканіяхъ въ госпитальной и частной практикѣ. Опытомъ на собакахъ, которую заставляли дышать

¹⁾ Въ этомъ году осенью преобладали тяжелыя грудныя формы, замѣчаетъ Здекауеръ, на основаніи этого неблагопріятнаго теченія грудныхъ заболѣваній въ ноябрѣ, онъ предсказалъ наступленіе неблагопріятнаго *genius epidemicus* весною. Онъ основывался на томъ, что „для подобныхъ мазматическихъ вѣснью страждущее легкое есть самый чувствительный реактивъ и постоянно предвѣщаетъ страданіе болѣе нѣжныхъ тканей“ (В. М. Ж. 1858, стр. 22). Предсказаніе сбылось, „развился“ тифозный характеръ болѣзни (флебиты, карбункулы, родильная горячка)...

Извѣстно, что когда въ 1890 году Россію и всю Европу постигла давно невиданная гостья—жестокая инфлюэнца, Здекауеръ на основаніи этого предупреждалъ о возможности появленія холеры. Тогда это заявленіе Здекауера называло попятное удивленіе и недоуміе въ медицинскомъ мірѣ, но страннымъ образомъ это предсказаніе сбылось лѣтомъ 1892 года. Холера, о которой никто не думалъ въ Европѣ въ 1890 году, унесла въ одной Россіи сотни тысячъ жизней въ 1892.

²⁾ Медицинск. Вѣсти. 1861, № 11 и 12. Wiener Medic. Wochenschrift, 1860.

¹⁾ Военно-медиц. жур. кн. I, 1858 г.

распыленное полуторохлористое желѣзо, а потомъ немедленно убили, Эдекауеръ доказываетъ проникновение раствора въ самую глубину легких: кусочки вырванной легочной ткани давали всѣ химическія реакціи на Fe , Cl , тогда какъ ткань печени указывала лишь слѣды желѣза.

Въ 1863 г. Эдекауеръ помѣстилъ въ Мед. Вѣстн. (№ 29) отвѣтъ на статью г. Прозорова «Проникаетъ ли въ легкія растворъ какого нибудь вещества, превращаемаго въ пыль при его вдыханіи?» Такъ какъ сомнѣнія автора были обоснованы на одномъ, не особенно тщательно экспериментѣ, то Эдекауеръ замѣчаетъ: «хорошо быть скептикомъ въ науку, но надо же вѣрить и фактамъ; цѣлью и важностью патологическихъ и фармакодинамическихъ экспериментовъ, мы однакоже далеко не во всѣхъ случаяхъ можемъ признать результаты надъ мышками, кроликами и собаками къ человеку».

8. Въ 1863 г. Эдекауеръ помѣстилъ въ Военно-Мед. Журналъ № 5 критическій разборъ знаменитаго сочиненія штеттинскаго доктора Бранда (Brand) „Die Hydrotherapie des Typhus“, предназначеннаго авторомъ для поднесенія Государю Императору.

Послѣ подробнаго разбора Эдекауеръ нашелъ трудъ Бранда вполне заслуживающимъ этой чести. Онъ отдаетъ полную справедливость автору, признаетъ глубокую вѣрность всѣхъ его клиническихъ наблюденій надъ теченіемъ тифа и излагаетъ подробно его водолѣчебные приемы при этой болѣзни. Брандъ разобралъ и отвергъ всѣ употреблявшіеся до него способы лѣченія тифа: кровопусканіе, рвотныя и слабительныя; допускаетъ пользу каломели, считаетъ бесполезной хлорную воду, защищаемую Эдекауеромъ. Брандъ классически нарисовалъ картину теченія тифа при водолѣченіи и безъ него. По разбору Эдекауера, даже не читая Бранда, можно составить себѣ извѣстное понятіе о достоинствахъ этого превосходнаго труда.

9. „Замѣчанія къ проекту новаго устава о постоянныхъ военныхъ госпиталяхъ“ Н. О. Эдекауера, В. Мед. Журн. 1864. кн. 2.

10. Отчетъ объ оспенной эпидеміи въ Царскосельскомъ уѣздѣ въ 1866 г.

Описывая организацію борьбы, Эдекауеръ пришелъ къ убѣжденію, что вакцинація и ревакцинація суть единственно вѣрные средства, которыя слѣдуетъ сдѣлать обязательными. Такимъ путемъ можно безусловно уничтожить въ Россіи: оспопрививанію слѣдуетъ

учить духовенство, сельскихъ учителей, привитыхъ отмѣчать въ паспортахъ, разныхъ свидѣтельствахъ etc. В. М. Журн. 1867 кн. 3.

11. „Критическая оцѣнка оспопрививанія“, гдѣ Эдекауеръ рѣшительно высказался за ретровакцинацію. В. Мед. Журн. 1868 кн. 7.

12. Въ статьѣ по поводу побѣдки Пирогова на театрѣ войны 1870—71 г. Эдекауеръ подчеркиваетъ главные выводы и наблюденія Пирогова и убѣждаетъ въ необходимости ради надлежащей помощи во время войны заняться организаціею ея въ мирное время. В. Мед. Жур. 1871 кн. 7.

13. Разборъ сочиненія д-ра Эд. Левинштейна «о морфинизмѣ» (10 стр.). В. Мед. Жур. 1880 г. кн. 8. Къ этой монографіи Эдекауеръ прибавляетъ рядъ собственныхъ наблюденій и опытовъ.

14. Разборъ сочиненія д-ра Маргота «объ оспенной эпидеміи въ Неаполѣ». В. М. Жур. 1883 г. кн. 8.

15. „О рыбномъ ядѣ“ въ трудахъ Русскаго общества естествоиспытателей, 1875 г.

16. Galvanoplastische Behandlung der Aortaaneurismen. (St. Petersburg. medicin. Zeitschrift, 1869, XVI).

17. Traitement prophylactique du cholera (Comptes rendus брюссельскаго конгресса 1876 г.).

Въ послѣдніе годы своей жизни Н. О. Эдекауеръ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей и замѣтокъ въ журналѣ Русскаго Общества Охраненія Народнаго Здравія.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь научныхъ трудовъ, свидѣтельствующихъ о разносторонности образованія Эдекауера, ему приходилось постоянно участвовать въ работахъ различныхъ комиссій и откликаться на всевозможные вопросы, выдвигаемые учебной и общественною жизнью, гдѣ требовался авторитетный голосъ представителя науки.

Мы видѣли его участіе въ вопросѣ о новомъ положеніи 2 военно-сухопутнаго госпиталя, причемъ еще въ 1851—52 гг. Эдекауеръ предложилъ раздѣленіе его на клиническія отдѣленія, осуществленное Дубовицкимъ въ 1858 г. Его трудами пользовалась комиссія, рѣшившая судьбу атомистическаго ученія Мандта (1856 г.), комиссія для выработки новой военной фармакопеи (1858—61 г.), для опредѣленія научнаго

учета и расходования лекарств в госпиталях, комитетъ по пересмотру общаго положенія о военныхъ госпиталяхъ и въ частности о клиническомъ военномъ госпиталѣ.

Участвуя вмѣстѣ съ Дубовицкимъ и Глѣбовымъ въ комитетѣ по улучшенію администраціи военныхъ госпиталей, Здекауеръ отстаивалъ безусловную необходимость сосредоточить и объединить подъ управленіемъ главнаго доктора госпиталя все хозяйство съ подчиненіемъ ему же смотрителя и съ полнымъ устраненіемъ комиссаріатскаго вѣдомства, которому можно предоставить только доставленіе припасовъ, но отнюдь не назначеніе госпитальныхъ чиновниковъ. Хозяйствомъ госпиталей долженъ завѣдывать особый комитетъ, коллегиально подѣляющій предсѣдательствомъ главнаго доктора. (Дѣло канцеляріи презид. № 117. 1859—1863 г. — 16 марта 1862).

Когда возникъ вопросъ о преобразованіи и приспособленіи академическаго госпиталя преимущественно для потребностей военной службы, проф. Здекауеръ считалъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее въ госпитальной терапевтической клиникѣ для примѣненія ея къ указанной цѣли:

А. «Обращать особенное вниманіе учащихся на тѣ болѣзни, которыя по происхожденію своему находятся въ прямой связи съ военной и морской службой.

Главнѣйшія изъ нихъ суть: ностальгія, лагерный тифъ, лагерная дизентерія, болѣзни грудной плевы и сердца, ревматическіе бубоны и ганглены отъ усиленнаго маршированія, грыжи кавалеристовъ и многія другія болѣе или менѣе характерныя формы солдатскихъ болѣзней, б) слѣдить особенно внимательно за тѣми изъ нихъ, которыя при извѣстныхъ условіяхъ получаютъ эпидемическое развитіе и в) имѣть въ виду сравнительную статистику болѣзней солдатъ и моряковъ съ болѣзнями невоенныхъ людей». (Прот. Конф. № 12—1864 г.).

Въ 1862 въ М. Х. Академіи былъ поставленъ на очередь и горячо обсуждался вопросъ объ обезпеченіи кафедръ наиболѣе достойными преподавателями. Президентъ П. А. Дубовицкій напечаталъ въ Медич. Вѣстникѣ статью «о замѣщеніи профессорскихъ кафедръ», гдѣ предлагаетъ изъ 10 лучшихъ врачей, оставляемыхъ ежегодно при Академіи, выбирать трехъ для послыки за границу и затѣмъ оставлять послѣднихъ при Академіи на 2 года въ качествѣ доцентовъ, чтобы они могли обнаружить свои преподавательскія дарованія. Изъ лучшихъ доцентовъ должно выбирать профессоровъ.

Дубовицкій отвергалъ прежній іерархическій способъ достиженія профессорства (адъюнкты и экстраординар. профессоры), равно находилъ неудобной и систему конкурса на вакантныя кафедры. Проф. Здекауеръ въ своемъ возраженіи Дубовицкому (Медич. Вѣстн. № 43, 1862) отстаиваетъ конкурсы, возражая противъ оставленія, испытанія ради, доцентовъ на профессорскихъ мѣстахъ на 2 года,

ибо отъ этого могутъ пострадать интересы студентовъ. Конкурсъ, обставленный извѣстными условіями, представляется ему все же лучшей мѣрой.

Какъ извѣстно, Здекауеръ относился сочувственно къ медицинскому образованію женщинъ.

Въ 1861 г. будущая первая русская женщина—врачъ Надежда Суслова обратилась въ Конференцію Академіи съ просьбой допустить ее къ слушанію лекцій съ правомъ полученія по экзамену медицинскій степени. Мнѣнія въ Конференціи раздѣлились. Большинство (9 противъ 8) рѣшило принципиально вопросъ не въ пользу женщинъ, и просьба Сусловой была отклонена. Проф. Здекауеръ на первое время «полагалъ достаточнымъ» предоставить женщинамъ изученіе болѣе доступнаго для нихъ отдѣла акушерскихъ, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней» (Прот. Конф. № 38, 1861), что и было принято въслѣдствіе.

Въ началѣ 60-хъ годовъ обострился споръ между гомеопатами и научными врачами. Здекауеръ вмѣстѣ съ профессоромъ Козловымъ напечаталъ въ 1862 г. въ «Вѣстникѣ новѣйшихъ врачебныхъ методовъ» д-ровъ Гржимайло и Шебякина¹⁾ «Программу для нагляднаго убѣжденія въ дѣйствительности гомеопатическаго лѣченія и о возможности допустить гомеопатию, какъ врачебное средство».

Эта подробная программа является вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой критикой гомеопатіи; по прочтеніи ея, для непредубѣжденнаго и научно подготовленнаго читателя становится совершенно очевидной несостоятельность притязаній гомеопатовъ, уклоняющихся отъ общенаучныхъ методовъ изслѣдованія.

Какъ уже упомянуто, на кафедрѣ госпитальной клиники, которую Здекауеръ занялъ къ концу своей профессуры, но еще будучи въ цвѣтѣ силъ (45 лѣтъ), онъ оставался 2½ года (съ конца декабря 1860 г. до октября 1863).

Клиника при немъ помѣщалась въ томъ же каменномъ корпусѣ (1-го отдѣленія госпиталя), идущемъ перпендикулярно къ набережной рѣки Большой Невы. Упомянутая выше перестройка госпиталя, начавшаяся съ этого каменнаго корпуса, произошла въ послѣдніе мѣсяцы его профессуры лѣтомъ

¹⁾ Эти врачи сочувствовали гомеопатіи.

1863 г.). Палаты его клиники помѣщались во второмъ этажѣ, по лѣвую сторону коридора, окнами во дворъ. Устройство палатъ оставалось тѣже, что при проф. Мянновскомъ. Всѣ онѣ имѣли сквозные проходы и кромѣ того сообщались проходившимъ по срединѣ коридоромъ. До раздѣленія госпиталя на клиническія отдѣленія въ 1858 г., весь верхній этажъ каменнаго корпуса (гдѣ наход. церковь) былъ занятъ госпитальной терапевтической клиникой. При проф. Здекауерѣ съ правой стороны коридора, окнами на улицу (на гаупвахту), находилось сифилит. отдѣленіе проф. Заблоцкаго и судебно-медиц. проф. Чистовича¹⁾. Число клиническихъ палатъ, какъ видно изъ сохранившихся отчетовъ 1861 и 1862 годовъ²⁾, часто измѣнялось.

Такъ въ январѣ 1861 г. въ отдѣленіи Здекауера числилось только 3 палаты (13; 14, 15); въ апрѣлѣ—4 палаты (13, 14, 15 и 16); въ началѣ 1862 г. у Здекауера было 5 палатъ (12, 13, 14, 15 и 16). Во всѣхъ палатахъ были круглыя желѣзныя печи, а въ нѣкоторыхъ и каминны; помы были деревянные крашеные, мылись ежедневно мочальными швабрами и натирались воскомъ; уборка палатъ происходила рано утромъ отъ 5 до 6 часовъ.

Палаты освѣщались при Здекауерѣ еще салными свѣчами, хотя тогда уже стали входить въ употребленіе «фотогеновыя лампы».

Для ухода за больными въ каждой палатѣ находился служитель, обыкновенно одинъ на 10 человекъ больныхъ. Между служителями были очередныя дежурства.

Кромѣ палатныхъ служителей, которые предназначались только для ухода за больными, были также служители для черной работы. Въ госпитальной терапевт. клиникѣ полагалось два фельдшера и нѣсколько фельдшерскихъ учениковъ старшихъ классовъ, которые дежурили у постели трудныхъ больныхъ, свѣщая чрезъ нѣсколько часовъ.

¹⁾ Въ эти годы Здекауеръ проводилъ за границей каждое лѣто съ мая по сентябрь для лѣченія въ Карлсбадѣ; всякій разъ при полученіи отпуска Конференція поручала ему заняться обзорнымъ улучшеніемъ въ европейскихъ клиникахъ.

²⁾ Всѣ эти свѣдѣнія о расположеніи клиники при професс. Здекауерѣ любезно сообщалъ мнѣ главный врачъ Семеновскаго госпиталя Э. К. Росси, А. А. Алексѣевъ, бывший при проф. Здекауерѣ фельдшеромъ, нынѣ смотрителемъ Елизаветинской больницы, А. М. Пассельцаръ и другіе.

³⁾ Архивъ клиник. военнаго госпиталя. Мѣсячн. отчеты за 1861 и 1862 гг.

Питаніе больныхъ производилось по табели, оставшейся безъ измѣненій въ 60-хъ годахъ, да, кажется, почти не отличающейся отъ нынѣшней¹⁾. Во многихъ случаяхъ табельная пища оказывалась неподходящей для больныхъ, и перѣдко профессора заказывали труднымъ больнымъ отдѣльные блюда въ госпитальной кухнѣ на свои личные средства, покупали имъ вино и проч. (Немертвъ, Эхккъ).

Лѣтомъ, по окончаніи занятій со студентами, госпитальныя клиники закрывались, приемъ гражданскихъ больныхъ прекращался, оставшихся больныхъ переводили во 2-е отдѣленіе госпиталя (по Самарск. ул. и Самсон. пр.) и въ лѣтніе балаганы (гдѣ теперь клиника душевныхъ болѣзней); кромѣ этихъ балагановъ, въ случаѣ необходимости, устраивали также полотноныя палатки²⁾.

Кромѣ палатъ для больныхъ, при госпит. терапевт. клиникѣ была одна ванная палата (съ одной ванной) и кабинетъ профессора съ лабораторіей (двѣ палаты съ противоположной стороны коридора, окнами на улицу). Здекауеръ охотно занимался экспериментальными изслѣдованіями: будучи на кафедрѣ общей патологіи, терапіи и діагностики и получивъ въ свое распоряженіе нѣсколько палатъ въ госпиталѣ, онъ тотчасъ же рѣшилъ устроить въ одной изъ свободныхъ палатъ лабораторію, чѣмъ вызвалъ протестъ главнаго врача госпиталя проф. Рклипкаго (въ 1859 г.), опасавшагося порчи госпитальнаго воздуха³⁾.

Въ 1861 году, по ходатайству Здекауера, было Высочайше разрѣшено устроить при госпит. терапевтической клиникѣ лабораторію; издержки—825 р., исчисленныя на приобрѣтеніе необходимыхъ инструментовъ и вещей, повелѣно отнести на экономическій капиталъ военнаго министерства, а на будущее время необходимое для этой клиники расходу производить изъ остатковъ суммы, разрѣшенной на содержаніе 100 гражданскихъ больныхъ въ госпиталѣ (ежегодно оставалось отъ 2500—до 3000 р. вслѣдствіе закрытія приема гражд. больныхъ въ лѣтнее время). (Прот. Конф. № 7, 1861). Это была первая по времени лабораторія, основанная въ

¹⁾ Какъ увѣряетъ насъ г. Пассельцаръ, служившій въ госпиталѣ при хирургической клиникѣ съ 1854 по 1894 г.; воспоминанія его, вообще, отличаются ясностью и точностью.

²⁾ А. М. Пассельцаръ.

³⁾ Здекауеръ первый ввелъ у себя въ клиникѣ изслѣдованія титрованіемъ и приобрѣлъ для клиники приборъ Мора (прот. Конф. № 29—1858).

Академія при терапевтической клиникѣ. Немного спустя С. П. Боткинъ, избранный проф. 19 ноября 1861 г. (Прот. № 36, 1861), также учредилъ лабораторію для научныхъ изслѣдованій при академической клиникѣ.

Со времени раздѣленія госпиталя въ 1857—58 гг. на клиническія отдѣленія, не представляется возможнымъ прослѣдить изъ года въ годъ движеніе больныхъ собственно по госпитальной терапевтической клиникѣ (или 1-му терапевтическому отдѣленію). Мѣсячные и годовые отчеты по каждому отдѣленію госпиталя представлялись свѣдывающими отдѣленіями главному врачу госпиталя, который сообщалъ эти свѣдѣнія начальнику Академіи для общаго годового отчета по Академіи. Въ этихъ годовыхъ отчетахъ главнаго врача госпиталя почти всегда показаны общія цифры движенія больныхъ для обоихъ параллельныхъ терапевтическихъ отдѣленій (1-го и 2-го), подлинныя же вѣдомости 1-го терапевтического отдѣленія, за немногими исключениями, не сохранились ни въ архивѣ В. М. Академіи, ни въ Клиническомъ военномъ госпиталѣ. Изъ сохранившихся въ архивѣ Клиническ. госпиталя годовыхъ и мѣсячныхъ вѣдомостей за 1861 г. оказывается, что въ этомъ году въ госпит. терапевтич. клиникѣ было больныхъ ¹⁾: къ 1-му янв. 1861 г. состояло 56, прибыло 698, выздоровѣло 596, переведено 8, умерло 66, состоитъ 86. Во 2-мъ терапевт. отдѣленіи проф. Бессера въ тоже время состояло 46, прибыло 589, выздор. 510, умерло 78, перевод. 4, состоитъ 44. По нѣкоторымъ даннымъ, именно по суммѣ больныхъ въ обоихъ терапевтическихъ отдѣленіяхъ,

¹⁾ Привожу образецъ номенклатуры болѣзней въ 1861, представляющей, въ смысле научности, большой шагъ впередъ сравнительно съ таковой конца 40-хъ и начала 50-хъ г. Въ мартѣ 1861 г. въ клиникѣ Здекауера зарегистрированы слѣд. болѣзни: bronchitis, bronchit. capillar., emphys. pulmon. cum catarrh. chronic., tuberculosis, dilatatio cordis, vitium organic. cordis, angina catarrh., catarrhus ventriculi, morbus Brightii, febris catarrh., febris typhoid., rheumat. artic. chron., myelitis, hemiplegia, tabes dorsalis, chorea, neuralgia intercostalis, otitis serophulosa, dysenteria, febris intermitiens, dysent. chronica, colitis, hyperaem. medull. spinalis, intoxicatio plumbea chronica, marasmus senilis, mening. spinalis, hyperaem. cerebri, catarrh. intestin., cephalitis, scorbutus, pneumonia.

Въ ноябрѣ зарегистрированы: catar. gastro-intest., catar. bronch., commotio cerebri, emphys. c. catar. chronico pulm., myelitis, febr. interm., insufficientia valvul. bicuspid., angin catarrh., pneumonia, catarrh. intestin.; cancer hepatis, stenosis aortae, pleuritis traumatica, febris typhoidea, angin. diphtheritica, angin. siphilitic., atrophica medullae spinalis et cerebri, morbus Brightii, rheum. muscular, hyperaem. pulmon., dilatatio cordis, alcoholismus chronicus, endocarditis, hyperaemia cerebri, colica flatulenta, icterus, phlegmone, pneumonia c. bronch. capillar., catarrh. laryngis, catarrh. ventric., catarrh. vesicae chronic., colitis chronica.

показанной въ годовыхъ отчетахъ Академіи можно заключить, что количество больныхъ, которое проходило чрезъ госпитальн. терапевтическую клинику въ слѣдующіе годы, значительно возросло: такъ въ 1861 г. въ обоихъ терапевт. отдѣленіяхъ было 1389 больныхъ, въ 1863 г. 2176 больныхъ, умерло 162, въ 1864 г.—2460, умерло 217.

Клиническія лекціи проф. Здекауеръ читалъ 4 раза въ недѣлю 1½—2 часа, по утрамъ. По вечерамъ ординаторы и ассистенты дѣлали сверхъ того обходы больныхъ и практически упражняли студентовъ. За немѣнимъ аудиторіи, лекціи читались въ палатахъ у постели больныхъ. Здекауеръ былъ не только прекраснымъ лекторомъ, но даже краснорѣчивымъ ораторомъ. Правда, рѣчь его не была особенно оживленной: онъ говорилъ нѣсколько медленно, плавно, умѣлъ легко находить изысканныя выраженія и придавать періодамъ своей рѣчи красивую закругленность. Но кромѣ дара слова, онъ привлекалъ слушателей своей обширной эрудиціей, громадной опытностью и любовью къ своему дѣлу. Его госпитальныя лекціи иногда принимали вполне академическій характеръ. Часто заранѣе было извѣстно, какой болѣзней будетъ разбираться на лекціи. Онъ останавливался преимущественно на типическихъ больныхъ, анализировалъ ихъ глубоко и всесторонне. Обыкновенно на каждой лекціи Здекауеръ разбиралъ не болѣе одного, двухъ больныхъ: клиническая картина, терапия болѣзни, и особенно патологическая анатомія находили въ немъ умудренного опытомъ талантливаго истолкователя. Въ большой толпѣ его слушателей всегда было много военныхъ и гражданскихъ врачей.

По свѣдѣтельству всѣхъ компетентныхъ лицъ, слушавшихъ лекціи профессора Здекауера, онъ былъ клиническимъ профессоромъ во всеоружіи медицинскихъ знаній своего времени¹⁾. Прекрасно знакомый съ современной медицинскою лите-

¹⁾ Д-ръ В. И. Чемецовъ, бывшій еще ординаторомъ клиники проф. Эка, любезно разсказать намъ со словъ одного провинціального товарища о восхищеніи, испытанномъ послѣднимъ послѣ первой лекціи проф. Здекауера. Разбирался случай insuffic. valvulae mitralis у матроса, возникшей послѣ паденія

ратурой, часто посещавший заграничные медицинские центры и лично знавший наиболее крупных представителей западноевропейской науки, Здекауер принес огромную пользу многим поколениям учащейся молодежи, занимая 12 лет важную кафедру общей патологии, терапии и диагностики. Его лекции и литографированные записки по общей патологии и терапии, изданные им для студентов в 1859 г., доказывают, что он тщательно слыл за литературой, критически излагая последние работы по этой отрасли; он первый читал в Академии в 50-х годах целлюлярную патологию по Вирхову и познакомил учащихся с применением термометрии. В госпиталь Здекауер ввел молочно-жировое лечение при болезнях сердца и водянках почечного происхождения. В диагностической клинике Здекауера производились врачебно-химические исследования, в которых много помогали оставленные для усовершенствования А. П. Бородин и Э. Э. Эйхвальд (см. ниже), который перешел со Здекауером в госпитальную терапевтическую клинику и был ассистентом до конца его профессуры¹⁾.

Конечно, в госпитальной клинике Здекауера не кипела столь живая научная, преимущественно экспериментальная, разработка различных вопросов, как в академической клинике С. П. Боткина. Но было бы совершенно неосновательно думать, будто научная клиническая медицина в М. Х. Академии ведет свое начало только с 1861 г., когда Боткин вступил в Академию. Небольшого знакомства с деятельностью и научными трудами профессоров Здекауера и Эка достаточно, чтобы убедиться, что в Академии и поныне не

ст. Матчи на пазубу. Логично и красноречиво сделанный объективный анализ, умелое пользование литературной газетистикой и данными патологич. анатомии произвели глубокое впечатление на этого товарища, никогда не сомневающегося, но его признанию, подобных лекций на своих университетских курсах.

¹⁾ При Здекауере адъюнктом госпит. клиники был Н. А. Шестов, назначенный еще при Мясоедом в 1860 г. и в 1863 г. занявший кафедру части патологии и терапии.

было о колоссальной научной отсталости, отличавшей некоторых московских учителей Боткина, доходивших до отрицания постукивания и выслушивания¹⁾. Наоборот, Боткин нашел в Академии благодарную почву, студентов, прославлявших основательный курс частной патологии и терапии Эка и прошедших через серьезную пропедевтическую клинику Здекауера (в декабре 1860 г. его заместил в ней Бессерь). Только такие слушатели, прекрасно знакомые с элементами клинического исследования, и могли оценить глубокий клинический анализ С. П. Боткина.

Отрицание и умаление научных заслуг своих предшественников довольно обычное явление в ученом мире со стороны молодых ученых, слишком склонных упускать из виду при оценке старых трудов законы исторической перспективы. В 1871—72 учебн. году, присутствуя на годовом акте М. Х. Академии, Здекауер с горечью услышал из уст ученого секретаря, будто научное преподавание медицины в Академии началось не более 12—15 лет назад, прежде же существовала будто бы только практическая выучка... Этой индигенте подал повод к журнальной полемике, в которой Здекауер старался возстановить истинные права и заслуги своего поколения научных работников в Медико-Хирургической Академии.

В госпитальной клинике Здекауера студентами и молодыми врачами руководил его ученик Эйхвальд, по свидетельству самого учителя, с необыкновенным увлечением занимавшийся клиникой (см. ниже пр. Эйхвальд). Сам Здекауер ограничивался только чтением клинических лекций, так как его сильно отвлекала практика и особенно новая служба его (с 1861 г.) по Двору; в качестве лейб-медика консультанта ему было поручено ближайшее наблюдение за здоровьем Императорской Семьи²⁾. Кроме того он работал в Максимилиановской лечебнице³⁾.

¹⁾ Бялоголовый, Биография Боткина.

²⁾ В 1863 г. проф. Здекауер был назначен членом комиссии для разрешения некоторых весьма важных вопросов по содержанию и освоению грудных младенцев воспитательных домов ведомства Императрицы Марии (Прот. № 3, 1863).

³⁾ В 1860 г. Здекауер сообщил Конференции, что будучи консультантом

Обыкновенно за отсутствием Здекауера, вследствие случайных причинъ, а также въ дни, когда не было его лекцій, его замѣнялъ официально адъюнктъ-профессоръ Шестовъ, дѣлавшій по утрамъ обходы больныхъ со студентами и читавшій клиническія лекціи. Шестовъ завѣдывалъ самостоятельно 2 палатами въ отдѣленіи Здекауера.

Хотя Здекауеръ преждевременно покинулъ профессорскую кафедру въ М. Х. Академіи, но ему суждено было еще разъ въ семидесятихъ годахъ принять близкое участіе въ судьбахъ дорогой ему *almae matris*, именно въ качествѣ члена временной комиссіи, управлявшей дѣлами Мед. Хир. Академіи съ 1874 по 1881 г., когда Академія была преобразована въ Военно-Медицинскую.

Въ заключеніе скажемъ о немъ нѣсколько словъ, какъ о человѣкѣ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Здекауеръ самъ говоритъ, что главными его нравственными недостатками были вспыльчивость, излишняя довѣрчивость и склонность къ увлеченію. Вѣроятно названные недостатки отличали его въ болѣе молодые годы. Разказы всѣхъ знавшихъ лично Н. О. единогласно рисуютъ его въ высшей степени благороднымъ человѣкомъ, всегда одинаковымъ джентльменомъ въ отношеніи равныхъ и подчиненныхъ, спокойнымъ, разсудительнымъ, философски уравновѣженнымъ. Развѣ только излишнюю довѣрчивость къ людямъ онъ сохранилъ до преклонныхъ лѣтъ.

Будучи добрымъ человѣкомъ, отзывчивымъ на всякое стра-

Максиміліановской лѣчебницы, имѣлъ случай наблюдать въ годъ отъ 250 до 300 больныхъ разнаго пола съ грудными болѣзнями. Онъ успѣлъ образоватъ нѣсколько врачей спеціалистовъ по груднымъ болѣзнямъ—докторовъ Ханкина, Барца, Монкевича, Шенка, Рубинштейна, Бонгардта и другихъ. Если Конференція желаетъ довѣрить ему по средамъ отъ 2½ до 5 ч. молодыхъ врачей, для участія въ консультаціяхъ, то онъ охотно приметъ на себя руководить ими. Его ассистенты подробно наслѣдуютъ приходящихъ больныхъ, составляютъ исторіи болѣзни, а нѣкоторыхъ больныхъ посѣщаютъ и на дому. Конференція предложила молодымъ врачамъ воспользоваться приглашеніемъ Здекауера.

Замѣчу здѣсь же кстати, что однажды, по предложенію Здекауера, студентамъ Академіи демонстрировался нѣкто Гру, имѣвшій *fissura sterni congenita*, за что отъ правленія Академіи ему было уплачено 100 рублей (прот. № 7, 1857 г.).

Владиміръ Егоровичъ
ЗЕРКОВЪ.

Съ фотографіи 1869 года.

даніе и трудное положеніе ближняго, онъ старался быть полезнымъ всѣмъ, обращающимся къ нему за совѣтомъ, вліятельной поддержкой и заступничествомъ. Конечно, было не мало случаевъ злоупотребленій со стороны ловкихъ и проницливыхъ лицъ, но до конца жизни Н. Θ. не измѣнилъ своей вѣрѣ въ людей. Какъ товарищъ онъ могъ служить образцомъ коллегиальности: не смотря на свое высокое официальное положеніе, онъ оставался очень доступнымъ для всѣхъ врачей, и многіе изъ нихъ обязаны ему не только нравственной, но и матеріальной поддержкой. Въ публикѣ Здекауеръ пользовался репутаціей опытнаго и безкорыстнаго врача. „Вращаясь въ царскихъ чертогахъ, онъ никогда не отказывался отъ посѣщенія жилищъ бѣдняковъ. Всегда внимательный къ пациентамъ, всѣмъ доступный, добрый и хорошій врачъ, готовый при случаѣ оказать и матеріальную помощь, Н. Θ. оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія“ ¹⁾.

По выходѣ Здекауера кандидатомъ на кафедру госпитальной терапевтической клиники, выступилъ проф. частной патологій и терапіи В. Е. Эккъ. Еще до окончательнаго избранія его Конференція поручила ему завѣдываніе госпитальной клиникой, а чтеніе лекцій частной патологій и терапіи возложено на ад. проф. Шестова, (Прот. Конф. № 16, 1863).

Владиміръ Егоровичъ Эккъ ²⁾, сынъ прусскаго подданнаго ³⁾, родился въ С.-Петербургѣ 21 февраля 1818 года.

До 13 лѣтъ онъ воспитывался дома, а потомъ, 15 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ 1833 г. вольнослушателемъ въ И. Медико-Хирургическую Академію и въ 1838 г. (20 іюня) окончилъ курсъ первымъ съ золотою медалью. 21 августа того же года Эккъ опредѣленъ сверхкомплектнымъ ординаторомъ во 2

¹⁾ Нов. Врем., 1897. 17 янв. некрологъ.

²⁾ Формул. списокъ службы проф. Экка въ архивѣ Академіи.

³⁾ По словамъ дочери В. Е. Экка Маріи Владиміровны Зубовой, дѣдъ ихъ родился въ Баваріи и былъ профессоромъ теологій, переселился въ Петербургъ въ началѣ текущаго столѣтія и умеръ, когда Вл. Ег. Экку было 13 лѣтъ.

В. Е. Эккъ принялъ присягу на подданство Россіи 17 сент. 1854 года.

военно-сухопутный госпиталь; 31 июня 1839 года назначен репетитором при кафедре ботаники, фармакологии и рецептуры. В 1841 г. Конференция ходатайствовала предъ графомъ Клейнмихелемъ объ отпущеніи на казенный счетъ заграницу репетитора Экка за обнаруженныя имъ „отличныя способности и примѣрную нравственность“ для изученія терапій, патологической анатоміи и, особенно, науки о душевныхъ болѣзняхъ съ выдачей ему содержанія 4000 р. ассигнаціями. (Пр. №№ 27—36).

Предъ отъѣздомъ Конференція дала ему обычную инструкцію, которой ему вѣняется, между прочимъ, въ обязанность, «на основаніи устава 1822 года, удаляться всякихъ тайныхъ обществъ, ведущихъ къ потерѣ времени и заблужденіямъ; стараться сохранять здоровье благоразумнымъ образомъ жизни, время употреблять на приобрѣтеніе знаний и «бережливо расходовать деньги, жертвуемая для него отечествомъ»¹⁾.

Ему предписано было заниматься преимущественно въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ, но данъ совѣтъ посѣтить и другіе университеты, по его усмотрѣнію, гдѣ онъ могъ бы съ пользой заняться назначенными ему предметами. Сверхъ того, во время путешествія онъ долженъ былъ останавливаться въ каждомъ городѣ, гдѣ находились академія, университетъ, госпитали или человеколюбивыя медицинскія учрежденія, обозрѣвать все заслуживающее вниманія, присутствовать въ клиникахъ и госпиталяхъ на практическихъ занятіяхъ. Въ инструкціи предписывается ему вести дневникъ о своихъ занятіяхъ и о всѣхъ видѣнныхъ имъ достопримѣчательностяхъ (въ медицинскомъ отношеніи) его путешествія, чтобы на основаніи этихъ данныхъ сдѣлать потомъ сообщеніе Конференціи. Онъ обязанъ былъ также сообщить Академіи о всѣхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ въ порученной ему отрасли медицины. Кромѣ этой общей инструкціи, профессора Пироговъ и Калининскій снабдили его специальной программой относительно предстоявшихъ ему занятій.

¹⁾ Въ дѣлѣ Конф. № 2, 1841—1844.

Жалованье во время заграничной поѣздки назначено ему 3000 руб. ассигнаціями, но въ томъ же году по просьбѣ Экка и ходатайству Конференціи увеличено до 4000 р. ассигнац.¹⁾ Эккъ отправился заграницу на пароходѣ чрезъ Штетинъ 20 ноября 1841 года и 9 дней спустя былъ въ Берлинѣ. За все время своего научнаго путешествія онъ весьма аккуратно и подробно увѣдомлялъ Конференцію о ходѣ своихъ занятій, а по возвращеніи въ Петербургъ 12 дек. 1843 года представилъ Конференціи обстоятельный отчетъ о своемъ двухлѣтнемъ пребываніи за границей. Прежде всего онъ заявляетъ, что совсѣмъ не занимался психіатріей, ибо она составляетъ „совершенно отдѣльную отрасль, требуетъ особеннаго предварительнаго образованія и исключительнаго занятія душою человека“.

Развивая далѣе эту мысль Эккъ говорить что психіатріей должны заниматься особые специалисты: «какъ терапия должна быть основана на изученіи всѣхъ качествъ и отпущеній тѣла, такъ и психіатрія есть результатъ точныхъ познаній души». «Терапія составляетъ самый высокій предметъ для врача, — психіатрія — главную цѣль психолога». Терапія имѣетъ основаніемъ естественныя науки, психіатрія психологию и философію. Обѣ науки одинаково трудны и требуютъ особыхъ врожденныхъ способностей; для изученія психіатріи нужно посвятить себя ей всецѣло, онъ же чувствуетъ болѣе призванія заниматься «вещественной сферой человека» и на этомъ основаніи ограничился патологіей и терапіей.

«Терапія есть результатъ не только смѣтливости врача и знанія матеріи медики, но еще болѣе зависитъ отъ глубокихъ познаній тѣла человеческого въ здоровомъ и больномъ состояніи».

„Желая быть современемъ терапевтомъ, говорить онъ, я занимался физиологіей и общей анатоміей, старался приобрѣсти навыки въ употребленіи микроскопа, посѣщалъ лекціи животной химіи и во все время моего пребыванія за границею продолжалъ изучать человека въ здоровомъ состояніи и вмѣстѣ съ тѣмъ анатомію, химію и физиологію болѣзней“.

Далѣе Эккъ перечисляетъ новѣйшіе успѣхи только что

¹⁾ Въ теченіи 2 лѣтняго пребыванія за границей Эккъ сдѣлалъ еще долги до 1000 р. ассигнац., который былъ уплаченъ по Высочайшему повелѣнію на счетъ казны.

возникшей науки нормальной и патологической гистологии, говорить о работах Joh. Müller'a, Henle, Schönlein'a, о трудах по физиологической химии Liebig'a, Lehman'a (въ Лейпцигѣ), о послѣднихъ работахъ Andral'a и Gavarret по химии крови; даетъ критическій обзоръ современнаго состоянія преподаванія частной патологии и терапіи (классификаціи болѣзней) и фармакологіи въ разныхъ европейскихъ университетахъ. О послѣдней Эккъ говоритъ, что „ее вездѣ преподають только съ кафедры, не дополняя лекцій опытами на животныхъ и надѣ больными, и не подвергаютъ химико-физическому изслѣдованію всѣхъ отдѣленій и изверженій человѣка, принимающаго какое нибудь лекарство“. „Слишкомъ мало обращаютъ вниманія на тѣ случаи, въ которыхъ болѣзнь совершаетъ весь свой ходъ безъ врачебныхъ пособій, исключая приличное діететическое содержаніе. Исторія болѣзней показываютъ, что напримѣръ воспаленія могутъ разрѣшаться такъ же скоро и безъ терапевтическихъ пособій, ежели только есть возможность устранить всѣ вредныя послѣдствія“. „Болѣе точное и добросовѣстное наблюденіе болѣзней ограничило число средствъ, употребляемыхъ для ихъ лѣченія, и въ особенности упростило формулы“. Свои размышленія о новѣйшей терапіи Эккъ заканчиваетъ словами, что „тѣ врачи, которые изучали натуру болѣзней во всѣхъ отношеніяхъ и наблюдали ходъ ихъ во всѣхъ періодахъ, пользуют больныхъ чрезвычайно осторожно, имѣють средствъ не много и очень часто уступаютъ натурѣ славу излѣченія“.

Въ Берлинѣ Эккъ оставался съ декабря 1841 до лѣта 1842 года. Здѣсь онъ посѣщаль зимою клиники Шенлейна, Вольфа, Ромберга (дѣтскую), приватный курсъ патологич. анатоміи Фрориша, животной химіи у Франца Симона. Лѣтомъ посѣщаль акушерскую клинику Буша, слушалъ лекціи I. Мюллера и упражнялся съ Ремакомъ въ употребленіи микроскопа. При этомъ онъ кратко характеризуетъ взгляды на болѣзни и манеру преподаванія Шенлейна и другихъ берлинскихъ профессоровъ.

Въ Прагѣ Эккъ съ пользою занимался въ терапевтической

клиникѣ Опольдера, особенно болѣзнями гортани; съ восхищеніемъ описываетъ онъ кабинетъ анатома Гиртля и его великолѣпные препараты.

Въ Вѣнѣ онъ прослушалъ практическій курсъ патологической анатоміи у проф. Рокитанскаго. Говоря о его „первой въ мірѣ коллекціи патолого-анатомическихъ препаратовъ“, Эккъ замѣчаетъ: „великія заслуги Рокитанскаго знаетъ каждый врачъ; я не могу ничего прибавить къ его извѣстности“.

У приватъ доцента д-ра Scoda по прежнему только врачи иностранцы занимались изученіемъ аускультациі и перкуссіи. Эккъ говоритъ о великихъ заслугахъ Scoda, который, не смотря на подавляющій авторитетъ Laennec'a, усомнился въ вѣрности его объясненій и, призвавъ на помощь физика, разъяснилъ очень многое загадочное въ явленіяхъ аускультациі и перкуссіи, положивъ начало новой школѣ, тогда какъ Andral, Louis, Bouillaud, Gendrin, Stoks и Williams были только комментаторами Laennec'a. Извѣстно, что знаменитый Шкода принадлежалъ къ скептикамъ въ терапіи. Онъ одинъ изъ первыхъ пересталъ дѣлать кровопусканія и не употреблялъ почти никакихъ фармацевтическихъ средствъ при острыхъ болѣзняхъ, предоставляя ихъ самимъ себѣ. Эккъ говоритъ, что ему было очень поучительно видѣть, какъ пневмонія разрѣшалась и плевритическіе эксудаты всасывались безъ кровопусканій, безъ употребленія рвотной соли и безъ прикладыванія шпанскихъ мушекъ, и вообще процентъ смертности въ клиникѣ Scoda былъ отнюдь не выше, чѣмъ у другихъ. Между тѣмъ въ другихъ госпиталяхъ и клиникахъ такихъ больныхъ, замѣчаетъ Эккъ, непременно дѣлили бы по извѣстному принятому шаблону и никогда не рѣшились бы даже крѣпкихъ больныхъ оставить безъ лекарствъ, ограничиваясь одной діетой.

Въ Вѣнѣ же онъ видѣлъ у проф. Берреса его замѣчательную для того времени коллекцію микроскопическихъ препаратовъ внутреннихъ органовъ¹⁾.

¹⁾ Очень полную коллекцію своихъ препаратовъ (180 штукъ) Берресъ при-

Въ Парижѣ Эккъ пробылъ дѣльный учебный годъ (10 мѣсяцевъ). Въ своемъ отчетѣ онъ характеризуетъ клиническое преподаваніе въ парижскихъ клиникахъ, во многомъ отличающееся отъ германскихъ. Главная дѣль преподаванія здѣсь діагностика и патологическая анатомія. Лекціи читались не у постели больныхъ, но въ амфитеатрѣ послѣ обхода больничныхъ палатъ, на основаніи исторій ихъ болѣзни. Если случается вскрытіе, больные органы обязательно приносятся на лекцію и показываются всѣмъ. Способъ лѣченія въ Парижѣ Эккъ нашелъ проще германскихъ. Онъ посѣщалъ клиническія лекціи Chomel'я и Rostan'a въ Hôtel Dieu, Fouquier и Bouillaud въ Charité, Piogry въ Pieté, клинику кожныхъ болѣзней Cazenave'a Gibert'a, клинику дѣтскихъ болѣзней Trousseau въ Hôpital Necker, клинику венерическихъ болѣзней знаменитаго Ricord'a въ Hôpital du midi, клинику женскихъ болѣзней и проч. Chomel произвелъ впечатлѣніе на Экка своимъ выдающимся діагностическимъ талантомъ (всѣ его предсказанія сбывались) и ласковымъ отношеніемъ къ больнымъ. Gendrin'a онъ хвалитъ за хорошій порядокъ въ клиникѣ и введеніе точной записи хода болѣзней, Bouillaud — называетъ хвастливымъ грубіяномъ, бравившимъ всѣхъ врачей, отсталымъ и незнакомымъ съ патологической анатоміей.

Piogry занимался въ клиникѣ почти исключительно любимой имъ техникою перкуссіи, доведенною имъ до совершенства, (напр. онъ часто повторялъ опытъ перкуторнаго уменьшенія селезенки при intermittens подъ вліяніемъ впрыскиванія въ прямую кишку 8 гранъ хинина; границы селезенки отмѣчались чернилами).

Полезны были также курсы у проф. Trousseau, Andral'я, лекціи органической химіи Dumas, физиологій у Flourens'a, практической анатоміи у Longet и Thivet, микроскопій у Donné и Grubi (Cellentheorie). Въ Лондонѣ въ теченіе 4-хъ

лестъ въ даръ Мед. Хир. Академіи, за что получалъ Высочайшую награду (бриллиант. перстень). По совнанію Конференціи, такой коллекціи не было тогда въ Россіи ни въ Академіи, ни въ университетахъ (Прот. Конф. 1840).

недѣль Эккъ осматривалъ превосходно устроенные госпитали и богатые патолого-анатомическіе музеи и коллекціи¹⁾.

По возвращеніи въ Петербургъ, Эккъ сталъ хлопотать о назначеніи его ассистентомъ патологической анатоміи къ проф. Пирогову. Попечитель Академіи Веймарнъ потребовалъ отзыва Конференціи. По распоряженію послѣдней, Зейдлицъ и Пироговъ рассмотрѣли отчетъ Экка о его занятіяхъ заграницей и подвергли его устному испытанію, изъ котораго вынесли убѣжденіе, что онъ обладаетъ прекрасными способностями, хорошо занимался заграницей у знаменитыхъ профессоровъ и стоитъ на высотѣ современныхъ знаній по патологической анатоміи и терапіи; поэтому они находили очень полезнымъ поручить ему упражненіе студентовъ 3 класса въ пригготовительной клиникѣ и „микроскопическія изслѣдованія болѣзненныхъ тканей“. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ предложеніемъ, Конференція ходатайствовала о назначеніи Экка исправляющ. должность сверхкомплектнаго адъюнкта „для преподаванія на 3-мъ курсѣ практической (или технической) діагностики въ полномъ ея объемѣ и для микроскопическихъ изслѣдованій, подъ руководствомъ проф. Пирогова, жидкостей и тканей человѣческаго тѣла въ болѣзненномъ состояніи (съ жалованьемъ адъюнкта въ 2000 р. ассигнац.)“. 11 апрѣля 1844 г. Эккъ былъ утвержденъ въ этой должности (Прот. Конф. № 12, 1844).

Въ 1845 г. онъ защитилъ (29 сент.) диссертацию на степень доктора медицины „de pneumonia“, 13 апрѣля 1846 года утвержденъ дѣйствительнымъ адъюнктомъ послѣ удовлетворительно выдержаннаго экзамена и блестяще прочитанной пробной лекціи de chorea Sui Viti (по латыни) и de delirio tremens. (по русски) (Прот. № 10 1846 г.). 23 іюня 1846 г. ему поручено совместно со Здекауеромъ завѣдываніе кафедрой академической клиники, причѣмъ онъ долженъ былъ читать частную патологию и терапію. 23 іюля 1848 назна-

¹⁾ Рукописный отчетъ Экка, дѣло Конф. № 2, 1844.

чень ординарным профессором кафедры частной патологии и терапии (без клиники, но, будучи ординатором госпиталя¹⁾, имѣлъ въ немъ нѣсколько палатъ). За отлично-усердную службу по 2 военно-сухопутному госпиталю въ 1848 году награжденъ 143 р. с. изъ академич. суммъ, и сверхъ того получилъ полугодовой окладъ жалованья. На этой кафедрѣ онъ оставался до 1863. Лекціи свои по частной патологии и терапии для 3-го курса онъ читалъ въ большой аудиторіи средней части госпиталя. Въ это время Эккъ былъ популярнѣйшимъ профессоромъ Академіи: только лекціи Зинина собирали такую же большую толпу слушателей, которыхъ привлекали оригинальная, ясная, убѣжденная рѣчь Экка, знаніе имъ своего предмета и умѣнье сжато передавать суть дѣла²⁾. Въ 1861 г. на вакантную кафедру академической клиники были предложены проф. Эккъ и д-ръ С. П. Боткинъ.

Такъ какъ самъ Эккъ предложилъ³⁾ Боткина и притомъ выразилъ желаніе сохранить свою кафедру, то Конференція, послѣ прочтенія Боткинѣмъ пробной лекціи, выбрала его профессоромъ (прот. Конф. № 32, 1861). 21 сентября 1863 года Конференція, исполняя желаніе Экка, перемѣстила его на кафедру госпитальной терапевтической клиники съ назначеніемъ главнымъ врачомъ терапевтическаго отдѣленія госпиталя. Эта послѣдняя должность была отмѣнена по новому уставу 1869 года. Въ 1869 г. Эккъ былъ избранъ совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта М-ва внутреннихъ дѣлъ.

6 сентября 1869 г. Эккъ обратился въ Конференцію съ

¹⁾ Старшимъ ординаторомъ госпиталя Эккъ былъ съ 14 марта 1860 года, а до этого времени заведывалъ офицерскимъ отдѣленіемъ на правахъ младшаго ординатора. Въ этомъ отдѣленіи больные не раздѣлялись по родамъ болѣзней. Кромѣ хирургическихъ приходилось лѣчить всѣ болѣзни. Помѣщалось оно въ особомъ деревянномъ зданіи.

²⁾ Сообщено д-ромъ Эм. Кар. Росси, выпуска 1862, нимѣ главн. врачъ Семен. госпиталя.

³⁾ Эккъ былъ, по порученію Конференціи, цензоромъ диссертациі Боткина „о всасываніи жира въ кишкахъ“ и рассматривалъ другіе научные труды его.

заявленіемъ, что, прослуживъ уже въ должности преподавателя 5 лѣтъ сверхъ положеннаго срока (25 лѣтъ) и „признавая въ свѣжихъ силахъ молодого поколѣнія большую подготовленность для преподаванія въ Академіи“, онъ долженъ уступить эту задачу болѣе молодому ученому. По выслушаніи этого заявленія, начальникъ Академіи Нарановичъ „выразилъ проф. Экку отъ имени всей Академіи глубокую признательность за признанную всѣми зрѣлость и плодотворность клиническаго руководства учащейся молодежи въ теченіе многихъ лѣтъ“ и высказалъ, что „Академія понесла бы незамѣнимую потерю, утративъ такого опытнаго клинициста, искренно всѣми чтимаго, какъ за обширныя познанія и опытность, такъ и за благородство личнаго характера“. Такъ какъ просьба начальника Академіи была поддержана всей Конференціей, то Эккъ согласился подвергнуться закрытой баллотировкѣ и былъ выбранъ еще на 5 лѣтъ большинствомъ 17 противъ 2. (Прот. № 8, 1869). Экку въ это время было всего 51 годъ, и онъ казался еще въ полномъ обладаніи физическихъ и умственныхъ силъ, несмотря на перенесенный въ 1866 году тяжелый сыпной тифъ, отъ котораго онъ едва не умеръ¹⁾.

3 Января 1870 г. Эккъ былъ выбранъ заслуженнымъ профессоромъ, 28 іюня 1870 года назначенъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Съ этого времени его крѣпкое здоровье начало слабѣть. Онъ все еще продолжалъ заниматься своей чрезвычайно обширной практикой²⁾ и аккуратно являлся на лекціи. Но въ 1870 году вынужденъ былъ для поправленія здоровья пребыть заграничей съ апрѣля по сентябрь. Въ 1873 г., чувствуя себя уже тяжело больнымъ, онъ взялъ отпускъ на 4 мѣсяца

¹⁾ Оправившись отъ сыпного тифа, Эккъ провелъ лѣто на морскихъ купаньяхъ въ Крыму и возвратился оттуда бодрѣе и здоровѣе. Въ 1871 г. онъ женился вторымъ бракомъ. Въ первый разъ онъ былъ женатъ на сестрѣ профессора Н. О. Здекауера.

²⁾ Въ 50 и 60 годахъ Эккъ былъ едвали не самымъ занятымъ практикомъ Петербурга.

и отправился в южную Германию 6 декабря. Передъ отъездомъ онъ пожелалъ проститься со своими ординаторами и учениками. Участники этого момента до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ горестнымъ чувствомъ. Въмѣсто обычной оживленной, остроумной рѣчи, онъ говорилъ съ замѣтнымъ трудомъ, на лицѣ были признаки душевнаго волненія, въ глазахъ видѣлись слезы.

Въ апрѣлѣ 1874 года въ письмѣ къ т. с. Козлову (главному в. медиц. инспектору) изъ Гейдельберга Эккъ сообщаетъ, что здоровье его начинаетъ поправляться, проситъ о продолженіи отпуска и ходатайствуетъ о назначеніи его непрѣмнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, сомнѣваясь, чтобы силы позволили ему практиковать съ прежней энергіей. Но въ августѣ 1874 года онъ возвратился въ Петербургъ въ гораздо худшемъ состояніи, нежели уѣхалъ за границу. Его умственные и физическія силы быстро разрушались болѣзнію (прогрессивный параличъ). Во время его побѣдки окончилось пятилѣтіе, на которое онъ былъ избранъ, но, принимая во вниманіе его болѣзнь, Конференція не желала возбуждать вопросъ объ его увольненіи. По возвращеніи онъ не появлялся болѣе въ стѣнахъ Академіи и умеръ 21 янв. 1875 г. ¹⁾.

Какъ практическій врачъ по преимуществу, Эккъ писалъ для печати немного, и всѣ его работы отличаются характеризующей его сжатостью изложенія. Кромѣ упомянутой диссертации „de pneumonia“ и нѣсколькихъ переводныхъ работъ ему принадлежать, напечатанные въ 40-хъ годахъ:

1. „О скоротечныхъ просняхъ бурюкахъ“. Записки по части врачев. науки 1846 г. кн. 4.

2. „Взглядъ на современное состояніе врачебной діагностики“ съ изложеніемъ плана преподаванія этой науки студентамъ И. М. Х. Академіи. Записки по ч. врачев. науки. 1847 г. кн. I (54 стр.).

Въ этомъ очеркѣ, нелишнемъ интереса и въ настоящее время, излагается историческое развитіе діагностики и самостоятельная критическая оцѣнка всѣхъ современныхъ работъ по перкуссии и аускультации.

3. „Описание инфлюэнцы или гриппа вообще и эпидеміи этой болѣзни въ 1847 г. въ особенности“. Записки по части врачев. науки 1847 кн. 2. Кромѣ того въ Зап. по ч. врачев. науки 1847. кн. 2 помѣщены 2 принадлежащихъ ему критич. разбора ¹⁾.

Въ пятидесятыхъ годахъ Эккъ почти ничего не напечаталъ.

Въ 1852 г. Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ Военнаго Совѣта занятія Конференціи раздѣлены на ученые и административныя, причемъ первыя должны происходить не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; профессорамъ, адъюнктамъ и прозекторамъ предложено представлять въ ученые собранія по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года ученый трудъ по избранному предмету. На одномъ изъ такихъ собраній Эккъ прочелъ записку, въ которой высказывалъ возможность, на основаніи своихъ наблюденій, купировать тифъ кадомелемъ. Будучи членомъ общества нѣмецкихъ врачей въ Петербургѣ, онъ часто дѣлился съ товарищами своими практическими наблюденіями, особенно въ 50-хъ годахъ, когда онъ былъ меньше поглощенъ практикой. „Seine Mittheilungen waren stets kurz und bündig, aber von durchschlagendem Eindruck“, говоритъ dr Hermann въ рѣчи, посвященной памяти Экка ²⁾.

Въ 60-хъ годахъ Эккъ помѣстилъ въ Медиц. Вѣстникѣ

¹⁾ Въ протокол. Конф. № 19, 1847 отмѣчено, что Эккъ представилъ: а) патологию и діагностику мiliaryнаго туберкулеза съ 3 клинич. примѣрами изъ собственной практики; б) общій очеркъ діагностики и программу, по которой онъ преподаетъ эту науку студентамъ 3 курса в) монографію въ двухъ частяхъ объ инфлюэнцѣ: въ первой части излагается исторія, географическое распространеніе, патолог. анатомія, діагностика, этиологія, исходы, предсказаніе, лѣченіе; во второй части—своею посылкой эпидеміи, вліяніе ее на спорадическія болѣзни и шесть клиническихъ примѣровъ. Конференція выразила Экку признательность за его литературные труды.

²⁾ Sitzung 27 Januar 1875. (St. Petersburg. Medic. Zeitschr.)

¹⁾ Дѣло Конф. № 141, (1875).

рядъ небольшихъ практическихъ статей изъ своихъ наблюдений.

1. „*Значение опиума при эпидемической холерѣ*“ № 46, 1865.

Эккъ настойчиво совѣтуетъ лѣчить во время холерныхъ эпидемій всякій холерный поносъ опиумъ, считая его единственно надежнымъ средствомъ, могущимъ предотвратить развитіе холеры.

2. „*Къ врачебному употребленію ртути*“ №№ 1, 2 п 3 Мед. Вѣст. за 1867 г. Эккъ былъ большимъ поклонникомъ ртути. „Энергичное ртутное лѣчение въ рукахъ врача, говоритъ онъ, могучее орудіе, которымъ онъ долженъ пользоваться не иначе, какъ въ случаяхъ воспаленій, угрожающихъ смертельнымъ исходомъ“.

Онъ пользуется обыкновенно 3 препаратами: сулемою, ртутной мазью и каломелемъ. Главнымъ врачебнымъ свойствомъ ртути онъ считаетъ ея дѣйствіе противъ воспалительнаго процесса. Нерѣдко въ 2 сутки, въ 24 часа можно соответственнымъ назначеніемъ ртути прервать лихорадку, эксудатъ начинать всасываться. При энергическомъ ртутномъ лѣченіи Эккъ давалъ по 5 gr. каломеля черезъ часъ, отъ 8 до 12 приемовъ краду. Сулема по $\frac{1}{4}$ gr. на приемъ (съ 3 капл. t-rae opii) до 2 gr. pro die, при энергическомъ полосканіи рта kal. chlorico. Такое лѣчение не болѣе 3—4 дней; чѣмъ скорѣе его начинать, тѣмъ лучше. Энергическое ртутное лѣчение Эккъ примѣнялъ: а) «При долеомъ воспаленіи легкихъ или крупнѣ паренхимы легкихъ». Онъ оговаривается, что воспаление легкихъ, особенно у молодыхъ людей, проходитъ безъ всякаго лѣченія, поэтому ртутное лѣчение надо примѣнять только въ случаяхъ тяжкихъ, гдѣ можно опасаться летальнаго исхода. Съ 50 лѣтняго возраста ртутью надо лѣчить всѣхъ заболѣвающихъ, ибо этимъ средствомъ % смертности понижается съ 50% до 10%. Стариковъ лучше лѣчить каломелемъ.

б) При воспаленіи (идіопатическомъ) подреберной плевы ртутью можно всегда остановить процессъ, кромѣ случаевъ гнойнаго и геморраг. воспаленій. Прибѣгать къ ртути Эккъ совѣтуетъ только въ тяжелыхъ случаяхъ, съ очень высокою лихорадкою. Предпочтительнѣе втиранія.

с) При крупнѣ гортани (при дифтеритѣ бесполезно).

д) При острыхъ эндокардитахъ энергичное ртутное лѣчение можетъ предупреждать развитіе органическихъ измѣненій клапановъ.

е) Часто ртуть незамѣнима при пластическихъ воспаленіяхъ мягкой мозговой оболочки (кромѣ туберкулеза и meningitis cerebrospinal.)

ф) При воспаленияхъ радужной оболочки.

г) При сифилисѣ ртути надо давать въ меньшихъ дозахъ и

болѣе продолжительное время; тутъ послѣдовательный вредъ ртутнаго лѣченія сказывается яснѣе.

Далѣе Эккъ излагаетъ наружное примѣненіе ртутныхъ препаратовъ въ кожныхъ болѣзняхъ. Въ заключеніе онъ еще разъ подчеркиваетъ, что, избѣгая вообще назначенія ртути, охотно прибѣгаетъ къ ней въ экстренныхъ случаяхъ.

3. „*Нарывъ печени, вскрытый чрезъ легкое*“ (съ исходомъ въ выздоровленіе) М. Вѣстн. № 7, 1867.

4. „*О возможности произвольнаго измѣненія недостаточности клапановъ сердца*“ М. Вѣст. № 11, 1867.

По поводу статьи проф. Якша, въ которой собраны доказательства возможности произвольныхъ измѣненій недостаточности двустворчатыхъ и полулунныхъ клапановъ, Эккъ приводитъ нѣсколько собственныхъ наблюденій подобнаго выздоровленія при несомнѣнномъ страданіи двустворки.

5. „*Замѣчательный случай бронхоэктази*“ М. Вѣстн. № 16, 1867.

6. „*Острая гиперемія легкихъ*“ № 52, 1867 (случай изъ практики).

7. „*Примѣръ дѣйствія ртути на воспаление*“ М. Вѣстн. № 8, 1868.

Описывается очень тяжелый случай крупозн. воспаленія легкихъ, гдѣ больно, по убѣжденію Экка, былъ спасенъ 3 gr. сулемы (въ теченіе 12 часовъ съ t-ra opii) и втираніемъ unguent. hydr. Лихорадка быстро прекратилась, мокрота разрѣшилась безъ изверженія.

8. „*Описаніе болѣзни президента П. А. Дубовицкаго*“ М. Вѣстн. № 18, 1868.

9. „*Рнеумоторахъ отъ внутренней причины, со счастливымъ исходомъ*“ М. Вѣстн. № 11, 1871 г.

10. „*Врачебное значеніе коніина*“ М. Вѣстн. № 1, 1872 г.

Эккъ хвалитъ это средство какъ болеутоляющее при невралгіяхъ; замѣняя морфій, коніинъ не имѣетъ неудобствъ послѣдняго.

Во время своей долгой профессуры Эккъ, по порученію Конференціи, болѣе чѣмъ кто либо другой изъ профессоровъ 1)

1) Развѣ только проф. Зенкауеръ выполнялъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ такую же массу подобнаго труда.

занимался рассмотрѣніемъ диссертаций и всевозможныхъ сочиненій, присылаемыхъ въ Академію для цензуры. Одно простое перечисленіе всѣхъ сочиненій, по которымъ онъ далъ отзывъ, заняло бы многія страницы.

Нужно замѣтить, что цензура рукописей, представляемыхъ въ Академію для разрѣшенія (до 1863 г.), далеко не была простой формальностью. По крайней мѣрѣ Эккъ смотрѣлъ на эти свои обязанности вполне серьезно, какъ показываетъ слѣдующій случай.

Цензура въ 1861 г. статью «замѣтки о классической аптечной медицинѣ», предназначенную для помѣщенія въ «гомеопат. вѣстникъ и вѣстн. водолѣченія и гимнастики», Эккъ запретилъ ее за обидныя и оскорбительныя для врачей выраженія и за то, что, не содержа научныхъ фактовъ, брошюра имѣла цѣлью бездоказательными разглашательствами вселить публикѣ недоувѣріе къ врачамъ и врачебной наукѣ, напр. утвержденіемъ, что всѣ медикаменты «или слабы и безполезны или (минеральные) отравляютъ соки и самую жизнь подвергаютъ опасности». Редакторы журнала, д-ръ Гржимайло и Шебакинъ, пожаловались Военному Министру. Несмотря на предложеніе вице-президента Глѣбова разрѣшить статью, т. к. полемика должна быть свободной, Эккъ стоялъ на своемъ, находя эту статью злостной и соглашаясь пропускать только все научное *) (дѣло канц. презид. № 88, 1861).

Подобно Здекауеру, Эккъ былъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ постояннымъ сотрудникомъ всѣхъ академическихъ комиссій и комитетовъ, преимущественно занятыхъ реформами клиникъ и госпитального дѣла.

Госпитальная терапевтическая клиника при профессорѣ Эккѣ находилась въ томъ же передѣланномъ въ 1863 году помѣщеніи, гдѣ она была при Здекауерѣ.

Мы видѣли уже недостатки этой части госпиталя, указанные ревизіей гр. Сиверса и проф. Козлова. До перестройки госпиталя «каменный корпусъ», гдѣ была клиника Экка, считался самымъ солиднымъ, наименѣе обветшавшимъ госпитальнымъ зданіемъ, поэтому онъ подвергся самымъ незначительнымъ, сравнительно, измѣненіямъ. Всѣ же другія госпитальныя зданія, которыя пришлось разрушить до основанія, были замѣнены

другими, гораздо болѣе современными и удачными. Вотъ почему, когда всѣ клиническія лекціи въ госпиталѣ читались уже въ аудиторіяхъ, госпитальная терапевтическая клиника при проф. Эккѣ была лишена этого удобства, лекціи по прежнему происходили въ палатахъ.

Лабораторія, устроенная профессоромъ Здекауеромъ, оставалась при Эккѣ почти безъ измѣненій. Средства отпускалось мало и даже термометры для больныхъ проф. Экку приходилось покупать на свой счетъ ¹⁾. Въ сущности лабораторія поддерживалась благодаря адъюнкту-професс. Эйхвальду, который прибрѣталъ на свои средства реактивы и приборы для своихъ личныхъ занятій и для работавшихъ въ клиникѣ студентовъ и врачей ²⁾.

Кромѣ адъюнкта-проф. Э. Э. Эйхвальда занятіями студентовъ и молодыхъ врачей руководилъ ассистентъ госпит. терапевтической клиники О. А. Лешъ (выпуска 1863 года, нынѣ проф. у-та св. Владиміра). Ему принадлежатъ слѣдующія работы, напечатанныя имъ изъ клиники В. Е. Экка. 1. Выхихъ между 6 и 7 шейнымъ позвонками. Мед. Вѣстн. № 7, 1865. 2. Возвратная горячка. Военно-Медиц. Журналъ, май 1865. 3. Образование легочныхъ инфарктовъ при эмболіи, диссерт. 1866. 4. Случай возвратной горячки съ крапивою сыпью. Мед. Вѣстн. 1869, № 2. 5. Diabetes insipid. Воен. Мед. Журн. 1870, апр. 6. Микроскопическое изслѣдованіе свѣжихъ холерныхъ испраженій. Мед. Вѣстн. № 15, 1871.

¹⁾ Въ отчетѣ за 1868 г. Эккъ доноситъ, что имъ прибрѣтены для клиники на свой счетъ 12 термометровъ съ дѣленіями на $\frac{1}{10}$, стеклянная химическая посуда, элементы Даниеля, полотенцы и бинты, всего на 60 р., а на счетъ адъюнкта проф. Эйхвальда химическіе нѣсы съ равновѣсками (фабр. Эрланда въ Берлинѣ), цѣною въ 100 талеровъ и ларингоскопическій наборъ Брунса, цѣною въ 50 гульденовъ.

²⁾ Наконецъ въ 1870 г., по настоянію Экка, для кабинета его клиники прибрѣтены гальванич. батареи Штерера, приборы для изслѣдованія и пользования ушныхъ болѣзней, нѣсколько термометровъ, горланныхъ зеркалъ, стекла, посуда для химич. изслѣдованій, реактивы, резиновыя вещи и проч. (дѣло Конф. № 87, 1870).

¹⁾ По желанію военнаго министра статья была, однако, разрѣшена.

7. Об употреблении фосфора при *tabes dorsalis*. В. Мед. Жур. авг. 1872 г. 8. Случай перемещения всех внутренних. Мед. Вѣстн. 45. 1872. Во время командировки О. А. Леша за границу имъ напечатаны: *Beitrag zur Speichelverdauung*. Untersuch. aus dem physiol. Laborat. in Würzburg, 2 Bd. 1868. *Beiträge zu dem Verhalten der Lymphgefäße bei der Entzündung*. Virch. Arch. 44 Bd. 1868.

По выше изложеннымъ причинамъ невозможно представить общее движение больныхъ по госпитальн. терапевтич. клиникѣ за всѣ годы (см. клиник. при Эдекауерѣ). Въ 1869 г. было 1068 больныхъ, вызд. 833. ум. 148.

1870 г. было всего 1060 больн. выздоров. 848, ум. 141, общ. смертность 13,7%. Въ 1872 г. было 1057 больн. вызд. 862, ум. 120 (11,3%), Число амбулаторныхъ больныхъ 704.

Въ своемъ донесеніи въ Конференцію отъ 28 ноября 1870 года Эккъ пишетъ: «о движеніи больныхъ въ клиникѣ результаты всегда плачевны. Это иначе и быть не можетъ. Академическій клиникѣ предоставлено право выбора больныхъ. Въ концѣ учебного года оставшихся въ ней больныхъ переводятъ въ госпитальную. Изъ всѣхъ отдѣленій госпиталя,—хирургическаго, глазного, сифилитическаго переводятъ больныхъ въ терапевтическое отдѣленіе, ежели имъ предстоитъ умереть отъ чахотки. Въ госпитальной терапевтической клиникѣ помѣщаются всѣ холерные больные, всѣ паралитики, лежащіе по году и больше, ежели ихъ не берутъ въ богоугодныя заведенія. Воздухъ не хорошъ. Довольно причинъ высокой смертности». Сообщая годовую цифру больныхъ и % смертности, Эккъ говоритъ: «для меня обидно, ежели эти цифры заявляютъ публично въ отчетѣ; по госпитальной терапевтической клиникѣ % смертности 14—15%, по академической (Боткина) рядомъ 8%. Это безъ комментарій кидаетъ тѣнь на мою врачебную дѣятельность. По госпиталю должно объявлять % смертности общій, средній по всѣмъ отдѣленіямъ, не говоря специально, сколько умерло по каждому отдѣленію».

Всѣ ученики проф. Экка единогласно свидѣтельствуютъ¹⁾, что онъ былъ типическимъ терапевтомъ и идеальнымъ профессоромъ госпитальной клиники. Опираясь на положитель-

¹⁾ Въ особенности я долженъ благодарить здѣсь профессора университета св. Владиміра О. А. Леша, д-ровъ В. И. Чемецова, Эм. Карловича Россел, лейбъ-медика О. А. Роцинна, любезно подѣлявшихся со мною своими воспоминаніями о В. Е. Эккѣ.

ныя основы естествознанія, практическая медицина всетаки въ значительной степени остается искусствомъ, требующимъ нѣкоторыхъ врожденныхъ дарованій. По общимъ отзывамъ учениковъ Экка, онъ обладалъ этими дарованіями въ высокой степени. Лекціи свои онъ читалъ съ особеннымъ горячимъ убѣжденіемъ, которое невольно сообщалось слушателямъ. Тутъ не было мѣста для краснорѣчія, потому что Эккъ не любилъ ораторскихъ пріемовъ, говорилъ короткими, отрывистыми фразами. Но никто лучше его не умѣлъ въ немногихъ мѣткихъ словахъ нарисовать картину болѣзни и начертить подходящий планъ лѣченія.

Глубоко вѣря въ терапію и въ высшее назначеніе врачей лѣчить и облегчать больныхъ, Эккъ, старался научить своихъ слушателей лѣчить всевозможные случаи, какіе обыкновенно представляются практическому врачу въ жизни. Онъ никогда не останавливался преимущественно надъ какими нибудь особенно интересными заболѣваніями, гдѣ можно было бы блеснуть обширнымъ знаніемъ литературы и казуистики... Всѣ больные были хороши для его лекцій, на которыхъ онъ одинаково поучительно разбиралъ „боль въ поясницѣ“ безъ всякихъ объективныхъ явленій или какой нибудь любопытный случай сложнаго порока сердца. Поэтому разборъ больныхъ на лекціи производился обыкновенно въ порядкѣ ихъ поступленія въ клинику. Часто лекціи состояли въ оживленномъ общеніи мыслей между профессоромъ и кураторами больного.

Обыкновенно на каждой лекціи¹⁾ Эккъ успѣвалъ разобратъ многихъ больныхъ и въ теченіе одного учебного года знакомилъ своихъ слушателей съ самыми разнообразными заболѣваніями. Каждого отдѣльнаго больного онъ разбиралъ вкратцѣ, обращая главнымъ образомъ вниманіе на существенныя явленія, которыя имѣли значеніе для діагноза, прогноза и для лѣченія. Въ подробный разборъ чисто теоретическихъ вопросовъ, не имѣвшихъ пока значенія для практической медицины,

¹⁾ Эккъ читалъ 4 раза въ недѣлю по 1½—2 часа.

онъ находилъ лишнимъ вдаваться. Всегда онъ обращалъ особенное вниманіе своихъ слушателей на лѣченіе больныхъ и нерѣдко сообщалъ подходящіе поучительные случаи изъ своей обширной частной практики ¹⁾.

Такая постановка преподаванія дѣлала госпитальную клинику дѣйствительно незамѣнимымъ дополненіемъ академической и, несмотря на одновременное чтеніе клиническихъ лекцій С. П. Боткинѣмъ, Эккъ находилъ также много слушателей, какъ въ то время, когда онъ читалъ свой курсъ частной патологии и терапіи. По общему признанію С. П. Боткинъ былъ врачомъ-философомъ, онъ будилъ мысль, училъ медицинскому мышленію. Читая курсъ внутреннихъ болѣзней въ академической клиникѣ, онъ подробнѣйшимъ образомъ, всесторонне изслѣдовалъ немногихъ больныхъ, опираясь на новѣйшія данныя патологической анатоміи и патологической физиологіи. Его громадныя заслуги въ этомъ отношеніи уже нашли надлежащую оцѣнку. Прослушавъ академическій курсъ Боткина, студенты V курса, однако, почти еще ничего не знали о тѣхъ практическихъ условіяхъ работы всякаго врача, съ которыми имъ предстояло встрѣтиться.

Эта задача прекрасно развѣшлась для студентовъ и молодыхъ врачей госпитальной клиникѣ профессора Экка. Многіе изъ нихъ считаютъ себя всецѣло обязанными В. Е. Экку за предохраненіе отъ тѣхъ увлеченій, отъ того чересчуръ скептическаго и даже отрицательнаго отношенія къ терапіи, которыми отличались вообще шестидесятыя годы.

Въ терапіи проф. Экка не было шаблонности, напротивъ онъ строго индивидуализировалъ подлежащіе лѣченію случаи. Онъ охотно примѣнялъ сильно дѣйствующія средства въ болѣзненныхъ приемахъ, которые превышаютъ высшія дозы, установленныя въ фармакопее (наркотическія средства, ртутные препараты и пр.). Но даже назначеніе такихъ огромныхъ дозъ явилось у него во второмъ періодѣ его дѣятельности, какъ

¹⁾ Сообщено А. Θ. Лешъ.

результатъ глубокой практической опытности, дѣлалось не часто и давало въ его рукахъ, по отзывамъ его ординаторовъ и учениковъ, прекрасные результаты, особенно при пользованіи серьезныхъ острыхъ заболѣваній (Θ. А. Лешъ). По словамъ профессора Здекауера, Эккъ, имѣвшій огромную частную практику, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ „счастливѣйшимъ“ практикомъ въ Петербургѣ. Будучи отъ природы живого веселаго нрава и отличаясь остроуміемъ и находчивостью, онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ ободрить окружающихъ и вдохнуть въ больного вѣру въ выздоровленіе и, если еще было возможно что либо сдѣлать для спасенія жизни больного или для скорѣйшаго облегченія его страданій, Эккъ со всей энергіей пускалъ въ ходъ всѣ необходимыя средства терапіи. Послѣднія всегда были научны, такъ какъ Эккъ до самой болѣзни, сведшей его въ могилу, не переставалъ слѣдить за развитіемъ медицины ¹⁾. Занятый до поздней ночи, онъ всегда находилъ время для чтенія текущей медицинской литературы и пользовался для этого каждой свободной минутой. Многіе изъ его учениковъ (сообщаетъ намъ проф. Θ. А. Лешъ) навѣрно еще помнятъ своего дорогаго наставника, читавшаго медицинскія книги и журналы даже въ каретѣ, при переездѣ отъ больного къ больному. Пользуясь литературными данными, онъ нерѣдко въ клиникѣ провѣрялъ предложенныя новыя средства и новыя способы лѣченія.

Какъ человѣкъ, Эккъ былъ добраго и отзывчиваго характера. Товарищи-профессора, студенты и больные любили и уважали его. Съ подчиненными онъ былъ мягокъ и входилъ въ ихъ интересы ²⁾. Преждевременная смерть Экка, послѣ

¹⁾ П. Д. Васильевъ, бывшій фельдшеромъ при клиникѣ Экка, нынѣ смотритель Александровскаго лиція, рассказывалъ намъ, что Эккъ охотно примѣнялъ массажъ (тогда еще мало распространенный), согревающіе компрессы и нѣкоторые другіе водолѣчебные приемы, любилъ назначать мушки, никогда не примѣнялъ, даже въ 50-хъ годахъ, ни кровопусканій, ни пиявокъ.

²⁾ П. Д. Васильевъ сообщалъ намъ, что Эккъ былъ искренно любимъ всѣмъ нѣшнимъ медиц. персоналомъ клиники, съ которымъ всегда обходился ровню, просто и ласково. У него было въ обычаѣ являться въ клинику на

тяжкой болѣзни, на 57 году жизни, вызвала общія сожалѣнія врачей и публики ¹⁾.

новый годъ и на пасху, бесѣдовать съ больными, утѣшать ихъ и давать личные совѣты; инимъ больнымъ онъ покупалъ на свои средства вино и пр. Фельдшера и служителя получали отъ него лично награды къ празднику.

¹⁾ Мед. Вѣстн. 1875 г. Некрологъ Экка.

Нафедра госпитальной терапевтической клиники при профессорѣ Э. Э. Эйхвальдѣ (1874—1883).

Во время продолжительной болѣзни В. Е. Экка и временнаго завѣдыванія клиникой Э. Э. Эйхвальдомъ въ Медико-Хирургической Академіи произошли событія, о которыхъ необходимо упомянуть, такъ какъ они измѣнили прежній строй М. Х. Академіи и повели къ коренному преобразованію ея въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

До 1867 г. президентъ М. Х. Академіи подчинялся непосредственно Военному Министру; съ этого же времени ближайшій надзоръ за Академіей былъ порученъ главному военно-медицинскому инспектору (въ 1867 г. П. А. Дубовицкому, вскорѣ умершему). Послѣ Нарановича (1867—1869) начальниками Академіи были Н. И. Козловъ (до 71 г.) и Я. А. Чистовичъ. Вышестательство военно-медицинскаго инспектора въ дѣла Академіи, вообще, не было благотворно для правильного ихъ хода. Въ Академіи въ это время образовалось двѣ враждующихъ партіи профессоровъ, и военно-медиц. инспектору, не всегда или не вполне знакомому съ дѣломъ, трудно было сохранить безпристрастіе среди партійной борьбы. Споры въ Конференціи, особенно по поводу избранія новыхъ преподавателей, переносились даже въ общую печать, вырождались въ ожесточенную полемику; къ тому же въ 1873 г. былъ снова поднятъ вопросъ о передачѣ И. М. Х. Академіи изъ Военнаго Министерства въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, раздѣлившій профессоровъ на два лагерь. Учащаяся моло-

дежь, чутко прислушиваясь ко всему происходящему¹⁾, волновалась, и, поддерживая своих любимых преподавателей, студенты произвели въ Академіи въ концѣ октября 1874 года, рядъ безпорядковъ, преимущественно направленныхъ противъ непопулярнаго профессора физиологіи Ціона. На этомъ основаніи Военный Министръ ходатайствовалъ предъ Государемъ о принятіи особыхъ мѣръ къ прекращенію неурядицъ въ Академіи, и 26 ноября 1874 года по Высочайшему повелѣнію учреждена временная Комиссія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, на которую возложено не только изысканіе мѣръ къ устраненію на будущее время безпорядковъ, но и главное завѣдываніе дѣлами Академіи на правахъ главнаго военно-медицинскаго инспектора. Засѣданія Конференціи, происходившія безъ перерыва три четверти столѣтія, были временно прекращены. Въ составъ Высочайше утвержденной временной Комиссіи для управленія дѣлами М. Х. Академіи вошли: лейбъ-медики Эдекауеръ и Карель, начальник Академіи Я. А. Чистовичъ, помощникъ главнаго военно-медицинскаго инспектора А. М. Быковъ, профессоръ Боткинъ, Юнге, Ландцвертъ (дѣлопроизв.) т. с. Кирпильнъ, генералъ-майоръ Паукеръ.

28 іюня 1875 г. на мѣсто вышедшаго въ отставку начальника Академіи Чистовича назначенъ А. М. Быковъ. Съ 1876 по 1879 г. предсѣдателемъ Комиссіи былъ генералъ отъ артиллеріи Рѣзвой, а съ 1879 по 1881 г. генералъ-адъютантъ Исаковъ. Дѣятельность временной Комиссіи закончилась въ сентябрѣ 1881 года, когда было введено временное положеніе обѣ Академіи.

Засѣданія Конференціи для завѣдыванія только учебными

¹⁾ Въ отчетѣ Военнаго Министра по Академіи за 1874 констатируется, что главная причина безпорядковъ кроется въ личной враждѣ между собою профессоровъ, образовавшихъ двѣ враждебныя партіи²⁾. Съ 1873 г. вражда эта стала выходить за стѣны Конференціи и «прорываться на лекціяхъ», публичныхъ диспутахъ и личныхъ отношеніяхъ профессоровъ со студентами³⁾ (Дѣло Канц. I ст. № 77, 1875 г.).

дѣлами возобновились подъ предсѣдательствомъ начальника А. М. Быкова въ февралѣ 1876 года; всѣ же остальные важнѣйшія дѣла составляли предметъ занятій Комиссіи. Было обращено особенное вниманіе на громадное число студентовъ Академіи, превышавшее всѣ ея учебныя средства и служившее, по мнѣнію Комиссіи, главной причиной повторенія безпорядковъ и волненій студентовъ. Дѣйствительно, къ 1-му янв. 1873 г. было собственно медицинскихъ студентовъ 978, 1 янв. 1874 г. — 1396, 1 янв. 1878 — 1561, 1 янв. 1879 — 1926, причемъ даже на 5-мъ курсѣ было 244 студента.

19 марта 1879 года состоялось Высочайшее повелѣніе о преобразованіи И. Медико-Хирургической Академіи въ И. Военно-Медицинскую.

По новому положенію ветеринарное и фармацевтическое отдѣленія совершенно закрывались, а на медицинскомъ — сохранены только старшіе 3 курса, причемъ повелѣно принимать въ студенты прошедшихъ 2 курса въ университетахъ по медицинскимъ или естественному факультетамъ.

Однако въ 1880 г. признано было желательнымъ сохранить въ Академіи 2-й курсъ подъ названіемъ „подготовительнаго“, а въ 1884 г. В. М. Академія снова была открыта въ составѣ 5 курсовъ. Число студентовъ было ограничено 500—650. Императ. Военно-Медицинская Академія была непосредственно подчинена Военному Министру.

Этотъ краткій обзоръ смутнаго времени въ жизни М. Х. Академіи объясняетъ нѣкоторые обстоятельства назначенія профессора Эйхвальда на госпитальную кафедру, а также введеніе различныхъ улучшеній въ учебной части Клиническаго госпиталя въ этотъ періодъ.

Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ¹⁾, сынъ извѣ-

¹⁾ Дѣло о службѣ Эйхвальда въ архивѣ Академіи № 189, 1862—1886 г., Некрологи во Врачѣ, № 45, 1889 г. и въ другихъ газетахъ. Воспоминанія проф. Эдекауера въ Рус. Стар. 1891. „Памяти Эйхвальда“ отгисекъ изъ „Практической Медицины“ за 1890 г. Протоколъ „экстр. засѣданія таврич. медико-фармац. общества въ память Боткина, Эйхвальда и Доброславина“.

стнаго профессора минералогіи и зоологіи (сперва виленской, а потомъ петербургской) Имп. Мед. Хир. Академіи ¹⁾), родился въ Вильнѣ 31 марта 1837 года. Отецъ его, обладавшій обширными познаніями во всѣхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ и много путешествовавшій для своихъ научныхъ изслѣдованій по всей Европѣ, сѣверной Африкѣ и Кавказу, позаботился дать даровитому и любознательному мальчику прекрасное домашнее воспитаніе и развилъ въ немъ склонность къ занятіямъ естественными науками.

Еще въ ранней юности Эйхвальдъ увлекался богатыми коллекціями и гербаріями своего отца и, окончивъ среднее образованіе въ классической школѣ св. Анны въ Петербургѣ въ 1854 г., хотѣлъ даже посвятить себя изученію ботаники въ Петербургскомъ университетѣ. По его словамъ, медицинскую карьеру онъ избралъ скорѣе случайно, по желанію отца, у котораго, по его ученой и служебной дѣятельности, было много связей съ Мед. Хир. Академіей. Поступивъ въ Академію въ 1854 г., Эйхвальдъ съ особеннымъ увлеченіемъ занялся на первомъ курсѣ химіей и анатоміей и былъ любимымъ ученикомъ проф. Грубера.

6 іюня 1859 г. онъ окончилъ курсъ Мед. Хир. Академіи первымъ лекаремъ съ отличіемъ, награжденъ золотой медалью и преміей проф. Буша и оставленъ при Академіи на три года для усовершенствованія. За бесплатное ученіе въ Академіи и полученіе денежныхъ субсидій Эйхвальдъ опредѣленъ сверхкомплектнымъ лекаремъ военно-медицинскаго вѣдомства съ прикомандированіемъ къ 2 военно-сухопутному госпиталю, съ обязательствомъ прослужить 5 лѣтъ въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ. Сперва Эйхвальдъ поступилъ ординаторомъ въ клинику наставника молодыхъ врачей Бессера, но 13 сент. 1860 г. былъ назначенъ Конференціей ассистентомъ къ проф. Здекауеру при кафедрѣ общей патологіи и діагностики, а съ

Эдуардъ Эдуардовичъ
ЭЙХВАЛЬДЪ.

¹⁾ Читалъ также въ Горномъ институтѣ палеонтологію, надалъ рядъ замѣчательныхъ работъ о флорѣ и фаунѣ Россіи.

переходомъ послѣдняго въ 1861 г. на кафедру госпитальной клиники, Эйхвальдъ переведенъ по просьбѣ Здекауера ассистентомъ къ нему; при этой кафедрѣ онъ оставался до февраля 1863 г., когда былъ посланъ за границу. Уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности Эйхвальда, какъ ординатора-ассистента клиники, сказались всѣ его крупныя достоинства будущаго преподавателя. Онъ предавался со страстнымъ увлеченіемъ занятіямъ въ клиникѣ, цѣлые дни просиживалъ въ устроенной профессоромъ Здекауеромъ лабораторіи, занимаясь химико-гистологическими изслѣдованіями по вопросу о коллоидномъ перерожденіи для задуманной имъ докторской диссертации. Проф. Здекауеръ высоко цѣнилъ своего ассистента, называя его въ своихъ воспоминаніяхъ „любимымъ ученикомъ“. Дѣйствительно, невозможно было найти ассистента болѣе преданнаго своему дѣлу.

Въ донесеніи Конференціи (19 янв. 1863 г.) Здекауеръ говоритъ, что въ теченіе 3-хъ лѣтъ Эйхвальдъ, кромѣ извѣстныхъ специальныхъ работъ, «исправлялъ свою должность съ примѣрнымъ рвеніемъ и успѣхомъ, преимущественно занимаясь химико-микроскопическими изслѣдованіями въ патолого-діагностическомъ направленіи, слѣдилъ за ходомъ лѣченія и дѣйствіемъ лекарствъ, особенно у труднѣйшихъ больныхъ, и упражнялъ студентовъ въ діагностической Technikъ, не щадя при этихъ работахъ ни времени, ни трудовъ».

Уже въ это время, по порученію профессора Здекауера ¹⁾, Эйхвальдъ нерѣдко замѣнялъ его, читая студентамъ и врачамъ клиническія лекціи, которыя были очень популярны. „Врачи, современники его, отлично помнятъ, какимъ увлеченіемъ и какой значительной эрудиціей отличались уже въ то время многочисленныя лекціи молодого врача Эйхвальда“ ²⁾.

12 янв. 1862 г. Эйхвальдъ защитилъ диссертацию на степень д-ра медицины „о коллоидномъ перерожденіи личинокъ“. Профессора Иллинскій и Крассовскій, разсматривавшіе, по порученію Конференціи, эту диссертацию, нашли ее

¹⁾ Съ сент. 1860 г. Эйхвальдъ читалъ, по порученію Здекауера, лекціи 3-му курсу по диагностикѣ (см. дѣло о службѣ Эйхвальда).

²⁾ „Памяти Эйхвальда“ въ Практ. Мед. 1889 г.

капитальным приобретением для литературы коллоидных перерождений и добросовестно выполненной научной задачей (Прот. Конф. № 21, 1862). В том же году он поместил в Медиц. Вѣстникъ рядъ статей (въ №№ 10, 11, 12, 13, 16 и 21) „о физиологическомъ дѣйстви лимонно-кислаго кофеина“.

Критический разборъ диссертации на ту же тему своего товарища по выпуску (1859 г.) Забѣлина, будущаго профессора фармакологии въ Академіи. Эйхвальдъ горячо оппонировалъ Забѣлину на диспутѣ на основаніи теоретическихъ соображеній и современной литературы, а затѣмъ экспериментально разработалъ тотъ же вопросъ.

Въ этой работѣ Эйхвальдъ обнаружилъ, кромѣ обширной начитанности и умѣнья пользоваться литературой, большую полемическую страстность, которая въ послѣдствіи создала ему не мало недоброжелателей.

1 февраля 1863 года онъ былъ командированъ на два года за границу.

Предъ его отъѣздомъ, Конференція поручила проф. Здекауеру составить инструкцію для его занятій.

Здекауеръ отвѣтилъ, что Эйхвальдъ, избравшій предметомъ своихъ специальныхъ занятій патологию и диагностику, бывшій въ послѣднее время самостоятельнымъ помощникомъ его, не нуждается въ подробныхъ наставленіяхъ. По мнѣнію Здекауера, Эйхвальду предстояло заниматься патологической морфологіей, химіей, физиологіей и медицинской клинкой; для этихъ цѣлей первый годъ лучше провести въ Германіи и заняться въ институтахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ: Вирхова, Фреерикса и Траубе въ Берлинѣ; Шерера, Ферстера и Бамбергера въ Вюрцбургѣ; Людвига, Брюкке, Шкоды и Опольцера въ Вѣнѣ; а второй годъ раздѣлить между Франціей, Бельгіей и Англіей для занятій преимущественно экспериментальной физиологіей и госпитальной клинкой (Дѣло Конф. № 2, 1863).

Въ апрѣлѣ 1863 года Эйхвальдъ ¹⁾ отправился изъ Петербурга въ Вюрцбургъ, гдѣ оставался до февраля 1864 года, работая въ клиникѣ проф. Бамбергера, занимаясь также физиологической химіей въ лабораторіи Шерера и патологи-

ческой анатоміей въ институтѣ Ферстера. Здѣсь онъ написалъ свою работу „Ueber das Wesen der Stenocardie und ihr Verhältniss zur Subparalyse des Herzens Würzburg, 1863“ (на основаніи 9 случаевъ стенокардіи, которые онъ наблюдалъ раньше въ клиникѣ Здекауера) и „Die Colloidartung der Eierstöcke“, работа, для которой послужила основаніемъ его докторская диссертация, переданная и дополненная рядомъ новыхъ изслѣдованій. Съ февраля по апрѣль 1864 года Эйхвальдъ провелъ въ Парижѣ, осматривая клиники, госпитали и музеи и слушая лекціи въ Ecole de Médecine, Sorbonne и Collège de France.

Въ своемъ письмѣ къ президенту П. А. Дубовицкому изъ Вѣны отъ 15 марта 1865 г. онъ говоритъ, что „состояніе внутренней медицины въ Парижѣ находится въ печальномъ противорѣчій съ превосходнымъ положеніемъ госпиталей и гигиеническихъ содержаніемъ больныхъ“. Больные изслѣдуются небрежно и устарѣлыми приемами, даже возрѣнія Шкоды считаются у французскихъ врачей слишкомъ новыми. „За изслѣдованіемъ больного не слѣдуетъ физиологическій разборъ припадковъ, ведущій къ диагнозу, а прямо обозначеніе болѣзни неточнымъ названіемъ“, затѣмъ назначается лѣченіе „не на основаніи опредѣленныхъ показаній, а безотчетной эмпири“. Поучительной для себя онъ нашелъ только клинику Trouseau; клиники же Piorry и Bouillaud, которыхъ слушалъ еще Эрккъ въ началѣ 40-хъ годовъ, и гдѣ оставались строго вѣрными старымъ преданіямъ, имѣли, конечно, только историческій интересъ. Пріѣхавъ изъ Парижа въ Берлинъ, Эйхвальдъ прежде всего занялся въ патологическомъ институтѣ Вирхова и въ химико-физиологической лабораторіи института у д-ра Kühne, посѣщая всѣ курсы Вирхова (частные курсы патол. анатоміи, демонстративный и гистологическій), участвовалъ во всѣхъ вскрытіяхъ и пр.

«Лекціи Вирхова, говоритъ онъ, поддерживаемыя необыкновенно богатымъ матеріаломъ, вполне заслуживаютъ свою всемірную славу: едва-ли гдѣ нибудь сжатость изложенія сочтена съ такою ясностью; оригинальныя возрѣнія, проходящія чрезъ всѣ лекціи какъ кра-

¹⁾ Отчетъ Эйхвальда въ дѣлѣ Конф. № 124, 1865

сная вить, связываютъ всѣ мысли въ одно стройное, логическое цѣлое, и частныя ссылки на клинику дѣлаютъ эти лекціи вдвойнѣ поучительными для врача».

Въ лабораторіи Кюне Эйхвальдъ продолжалъ свои химическія изслѣдованія веществъ, составляющихъ „основу животныхъ тканей“, поэтому ему удалось посѣщать клиники лишь настолько, чтобы ознакомиться со способами изслѣдованія и методами преподаванія. Клиники Фрерикса и Траубе характеризуются, по Эйхвальду, крайне тщательнымъ изслѣдованіемъ больного, примѣненіемъ всѣхъ введенныхъ въ науку приемовъ и методовъ, точнымъ установленіемъ показаній къ лѣченію и положительнымъ направленіемъ терапіи.

Лѣчебныя приемы Траубе и Фрерикса напомнили ему общепринятую въ нашей Академіи терапію. Вообще, замѣчаетъ онъ, „петербургскіе врачи отстали можетъ быть въ фیزیологическомъ образованіи, но отнюдь не въ клиническомъ“.

Траубе, по его словамъ, не довольствуется однократнымъ экзаменомъ больныхъ; но обращаетъ особенное вниманіе на течение болѣзней, и вообще Эйхвальдъ былъ въ восхищеніи отъ этой „самой лучшей и образцовой подготовительной клиники“. Фрериксъ же отличался чисто демонстративнымъ практическимъ способомъ чтенія лекцій и останавливался болѣе на трудныхъ или рѣдкихъ случаяхъ болѣзней, отнюдь не отклоняясь отъ даннаго больного.

„Я считаю, замѣчаетъ Эйхвальдъ, этотъ чисто практический способъ изложенія на столько же труднымъ, на сколько легко читать теоретическія лекціи у кровати больного. Къ сожалѣнію многіе слушатели предпочитаютъ послѣдній способъ веденія клиники“... Фрериксъ читалъ свои лекціи въ амфитеатръ, куда приносили больныхъ. Въ случаѣ смерти больного производилась анатомическая и гистологическая демонстрація частей трупа въ самой аудиторіи, и надъ препаратами читался поучительный эпикризъ.

Изъ Берлина Эйхвальдъ ѣздилъ, въ сентябрѣ 1864 года, осматривать прирейнскія минеральныя воды, побывалъ въ Гиссенѣ на съѣздѣ натуралистовъ и врачей, ознакомился съ новыми приемами изслѣдованія, практикуемыми проф. Зейцомъ въ его клиникѣ, а у проф. Лейкарта прошелъ „въ нѣсколько дней всю гельминтологию по его препаратамъ (около 2000 гистологич. препаратовъ) и подъ его руководствомъ“.

Пробывъ около 2 мѣсяцевъ снова въ Вюрцбургѣ для

окончанія химической работы въ лабораторіи Шерера, Эйхвальдъ переѣхалъ въ Вѣну.

Въ Вѣнѣ онъ занимался въ лабораторіи фیزیолога Брюкке и у клиницистовъ Опольцера, Шкоды и Гебры. По мнѣнію Эйхвальда, вѣнскія клиники, оставаясь вѣрны своему патолого-анатомическому направленію и отличаясь богатствомъ учебнаго матеріала, не прониклись духомъ современной фیزیологии въ такой мѣрѣ, какъ берлинскія. Шкоду онъ считаетъ нигилистомъ въ терапіи. Опольцеръ, „соединяя положительное направленіе въ терапіи съ невѣроятнымъ практическимъ тактомъ и громадной опытностью“, уравниваетъ это одностороннее и даже вредное вліяніе Шкоды.

Въ своемъ научномъ отчетѣ о заграничной командировкѣ, какъ и въ письмѣ къ Дубовицкому, Эйхвальдъ подробно излагаетъ содержаніе своихъ работъ по фیزیологической химіи, произведенныхъ въ лабораторіяхъ Шерера, Кюне и Брюкке, еще не выполнѣ законченныхъ, а потому и не напечатанныхъ. Первая работа посвящена „изученію бѣлковинныхъ веществъ кровяной сыворотки и способа возобновленія ихъ изъ питательнаго матеріала“. Другая работа предпринята Эйхвальдомъ съ цѣлью изученія „условій осасыванія бѣлковатыхъ выделовъ изъ серьезныхъ полостей“¹⁾.

По возвращеніи Эйхвальда весной 1865 года въ Россію, Конференція, нуждаясь въ адъюнктъ-профессорѣ при госпитальной терапевтической клиникѣ профессора Экка, 24 апр. 1865 г. составила комиссію подъ предсѣдательствомъ Экка изъ профессоровъ Бессера, Боткина, Балинскаго и Бородинна для офѣнки правъ Эйхвальда на это званіе и разсмотрѣнія представленныхъ имъ работъ: 1. Отчетъ о заграничномъ путешествіи 2. Записка о методахъ изслѣдованія. 3. Die Colloi-

¹⁾ Хотя обѣ названныя работы не были напечатаны къ 1867 году, и только нѣсколько лѣтъ спустя вошли отчасти въ другой печатный трудъ Эйхвальда, однако на основаніи подробнаго изложенія ихъ въ письмахъ Эйхвальда къ П. А. Дубовицкому онъ подвергся разбору комиссіи для офѣнки научныхъ заслугъ Эйхвальда при набраніи его адъюнктъ-профессоромъ.

dentartung der Eierstöcke 4. Ueber das Wesen der Stenocardie und ihr Verhältniss zur Subparalyse des Herzens ¹⁾. 5. Ueber das Mucin in Annalen der Chemie u. Pharmacie 1865.

Въ июнѣ того же года Эйхвальдъ вновь отправился за границу для сопровожденія Великой Княгини Елены Павловны, съ которой пробылъ до октября въ Рагдѣ, въ Швейцаріи и въ Висбаденѣ.

По его просьбѣ Дубовицкій исходатайствовалъ ему разрѣшеніе провести еще 3 недѣли въ Тюбингенѣ, гдѣ онъ желалъ ознакомиться у хирурга и ларинголога Брунса съ употребляемыми имъ инструментами и приемами, Эйхвальдъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что горловые болѣзни преподавались въ М. Х. Академіи «далеко въ несовершенномъ видѣ». Кромѣ того онъ выражалъ желаніе познакомиться тамъ же съ клиницистомъ Нимейеромъ и химикомъ Гоппе, въ особенности съ первымъ. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что краткое пребываніе въ Тюбингенѣ сдѣлаетъ его еще болѣе полезнымъ для учащихся въ Академіи ²⁾.

По возвращеніи въ Петербургъ въ декабрѣ 1865 г., Эйхвальдъ вступилъ въ должностъ ассистента при клиникѣ проф. Эйка, давно уже просившаго объ этомъ назначеніи. Между тѣмъ комиссія, которой было поручено дать заключеніе о научныхъ трудахъ Эйхвальда, еще продолжала свои занятія³⁾.

Наконецъ въ засѣданіи Конференціи 7-го мая 1866 года комиссія дала свое заключеніе о трудахъ Эйхвальда.

Мнѣнія членовъ комиссіи далеко не были единогласны, что повело къ горячимъ спорамъ. Предсѣдатель комиссіи Эккъ присоединился къ мнѣнію профессоровъ Балинского и Бессера, которые, рассмотрѣвъ крайне подробно работы Эйхвальда, нашли, что онѣ несомнѣнно вносятъ въ науку новые факты, хотя нѣкоторые возрѣнія Эйхвальда и не чужды увлеченій, а потому названные профессора признали его вполне

¹⁾ Изъ письма къ Дубовицкому въ дѣлѣ № 124.

²⁾ Въ это время (весной 1866 г.) Эйхвальдъ намелъ нужнымъ заявить Конференціи, что онъ считаетъ своими учителями въ патологии, патологической химіи и клинической медицинѣ въ Россіи профессоровъ Декавера, Эйка, Балинского и Красовскаго, заграничней клиницистовъ Бамбергера, Нимейера, химика Шерера, физиолога Брюкке. Дѣло № 124. 1865—1866.

заслуживающимъ права на занятіе преподавательскаго мѣста въ Академіи.

Къ этому профессоръ Эккъ прибавилъ, что Эйхвальдъ, по возвращеніи въ Россію, 6 мѣсяцевъ занимался въ качествѣ ассистента при его клиникѣ (по 7-е мая 1866 г.), и онъ вполне убѣдился въ обширности его познаній въ патологии, терапіи и во всѣхъ вспомогательныхъ предметахъ для клиническаго приложенія этихъ наукъ.

«Эйхвальдъ въ совершенствѣ владѣетъ всѣми физическими и химическими способами изслѣдованія», специально занимается ларингоскопией, пополняя свои свѣдѣнія у проф. Брунса, отъ котораго привезъ въ клинику новые инструменты и приборы. Въ лабораторіи онъ руководитъ студентамъ въ практическихъ работахъ. Въ изслѣдованіи и демонстраціи болѣзныхъ онъ приобрѣлъ большой навыкъ. Въ продолженіе зимы, читалъ специальный демонстративный курсъ диагностики, Эйхвальдъ изложилъ болѣзни органовъ дыханія и кровообращенія и подготавливаетъ свой курсъ къ печати. Его лекціи отвѣчаютъ всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки. На этихъ основаніяхъ Эккъ просилъ Конференцію утвердить Эйхвальда адъюнктомъ профессоромъ при госпит. терапевт. клиникѣ ⁴⁾.

Совсѣмъ неблагопріятны для Эйхвальда были отзывы о его работахъ профессоровъ Бороdana и Боткина. Въ особенностіи подробное донесеніе перваго изъ нихъ далеко не отличается академическимъ спокойствіемъ тона.

Разобравъ труды Эйхвальда по физиологической химіи со стороны ихъ самостоятельности и вѣрности научныхъ приемовъ, Бородинъ говоритъ, что единственно важнымъ и новымъ фактомъ въ нихъ могло бы быть «открытіе» Эйхвальда, будто муцинъ при дѣйствіи кислотъ распадается на сахаръ и ацидъ-альбуминъ. Находясь въ лѣтнюю 1865 года заграничней, Бородинъ провѣрялъ утвержденія Эйхвальда и для открытія сахара-примѣнялъ всѣ способы, которыми обладаетъ наука, и пришелъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ: «сахара при этомъ не образуется ни слѣда». Такъ какъ Эйхвальдъ сослался въ своемъ отчетѣ на авторитетъ химика Kühne, будто бы подтверждающаго его выводы, то Бородинъ обратился съ просьбой къ этому ученому высказать свое мнѣніе и письменный отвѣтъ его, не въ пользу открытія Эйхвальда, представилъ въ Конференцію. «Если изслѣдованіе Эйхвальда, заключаетъ Бородинъ, невѣрно въ отношеніи къ такому легко опредѣляемому тѣлу, какъ сахаръ, то какое же можетъ быть довѣріе къ нему, при изслѣдованіи другихъ болѣе трудно опредѣляемыхъ веществъ».

⁴⁾ Изъ донесенія проф. Эйка Конф. отъ 7 мая 1866 г.

Резюмируя, Бородинъ называетъ работу Эйхвальда о мучивъ и его непечатанныхъ работы, о которыхъ онъ писалъ Дубовицкому, «крайне претенциозными, не отличающимися ни критическими, ни экспериментальными достоинствами, ни даже научною правдивостью». (!) Только полемическое увлечение могло подказать профессору Бородину цѣлый рядъ другихъ неслетныхъ эпитетовъ, которыми онъ награждаетъ Эйхвальда въ своемъ отзывѣ. «Первое требованіе отъ педагога есть уваженіе къ истинѣ. Безъ этого онъ можетъ сообщить своимъ ученикамъ только то вредное невѣжественно-хвастливое направленіе, которое въ совокупности называется шарлатанствомъ»¹⁾. По счастью, мрачныя предсказанія почтеннаго химика отнюдь не оправдались въ дальнѣйшей дѣятельности профессора Эйхвальда.

Профессоръ С. П. Боткинъ представилъ критическій отзывъ о работѣ Эйхвальда „Ueber das Wesen der Stenocardie“.

Разобравъ всѣ ея недостатки, онъ характеризуетъ эту брошюру слѣдующими словами: «факты собраны не тщательно, небрежно и недостаточно объективно; подъ влияніемъ прежде составленной теории; факты не анализированы съ достаточной научной строгостью, отсюда произошло нѣсколько фальшивыхъ диагнозовъ и нѣсколько слабыхъ несостоятельныхъ гипотезъ. Подобнаго рода направленіе ученаго никакъ не можетъ считаться полезнымъ для тѣхъ молодыхъ людей, которые будутъ имѣть въ немъ своего преподавателя» (Дѣло Конф. № 124, 1865—66 г.).

По полученіи этихъ разнорѣчивыхъ отзывовъ, Эйхвальдъ прочелъ въ экстренномъ засѣданіи Конференція 14 мая 1866 г. двѣ пробныхъ лекціи надъ двумя больными (съ воспаленіемъ легкихъ—по выбору комиссіи,—другой больной, избранный Эйхвальдомъ, съ искусственнымъ каловымъ проходомъ послѣ энтеротоміи). Признавъ лекціи его удовлетворительными, Конференція въ томъ же засѣданіи единогласно выбрала его адъюнктомъ-профессоромъ госпитальной терапевт. клиники.

Съ этого времени начинается официальная преподавательская дѣятельность Эйхвальда. Кромѣ отдѣльныхъ курсовъ студентамъ V курса по разнымъ отдѣламъ внутреннихъ болѣзней (болѣзни гортани, органовъ кровообращенія, брюшныхъ внутренностей и нервной системы), онъ съ согласія проф.

Бессера и разрѣшенія Конференціи, читалъ также ежегодно 3-му курсу лекціи по общей терапіи и діагностикѣ.

Въ представленной имъ въ 1866 году въ Конференцію программѣ занятій «о современныхъ клиническихъ методахъ изслѣдованія», онъ говоритъ о необходимости для студентовъ, сверхъ усвоенія теоретическаго курса, приобрести практической навыкъ, для чего слѣдуетъ дать имъ возможность заниматься въ клинической лабораторіи, демонстрировать инструменты и технические приемы.

Подобный практический курсъ лучше подготовить студентовъ къ слушанію общей патологіи и къ дальнѣйшимъ клиническимъ занятіямъ.

Начиная съ 1868 г., Эйхвальдъ читалъ также демонстративные курсы при госпитальной клиникѣ Эка для студентовъ высшихъ курсовъ и врачей, на которыхъ постоянно занималось не менѣе 30 врачей¹⁾. Большая часть работъ, вышедшихъ изъ клиники проф. Эка, были предприняты и исполнены по инициативѣ и подъ руководствомъ адъюнкта Эйхвальда.

Въ 1868 г. Эйхвальдъ окончилъ свое изслѣдованіе о бѣлковинныхъ веществахъ кровяной сыворотки и околосердечной влаги и напечаталъ его въ Petersb. Medicinische Zeitschrift, Band IV № 4, 1868 подъ заглавіемъ „Die Eiweissartigen Stoffe der Blutflüssigkeit und des Herzbeutelwassers“.

Здѣсь онъ высказалъ новый взглядъ на причину свертыванія крови и трансудатовъ послѣ выпущенія ихъ изъ тѣла, а также относительно условий, удерживающихъ бѣлковинныя вещества кровяной жидкости въ растворенномъ состояніи; изолировавъ и описавъ растворимую модификацію фибрина, онъ изслѣдовалъ подробно отношеніе бѣлка къ сытотинну²⁾.

Послѣдняя его работа по химіи бѣлковыхъ веществъ появилась въ 1873 г. подъ названіемъ „Beiträge zur Chemie der gewebbildenden Substanzen und ihrer Abkömmlinge“. Erstes Heft. Berlin. 1873. Въ 1871 Эйх-

¹⁾ Донесеніе главн. мед. инспект. Ковлова Военному Министру въ дѣлѣ о службѣ Эйхвальда.

²⁾ Изъ отчета по М. Х. А. въ Мед. Вѣстн. 1869 г.

¹⁾ Донесеніе проф. Бородина въ Конф. Дѣло № 124, 1865—66.

вальдъ напечаталъ въ St. Petersburg. Medic. Zeitschr. Neue Folge. „о положеніи опутренностей у сіамскихъ близнецовъ и въ другихъ случаяхъ двойного уродства“.

Изъ работъ Эйхвальда, появившихся впоследствии, извѣстны:

1. „Труды по анатоміи, физиологіи и клинической медицинѣ“, 1-й томъ, СПб. 1872. Это изданіе основано вмѣстѣ съ проф. О. П. Ландцетомъ и д-ромъ Я. М. Шмудевичемъ. Эйхвальдъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей полемическаго характера.

2. Критическій разборъ диссертациі г. Гаевского „о вліяніи холода на нервную систему и сердце лягушки“. СПб. 1873.

3. „Общая терапія“, изъ лекцій, читанныхъ въ Академіи. До 1877 года выдержала 4 изданія.

4. Очеркъ возникновенія и задачи Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны. 1885 г.

5. „Что дѣлать въ ожиданіи холеры и при первомъ ея появленіи“. Практич. Медп. за 1886 г. № 1.

6. „Наставленіе къ предупрежденію развитія холеры въ войскахъ и военно-врачебныхъ заведеніяхъ и инструкція врачамъ для производства дезинфекціи холерныхъ изверженій“ и пр. (Правит. Вѣстн. за 1886 г.)

7. „Къ вопросу объ уменьшеніи смертности въ Россіи“. Практич. Медп. 1887 г. XI и 1888 г. VII и критическія приложенія къ статьѣ: „къ вопросу объ уменьшеніи смертности въ Россіи“. Практич. Медп. (авг. и сент.).

8. „Инструкція для охраненія здоровья воинскихъ чиновъ дѣйствующей арміи“. Издана главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ въ 1886 году. (Составлена совместно съ профессорами О. А. Лешемъ и В. А. Манассеинымъ).

Несмотря на выдающіяся преподавательскія заслуги Эйхвальда для Академіи уже въ 60-хъ годахъ, онъ очень долго оставался только адъюнктомъ. Въ 1870 г. сочувствовавшими ему профессорами (8-ю) была выставлена его кандидатура въ экстраординарные профессора, но при тогдашнемъ

возбужденіи страстей и начавшейся борьбѣ партій этотъ вопросъ оставался безъ разрѣшенія въ теченіе почти трехъ лѣтъ. Наконецъ, по докладу военно-мед. инспектора Козлова Военному Министру, Эйхвальдъ назначенъ Экстраордин. профессоромъ 11 янв. 1873 ¹⁾.

Представляя его къ повышенію, Козловъ указывалъ на то, что его участіе въ занятіяхъ Конференціи было бы полезно для Академіи. «Подъ его руководствомъ, писалъ онъ, работаетъ много молодыхъ врачей въ его частной лабораторіи, въ которую открыть доступъ каждому начинающему ученому, желающему заниматься наукой. Иностранные референты отзываются съ особеннымъ уваженіемъ о работахъ Эйхвальда, добытые имъ научные факты подтверждены изслѣдованіями другихъ ученыхъ и признаны наукой».

Въ 1873 году Эйхвальдъ былъ командированъ на 2 мѣсяца на международный съѣздъ врачей въ Вѣну, въ качествѣ представителя отъ Медико-Хир. Академіи, и для посѣщенія иностранныхъ университетовъ.

Во время продолжительной болѣзни профессора Экка, Эйхвальду поручено было съ ноября 1873 г. завѣдываніе 1-мъ терапевтическимъ отдѣленіемъ и преподаваніе студентамъ V курса съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ чтеніе 3-му курсу діагностики и общей терапіи ²⁾. Въ этомъ положеніи, какъ совмѣщая бы двѣ кафедры и не занимая официально ни одной изъ нихъ, Эйхвальдъ оставался до весны 1875 г.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1875 года, онъ обратился къ председателю Комиссіи, управлявшей Академіей, Непокойчицкому съ просьбой обратить вниманіе на его ненормальное положеніе, крайне обременительное для него и несогласное съ постановленіями объ Академіи. Дѣйствительно, Эйхвальдъ 1 годъ и 4 мѣс. исполнялъ безвозмездно госпитальныя обязанности завѣдующаго отдѣленіемъ, не получалъ также никакой платы за клиническія занятія со студентами V курса,

¹⁾ Зачисленъ на открывшуюся вакансію экстраод. проф. въ 1873 г. (Пр. № 15, 1873).

²⁾ Прот. № 19, 1874.

довольствуясь только скромным жалованьем за чтение лекций 3-му курсу.

«Я завѣдую, писалъ Эйхвальдъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ и обширныхъ отдѣленій госпиталя, занимаю двѣ кафедры и несую кромѣ того многія другія академическія обязанности, каковы испытанія многочисленныхъ кандидатовъ на различныя медицинскія степенни, разсмотрѣніе докторскихъ диссертаций и т. п. Не находя студентовъ прошлаго V курса достаточно подготовленными къ выпускному экзамену, я продолжалъ чтение клиническихъ лекцій во время каникулъ 1874 года, наконецъ я читалъ въ прошломъ учебномъ году безвозмездно особый клиническій курсъ, на которомъ присутствовало до 70 медиковъ».

Тутъ же Эйхвальдъ сообщаетъ, что пособия для клиническаго преподаванія въ 1-мъ терапевтическомъ отдѣленіи были найдены имъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. «При клиникѣ, говоритъ онъ, не было аудиторіи для чтенія лекцій, ни даже особой комнаты для профессора ¹⁾, и наибольшая часть снарядовъ физическихъ, химическихъ и терапевтическихъ по своей ветхости должны подлежать исключенію». Эйхвальдъ устроилъ на свои средства аудиторію для госпитальной клиники сперва въ деревянномъ временномъ помѣщеніи ея въ 1873 году, а затѣмъ въ 1874 году въ постоянномъ зданіи клиники—въ «каменномъ корпусѣ» Клиническаго госпиталя. Эта посѣдняя аудиторія была довольно обширна и сравнительно удобна. На свои же средства онъ устроилъ и снабдилъ всѣми необходимыми приборами профессорскій кабинетъ, и почти всѣ инструменты и снаряды, употребляемые при клиническихъ лекціяхъ и для специальныхъ научныхъ изысканій, даже столы, на которыхъ студенты V курса занимались химическими изслѣдованіями, посуда и реактивы покупались на средства Эйхвальда ²⁾.

Это странное обстоятельство отчасти объясняется тѣмъ,

¹⁾ Во время временнаго пребыванія клиники, по случаю передѣлки, въ т. наз. 2-мъ отдѣленіи (дерев. зданіи).

²⁾ Изъ рапорта Эйхвальда Неполовичскому (14 апр. 1875 г.). Дѣло М. Х. А. № 166. 1875 г.

что будучи все время неофіціальнымъ лицомъ по отношенію къ госпиталю, онъ не могъ „принять“ имущества стараго профессорскаго кабинета. Между тѣмъ состояніе этого кабинета настоятельно требовало обновленія, такъ какъ онъ состоялъ по большей части изъ снарядовъ, приобретенныхъ еще проф. Здекауеромъ въ 1861 г. ¹⁾.

Совершенно соглашаясь съ доводами Эйхвальда и находя, что по своимъ научнымъ заслугамъ и весьма ревностной и полезной учебной дѣятельности онъ вполне заслужилъ окончательнаго назначенія въ госпитальную клинику, Комиссія выбрала его единогласно ординарнымъ профессоромъ этой кафедры, что было утверждено Военнымъ Министромъ 24 апрѣля 1875 года. Если къ сказанному прибавить, что кромѣ перечисленныхъ занятій Эйхвальдъ былъ ревностѣйшимъ преподавателемъ на вновь учрежденныхъ (въ 1873 г.) при Клиническомъ госпиталѣ женскихъ врачебныхъ курсахъ ²⁾, то станетъ понятнымъ, что въ 1875 г. онъ въ первый разъ почувствовалъ сильное переутомленіе и долженъ былъ отправиться лѣтомъ этого года за границу для поправленія разстроеннаго здоровья (съ 10-го мая по 10-е августа).

Вернувшись изъ отпуска, Эйхвальдъ съ новой энергіей принялся за свое любимое дѣло клиническаго преподавателя. 7 сент. 1875 года онъ вноситъ въ Комиссію свои соображенія о недостаткахъ клиническихъ занятій студентовъ V курса. На выпускныхъ экзаменахъ онъ постоянно убѣждался, что молодые медики обладаютъ удовлетворительными, даже нерѣдко отличными теоретическими познаніями, но все же не подготовлены къ самостоятельной практической, а въ особенности къ госпитальной дѣятельности. Между тѣмъ военный врачъ крайне часто вынужденъ дѣйствовать совершенно само-

¹⁾ По росписи на 1875 г. на текущіе расходы по ученимъ и учебнымъ занятіямъ въ 1-мъ терапевт. отдѣленіи пр. Эйхвальда положено 400 руб. (Жур. Ком. 8 февраля 1875).

²⁾ Въ 1876 г. переведены въ Николаевскій военный госпиталь, причѣмъ преподаваніе было расширено до величинъ программъ преподаванія въ М. Х. Академіи и окончивающія получили права „женщинъ-врачей“.

довольствуясь только скромным жалованьем за чтение лекцій 3-му курсу.

«Я завѣдую, писалъ Эйхвальдъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ и обширныхъ отдѣленій госпиталя, занимаю двѣ кафедры и несу кромѣ того многія другія академическія обязанности, каковы испытанія многочисленныхъ кандидатовъ на различныя медицинскія степени, разсмотрѣніе докторскихъ диссертаций и т. п. Не находя студентовъ прошлаго V курса достаточно подготовленными къ выпускному экзамену, я продолжалъ чтение клиническихъ лекцій во время каникулъ 1874 года, наконецъ я читалъ въ прошломъ учебномъ году безвозмездно особый клиническій курсъ, на которомъ присутствовало до 70 медиковъ».

Тутъ же Эйхвальдъ сообщаетъ, что пособия для клиническаго преподаванія въ 1-мъ терапевтическомъ отдѣленіи были найдены имъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. «При клиникѣ, говоритъ онъ, не было аудиторій для чтенія лекцій, ни даже особой комнаты для профессора ¹⁾, и наибольшая часть снарядовъ физическихъ, химическихъ и терапевтическихъ по своей ветхости должны подлежать исключенію²⁾. Эйхвальдъ устроилъ на свои средства аудиторію для госпитальной клиники сперва въ деревянномъ временномъ помѣщеніи ея въ 1873 году, а затѣмъ въ 1874 году въ постоянномъ зданіи клиники—въ «каменномъ корпусѣ» Клиническаго госпиталя. Эта посѣдняя аудиторія была довольно обширна и сравнительно удобна. На свои же средства онъ устроилъ и снабдилъ всѣми необходимыми приборами профессорскій кабинетъ, и почти всѣ инструменты и снаряды, употребляемые при клиническихъ лекціяхъ и для специальныхъ научныхъ изысканій, даже столы, на которыхъ студенты V курса занимались химическими изслѣдованіями, посуда и реактивы покупались на средства Эйхвальда ³⁾.

Это странное обстоятельство отчасти объясняется тѣмъ,

что будучи все время неофіціальнымъ лицомъ по отношенію къ госпиталю, онъ не могъ «принять» имущества стараго профессорскаго кабинета. Между тѣмъ состояніе этого кабинета настоятельно требовало обновленія, такъ какъ онъ состоялъ по большей части изъ снарядовъ, приобретенныхъ еще проф. Здекауеромъ въ 1861 г. ¹⁾.

Совершенно соглашаясь съ доводами Эйхвальда и находя, что по своимъ научнымъ заслугамъ и весьма ревностной и полезной учебной дѣятельности онъ вполне заслужилъ окончательнаго назначенія въ госпитальную клинику, Комиссія выбрала его единогласно ординарнымъ профессоромъ этой кафедры, что было утверждено Военнымъ Министромъ 24 апрѣля 1875 года. Если къ сказанному прибавить, что кромѣ перечисленныхъ занятій Эйхвальдъ былъ ревностѣйшимъ преподавателемъ на вновь учрежденныхъ (въ 1873 г.) при Клиническомъ госпиталѣ женскихъ врачебныхъ курсахъ ²⁾, то станетъ понятнымъ, что въ 1875 г. онъ въ первый разъ почувствовалъ сильное переутомленіе и долженъ былъ отправиться лѣтомъ этого года за границу для поправленія разстроеннаго здоровья (съ 10-го мая по 10-е августа).

Вернувшись изъ отпуска, Эйхвальдъ съ новой энергіей принялся за свое любимое дѣло клиническаго преподавателя. 7 сент. 1875 года онъ вноситъ въ Комиссію свои соображенія о недостаткахъ клиническихъ занятій студентовъ V курса. На выпускныхъ экзаменахъ онъ постоянно убѣждался, что молодые медики обладаютъ удовлетворительными, даже нерѣдко отличными теоретическими познаніями, но все же не подготовлены къ самостоятельной практической, а въ особенности къ госпитальной дѣятельности. Между тѣмъ военный врачъ крайне часто вынужденъ дѣйствовать совершенно само-

¹⁾ Во время временнаго пребыванія клиники, по случаю передѣлки, въ т. наз. 2-мъ отдѣленіи (дерев. зданіи).

²⁾ Изъ рапорта Эйхвальда Непокойчицкому (14 апр. 1875 г.). Дѣло М. Х. А. № 166. 1875 г.

¹⁾ По росписи на 1876 г. на текущіе расходы во ученыхъ и учебныхъ занятіяхъ въ 1-мъ терапевт. отдѣленіи пр. Эйхвальда положено 400 рубл. (Жур. Ком. 8 февраля 1875).

²⁾ Въ 1876 г. переведены въ Николаевскій военный госпиталь, причѣмъ преподаваніе было расширено до величизны программъ преподаванія въ М. Х. Академіи и окончивающія получили права «женщинъ-врачей».

стоятельно, долженъ уметь поставить вѣрное опредѣленіе болѣзни и оказать надлежащую помощь. Такія качества достигаются лишь практическими упражненіями, составляющими главную задачу госпитальныхъ клиникъ V курса. Эйхвальдъ обращаетъ вниманіе Комиссіи, что громадная масса учащихся, даже при раздѣленіи ихъ на двѣ группы, дѣлаетъ крайне затруднительнымъ для профессора веденіе практическихъ упражненій въ палатахъ. Клиническія лекціи должны читаться въ амфитеатрѣ, вслѣдствіе чего многія явленія могутъ быть демонстрированы лишь весьма малому числу студентовъ. Въ теченіе года студенты изслѣдуютъ почти только тѣхъ больныхъ, которые имъ назначены какъ кураторамъ, что далеко недостаточно. Между тѣмъ Эйхвальдъ убѣдился, что стремленіе студентовъ заниматься практическія у постелей больныхъ постоянно увеличивается, и въ послѣдніе годы (1874 и 1875) они являлись въ большемъ числѣ въ клинику даже въ каникулярное время ради практическихъ занятій. „Было бы крайне желательно, говорить онъ, поддерживать это стремленіе учащихся“. Эйхвальдъ предложилъ, какъ единственный выходъ, раздѣлить студентовъ V курса на группы и поручить ассистенту клиники доценту О. А. Лешу дѣлать визитаціи клиники по вечерамъ съ отдѣльными группами, что дало бы учащимся возможность осматривать и изслѣдовать побольше больныхъ и слѣдить за ходомъ болѣзни тѣхъ, которые уже были показаны и разобраны на лекціяхъ.

Осуществленіе этого предложенія затруднялось тѣмъ, что въ то время 1-е терапевтическое отдѣленіе служило также матеріаломъ для діагностическихъ упражненій 3 курса и практическихъ занятій учащихся женщинъ, что конечно было очень обременительно для больныхъ. Послѣдніе «не только жаловались неоднократно на эти упражненія, приписывая имъ ухудшеніе своего состоянія, но даже нерѣдко требовали на этомъ основаніи выписки изъ клиники». По просьбѣ Эйхвальда, Комиссія возложила практическія занятія со студентами V курса по 6 часовъ въ недѣлю на доцента О. А. Леша, «обладающаго многолѣтнею клиническою опытностью, которая особенно цѣнна для студентовъ V курса»¹⁾.

Эйхвальдъ былъ главнымъ инициаторомъ мѣръ по улучшенію учебнаго больничнаго матеріала въ Клиническомъ госпиталѣ. 9 сентября 1875 г. онъ обратилъ вниманіе¹⁾ начальника Академіи, что число больныхъ, поступающихъ въ 1-е терапевтическое отдѣленіе, съ каждымъ годомъ уменьшается. По его мнѣнію, это объясняется болѣе благоприятной гигиенической обстановкой войска и сокращеніемъ срока службы. Большая часть кроватей его отдѣленія остается незанятою (напр. занято 25 кроватей изъ 110), вслѣдствіе чего клиника не удовлетворяетъ своей главной задачѣ — ознакомлять студентовъ со всѣми наиболѣе важными формами заболѣваній.

По просьбѣ Эйхвальда, главный военно-медицинскій инспекторъ далъ ему разрѣшеніе выбирать въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ больныхъ, наиболѣе интересныхъ для клиническаго преподаванія. Больные эти перевозились въ госпитальную клинику на личныхъ средствахъ Эйхвальда; онъ ходатайствовалъ, чтобы впредь этой мѣрѣ былъ приданъ болѣе officialный характеръ, чтобы больные не отказывались отъ перевозки безъ достаточнаго повода, указывая также, что врачи, пользующіе больныхъ въ Николаевскомъ госпиталѣ, не всегда охотно уступали ему матеріалъ, имѣющій научный интересъ²⁾.

Недостатокъ больныхъ для преподаванія вызывалъ аналогичныя ходатайства и заявленія со стороны многихъ другихъ профессоровъ и главнаго врача госпиталя. По штатамъ госпиталя 1869 года положено было имѣть только 100 мѣстъ для бесплатныхъ гражданскихъ больныхъ. Поэтому часто случалось, что профессора затруднялись принимать интересныхъ больныхъ за неимѣніемъ бесплатнаго гражданскаго мѣста. Вопросъ о расширеніи госпитальнаго матеріала такимъ образомъ сводился къ увеличенію числа даровыхъ частныхъ кроватей вмѣсто военныхъ и платныхъ гражданскихъ. Это было особенно необходимо въ виду того, что для образованія слушательницъ женскихъ курсовъ потребовались особыя госпитальныя отдѣленія для женщинъ съ внутренними и женскими болѣзнями. По представленію Комиссіи, Военный Совѣтъ удовлетворилъ ходатайство профессоровъ, и количество бесплатныхъ гражданскихъ мѣстъ въ Клиническомъ госпиталѣ доведено до 200. Изъ нихъ 50 мѣстъ распределены между 2-мъ терапевтическимъ и 2-мъ хирургическимъ отдѣленіями, 50 мѣстъ назначены для потребностей уча-

¹⁾ Дѣло М. Х. А. № 295, 1875. (Репортъ Эйхвальда).

¹⁾ Дѣло М. Х. А. № 314, 1875, Реп. Эйхвальда.

²⁾ Дѣло М. Х. А. № 314, 1875.

щихся женскихъ медич. курсовъ. Изъ послѣднихъ 20 мѣстъ (для внутреннихъ болѣзней) были причислены къ 1-му терапевтическому отдѣленію и помѣщены съ особою женскою аудиторіей въ палатахъ верхняго этажа женскаго отдѣленія¹⁾ и состояли въ завѣдываніи проф. Эйхвальда²⁾.

Но такъ какъ заявленія клиническихъ профессоровъ о скудости матеріала не прекращались, то, по предложенію начальника Академіи Выкова, въ 1877 году была образована коммиссія изъ профессоровъ (Эйхвальда, Манассеина, Склифосовскаго и Корженевскаго) для изысканія мѣръ къ устраниенію этого (прот. Конференц. № 2, 1877).

Коммиссія названныхъ профессоровъ представила въ 1878 году записку (прот. Конф. 1878 г. 18 февраля), въ которой подробно изложены средства по увеличенію больничнаго матеріала въ Клиническомъ госпиталѣ.

Коммиссія предложила 1) перевозить въ госпиталь больныхъ изъ другихъ военныхъ госпиталей, по примѣру профессора Эйхвальда, который уже нѣсколько лѣтъ пополняетъ свое отдѣленіе болѣе интересными и поучительными больными изъ Николаевскаго госпиталя, перевоза ихъ на свои средства. Для обобщенія и приданія официального характера этой мѣрѣ, необходимо клиническихъ профессоровъ Академіи сдѣлать бесплатными консультантами другихъ военныхъ госпиталей и дать имъ права и средства перевозить больныхъ на счетъ Академіи, 2) члены коммиссіи высказали также желаніе, чтобы на тѣхъ же основаніяхъ профессорахъ былъ открытъ доступъ въ гражданскія больницы, которые только выиграли бы отъ усиленія связи съ М. Х. Академіей³⁾. 3) Увеличить еще на сто кроватей число бесплатныхъ мѣстъ въ Клиническомъ госпиталѣ. Солдаты представляютъ матеріалъ крайне однообразный, какъ по болѣзненнымъ формамъ, такъ и по этиологическимъ условіямъ. Единственное средство устранить это однообразие является въ возможно болѣешемъ приѣмѣ гражданскихъ больныхъ⁴⁾. Интересные больные обыкновенно изъ бѣдной среды; учрежденіе платныхъ мѣстъ въ госпиталѣ непрактично, ибо люди состоятельные не идутъ въ клиники изъ опасенія, что изслѣдованія и упражненія учащихся причинятъ имъ беспокойство⁵⁾. 4) Увеличить число кроватей для боль-

ныхъ женщинъ; существующій недостатокъ препятствуетъ студентамъ хорошо ознакомиться съ болѣзнями, имѣющими въ своемъ теченіи особенности у женщинъ. 5) «Улучшить уходъ за больными въ отдѣленіяхъ Клиническаго военнаго госпиталя. Въ настоящее время даже больные изъ самыхъ невзыскательныхъ низшихъ классовъ населенія часто избѣгаютъ поступать въ Клиническую больницу, зная, что ихъ тамъ ожидаетъ не только дурная, грубая, часто пьяная и всегда неулыблая прислуга, плохое, грубое бѣлье, не всегда удовлетворительная пища. Поэтому члены коммиссіи глубоко убѣждены, что устраненіе только что указанныхъ неудобствъ было бы весьма дѣйствительнымъ средствомъ для привлеченія больныхъ въ Клинической военной больницы». Для улучшенія ухода за больными, коммиссія предложила замѣнить мужскую прислугу изъ малопригодныхъ къ этому дѣлу солдатъ женщинами и въ особенности сестрами милосердія, совѣтуя войти для этой цѣли съ ходатайствомъ въ общины сестеръ милосердія. Кромѣ введенія сдѣлокъ и приглашенія сестеръ милосердія, коммиссія находила полезнымъ «возстановить прежде существовавшее правило, чтобы опредѣленное число фельдшерскихъ учениковъ старшихъ классовъ постоянно дежурило въ палатахъ. Мѣра эта, увеличивая число рукъ для ухода за больными, въ тоже время была бы весьма полезна и для практическаго обученія фельдшерскихъ учениковъ». 6) Ходатайствовать предъ градоначальникомъ о направленіи въ клинику Академіи всѣхъ случаевъ внезапныхъ заболѣваній и поврежденій, обыкновенно отправляемыхъ полиціей въ разныя больницы. 7) «Учредить общую для всѣхъ профессоровъ амбулаторную приемную съ бесплатной выдачей лекарствъ». Коммиссія сослалась на опытъ Максимилановской лѣчебницы и общины св. Георгія и высказала убѣжденіе, что такимъ средствомъ можно привлечь многія тысячи больныхъ, среди которыхъ встрѣчаются иногда очень рѣдкія въ болынной практикѣ болѣзни. Студенты старшихъ курсовъ могли бы пополнять здѣсь свои практическія познанія. Въ общей амбулаторіи каждый профессоръ, по желанію, назначаетъ часы приема, причемъ ему могутъ помогать приватъ-доценты, ассистенты, прикомандированные врачи. Раздѣляясь на группы, студенты принимаютъ участіе въ изслѣдованіи и слѣдятъ за терапевтическими назначеніями. По убѣжденію коммиссіи подобная амбулаторія являлась бы столь же богатымъ источникомъ практическаго изученія медицины, какъ знаменитая вѣнская поликлиника.

¹⁾ Лѣвое крыло госпиталя, гдѣ находилось раньше внизу арестантское отдѣленіе.

²⁾ Дѣло канц. № 45, 1875. Изъ отчета за 1875 г.

³⁾ По мнѣнію коммиссіи было бы очень полезно, чтобы профессора, будучи бесплатными консультантами гражд. болыницъ, читали въ нихъ иногда лекціи студентамъ, что уже бывало: проф. Барончикъ читалъ въ Каліик. болыницѣ, а Эйхвальдъ занимался со студентами въ Рождественской болыницѣ.

⁴⁾ Въ 1880 г. Конференція вошла съ новымъ ходатайствомъ объ увеличеніи

числа бесплатныхъ гражданскихъ мѣстъ, сослалась на то, что платныя мѣста приносятъ лишь незначительный доходъ, оставался почти весь годъ незанятыми. Конференція предложила изъ 100 платныхъ гражд. мѣстъ 90 обратить въ бесплатныя, оставивъ только 10 платныхъ при сифилитич. отдѣленіи, гдѣ не бываетъ недостатка въ платныхъ больныхъ. (Изъ отчета за 1880 г.).

Комиссія, управлявшая дѣлами Академіи, не согласилась съ нѣкоторыми предложениями профессорской комиссіи (напр. бесплатную выдачу лекарствъ амбулаторнымъ больнымъ, введеніе сидѣлокъ и фельдшерскихъ учениковъ признала неудобнымъ). 23 июня 1879 года Академія Высочайше предоставлено право выбирать больных ¹⁾ изъ гражданскихъ больницъ ²⁾ и лѣчебныхъ учреждений попечительнаго совѣта съ назначеніемъ клиническихъ профессоровъ бесплатными консультантами при нихъ, согласно представленію Академіи, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта. Профессорамъ разрѣшено также, съ согласія главнаго доктора больницы, демонстрировать студентамъ интересныхъ въ научномъ отношеніи больныхъ. При распредѣленіи профессоровъ, согласно ихъ желаніямъ, по больницамъ попечительнаго совѣта, Эйхвальдъ назначенъ консультантомъ при Александровской больницѣ, Воткинъ при больницѣ св. Маріи Магдалины и пр. Что касается перевозки больныхъ изъ госпиталей и городскихъ больницъ въ Клинической госпиталь, то Комиссія подъ предсѣд. ген. адъютанта Исакова постановила на первое время перевезти ихъ въ крытыхъ извозничьихъ экипажахъ и назначила для этой цѣли 1000 р. изъ средствъ Академіи. (Жур. Ком. № 85, 1879).

13 января 1879 года Высочайше утвержденнымъ постановленіемъ Военнаго Совѣта сестры милосердія Краснаго Креста были назначены въ штатъ военныхъ госпиталей. Съ тѣхъ поръ въ Клиническомъ госпиталѣ состоятъ сестры милосердія общины св. Георгія: 6 штатныхъ, въ томъ числѣ старшая сестра, и столько же сверхштатныхъ ³⁾. (Дѣло Канц. № 12, 1880, отчетъ за 1879).

Количество бесплатныхъ гражданскихъ мѣстъ въ Клиническомъ военномъ госпиталѣ было увеличено еще на сто. безъ перемѣны общаго числа кроватей (600).

Распределение кроватей по отдѣленіямъ госпиталя, утвержденное Конференціей 27 мая 1881 года, (Проток. Конф. 27 мая 1881) видно изъ слѣд. таблицы:

¹⁾ Въ видѣ опыта сперва на 2 года, потомъ было продолжено.

²⁾ Больницы эти—Обуховская, Александровская, св. Маріи Магдалины, Петропавловская и городская богодѣльня.

³⁾ Въ Клиническомъ военномъ госпиталѣ сестры милосердія появились для ухода за больными еще въ августѣ 1877 г., но это произошло случайно вслѣдствіе пріема въ госпиталь раненныхъ и больныхъ дѣйствующей арміи.

Название клиническаго отдѣленія.	Военныхъ больныхъ.		Г р а ж д а н с к и х ъ .				Всего.
			Безплатныхъ		Платныхъ		
	офиц.	нижн. чины.	благ. знанія	прот. знанія	благ. знанія	прот. знанія	
1-е терапевтич. отд.	10	45	6	34	—	10	105
2-е терапевтич. отд.	3	34	2	26	—	2	67
1-е хирургич.	10	58	6	45	—	6	125
2-е хирургич.	2	14	3	18	—	12	49
Глазное отдѣленіе. . . .	5	15	2	6	—	12	40
Сифилитич. отдѣленіе . .	6	26	4	6	—	8	50
Сыпное отдѣленіе. . . .	4	23	2	9	—	—	38
Женское отдѣленіе. . . .	10	15	25	—	—	—	50
Судебно-медич.	—	20	—	—	—	—	20
Для нервныхъ больн. въ клинику душевно- больныхъ.	—	6	—	—	—	—	6
Итого.	50	250	50	150	—	50	550
Запасн. военн. мѣсть.	—	—	—	—	—	—	50

Въ томъ же 1881 году Военный Совѣтъ увеличилъ число бесплатныхъ гражданскихъ мѣстъ въ клиническомъ госпиталѣ еще на 50 кроватей (всего 250). (Отчетъ за 1881 г.).

Участвуя постоянно въ различныхъ академическихъ комиссіяхъ по ученой и учебной части, Эйхвальдъ былъ неутомимымъ работникомъ, всесторонне изучалъ подлежащее разрѣшенію вопросы и вносилъ въ нихъ свое самостоятельное освѣщеніе.

Особенно любопытно его отдѣльное мнѣніе по поводу учрежденія въ Академіи особой кафедры общей патологии и приданія ей экспериментальнаго характера (въ 1878 г.). Признавая учрежденіе такой кафедры полезнымъ для науки, Эйхвальдъ не ждалъ отъ нея хорошихъ результатовъ для медицинскаго образованія студентовъ на томъ основаніи, что примѣненіе физиологическаго эксперимента имѣть ограниченное значеніе для выясненія болѣзненныхъ процессовъ. Послѣдніе же вполне выясняются только въ клиникѣ, и односторонность физиологическаго направленія была бы вредна безъ связи съ клиническимъ наблюденіемъ патологическихъ случаевъ.

Въ запискѣ, представленной имъ въ комиссію, онъ говоритъ слѣдующее о раздѣленіи кафедры общей патологии, диагностики и общей терапіи на 2 самостоятельныхъ кафедры: «Кафедра общей патологии во всякомъ случаѣ не должна быть создана въ ущербъ практическому обученію студентовъ». «Въ Академіи до настоящаго времени при преподаваніи общей патологии было отдаваемо первое

мѣсто клиническимъ наблюденіямъ—древнѣйшему источнику общей патологии, составляющему во всякомъ случаѣ исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ изысканій и играющему несомнѣнно преобладающую роль въ дѣятельности медика» (Прот. Конф. 18 марта 1878 г.). «Для Траубе и многихъ англійскихъ клиницистовъ наблюденіе больного составляетъ исходную точку экспериментальнаго изысканія; вопросъ, возникшій у постели больного, рѣшается экспериментомъ надъ животнымъ или больнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ направленіи кроется будущее медицины» (записка Эйхвальда въ проток. 1878 года).

Госпитальная терапевтическая клиника при профессорѣ Эйхвальдѣ капитально перестроена и, послѣ временнаго помѣщенія въ деревянныхъ зданіяхъ бывшаго 2-го отдѣленія госпиталя, окончательно устроилась къ 1879 году въ нынѣ занимаемомъ ею первомъ терапевтическомъ отдѣленіи (см. планы № 1 и 2).

Эта, до сихъ поръ худшая, часть клиническаго госпиталя получила, наконецъ, тотъ же характеръ и тѣже преимущества, какими отличались другія госпитальныя клиники. Коридоръ, проходившій по срединѣ клиники, былъ замѣненъ боковымъ, гораздо болѣе просторнымъ; въ него открываются вновь пристроенные сбоку флигеля, въ которыхъ помѣщены ванныя комнаты и ватерклозеты. Оба этажа получили одинаковое устройство; верхній этажъ отданъ 1-му терапевтическому отдѣленію, (не считая двухъ судебно-медиц. палатъ, см. планъ) въ нижнемъ помѣстились 2-е терапевтическое отдѣленіе и сыпное. Въ новомъ помѣщеніи клиники была устроена лабораторія для экспериментальныхъ занятій ¹⁾, на которую Эйхвальдъ тратилъ не мало личныхъ средствъ.

¹⁾ Въ 1880 г. профессоръ Эйхвальдъ, Чудновскій, Сизванскій и Манассеинъ заявили Конференціи, что «клиническія кафедры давно нуждаются въ кабинетахъ для научныхъ изслѣдованій, не имѣя въ госпиталѣ приспособленныхъ къ тому помѣщеній». Тогда же была назначена комиссія изъ профессоровъ для отведенія необходимыхъ помѣщеній для клиническихъ лабораторій (Прот. Конф. 10 мая 1880 г.). Въ томъ же году сдѣлано новое распределеніе между кафедрами суммъ, назначенныхъ на учебные расходы по Академіи, причѣмъ на клинику Эйхвальда положено 600 рублей въ годъ; сумма эта предостанавлялась въ распоряженіе заведывающаго 1-мъ терапевт. отдѣленіемъ (Дѣло канцеляр. I ст. № 80, 1880 г.).

Ассистентомъ при клиникѣ Эйхвальда, съ 1874 г. до декабря 1877 года, состоялъ приватъ-доцентъ О. А. Лешъ, (нынѣ профессоръ въ Кіевскомъ университетѣ), а съ этого времени до конца его профессуры В. И. Чемезовъ, бывшій ординаторъ клиники В. Е. Экка и ассистентъ Э. Э. Эйхвальда на женскихъ врачебныхъ курсахъ. Автобіографія его находится въ сборникѣ «Двадцатипятилѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ И. Медико-Хирургической Академіи въ 1868 году» 1893 ¹⁾. По словамъ В. И. Чемезова, при немъ выпускные курсы были очень велики, не менѣе 200 человѣкъ, а однажды даже 341, такъ что едва хватало больныхъ для раздачи студентамъ. Ему лично приходилось вести практическія занятія въ клиникѣ 2—4 раза въ недѣлю и, при массѣ слушателей, не помѣщавшихся въ палатахъ, онъ вынужденъ былъ читать настоящія лекціи въ аудиторіи ²⁾.

«Вообще, говорить онъ, положеніе ассистента большой клиники далеко не легкое: обойти больныхъ, приготовить выбраннаго на лекцію, отвѣтить на вопросы ординаторовъ, въ особенности неопытныхъ, проверить рецепты, заглянуть на амбулаторный приемъ—требуетъ не мало времени. Кромѣ того, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, прежде всего ему выражаютъ неудовольствіе: начальникъ Академіи, профессоръ, главный докторъ, смотритель госпиталя, ординаторы. Ассистенту жалуются фельдшера и служители на обращеніе съ ними больныхъ, на взаимныя пререканія. И отвѣтственность за сохранность вещей и инструментовъ клиники лежитъ на ассистентѣ» ³⁾.

Ассистентъ О. А. Лешъ напечаталъ изъ клиники Эйхвальда: «о влияніи апоморфина на дѣятельность сердца». В. Мед. Журн., сент. и окт. 1874.

¹⁾ Кстати сказать, нельзя не пожелать болѣе частаго появленія такихъ интересныхъ сборниковъ съ автобіографіями и не выразить полнаго сочувствія иниціаторамъ этихъ работъ. Существованіе послѣднихъ очень много облегчало бы трудъ будущихъ историковъ Академіи.

²⁾ Не разъ, по желанію студентовъ, В. И. Чемезовъ читалъ лекціи по различнымъ вопросамъ, такъ въ 1882 г. онъ читалъ имъ курсъ о физическихъ методахъ изслѣдованія (отчетъ за 1882 г.).

³⁾ 1. с. стр. 124.

„Massenhafte Entwicklung von Amoeben im Dickdarm“. Wirschow's Arch. 65 Bd.

Послѣ 1877 г., состоя приватъ-доцентомъ М. Х. Академіи и преподавателемъ на женскихъ медицинскихъ курсахъ, О. А. Лемъ напечаталъ: „Ueber die Locomotion der Herzspitze bei der Herzthätigkeit, Centralbl. f. d. medic. Wissenschaft. 1879. 41. „Ueber die nach Einwirkung abnormer Reize in der Magenschleimhaut eintretenden pathologisch-anatomischen Veränderungen“. Allgem. Wien. Med. Zeit. 20 Jahrg. 1881 №№ 50—52. „Объ отношеніи бугорковыхъ палочекъ къ бугорковымъ пораженіямъ гортани“. Врачъ, 1884 №№ 20—22.

В. И. Чemezову принадлежать слѣдующія работы:

„О дѣйствіи озона на животныхъ“, диссертация, 1876.

„Къ вопросу о дѣйствіи озона на животныхъ“, 1879. Военно-Мед. журналъ, мартъ.

„О дѣйствіи на животныхъ газовъ, развиваемыхъ озоноидомъ (вмѣстѣ съ докторомъ Шмелевымъ), Журналъ Техн. Общества.

Изъ госпитальной клиники вышли слѣдующія диссертации, написанныя подъ руководствомъ Эйхвальда ¹⁾.

Яковенко. „О фармакологическомъ значеніи сюрмы въ рвотномъ камнѣ“ 1871.

А. А. Виноградовъ. „О песахарномъ мочеизнуреніи“.

А. А. Гейденрейхъ. „О паразитѣ возвратной горячки“.

К. О. Охремовскій. „Къ ученію о крови“.

М. И. Афанасьевъ. „Объ иннервации отдѣленія желчи и происхожденіи желтухи“.

Г. А. Шапиро. „Вліяніе колебаній кровяного давленія на дѣятельность сердца“.

К. М. Поповъ. „О сифилисѣ легкихъ“.

Кромѣ того врачи, занимавшіеся въ клиникѣ, помѣщали свои работы въ различныхъ журналахъ ²⁾.

¹⁾ За неимѣніемъ подробныхъ отчетовъ за этотъ періодъ, списокъ этотъ далеко не полный.

²⁾ Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ систематическихъ отчетовъ, я лишь въ поз.

Движеніе больныхъ въ госпитальной терапевтической клиникѣ, за время завѣдыванія ею проф. Эйхвальдомъ, по отчетамъ Академіи и Клиническаго госпиталя, показано совмѣстно со 2-мъ терапевтическимъ отдѣленіемъ, и только съ 1882 года начинаются отчеты (въ прот. Конф.) по каждой клиникѣ отдѣльно. Такъ въ 1882 г. было въ мужскомъ отдѣленіи клиники 840, переведено изъ другихъ клиникъ 47, выписано 648, переведено въ другія клиники 55, умерло 113, осталось 71.

Въ женскомъ отдѣленіи клиники, окончательно передѣланномъ и принявшемъ свой настоящій видъ лишь въ началѣ 80-хъ годовъ, было въ 1882 году—121 больныхъ, переведено изъ другихъ клиникъ 5, выписано 92, переведено въ другія клиники 8, умерло 20, осталось 6. Общій % смертности 12,14% ¹⁾.

Параллельно съ кипучей преподавательской дѣятельностью Эйхвальда въ М. Х. Академіи, еще въ 60 годахъ началась его врачебная служба при Дворѣ Великой Княгини Елены Павловны, имѣвшая большое значеніе въ его жизни и пріобрѣтшая въ послѣдствіи также крупное общественное значеніе.

Въ первый разъ Эйхвальдъ сопровождалъ Великую Княгиню въ заграничную поѣздку въ Германію и Швейцарію (на 4 мѣсяца) въ 1865 году.

Съ 1866 года, когда онъ былъ назначенъ штатнымъ докторомъ Великой Княгини, поѣздки эти получили характеръ ежегодныхъ командировокъ (обыкновенно съ августа по октябрь или ноябрь) и продолжались до самой кончины Ея Высочества въ 1873 году. Какъ извѣстно, Великая Княгиня Елена Павловна, урожденная Принцесса Виртембергская, вмѣстѣ съ обширнымъ и свѣтлымъ умомъ соединяла прекрасное образованіе, любовь къ естественнымъ наукамъ и просвѣщенный взглядъ на медицину. Вопросы благотворительности и воспитанія издавна привлекали ее.

Во время Крымской войны «Великая Княгиня возымѣла смѣлую и совершенно новую мысль—доставить раненымъ и больнымъ войнамъ благодѣяніе женскаго ухода, что казалось совершенно немыслимымъ при тогдашнихъ взглядахъ на военную дисциплину».

Возможности перечислять ихъ. Въ отчетѣ за 1882 г. сказано, что работавшими у Эйхвальда врачами напечатано: Д-ръ Шапиро: „къ ученію о несахарномъ диабетѣ“ („Мед. Обзоріе“ и „Врачъ“). Д-ръ Заволжскій „о вліяніи запоровъ на содержаніе въ мочѣ нѣкоторыхъ составныхъ частей ея“ („Врачъ“).

¹⁾ Въ этомъ отчетномъ году занималось въ клиникѣ въ качествѣ ординаторовъ 18 врачей. Матеріалъ клиники служилъ для практическихъ испытаній на ученія степени: лекаря—285 человекъ и д-ра мед.—100.

но ей «удалось склонить Императора Николая Павловича къ допущению такого неслыханнаго эксперимента»¹⁾.

Не останавливаясь на многочисленныхъ дѣлахъ благотворительности Великой Княгини, укажемъ только на учрежденную ею амбулаторію при Максимилиановской лѣчебницѣ, гдѣ консультантами были лучшіе спеціалисты и извѣстные профессора²⁾. Бесплатная раздача лекарствъ привлекла сюда массу больныхъ, и такимъ образомъ здѣсь созданъ центръ, гдѣ подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ совершенствовались молодые врачи и гдѣ „получили свое образование первые по времени отіатры, электротерапевты и ларингологи Петербурга“ (1. с.). Доказанная возможность пользоваться поликлиническимъ матеріаломъ для преподаванія подала Великой Княгинѣ мысль создать лѣчебницу съ платными и бесплатными кроватями и амбулаторіей, которая, кромѣ благотворительныхъ цѣлей, преслѣдовала бы задачи клиническаго образованія. Послѣ кончины Великой Княгини, приведеніе въ исполненіе ея предначертаній было возложено на особую комиссію, въ которой самое дѣятельное участіе принялъ Эйхвальдъ въ качествѣ члена совѣта управленія учрежденіями Великой Княгини Елены Павловны (съ 26 дек. 1875 г.). Онъ выработалъ основанія для „Клиническаго Института Великой Княгини Елены Павловны“, пожертвовалъ на него 75,000 р., за что ему объявлена Высочайшая благодарность 16 сентября 1873 г.³⁾, и впоследствии принималъ самое близкое и живое участіе въ устройствѣ его.

13 февраля 1877 года Эйхвальдъ назначается непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, 7 декабря 1879 года избранъ совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Во время войны 1877—78 гг., Эйхвальдъ принималъ участіе въ дѣятельности общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

По просьбѣ Министра Внутренн. Дѣлъ Макова, Эйхвальдъ былъ командированъ Военнымъ Министромъ 6 февр. 1879 года въ распоряженіе временнаго генералъ-губернатора гр. Лорисъ-Меликова для изслѣдованія ветлянской чумы совмѣстно съ иностранными учеными, посланными въ Ветлянку австрійскимъ и германскимъ правительствами. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ высказывался очень успокоительно относительно опасности распространенія чумы изъ Ветлянки, что и подтвердилось дальнѣйшимъ ходомъ событій. Командировка эта продолжалась 6 недѣль (до 31 марта)⁴⁾.

Въ 1883 году Эйхвальдъ получилъ мѣсто инспектора по медицинской части въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи и 13 октября 1883 года оставилъ профессорскую службу въ Академіи. Конференція постановила „выразить профессору Эйхвальду отъ лица всей Конференціи глубокое сожалѣніе о томъ, что обстоятельства вынуждаютъ его покинуть Академію, и принести ему искреннюю благодарность товарищей за его энергическую и крайне полезную преподавательскую дѣятельность...“ (Прот. Конф. 21 окт. 1883 г.).

Съ выходомъ Эйхвальда изъ В. Медицинской Академіи не прекратилась, однако, его преподавательская дѣятельность, всегда составлявшая для него страстную живую потребность и самую характерную черту его личности.

„Все мы учимся, господа, говорилъ онъ⁵⁾, и неизвѣстно, кому чтенія наши приносятъ болѣе пользы: намъ или нашимъ слушателямъ. Мнѣ почти всегда казалось, что я скорѣе учусь, чѣмъ другихъ научаю. Бесѣда съ молодыми товарищами, ихъ страстная любовь къ наукѣ, святая ихъ вѣра въ будущность послѣдней всегда была для меня источникомъ самаго возвы-

¹⁾ Эйхвальдъ. Очеркъ возникновенія Клиническаго Инст. стр. 4.

²⁾ Эйхвальдъ состоялъ консультантомъ съ 1868 года.

³⁾ „Памяти проф. Эйхвальда“, въ журн. „Практ. Мед.“ 1889. Какъ крупный терапевтъ, Эйхвальдъ имѣлъ большую практику, но послѣ его смерти, кромѣ богатой бібліотеки, не оказалось состоянія, такъ какъ свои средства онъ тратилъ на общепользные дѣлы.

⁴⁾ Во время отсутствія Эйхвальда, завідываніе клиникъ его было возложено на В. П. Чечезова, который читалъ также лекціи V курсу.

⁵⁾ „Памяти Эйхвальда“ стр. 3.

шеннаго наслажденія“. Этой потребностью дѣлиться своими познаніями съ возможно большимъ числомъ слушателей, объяснялся его дѣятельность въ Академіи, гдѣ, кромѣ обязательныхъ лекцій, онъ читалъ различные private курсы по разнымъ отдѣламъ медицины ¹⁾, всегда откликаясь въ этомъ отношеніи на желанія учащихся и на нѣкоторые волновавшіе общество вопросы. Многимъ еще памятенъ его блестящій по эрудиціи и остроумному изложенію лекціи о гомеопатіи (въ 1883 г.), на которыхъ собиралось столько слушателей, что они едва помѣщались въ самой большой академической аудиторіи. Съ такимъ же увлеченіемъ проф. Эйхвальдъ работалъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ, на которыхъ, съ самаго основанія ихъ, онъ читалъ курсъ клиники внутреннихъ болѣзней.

Такой преподаватель по призванію не могъ долго оставаться безъ аудиторіи: оставивъ Академію и будучи инспекторомъ учрежденій Императрицы Маріи, Эйхвальдъ продолжалъ читать для врачей и студентовъ курсъ клиники внутреннихъ болѣзней ²⁾. Между тѣмъ его любимое учрежденіе Клиническій Институтъ Вел. Кн. Елены Павловны, — строившійся подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, былъ почти готовъ и 21 мая 1885 года открытъ для преподаванія. Эйхвальдъ былъ назначенъ директоромъ и клиническимъ профессоромъ института. Тогда же онъ оставилъ службу по учрежденіямъ Императрицы Маріи и всѣ свои силы посвятилъ устройству и дальнѣйшему развитію института, а также преподаванію въ немъ клинической медицины. Тамъ же онъ читалъ въ 1887 г. лекціи по исторіи медицины, которую зналъ замѣчательно хорошо: онъ былъ глубоко убѣжденъ, „что только основательное изученіе исторіи медицины можетъ дать

¹⁾ Такъ въ 1881 г. онъ читалъ врачамъ по воскреснымъ днямъ лекціи о расстройствѣ кровообращенія, „въ которыхъ съ блескомъ обнаружился его удивительныя познанія въ анатоміи и физиологіи“ (Пам. Эйх. стр. 4). Эйхвальдъ часто также читалъ крайне интересныя лекціи объ общихъ методахъ лѣченія (общая терапия), предметъ, который онъ разработалъ особенно тщательно.

²⁾ Д-ръ Маргулясъ, прот. экстр. зас. Тавр. мед. о-ва, 1890.

прочную и рациональную основу для ученой и практической дѣятельности врача и предохранить его отъ многихъ подчасъ невольныхъ заблужденій и ошибокъ“ ¹⁾; не меньшимъ вниманіемъ пользовались его лекціи о холерѣ и о смертности въ Россіи, читанныя также въ 1887 г. ²⁾.

Клиническій институтъ былъ поставленъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ образцово, и, по открытіи его, со всей Россіи стали стекаться сюда врачи для освѣженія своихъ познаній. Это учрежденіе навсегда останется наиболѣе крупной заслугой и самымъ выдающимся памятникомъ плодотворной дѣятельности Эйхвальда.

Среди этихъ неутомимыхъ трудовъ, Э. Э. Эйхвальдъ преждевременно скончался на 52 году жизни 2 ноября 1889 года отъ недуга (ракъ мочевого пузыря), который, повидимому, уже давно подтачивалъ его организмъ. Смерть его вызвала искреннія выраженія сожалѣнія въ обществѣ и среди его бывшихъ учениковъ.

Что касается его личности, то многіе изъ знавшихъ его, отдавая ему должную дань какъ общественному дѣятелю, считаютъ его человѣкомъ „съ тяжелымъ характеромъ“, у котораго по этой причинѣ было мало друзей и много недоброжелателей ³⁾. Но его многочисленные ученики и ученицы цѣнили въ немъ главнымъ образомъ талантливаго безкорыстнаго преподавателя, который затрачивалъ на лекціи необыкновенно много силъ и энергій, что не часто встрѣчается среди русскихъ клиническихъ профессоровъ, обыкновенно крайне занятыхъ частной практикой и не имѣющихъ возможности всецѣло отдаваться своему прямому назначенію. Въ заключеніе, для характеристики Э. Э. Эйхвальда, я позволю себѣ привести

¹⁾ „Памяти Эйхвальда“, стр. 4.

²⁾ I. с. стр. 4.

³⁾ „Врачъ“ № 45 1889 г. „Эйхвальдъ былъ совершенно чуждъ бытовымъ вопросамъ жизни врача: будучи въ числѣ членовъ учредителей сѣзда русскіхъ врачей, Э. горячо боролся противъ допущенія на сѣздѣ бытовыхъ и общественныхъ вопросовъ, предлагалъ допускать въ члены сѣзда только докторовъ медицины и т. п.“ (ib).

нѣсколько выписокъ изъ воспоминаній д-ра Б. С. Грейденберга ¹⁾ въ статьѣ, посвященной памяти почти одновременно умершихъ учителей С. П. Боткина и Э. Э. Эйхвальда.

„Эйхвальдъ, говоритъ онъ, былъ замѣчательно всесторонне образованный и начитанный человѣкъ..., его лекціи всегда изобиловали массой цифръ, фактовъ, свѣдѣній. Общее естественно-научное образованіе его было такъ обширно и основательно, что какой бы области естествознанія, скольконибудь сопряченной съ медициною, онъ ни касался, всюду онъ являлся, такъ сказать, хозяиномъ предмета. Читалъ ли онъ о рациональной перкурсії или о климатотерапіи, о мозговыхъ локализацияхъ или минеральныхъ водахъ, фармакологіи какогонибудь средства или исторіи даннаго метода лѣченія—всюду онъ являлся не диллетантомъ-медикомъ, а специалистомъ ученымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Поэтому то, его лекціи и обогащали насъ такою массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и замѣняли намъ десятки книгъ“ ²⁾. На лекціяхъ Эйхвальда „слушатель поражался главнымъ образомъ массою знаній, заставлявшей его преклоняться предъ человѣкомъ, сумѣвшимъ объять столько разнообразныхъ отраслей естествознанія и найти въ нихъ связующіи начала для распознаванія и лѣченія болѣзней“. Лекціи его „были всегда гладки и закончены, при довольно хорошей, иногда даже блестящей, виѣшней отдѣлкѣ. Все, о чемъ ни говорилъ профессоръ, всегда было ясно и отчетливо, точно и опредѣленно, не вызывало въ слушателей никакихъ сомнѣній, не оставляло въ его умѣ никакихъ пробѣловъ“. Хотя Эйхвальдъ долженъ былъ читать V курсу практической курсъ, приспособленный къ условіямъ и потребностямъ ежедневной врачебной дѣятельности, но часто онъ выходилъ изъ этихъ рамокъ и читалъ лекціи вполне академическаго характера,

далеко шире предѣловъ обыденныхъ практическихъ потребностей“ ³⁾.

По словамъ Б. С. Грейденберга, Эйхвальдъ всегда интересовался своей аудиторіей и отзывался на всѣ ея заявленія и требованія. Для него студенты были живыми людьми, къ которымъ онъ относился далеко не безразлично. Разставаясь со своими курсами, онъ „рѣдко отпускалъ ихъ безъ напутственнаго слова“. Эти слова и короткія прощальныя рѣчи были цѣлыми программами жизненной дѣятельности и глубоко запечатлѣвались въ памяти слушателей. Въ своей параллели между клиническимъ преподаваніемъ С. П. Боткина и Э. Э. Эйхвальда д-ръ Грейденбергъ говоритъ: „Боткинъ былъ прежде всего сильный и мощный умъ, способный къ глубокому анализу и широкому синтезу, Эйхвальдъ—образованный ученый, обладавшій массою капитальныхъ свѣдѣній по всѣмъ сопряженнымъ къ медицинѣ естественнымъ наукамъ. Въ лекціяхъ Боткина, рядомъ съ фактическими данными, всегда было видно творчество, самостоятельное оригинальное мышленіе сильнаго ума, и очень часто, если не всегда, эта сторона его лекцій брала верхъ надъ всѣми другими и совершенно какъ бы ступевывала ихъ. Наоборотъ, въ лекціяхъ Эйхвальда всегда преобладали фактическія свѣдѣнія, хотя и въ значительной мѣрѣ освѣщенные богатымъ личнымъ опытомъ“ ⁴⁾.

При подобныхъ особенностяхъ этихъ клиницистовъ, одновременно преподававшихъ въ Академіи, оба они какъ бы взаимно дополняли другъ друга, принося огромную пользу учащимся.

Послѣ смерти Эйхвальда осталось много рукописей сочиненій, которыя онъ приготавливалъ къ печати, стенограммы его лекцій и пр. ⁵⁾. Нѣкоторая изъ нихъ были напечатаны

¹⁾ Грейденбергъ, I. с. стр. 18.

²⁾ I. с. стр. 19.

³⁾ Всего оказалось 9 различныхъ сочиненій (около 100 печатныхъ листовъ).

1) Критическій обзоръ лекарственныхъ способовъ врачеванія (18 печатныхъ листовъ). 2) Лекція о гомеопатіи (около 7 печатныхъ листовъ). 3) 3 лекціи о

¹⁾ Прот. экстр. засѣд. Таврич. медико-фарм. общ. 1890. Д-ръ Б. С. Грейденбергъ, ученикъ Э. Э. Эйхвальда и С. П. Боткина, пишетъ по личнымъ воспоминаніямъ.

²⁾ I. с. стр. 21.

впослѣдствіи подъ редакціей его учениковъ ¹⁾. Сюда относятся:
1) Общая терапія. Издан. 5-е, подъ редакціей Г. А. Шапиро.
1892. 2) О распознаваніи болѣзней внутреннихъ органовъ,
подъ редак. пр.-доц. В. Н. Никитина. 1893. 3) Патогенезъ
и семіотика разстройствъ кровообращенія, подъ ред. Г. А.
Шапиро. 1891. 4) О животномъ магнетизмѣ и гипнотизмѣ,
подъ ред. пр.-доц. В. Н. Никитина. 1891. 5) Двѣ лекціи о
специфическихъ способахъ лѣченія 1891.

Везлянской чумы (3 п. листа). 4) 3 лекціи о гипнотизмѣ и сомнамбулизмѣ
(3 листа). 5) Лекціи дифференціальной діагностики внутреннихъ болѣзней
(13 п. листовъ). 6) Лекціи по исторіи медицины (около 12 листовъ). 7) О пато-
логіи разстройствъ кровообращенія (12 п. листовъ). 8) Общая терапія (18 п.
листовъ). 9) Лекціи о постукиваніи и выслушиваніи (около 14 п. листовъ).
Газета Врачей, № 39, 1890.

¹⁾ Къ сожалѣнію, остались ненапечатанными его интересныя лекціи о
гомеопатіи и лекціи по исторіи медицины.

Кафедра госпитальной терапевтической клиники при профессорѣ Д. И. Кошляковѣ (1883—1890).

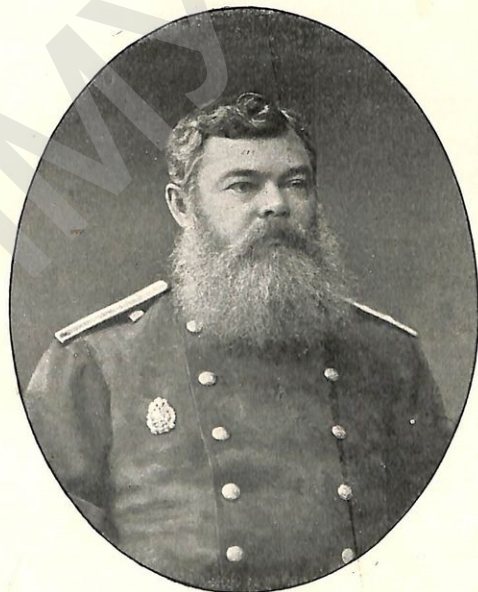
Дмитрій Ивановичъ Кошляковъ ¹⁾, занявшій кафедру госпи-
тальной клиники послѣ выхода Э. Э. Эйхвальда, подобно
своимъ предшественникамъ, принадлежалъ къ воспитанникамъ
И. Мед.-Хир. Академіи и въ ней же прошелъ долгую пред-
варительную школу преподавателя клинической терапіи. Онъ
родился въ бѣдной семьѣ священника Курской губерніи 20
октября 1834 года и, по окончаніи курса въ Курской сем-
наріи, поступилъ въ Академію казеннокоштнымъ студентомъ
22 сентября 1856 г. Окончивъ въ 1861 году курсъ Академіи
лекаремъ съ отличіемъ и серебряною медалью, Кошляковъ
получилъ званіе уѣзднаго врача и опредѣленъ для усовершен-
ствованія сверхкомплектнымъ ординаторомъ во 2 военно-сухо-
путный госпиталь (9 іюля 1861 г.). Избравъ ²⁾ своей специаль-
ностью терапевтическую клинику, Кошляковъ началъ зани-
маться у С. П. Боткина, у котораго онъ былъ однимъ изъ
первыхъ по времени и лучшихъ учениковъ. Въ его клиникѣ
и подъ его ближайшимъ руководствомъ Кошляковъ изучилъ
все современные методы изслѣдованія, дающіе наиболѣе точ-
ныя объективныя данныя. Кромѣ обычныхъ ординаторскихъ
занятій, онъ съ особенною любовью предавался примѣненію къ

¹⁾ Дѣло о службѣ Д. И. Кошлякова, канд. през. № 194. 1862—1890 г.

²⁾ Отчетъ Кошлякова о его трехлѣтнихъ занятіяхъ при М. Х. А. Дѣло
Конф. № 44, 1864.

изслѣдованію болѣзней микроскопн, ларингоскопн, поляризаціоннаго аппарата и изученію физиологической химіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ прикомандированія Кошлаковъ сдѣлалъ также въ клиникѣ Боткина множество наблюденій надъ дѣйствіемъ постояннаго тока въ различныхъ болѣзняхъ и установилъ точныя показанія къ примѣненію этого средства при невралгіяхъ, ревматическихъ заболѣваніяхъ, запорахъ и пр. Подробныя свѣдѣнія о результатахъ лѣченія постояннымъ токомъ изложены имъ въ отчетѣ „о лѣченіи электричествомъ при терапевтической клиникѣ“, представленномъ проф. Боткинымъ Конференціи. Кромѣ того Кошлаковъ усердно занимался патологической анатоміей, слушалъ частные курсы физиологіи Якубовича и Сѣченова и приобрѣлъ уже въ то время выдающуюся опытность въ производствѣ химическихъ анализовъ мочи и различныхъ патологическихъ жидкостей, такъ что ему преимущественно поручались при клиникѣ всѣ важнѣйшія работы этого рода ¹⁾.

Въ 1862 г. Кошлаковъ напечаталъ (въ Мед. Вѣстн. № 16, 18 и 20) статью „о физиологическомъ дѣйствіи тростниковаго и молочнаго сахара“. Работа эта сдѣлана имъ совместно съ Забѣлинымъ. Авторы доказываютъ, что оба рода сахара уменьшаютъ выдѣленіе азотистыхъ веществъ и увеличиваютъ вѣсъ тѣла. Въ 1863 году онъ напечаталъ (Мед. Вѣстн. 1863 г. № 30, 31, Virch. Arch. Band XXXI) „наблюденіе надъ дѣйствіемъ лимоннокислаго кофеина“. Авторъ произвелъ параллельныя тщательныя клиническія наблюденія надъ дѣйствіемъ этого средства и наперстянки. Работа эта послужила осно-

Дмитрій Ивановичъ
КОШЛАКОВЪ.

¹⁾ Ему принадлежитъ подробный колич. и качеств. анализъ жидкости выпущенной изъ брюшной полости извѣстнаго больного изъ клиники проф. С. П. Боткина, страдавшаго тромбозомъ воротной вены. Анализомъ Кошлакова доказано полное отсутствіе въ жидкости фосфорнокислыхъ солей. Отсутствіе же послѣднихъ ясно показало, что при происхожденіи трансудата участвовали не одни механическія условія, но что животныя перепонки играютъ здѣсь важную роль. Анализъ помѣщенъ въ статьѣ Боткина въ Мед. Вѣстн. № 37, 38, 1868 г.

ванієм для современнаго примѣненія кофеина при болѣзняхъ сердца.

На степень доктора медицины онъ представилъ и защитилъ 21 марта 1864 г. диссертацию „изслѣдованіе формы пульса посредствомъ сфигмографа Марей“. Надъ этой работой Кошляковъ трудился около 3-хъ лѣтъ. Сперва онъ изучилъ и собралъ множество формъ пульса при различныхъ фізіологическихъ и патологическихъ состояніяхъ организма, потомъ перешелъ къ опытамъ искусственнаго воспроизведенія пульса на эластическихъ трубкахъ и артеріяхъ. Чтобы форма опытовъ по возможности отвѣчала механизму кровообращенія, Кошляковъ устроилъ для этой цѣли особый аппаратъ, помощью котораго ему удалось получать не только на эластич. трубкахъ, но и на трупахъ такія же формы пульса, какъ и у живыхъ людей, и такимъ путемъ объяснить истинное значеніе и условія образованія каждой формы.

Двѣ главныхъ формы пульса—дикротическая и недикротическая—зависятъ, по Кошлякову, единственно отъ быстроты сокращеній сердца, обѣ встрѣчаются въ здоровомъ и больномъ состояніи организма и не зависятъ отъ величины артеріальнаго давленія, какъ думалъ Марей. (Военно-медиц. журн. 1864 г., апрѣль; Virchow's Arch. B. XXX).

Въ томъ же году онъ описалъ: „случай эмболии бедренной артеріи“ послѣ перенесеннаго остраго сочленовнаго ревматизма; больного этого Кошляковъ наблюдалъ въ клиникѣ проф. Бессера (напечатано въ Мед. Вѣстн. 1864 г. №№ 17 и 19). Въ 1864 г. 10 мая, Кошляковъ посылается Академіей съ научной цѣлью на 2 года за границу. Конференція поручаетъ профессорамъ Экку и Бессеру составить инструкцію для его научныхъ занятій за границей. (Прот. № 6, 1864). Послѣдніе отвѣтили, что при современномъ быстромъ развитіи медицинскихъ наукъ они считаютъ бесполезнымъ давать молодымъ ученымъ инструкціи, которыя только парализуютъ ихъ инициативу. На вторичное требованіе Конференціи выполнить постановленіе закона, Эккъ и Бессеръ составили инструкцію, въ которой въ общихъ чертахъ рекомендуютъ Кошлякову

заниматься преимущественно у немецких ученых в Берлине и Вienne, и воспользоваться советами и указаниями проф. Боткина, который в это время жил в Берлине. (Дело Конф. № 44, 1864).

Первый год пребывания за границей Кошляков провел в Берлине, где главным предметом его занятий были патологическая анатомия, физиологическая и патологическая химия и терапевтическая клиника.

Он посещал лекции и демонстративные курсы Вирхова, Кюне — по физиологической химии, Швейгера — по патологической анатомии глаза, клиники Траубе и Фриеркса; при всей учености последнего, Кошляков находил его клинические лекции поверхностными и неудовлетворительными. В особенности много времени Кошляков отдавал занятиям у Вирхова в патологическом институте. В своем подробном отчете ¹⁾ о научных занятиях в Берлине он дает крайне интересную характеристику методов и манеры преподавания этого великого учителя многих поколений врачей. У него же Кошляков начал свою работу о легочном пигменте, которую закончил в лаборатории Kühne ²⁾. Она появилась под названием „Zur Frage über die Entstehung des Pigments der Lungen (Virchow's Archiv B. XXXV). На основании своих микро-химических исследований Кошляков высказался в пользу образования черного пигмента в самых легких, а не от проникновения в них инородных тел, напр. частичек угля, что, правда, наблюдалось, как явление исключительное, у рудокопов. Вообще же черный пигмент образуется, по Кошлякову, от разложения красящего вещества крови.

Весной 1865 года Кошляков провел один месяц в

¹⁾ Отчет Кошлякова о занятиях от 2 января 1866 г.

²⁾ В отчете Кошлякова весьма подробно изложены вопросы физиологии и патологической химии, над исследованием которых он трудился в лаборатории Kühne.

Париже, посещая лекции выдающихся клиницистов и, особенно, лекции физиологии Claude Bernard'a.

В сентябре 1865 года он переехал из Берлина в Вienne. Здесь, кроме усердного посещения клиник Опольцера, Шкоды, Духека, Зигмунда, Кошляков особенно занялся ближайшим изучением болезней кожи у профессора Гебры и доцента Ауспица. У первого он прошел клинику, у последнего патологическую гистологию кожных болезней. У профессора Тюрка он слушал специальный курс болезней гортани и дыхательного горла и практически работал в его клинике по ларингоскопии и риноскопии; под руководством доцента Грубера изучал ушные болезни, у д-ра Розенталя — нервные болезни и электротерапию; у д-ра Штриккера, ассистента Брюкке, прошел курс эмбриологии. При всех этих разнообразных занятиях он предпринимал у проф. Брюкке самостоятельную физиологическую работу об особенностях в строении желудочных желез. Совместно с ассистентом Брюкке — д-ром Штриккером Кошляков произвел ряд опытов над воспалением желудка у животных под влиянием впрыскиваний растворов аммиака. Результаты этих опытов напечатаны им в статье: *Experimente über Entzündungen des Magens* (Sitzungsberichte d. Kais. Academie der Wissenschaften. B. LIII; Мед. Вестн. №№ 27 и 28, 1866 г.); в этой работе изучены условия „крупозного воспаления желудка“. Тоже по русски: „gastritis acuta, материал для патологической анатомии его“. Мед. Вестн. 1866 г. № 27 и 28.

В половине апреля 1866 г. Кошляков переехал из Вienne в Цюрих и здесь, в лаборатории физиолога Фика, произвел экспериментальную работу по вопросу об этиологии подагры, напечатанную в Мед. Вестн. 1866 г. (№№ 39, 40): „о связи свинцового отравления с подагрой“. Опытами на курах он доказал, что между свинцовым отравлением и подагрой вовсе не существует той связи, на которую указывал проф. Гаррод и другие английские ученые: в крови кур, получавших свинцовые соли, не было и

следа мочево́й кислоты. У проф. Фика онъ занимался также опредѣленіемъ количества теплоты въ сокращающихся при различныхъ условіяхъ мышцахъ. Кроме того въ Цюрихѣ Кошляковъ прослушалъ курсъ у патолого-анатома Эберта. Лѣто 1866 года онъ желалъ посвятить на ознакомленіе съ важнѣйшими австрійскими и германскими минеральными водами, но начавшаяся война между Австріей и Пруссіей помѣшала ему, и онъ возвратился въ Петербургъ въ іюль 1866 года.

19 окт. 1866 года Кошляковъ прочелъ пробную лекцію объ уреміи для получения званія приватъ-доцента и представилъ Конференціи программу лекцій по предположенному имъ курсу анализа выдѣленій, ларингоскопіи и болѣзней гортани. Послѣ лестнаго отзыва о его ученыхъ трудахъ со стороны профессоровъ Бессера и Боткина, онъ былъ избранъ единогласно и допущенъ къ чтенію лекцій. (Прот. № 10, 1866).

Состоя при клиникѣ С. П. Боткина Кошляковъ, по свѣдѣтельству Боткина, всецѣло преданъ наукѣ и дѣлу преподаванія. Въ это время онъ напечаталъ:

„О дѣйствиі фосфороводорода на кровь и ея пигменты (Мед. Вѣстн., 1867, №№ 10, 20 и Centralblatt f. d. med. Wissensch. 1867. № 27).

Дѣйствіе амміака, мышьяковорода и сурьмоворода на пигменты крови. (Мед. Вѣстн. 1867 № 20.)

Отличіе Петенкофорово́й реакціи на желчныя кислоты отъ реакціи на бѣлки. (Мед. Вѣстн. № 46, 1867).

О сократительныхъ тѣлцахъ въ продуктахъ катаральнаго воспаленія. (Прот. засѣд. О-ва русс. врачей, 1867, ноябрь).

Кромѣ того подъ его руководствомъ было сдѣлано нѣсколько самостоятельныхъ работъ студентами и врачами.

На этомъ основаніи, по представленію С. П. Боткина, Кошляковъ избирается 30 дек. 1867 года, почти единогласно (16 : 1), адъюнктъ-профессоромъ, съ отчисленіемъ отъ 2 военно-супох. госпиталя. Оставаясь при клиникѣ Боткина, онъ продолжалъ чтеніе студентамъ 4-го курса лекцій по ларинго-

логіи и анализу выдѣленій, руководилъ ихъ въ практическихъ занятіяхъ и вообще заведывалъ работами всѣхъ учащихся въ клинической лабораторіи. Къ этому времени относятся его статьи „о кишечныхъ капилахъ“ (напечат. въ протоколахъ О-ва русск. врачей № 2, 1869) и „Анализъ мочи“, клиническое руководство для студентовъ и врачей (съ 43 рис.), книга, выдержавшая съ 1869 по 1889 годъ нѣсколько изданій (5) и ставшая настольной у врачей. Далѣе слѣдуетъ рядъ работъ его учениковъ, сдѣланныхъ подъ его руководствомъ:

Н. Соколовъ, о дѣйствіи катарровъ зѣва растворами целочей (Мед. Вѣстникъ, № 50, 1869).

Я. Могилянскій, о дѣйствіи олова на животный организмъ, диссертация.

И. Стефановичъ, о дѣйствіи висмута на животный организмъ, диссертация.

Ө. Дубинскій, о висмутовомъ дифтеритѣ, диссертация.

Лебедевъ, о вліяніи висмута на образованіе гликогена въ печени, диссертация.

Л. Поповъ, Das Co-hämatin (въ Centralblatt f. d. medic. Wissenschaft. № 42, 1868 г. и въ Мед. Вѣстн. № 39, 1868).

Т. Богомоловъ, о спектральныхъ свойствахъ глининовой реакціи желчи, хромогеновъ желчныхъ кислотъ и петенкофорово́й пробы (Мед. Вѣстн. № 28, 1868).

Кривцовъ, о дѣйствіи азотнокислаго и уксусно-кислаго стронціана на животный организмъ.

Заньковский, о дѣйствіи бензойной кислоты на организмъ животныхъ.

Судима-Самойло, о вліяніи тимола на броженіе.

Въ началѣ 70-хъ годовъ С. П. Боткинъ, назначенный лейбъ-медикомъ, неоднократно командировался на продолжительное время въ Крымъ и за границу въ распоряженіе Государыни Императрицы; заведываніе его клиникой и чтеніе лекцій 4-му курсу Конференція поручала адъюнкту-проф. Кошлякову.

Въ 1874 году учреждена экстраординарная кафедра горловыхъ болѣзней, и С. П. Боткинъ предложилъ Комиссіи, управлявшей Академіей, назначить Кошлякова экстраорди-

нарным профессоромъ ея, ссылаясь на его ученые труды и работы его учениковъ: „выполнѣ увѣренный, что одни оглавления различныхъ изслѣдованій и наблюденій Кошлакова могутъ служить неоспоримымъ доказательствомъ достоинствъ предлагаемаго имъ кандидата“, Боткинъ считаетъ за счастье засвидѣтельствовать, „что всѣ перечисленные работы его отличаются правильной постановкой вопросовъ, точностью изслѣдованія и строгой сдержанностью выводовъ. Выборъ различныхъ специальныхъ темъ и самое выполненіе изслѣдованій краснорѣчиво доказываетъ основательное знаніе главнѣйшихъ наукъ, входящихъ въ составъ медицинскаго образованія въ обширномъ смыслѣ этого слова. Самостоятельныя изслѣдованія Кошлакова по фармакогнозії, физиології и клинической медицинѣ обогатили науку многими новыми фактами и даютъ ему полное право на почетное мѣсто не только въ средѣ русскихъ, но и заграничныхъ ученыхъ“ (Журн. Комиссіи № 37, 1875).

Соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Боткина, Комиссія избрала Кошлакова экстраординарнымъ профессоромъ, что было утверждено 31 дек. 1875 г.

Сверхъ чтенія курса горловыхъ болѣзней, Кошлаковъ по прежнему по цѣлымъ семестрамъ завѣдывалъ академической терапевтической клиникой и читалъ лекціи 4-му курсу во время продолжительныхъ командировокъ проф. Боткина въ распоряженіе Императрицы Маріи Александровны (между 1876 и 1880 гг.), а также въ теченіе войны 1877 г.

Послѣ выхода въ отставку проф. Эйхвальда, Кошлаковъ былъ, по убѣжденію Конференціи, кандидатомъ, имѣющимъ наибольшія и безспорныя права на вакантную кафедру госпитальной клиники. Избраніе его (15 голосами противъ 2) было утверждено 3 дек. 1883 года, съ назначеніемъ ординарнымъ профессоромъ.

13 января 1887 года исполнилось 25 лѣтіе учебной службы Кошлакова, причемъ онъ былъ избранъ Конференціей еще на 5 лѣтъ, но еще до истеченія этого срока онъ вышелъ въ отставку по болѣзни 21 октября 1890 года и скоро потомъ

умеръ, 6 янв. 1891 г. къ этому послѣднему періоду его дѣятельности относятся слѣдующія его работы:

„*Два случая инородныхъ тѣлъ въ полости зѣва и гортани*“ газета Боткина, 1881 г. № 12.

„*Искусственное воспроизведеніе и графическое изображеніе голоса и его аномалій*“. Прот. о-ва русск. врачей 1882—1883 г. и Врачъ 1883 г.

„*Типы колебаній голосовыхъ связокъ*“. Врачъ 1884 г. №№ 34, 36, 38.

„*Параличъ расширителей гортани центрального происхожденія*“, Русск. Мед. 1885 г. №№ 1 и 2.

Въ теченіе семилѣтняго завѣдыванія Д. И. Кошлаковымъ госпитальной терапевтической клиникой въ ней не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Съ этого времени начинается печатаніе въ протоколахъ Конференціи подробныхъ отчетовъ, дающихъ полную возможность прослѣдить изъ года въ годъ состояніе клиники и результаты дѣятельности ея персонала. Въ клиникѣ проф. Кошлакова (1-мъ терапевт. отдѣленіи) было, по прежнему, всего 105 кроватей (85 мужскихъ и 20 женскихъ): 55 военныхъ мѣстъ (10 офиц., 45 солд.) и 50 гражданскихъ, въ томъ числѣ только 1 платное¹⁾.

Объ общемъ количествѣ стационарныхъ и амбулаторныхъ больныхъ съ 1884 по 1891 г. даетъ представленіе слѣдующая таблица²⁾:

¹⁾ Въ 1884 г. постановленіемъ Военнаго Совѣта къ имѣющимся въ госпиталѣ 250 безплатн. мѣстамъ прибавлено еще 40, платныхъ мѣстъ оставлено всего 10. (Прот. Конф. 1884/5 г.).

²⁾ Составлено на основаніи отчетовъ клиники.

		Было			Выписано изъ вл.			Перевед. въ др. вл.			Умерло			Осталось		
		общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.
1884— 85 уч. г.	Стац. больн.	686	678	8	525	524	1	41	41	—	55	55	—	65	58	7
	Амб. больн.	609	392	217	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1885— 86 уч. г.	Стац. больн.	913	796	117	681	604	77	75	65	10	85	71	14	72	56	16
	Амб. больн.	577	341	236	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1886— 87 уч. г.	Стац. больн.	917	839	78	710	656	54	62	58	4	82	69	13	63	55	7
	Амб. больн.	506	332	174	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1887— 88 уч. г.	Стац. больн.	1004	879	125	853	764	89	—	—	—	98	75	23	53	40	13
	Амб. больн.	1635	882	753	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1888— 89 уч. г.	Стац. больн.	875	761	104	723	634	89	4	4	—	99	79	20	49	44	5
	Амб. больн.	744	460	284	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1889— 90 уч. г.	Стац. больн.	805	701	104	638	562	76	1	1	—	112	88	24	54	50	4
	Амб. больн.	974	580	394	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Въ 1886 г. по представлению Конференціи, съ разрѣшенія Военнаго Совѣта, введены вновь существовавшія нѣкогда въ госпитальной терапевтич. клиникѣ и незамѣтно вышедшія изъ практики очередныя дежурства студентовъ V курса для изученія практическаго ухода за больными и ознакомленія съ обязанностями дежурнаго по госпиталю врача¹⁾.

Средства, отпускавшіяся на содержаніе клинической лабораторіи, при проф. Кошляковѣ значительно увеличены, что дало возможность обставить надлежащимъ образомъ научныя изысканія. Такъ въ 1884/5 уч. году приобретено для клиники инструментовъ на 832 р. 90 к., химической посуды на 378 р. 95 коп., титрованныхъ жидкостей и разныхъ реактивовъ на 345 р. По ходатайству Кошлякова, въ виду большаго числа работавшихъ при его клиникѣ врачей, ежегодная сумма 600 р., ассигнованная на поддержки кафедры госпит. терапевтич. клиники увеличена до 900 руб. въ годъ (Прот. Конф. 20 янв. 1890 г.).

¹⁾ Дѣло Канц. Ак. I стола № 48, 1884/5 г. Дежурства введены также въ хирург. и акуш. клиникахъ.

Профессоръ Кошляковъ читалъ клиническія лекціи надъ больными 2 раза въ недѣлю по 1½ часа въ аудиторіи и дѣлалъ дважды въ недѣлю обходы больныхъ клиники со студентами и врачами. Ассистентъ его В. И. Чemezovъ руководилъ по вечерамъ практическими клиническими занятіями студентовъ и иногда, по желанію ихъ, читалъ по нѣсколько лекцій о методахъ лѣченія. Кромѣ того при клиникѣ состояли приватъ-доценты, читавшіе студентамъ и врачамъ отдѣльные спеціальныя курсы. Такъ прив. доц. Н. П. Симановскій читалъ горловые болѣзни, и велъ практическія занятія со студентами и врачами на матеріалѣ клиники. Приватъ-доцентъ Кликовичъ преподавалъ студентамъ клиническую микроскопію со включеніемъ клинической бактериологіи (1 разъ въ недѣлю по 2 ч.), занимался клиническимъ разборомъ больныхъ (1 разъ въ недѣлю по 2 ч.) и читалъ особый частный курсъ бактериологіи съ практическими занятіями (6 недѣль), 2 раза въ недѣлю по 2—3 часа. Прив. доцентъ Т. Богомоловъ руководилъ занятіями студентовъ и докторантовъ въ лабораторіи клиники. Прив. доцентъ Г. А. Смирновъ (въ 1884/5 г.) занимался со студентами V курса разборомъ больныхъ въ женскомъ отдѣленіи клиники. Онъ же читалъ (въ 1889—90 г.) при клиникѣ студ. V курса лекціи по патологіи и терапіи болѣзней почекъ и съ февраля 1890 г., послѣ назначенія В. И. Чemezova врачомъ И. В. Мед. Академіи, исполнялъ обязанности ассистента клиники. Прив. доц. Коркуновъ въ 1889—90 уч. году читалъ лекціи клинической микроскопіи и бактериологіи. Въ томъ же году д-ръ Гопадзе занимался практически со студентами масажемъ на стаціонарныхъ больныхъ.

Всѣ названные приватъ-доценты принимали со студентами амбулаторныхъ больныхъ въ опредѣленные дни и часы. При клиникѣ Д. И. Кошлякова состояло врачей въ качествѣ ординаторовъ:

въ 1884—5 уч. г. — 17 врачей; 1885—6 уч. г. — 12 врачей; 1886—7 уч. г. — 19 врачей; 1887—8 уч. г. — 22 врача; 1888—9 уч. г. — 28 врачей; 1889—90 уч. г. — 28 врачей.

Благодаря обширнымъ научнымъ познаніямъ Кошлякова,

готовности его дѣлиться со всѣми своимъ большимъ клиническимъ опытомъ и привлекательности его характера, его клиника была полна занимающимися врачами и отличалась выдающейся научной производительностью.

Изъ его клиники вышли слѣдующія работы врачей, сдѣланные подъ его руководствомъ¹⁾.

Въ 1884—1885 учебн. году:

Феноменовъ. „Пептонурія, какъ клинической симптомъ при различныхъ заболѣваніяхъ“, диссертация.

С. Яковлевъ. „Случай полного зарощенія лѣвой сонной артерій и суженія лѣвой подключичной, вследствие склероза аорты“. (Врачъ, № 24, 1884).

А. О. Спенглеръ. „Случай воспаления оболочекъ черепного и спинного мозга вследствие костофды височной части“. (Врачъ, № 27, 1884).

К. П. Курчениновъ. „Glioma telangiectodes центральныхъ узловъ правой стороны, какъ причина гемиплегіи“. (Врачъ, 1884 ?).

Р. Вульфъ. „Къ вопросу о клиническомъ значеніи опредѣленія бѣлка въ патологическихъ трансудатахъ“, диссертация.

М. Тихомировъ. „О выдѣленіи мочевоы кислоты при лихорадочныхъ болѣзняхъ“, диссертация.

Рапчевскій. „Къ вопросу о палочкахъ азіатской холеры Koch'a и палочкахъ Fincler'a при cholera nostras“. (Врачъ № 7, 1885).

Феноменовъ. „Случай чрезмѣрнаго расширенія желудка (Врачъ, № 16, 1885).

Григорьевъ. „Микроорганизмы кумыса“ (Русская Мед. №№ 16, 17, 1885 г.).

Каменскій. „Къ вопросу о глобулиновъ въ мочѣ нефритиковъ“. (Врачъ № 23, 1885).

¹⁾ Списокъ работъ составленъ мною по Прот. Конф. отъ 1884 по 1890 г.

Спенглеръ. „Случай аневризмы грудной аорты“ (Врачъ № 31, 1885).

Лещинскій. „Къ вопросу о живыхъ ферментахъ кислаго броженія мочи“. (Русс. Мед. № 37, 1885 г.).

Кромѣ того доцентъ Н. П. Симановскій напечаталъ: „о функциональныхъ разстройствахъ голосоваго аппарата въ періодъ наступленія половой зрѣлости“. (Ежед. клинич. газета, 1885).

Въ 1885—1886 учебн. году:

Коркуновъ. „Матеріалы къ вопросу объ обменѣ и усвоеніи азотистыхъ веществъ при дѣленіи кобыльимъ молокомъ“ (Врачъ, 1885).

Его же: „Кіельдаль-Бородинскій способъ опредѣленія азота органическихъ веществъ“.

Д. Каменскій. „Матеріалы къ изученію клиническаго значенія глобулинурии при хроническомъ воспаленіи почекъ“. Диссертация.

Григорьевъ. „Усвоеніе и обменъ веществъ при дѣленіи кровью“. (Русск. Мед.)

Его же. „Къ вопросу объ окраскѣ микроорганизмовъ по способу Коха—Эрлиха“.

Въ 1886—1887 учебн. году:

Е. Д. Бафталовскій. „Вліяніе различнаго рода пищи на качество и количество азотистаго метаморфоза у человѣка“. Диссертация.

Курчаниновъ. „Матеріалы къ вопросу объ усвояемости азотъ содержащихъ частей пшена“. Диссертация.

Евдокимовъ. „Опытъ опредѣленія азотистаго обмена у человѣка въ качественномъ и количественномъ отношеніи“ (о выдѣленіи азота мочою и потомъ при нефритѣ). Диссертация.

Нечаевъ. „Діагностическое значеніе соляной кислоты въ желудочномъ сокѣ при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ желудка“. Диссертация.

Натансонъ. „Матеріалы къ водолѣченію горячечныхъ“.
Каменскій. „Къ вопросу объ открытіи бугорковыхъ палочекъ въ мокротѣ чахоточныхъ“ (Врачъ № 13, 1887).

Въ 1887—1888 учебн. году:

Дашкевичъ. „Матеріалы для опредѣленія азотистаго обмѣна у сердечныхъ больныхъ въ періодѣ разстройства компенсаціи“. Диссертация.

А. П. Фавицкій. „Объ азотистомъ метаморфозѣ при циррозѣ печени“. Диссертация.

Абрамовичъ. „Азотистый обмѣнъ при крупозномъ воспаленіи легкихъ“. Диссертация.

Марковъ. „Объ азотистомъ обмѣнѣ у здоровыхъ людей при абсолютной молочной діатѣ“. Диссертация.

Лобановъ. „О молочномъ лѣченіи скорбутныхъ больныхъ“. Диссертация.

Григорьевъ. „Матеріалы для опредѣленія азотистаго метаморфоза въ качественномъ и количеств. отношеніяхъ при болѣзняхъ почекъ“. Диссертация.

Буткевичъ. „О колебаніи кровяного давления у чахоточныхъ при различной температурѣ тѣла и подъ вліяніемъ теплыхъ ваннъ“. Диссертация.

М. Блюменау. „О физиологическомъ и терапевтическомъ дѣйствіи Strophantus Kombé, какъ средства сердечнаго и мочегоннаго“. Диссертация.

Е. Бафтадовскій. „Способы опредѣленія мочевой кислоты“. (Врачъ, № 18, 1888 г.).

Голынецъ. „Смертность отъ крупознаго воспаленія легкихъ въ С.-Петербургѣ, въ зависимости отъ возрастнаго состава населенія за 1881—1886 г.“. (Врачъ, № 22, 1888).

Бушуетъ. „Матеріалы для сравнительной оцѣнки способовъ удаленія изъ мочи недоокисленныхъ веществъ“. (Врачъ, № 19, 1888 г.).

Его-же: „Къ казуистикѣ кишечныхъ язвъ“. (Врачъ № 40, 1888).

Пановъ. „Объ употребленіи хлорновато-каліевой соли въ Кіельдаль-Бородинскомъ способѣ (Врачъ, № 40, 1888).

Константиновъ. О вліяніи olei santali на количество бѣлка, выдѣляемаго при нефритѣ.

Бушуетъ. Примѣненіе салициловаго натра при воспаленіи почекъ.

Лисовскій. О выдѣленіи мочевой кислоты при различныхъ заболѣваніяхъ¹⁾.

Эдемскій. „Матеріалы къ вопросу о дѣйствіи антифебрина при различныхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ на температуру, пульсъ, дыханіе и т. д.“ Диссертация. (Подъ руководствомъ доцента Т. Богомолова).

Въ 1888—1889 учебн. году:

Бушуетъ. „Каломель при водянкахъ“. Диссертация.

Пановъ. „О содержаніи азота въ мокротѣ“. Диссертация.

Каменскій. „Случай постоянного выдѣленія желудочнаго сока“ (Врачъ, 1889).

Осендовскій. „Къ вопросу о лѣченіи ментоломъ бугорчатки гортани“ (Мед. Обзор., 1889).

Смирновъ выѣстъ съ д-ромъ Павловымъ: „возрожденіе поджелудочной железы у кролика“, (Врачъ, 1889)

М. Блюменау. „О количественномъ опредѣленіи соляной кислоты въ желудочномъ сокѣ по способу Sjöqvist'a“. (Врачъ, 1889).

Голынецъ. „Смертность отъ возвратнаго тифа въ СПб. и Москвѣ въ 1877—1887 гг.“ (Врачъ, 1889).

Онъ-же: „О лѣченіи гортанной чахотки молочной кислотой“ (Мед. Обзоріе, 1889).

Коркуновъ. „Матеріалы къ вопросу о прохожденіи ниспихъ организмозъ чрезъ кишечникъ“. (Врачъ, 1889 г.).

Е. Блюменау. „Къ вопросу о дѣйствіи алкоголя на отравленія желудка у здоровыхъ“. (Врачъ, 1889).

¹⁾ Въ отчетѣ за 1887—88 уч. годъ послѣднія три работы названы приговоренными къ печати.

А. П. Фавицкій. „О геморрагическом ларингите“. (Врач, 1888 г.)

Онъ-же. „Ихтіоль при желудочно-кишечныхъ катаррахъ“ (Врач, 89 г.).

Онъ-же. „О количественномъ содержаніи амміака въ мочѣ и степени ея кислотности при циррозѣ печени“ (Врач, 89 г.).

Онъ-же. „О разстройствѣ голосового аппарата въ періодѣ полового созрѣванія“ (Мед. Обзор., 89 г.).

Онъ-же. „О вліянніи горечи на количество свободной соляной кислоты въ желудочномъ сокѣ при нѣкоторыхъ формахъ желудочно-кишечныхъ катарровъ“. (Врач, 89 г.).

Онъ-же. „Гваяколь при чахоткѣ“. (Мед. Обзор., 89 г.).

Онъ-же. „О лѣченіи горловой чахотки креолиномъ“. (Мед. Обзор., 89).

Онъ-же. „О лѣченіи горловой чахотки нафтоломъ“ (Мед. Обзор., 89).

Онъ-же „Ueber laryngitis haemorrhagica“ (Monatschr. f. Ohrenheilkunde, Nasen-Rachen-Kehlkopfkrankheiten, 1889).

Боркуновъ. „Результаты лѣченія туберкулеза дыхательными горячаго воздуха по способу Вейгерта“.

А. П. Фавицкій. „О нѣкоторыхъ особенностяхъ желудочнаго пищеваженія при циррозѣ печени“.

Е. Блюменау. „Къ вопросу о дѣйствіи эйкалиптола при чахоткѣ“.

Въ 1889—90 учебн. году:

Оссендовскій. „О дѣйствіи ментола при бугорчаткѣ гортани и легкихъ“. Диссертация.

Абутковъ. „О вліянніи препаратовъ опія, морфія и кодеина на отправленіе желудка“. Диссертация.

Е. Блюменау. „Къ вопросу о вліянніи алкоголя на отправленіе желудка“. Диссертация.

Войновичъ. „Дѣятельность желудка, пораженного ракомъ“. Диссертация.

Гопадзе. „Къ вопросу о вліянніи массажа живота на

свойства желудочнаго сока при хроническихъ катаррахъ желудка“. (Врач, 89 г. №№ 47, 48).

Каменскій. „О количественномъ опредѣленіи барія при изслѣдованіи соляной кислоты желудочнаго содержимаго по способу Sjöqvist'a“. (Врач, 90 г. № 17).

Пановъ. „Къ вопросу о вліянніи сѣрнокислаго атропина на выдѣленіе соляной кислоты въ желудочномъ сокѣ“. (Врач, 90 г. № 7).

Бушувъ. „Массажъ при одновременномъ употребленіи ваннъ въ Друскеникахъ“. (Врач, 1890, № 14).

Онъ-же. „Ихтіоль при длительномъ воспаленіи почекъ“. (Врач, 1890, № 2).

Этотъ длинный списокъ научныхъ трудовъ, вышедшихъ изъ клиники Д. И. Кошлакова *) и произведенныхъ по его предложенію и подъ его руководствомъ, достаточно свидѣтельствуеетъ, какъ добросовѣстно онъ относился къ дѣлу преподаванія, и какъ строго научно была поставлена имъ клиника. Вся жизнь покойнаго Д. И. Кошлакова была вполне посвящена исключительно клинической дѣятельности, научнымъ изысканіямъ и служенію больнымъ. Онъ никогда не занималъ какихъ либо другихъ видныхъ вліятельныхъ мѣстъ въ Академіи, въ которой протекла вся его дѣятельность. Здѣсь онъ оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія не только какъ серьезный ученый и чрезвычайно добросовѣстный наставникъ, но и какъ безгранично добрый и хорошій человѣкъ. У всѣхъ еще слишкомъ свѣжи воспоминанія о покойномъ учителѣ. Его чтенія не отличались блескомъ изложенія или какими нибудь внѣшними достоинствами, такъ какъ Д. И. Кошлаковъ не былъ выдающимся лекторомъ; но за то слушатели всегда находили въ нихъ богатство содержанія, обширный клинической опытъ, отличное знакомство съ современной литературой. Обладая глубокими, рѣдкими среди врачей познаніями по физикѣ, химіи и микроскопической техникѣ, при всѣмъ извѣст-

*) Здѣсь не названы труды приватъ-доцентовъ, состоявшихъ при клиникѣ за неизмѣнимъ полныхъ указаній въ отчетахъ.

ной готовности своей помогать всімъ желающимъ совѣтами и указаніями, онъ былъ драгоцѣннымъ руководителемъ молодыхъ врачей. Какъ врачъ практикъ, Д. И. Кошляковъ былъ выдающимся діагностомъ и прекраснымъ терапевтомъ, осторожнымъ и дальновиднымъ въ своихъ заключеніяхъ. Всѣ врачи цѣнили въ немъ внимательнаго и опытнаго консультанта.

„Прямота его души, мягкосердіе и честность дали ему полное право пользоваться уваженіемъ своихъ товарищей-профессоровъ, а ученики горячо любили своего учителя за его доступность, компетентный и неутомимый трудъ при занятіяхъ съ ними“¹⁾.

Послѣ выхода въ отставку Д. И. Кошлякова кафедра была объявлена свободной; временное завѣдываніе клиникой и чтеніе лекцій Конференція поручила въ октябрѣ 1890 года ассистенту клиники приватъ-доценту Г. А. Смирнову. 4 мая 1891 года на кафедру госпитальной терапевт. клиники былъ избранъ ассистентъ клиники Ю. Т. Чудновскаго, приватъ-доцентъ Ѳ. И. Пастернацкій²⁾, утвержденный экстраординарнымъ профессоромъ этой кафедры 9 іюня 1891 г. Ассистентомъ при кафедрѣ оставался до ноября 1892 г. Г. А. Смирновъ, а съ этого времени состоятъ приватъ-доцентъ А. П. Фавицкій (утвержд. съ 4 іюня 1893 г.); кромѣ того при клиникѣ состояли д-ръ Гамалія (съ 1892 по 1896 г.) и приватъ-доцентъ К. А. Вагнеръ (съ 1894 г.).

Ординаторами были оставлены при Академіи институтскіе и другіе врачи (въ томъ числѣ женщины врачи), состоящіе при женскомъ отдѣленіи):

6. „Случай видимаго неодолеимаго сокращенія обѣихъ половинокъ сердца при сложномъ порокѣ его“ (Еженедѣльн. клин. газета, 1881 г. № 3 и отд. оттискъ).

7. „О смѣшанныхъ формахъ тифовъ“ (Труды о-ва русск. врачей въ Спб. 1881 г. и рефератъ о томъ же, Врачъ, 1881 г. № 14, отдѣльн. оттискъ).

8. „Два случая саза у человека“ (Еженед. клин. газета, 1881, №№ 15—17, и отд. оттискъ).

9. „Случай зараженія корью и пятнистымъ тифомъ больного, имѣвшаго возвратную горячку“ (Врачъ, 1881 г. № 34 и отд. оттискъ).

10. „Медицинскій отчетъ С.-Петербургской городской временной больницы 1880 г. для горячечныхъ, изданный бывшими ея врачами, подъ редакціей профессора Ю. Т. Чудновскаго. Пастернацкому принадлежатъ слѣдующія статьи отчета:

а) „Зараженіе больныхъ и персонала тифами въ самой больницѣ“ (отъ 103 до 125 стр.).

б) „Сыпной тифъ чистый и осложненный“ (отъ 164 до 207 стр.).

в) „Възвратный тифъ“ (отъ 207 до 212 стр.).

г) „Неопредѣленные формы тифовъ“ (отъ 212 до 216 стр.).

е) „Другія заразные болѣзни: одиночныя формы и сочетанныя съ другими инфекционными формами (отъ 315 до 333 стр.).

г) Больничной сыпной тифъ: 1) „смѣшанныя формы тифовъ больничнаго зараженія“ (отъ 341 до 427 стр. и отд. оттискъ); 2) „сочетаніе скорбута съ сыпнымъ тифомъ“ (отъ 428 до 432 стр.). Рефератъ того же мед. отчета въ Еженед. клин. газетѣ, 1882, №№ 2, 4, 6, 7, 9, 11 и отд. оттискъ.

11. „Случай острой атрофіи печени (atrophia fusca hepatis) съ такъ называемыми холемическими приступами“ (Врачъ 1882 г. № 33 и отд. оттискъ).

12. „Исчезновеніе водянки подъ вліяніемъ тифознаго процесса“ (Врачъ, 1882 №№ 38—41 и отд. оттискъ).

13. „Графическое выраженіе температурныхъ величинъ при острыхъ лихорадочныхъ болѣзняхъ“ (Врачъ, 1883 г. №№ 10 и 11 и отд. оттискъ).

14. „Къ вопросу о вліяніи сухихъ горячихъ ваннъ“ (Врачъ 1886 года, №№ 1 и 2 и отд. оттискъ).

¹⁾ Изъ отчета за 1890—91 г. (Прот. Конф. 1890—91).

²⁾ На кафедру госпит. терапевт. клиники конкурировали: бывшій профессоръ Харьковскаго у-та Кремлевскій, приватъ-доценты Академіи: Богомоловъ, Васильевъ, Дроздовъ, Пастернацкій, Сиротиницъ, Соколовъ и Яновскій; профессоръ Варшавскаго у-та Столыниковъ (Васильевъ и Столыниковъ умерли до баллотированія). Конференція избрала большинствомъ голосовъ Ѳ. И. Пастернацкаго, представившаго слѣдующіе ученые труды:

1. „Случай заплыванія аскариды въ желчные протоки печени“ (Прот. засѣданія о-ва Кіевск. врачей, № 11, 1873 г. 5-го мая и отд. оттискъ).

2. „Случай инкапсулированнаго абсцесса мозжечка“ (Прот. засѣд. о-ва Кіевск. врачей, 1878 г. 12 дек. и отд. оттискъ).

3. „Случай гліосаркоматозной телеангиэктазированной (gliosarcoma telangiectoides) опухоли въ правой половинѣ мозга“ (Прот. засѣд. о-ва Кіевск. врачей, 1876 г. 16 окт. и отд. оттискъ).

4. „Очеркъ тифозныхъ процессовъ, наблюдавшихся въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ въ 1876 г. Послѣдній привѣтъ памяти проф. В. Т. Покровскаго и его исторія болѣзни“ (Прилож. къ прот. засѣд. о-ва Кіевск. врачей за 1876—77 г. и отд. оттискъ).

5. „Эпизентонное состояніе въ періодъ полового развитія и эпизентонформный тетанусъ подъ вліяніемъ травматической причины“ (Прот. засѣд. о-ва Кіевск. врачей, 1877 г. 21 марта и отд. оттискъ).

Въ 1891—2 уч. году было 15 ординаторовъ, 1892—3 г.—16 орд. (включая 3 ж. вр.), 1893—4 уч. г.—13 орд. (включая 2 ж. вр.), 1894—5 г.—14 орд. (включая 2 ж. вр.), 1895—6 г.—12 орд. (включая 2 ж. вр.), 1896—7 г.—10 орд. ').

До 1893 года клиника оставалась съ тѣмъ же числомъ

15. „О неравномерности зрачковъ при внутреннихъ болѣзняхъ. Предварительн. сообщеніе“ (Врачъ, 1886 г. №№ 49 и 51 и отд. оттискъ).

16. „О неравномерности зрачковъ при аневризмахъ аорты и болѣзняхъ сердца“ (труды о-ва русск. врачей въ Сиб. 1886—87 и отд. оттискъ)

17. „О распределеніи тепла въ тѣлѣ лихорадящаго организма подъ вліяніемъ антипирина, таллина и антифебрина; о вліяніи этого распределенія на температуру кожи, отдачу ею теплоты и потоотдѣленіе. Предварительн. сообщеніе“ (Врачъ, 1887 г. №№ 2 и 4 и отд. оттискъ).

18. „Къ вопросу о дѣйствіи жаропонижающихъ таллина, антипирина и антифебрина на температуру внутреннюю и внѣшнюю и на потери тепла кожей лихорадящаго организма. Клинич. изслѣдованіе. Диссертация. Сиб. 1888 г.

19. „О вліяніи современнаго жаропонижающаго лѣченія на частоту возвратовъ брюшного тифа. Лекція, прочитанная предъ Конф. В. Мед. Академіи для получения званія частнаго преподавателя клиники внутреннихъ болѣзней“ (Врачъ, 1888 г. №№ 22, 23, 26 и 27 и отд. оттискъ).

20. „Объ измѣненіяхъ пульса и кровяного давленія у лихорадящихъ подъ вліяніемъ жаропонижающихъ: таллина, антипирина и антифебрина“ (Врачъ, 1889 г. №№ 23 и 24 и отд. оттискъ).

21. „Къ вопросу о дальнейшей судьбѣ спиротэтъ въ крови возвратнотифозныхъ“. Предварит. сообщеніе (Врачъ, 1890 г. №№ 6 и 8 и отд. оттискъ).

22. „Новый способъ сохраненія и разоводки спиротэтъ Obermeyer'a въ пиявкахъ (higudo medicinalis). Предварит. сообщеніе“. (Врачъ, 1890 г. № 13 и отд. оттискъ).

23. „Кислородъ и его лѣчебныя средства“ (Журн. русск. о-ва охраненія народн. здравія, 1890 г. и отд. брошюра).

24. „Сравнительное дѣйствіе углежелезистыхъ ваннъ Нарзана различныхъ температуръ на давленіе крови, величину пульса, внутреннюю и внѣшнюю температуру тѣла и на измѣненіе чувствительности кожи“. (Журн. Русск. О-ва охран. нар. здравія, 1891 г.).

*) Ординаторами съ 1891 г. были: институтскіе врачи—Г. М. Взаевъ, Трауготъ, Яблонскій, Н. Кульбинъ, К. Назаровъ, Ляуды, П. А. Введенскій, П. А. Коненскій, Степановъ; врачи—Аренъ, Березинъ, Васильевъ, Гесселевичъ, Гопадзе (3 года), Грюнгеймъ (3 года), Гелейнъ, Догалъ, Дербетъ, Калининъ, Каменскій, Левашовъ, Левинъ, Менделѣсонъ, Милаевскій, Б. В. Михайловскій (3 года), В. Ф. Орловскій, П. Поповъ, Е. А. Ратнеръ (4 года), Сасапарель (2 года), Струженскій, Троновъ, Яголковскій и женщины-врачи: А. И. Нудина (4 года), Е. Дрентельнъ, С. Маркова.

кроватей, какъ и раньше при проф. Кошляковѣ (105 мѣстъ, 85 мужск. изъ нихъ 55 военныхъ, 30 граждан. и 20 гражд. женскихъ).

Съ 1893 по 1897 годъ въ клиникѣ было 96 кроватей (78 мужск. и 18 женскихъ), за отчисленіемъ 9 кроватей для клиники нервныхъ болѣзней; наконецъ, по послѣднему росписанію 1897 года, за выдѣленіемъ 10 кроватей по случаю открытія въ Академіи клиники заразныхъ болѣзней, число кроватей въ госпит. терапевтической клиникѣ уменьшено до 86 (68 мужч. и 18 женщ.). Движеніе больныхъ въ клиникѣ съ 1891 г. видно изъ слѣдующей таблицы:

		Было			Выписано изъ кл.			Перевед. въ др. кл.			Умерло			Осталось		
		общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.	общ. ч.	мужч.	женщ.
1890—91 уч. г.	Стац. болън.	712	615	97	576	506	70	42	40	2	65	43	22	29	26	3
	Амб. болън.	892	503	389	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1891—92 уч. г.	Стац. болън.	786	684	102	652	571	81	46	42	4	84	75	9	34	26	—
	Амб. болън.	844	594	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1892—93 уч. г.	Стац. болън.	733	642	91	654	574	80	—	—	—	67	58	9	12	10	2
	Амб. болън.	1335	867	468	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1893—94 уч. г.	Стац. болън.	768	652	116	600	510	90	57	51	6	80	65	15	31	26	5
	Амб. болън.	1282	954	328	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1894—95 уч. г.	Стац. болън.	822	704	118	643	549	94	59	54	5	74	56	19	45	45	—
	Амб. болън.	1328	990	338	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1895—96 уч. г.	Стац. болън.	919	803	116	802	700	102	—	—	—	87	73	14	30	30	—
	Амб. болън.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Изъ улучшеній въ клиникѣ слѣдуетъ отмѣтить расширеніе лабораторіи присоединеніемъ двухъ небольшихъ комнатъ (см. планъ № 1-й), устройство въ ней двухъ химическихъ печей, дистилляціоннаго куба, химическихъ столовъ и пр. Лабораторія снабжена достаточнымъ числомъ водопроводныхъ кра-

новъ и газовыхъ горѣлокъ). (Отчетъ въ прот. конф. 1891—2 г.). Въ 1892—3 уч. году при клиникѣ, по ходатайству профессора, устроена клинко-бактеріологическая лабораторія (изъ 2-хъ комнатъ), снабженная всеми необходимыми снарядами и аппаратами. Завѣдывалъ ею д-ръ Гамалѣя; кромѣ обычныхъ клинко-бактеріологическихъ изслѣдованій, врачи холерного съѣзда 1893 г. и студенты знакомились здѣсь, подъ руководствомъ прив. доц. Фавицкаго и Гамалѣи, со способами бактеріологическихъ изслѣдованій холерныхъ выдѣленій. Въ холерные годы—1892 и 1893 при госпитальной терапевт. клиникѣ было устроено въ двухъ баракахъ особое холерное отдѣленіе, состоявшее, по постановленію Конференціи въ завѣдываніи проф. О. И. Пастернацкаго и А. П. Фавицкаго, при 4 ординаторахъ.

Въ клиникѣ проф. О. И. Пастернацкаго установленъ слѣдующій порядокъ занятій. Три раза въ недѣлю въ назначенные часы (по 1½ часа) профессоръ читаетъ клиническія лекціи надъ больными въ аудиторіи (въ понед., вторникъ, пятницу) и два раза въ недѣлю (въ среду и субботу) дѣлаетъ со всемъ курсомъ обходъ мужского и женскаго отдѣленія клиники, причемъ кураторы представляютъ ему своихъ больныхъ. Кромѣ того профессоръ ежедневно обходитъ больныхъ съ ординаторами и практикантами. Для практическихъ занятій студентовъ V курса стационарные больные распределяются по очереди между кураторами. Послѣдніе дѣлаютъ самостоятельно распознаваніе и предсказаніе, намѣчаютъ планъ лѣченія; они же ведутъ дальнѣйшее наблюденіе за больнымъ и пишутъ подробную исторію болѣзни, къ которой присоединяютъ графическія изображенія внутреннихъ органовъ и графическія изображенія всѣхъ остальныхъ клиническихъ данныхъ (вѣсъ, пульсъ и т. д.); вообще занятія практикантовъ въ клиникѣ ведутся по возможности самостоятельно, подъ надзоромъ профессора и ассистента. Во время обхода больныхъ профессоръ

¹⁾ Въ 1893 г. въ клиник. военномъ госпиталѣ введено всюду электрич. освѣщеніе.

предлагаетъ кураторамъ (практикантамъ) различные вопросы относительно назначеннаго лѣкарства, дѣйствія и формы его и пр. Подъ руководствомъ ординаторовъ студенты практикуются на больныхъ клиники въ усвоеніи пріемовъ массажа, электризаціи, промыванія желудка, подкожныхъ впрыскиваній, выпусканія мочи и пр. Такъ какъ число больныхъ клиники въ учебное время (съ 1-го сент. по 1-е апрѣля) не превышало 350, то каждый студентъ не получалъ для наблюденія двухъ больныхъ, какъ требуется закономъ. Поэтому въ клиникѣ былъ установленъ 6 недѣльный срокъ кураторства, впоследствии сокращенный до 4 недѣль, послѣ чего больной передавался слѣдующему очередному студенту; въ результатѣ каждый студентъ получаетъ до 4 больныхъ въ годъ.

По заведенному порядку студенты несутъ поочередно суточное дежурство въ клиникѣ: дежурному студенту поручаются трудные больные, онъ дѣлаетъ обходъ палатъ утромъ съ профессоромъ, а вечеромъ съ ординаторомъ, отмѣчаетъ перемѣны и назначенія.

По мысли профессора О. И. Пастернацкаго при клиникѣ устраиваются клиническія бесѣды, на которыхъ демонстрируются интересные больные и дѣлаются доклады персоналомъ клиники и студентами ¹⁾.

На амбулаторныхъ пріемахъ (дважды въ недѣлю) въ 1-мъ полугодіи профессоръ самъ демонстрируетъ интересныхъ больныхъ, а во 2-мъ—студенты, въ присутствіи профессора, самостоятельно разбираютъ больныхъ и назначаютъ лѣченіе.

Ассистентъ клиники приватъ доцентъ А. П. Фавицкій дѣлаетъ со студентами обходъ больныхъ, по 2 раза въ недѣлю (по вечерамъ), принимаетъ участіе въ ученыхъ работахъ врачей и въ разное время читалъ студентамъ отдѣльные курсы

¹⁾ Такъ въ отчетѣ за 94—95 уч. годъ видно, что во время этихъ бесѣдъ студ. V курса Трофимовъ сдѣлалъ докладъ: „случай лабораторнаго зараженія сапомъ“, д-ръ Крымченевскій „о противосертивающимъ дѣйствіи на кровь гистона и пивочнаго экстракта“, профессоръ демонстрировалъ на одномъ больномъ шумъ дрожанія гадатидъ.

(курс дифференціальної діагностики і терапії в угрожаючих життю випадках болізниці, в 1892—3 уч. году; в 94 і 95 году Фавицький прочесть ряд демонстративних лекцій по общей симптоматології захворювань почек і пр.).

Приват-доцент К. Э. Вагнерь наблюдає за ходом лічення і занять студентів в жіночому відділенні клініки, дбляє обходів больних з практикантами, читає студентам по воскресеньям (1½ часа) відільні курси (в 1894—5 г. — курси желудочно-кишечних захворювань, в 1895—6 уч. году — клініку болізниці желудочно-кишечного каналу і болізниці крові) і руководить научними роботами лікарів. А. П. Фавицький і К. Э. Вагнерь приймають також со студентами амбулаторних больних (2 рази в неділю).

Виразієм научної діяльності клініки являється слідуючий список робіт, виходящих из госпит. терапевт. клініки¹⁾:

В 1890—91 учебн. году:

Проф. Пастернацький: 1) „Къ вопросу о зараженіи бугорчаткой черезъ обрѣзаніе“, рецензія в „Журн. О-ва Охран. Нар. Здравія“, авг. и сент. 1891 г. 2) „Кисловодскъ и его лічебныя средства“ (Журналъ О-ва Охраненія Нар. Здравія“ 1891 г. и відільная книга) и 3) „О вліянніи угле-кисло-желѣзистыхъ ваннъ Нарзана на давленіе крови, величину пульса, внутреннюю и вѣшнюю температуру тѣла и о значеніи этого вліянія для циркуляціи крови“ (Сообщено в „Рус. О-вѣ Охран. Нар. Здравія“).

Гелейнъ: „Къ вопросу о дѣйствіи электризаціи желудочной области на отравленіе желудка“. Диссертація.

Бунинъ: „Къ вопросу о вліянніи сѣрнокислаго и солянокислаго хинина на отравленіе желудка у здоровыхъ людей“. Диссертація.

Предтеченскій: „Къ вопросу о вліянніи теплыхъ ваннъ

(30° R) на отравленіе желудка у здоровыхъ людей“. Диссертація.

Свирѣлинъ: „Къ вопросу о вліянніи солянокисл. орексина на желудочное пищевареніе“. Диссертація.

Спирингъ: „Къ вопросу о вліянніи мышечной работы на отравленіе желудка здоровыхъ людей“. Диссертація.

Топорковъ: „Къ вопросу о вліянніи креозота на желудочное пищевареніе“. Диссертація.

В 1891—92 учебн. году:

Проф. Пастернацький. „О переливаніи животнымъ крови, поглощенной пиявками“. (Врачъ, 92 г.).

Прив.-доцентъ Фавицький. „О вліянніи продуктовъ выдѣленія нѣкоторыхъ болѣзнетворныхъ бактерій, а также ихъ микропротейна на животный организм“. (Врачъ, 1892 года №№ 15, 16 и 20).

Трауготтъ. „Клиническія наблюденія надъ ліченіемъ блѣдной немочи горячими воздушными ваннами“. Диссертація (предварит. сообщеніе „Врачъ“ 92 г. № 21).

Онъ-же. „О колебаніи удѣльного вѣса крови у возвратно-тифозныхъ больныхъ“. (Врачъ, 92 г. №№ 34, 35).

В 1892—93 учебн. году:

Проф. Пастернацький. 1) „Къ клинической картинѣ (случая) септического зараженія человѣка сибирской язвой“. (Докладъ въ биологич. секціи О-ва Охран. Нар. Здр. 16 марта 93 г.).

2. О вліянніи ваннъ Нарзана на кровообращеніе (Журн. О-ва Охран. Нар. Здр. 93 г.).

3. Газированное молоко, какъ вкусовой, питательный и цѣлебный напитокъ и способъ его приготовленія“. (93 г. отдѣльная брошюра).

Н. Гамалѣя. 1. „Этіологія холеры съ точки зрѣнія экспериментальной патологіи“. Диссертація.

2. „О септической формѣ сибирской язвы у человѣка“.

¹⁾ Работы 1890—91 уч. года произведены во время временнаго завідуванія клінікой Г. А. Смирновымъ.

(Докладъ въ біолог. секціи О-ва Охран. Нар. Здр. 16 марта 93 г.).

3. „О патогенномъ холерномъ вибрионѣ“. (Докладъ въ біолог. секціи О-ва Охран. Нар. Здр. 15 февр. 93 г.).

4. „Du cholera virulent et de la genèse des épidémies“. (Extrait des comptes rendus de la société de biologie, séance 29 июля 93 г. Paris).

Н. Поповъ. 1. „О передачѣ холерного иммунитета молокомъ вакцинированной коровы“. Диссертация.

2. „О лѣченіи холеры, вызванной у морскихъ свинокъ сывороткой молока вакцинированной коровы и о дѣйствиіи пищеварительныхъ броидилъ на иммунизирующее начало этой сыворотки“. (Врачъ, 93 г. №№ 37, 38).

Г. Влаевъ. 1. „Характеристика патогеннаго холернаго вибриона“. Диссертация.

2. „Вліяніе высокой температуры на холерныхъ вибрионовъ и обеззараживаніе изверженій холерн. больныхъ кипяткомъ“. (Врачъ, 93 г. № 33).

3. „Къ вопросу о стойкости и продолжительности жизни у холернаго вибриона въ испражненіяхъ холерныхъ больныхъ“. (Врачъ, 93 г. № 39).

И. Крейндель. „Къ вопросу о вліяніи разрѣженнаго воздуха, дѣйствующаго мѣстно на организмъ“. Диссертация.

В. Борисовскій. „Вліяніе газированнаго (CO₂) сырого молока на содержаніе въ немъ казеина, альбумина и пептона“. Диссертация.

И. Смирновъ. „Къ вопросу о сравнительномъ усвоеніи газированнаго и сырого коровьяго молока здоровыми людьми“. Диссертация.

Ф. Ясенскій. „Матеріалы къ фармакологич. и терапев. дѣйствию феноловыхъ соединеній висмута. Диссертация (эксперимент. часть сдѣлана въ Инст. Экспер. Мед., клиническая — въ клиникѣ проф. Пастернакаго).

Мильманъ. „О дѣйствиіи двухлористой ртути на зараженныхъ холерою собакъ“.

Въ 1893—94 учебн. году:

Проф. Пастернакскій. „О вліяніи вачнѣ Нарзана на кровообращеніе“ (продолженіе). (Журн. О-ва Охран. Нар. Здр., 94 г. первые №№).

Гамалѣя. „Гетероморфизмъ бактерій подѣ вліяніемъ солей литія“. (Врачъ, 94 г. №№ 19, 20, докладъ въ біолог. секціи О-ва Охран. Нар. Здр. апрѣль 94 г.).

Г. Влаевъ. 1. „Объ измѣненіяхъ крови при различныхъ заболѣваніяхъ печени“ (предварит. сообщеніе, Врачъ, 94 г. № 16).

2. „Нѣкоторыя замѣчанія къ вопросу о характеристикѣ холерн. вибриона и объ этиологіи холеры“. (Журн. О-ва Охран. Нар. Здр. іюль 94 г.).

3. „Роль широкаго лентца въ этиологіи злокачественнаго малокровія“. (Врачъ, 94 г. №№ 25, 27, 28, 29).

4. „Бактеріологическое изслѣдованіе крови холерн. больныхъ и ея ядовитость по отношенію къ морскимъ свинкамъ, кроликамъ и голубямъ“. (Врачъ, 94 г. № 40).

Кульбинъ. 1. Докладъ Пироговскому съѣзду: „О молоточкѣ для постукиванія съ опредѣленнымъ въ граммахъ вѣсомъ удара“ (перкутометр). (Труды съѣзда 94 г.; Врачъ, 94 г. № 10).

2. Доклады въ Обществѣ клинич. врачей Академіи: а) „Мѣстное и общее фізіологическое вліяніе крапивнаго ожога“, в) „О походной складной ваннѣ“.

3. „О мѣстномъ и общемъ вліяніи рѣзкаго охлажденія нижняго отдѣла кишечника“. (Врачъ, 94 г. № 36).

4. „Нѣсколько словъ о внутреннемъ употребленіи льда и замороженныхъ лекарственныхъ веществъ“. (Врачъ, 94 г. № 39).

Д. Назаровъ. „Новый способъ опредѣленія свободной и связанной соляной кислоты въ желудочн. сокѣ посредствомъ реактива Тарфегъа и сравнительное его достоинство въ ряду другихъ способовъ“. (Врачъ, 94 г. №№ 36—40).

В. Окуневъ. „Пещинное зерно, какъ носитель 3-хъ энзимъ“.

нихъ субстанцій“. (Докладъ въ биол. секціи О-ва Охран. Нар. Здр., апрѣль 94).

Перельманъ. „Къ вопросу о дѣйствиі холернаго яда на собакъ“. Диссертация.

Швиндтъ. „Къ вопросу о ходѣ желудочнаго пищеваренія у здоровыхъ людей при газированномъ молокѣ“. Диссертация.

Родзевичъ. „Усвоеніе азота блиновъ, приготовленныхъ изъ свиной крови, и азотистый обмѣнъ при нихъ у здоровыхъ людей“. Диссертация.

Розмайнскій. „Къ вопросу о предохраненіи отъ холеры помощью химическихъ вакцинъ“. Диссертация.

Пилацкій. „Матеріалы къ діететикѣ лука“. Диссертация.

Грюнеизенъ. „Къ вопросу объ иммунизирующихъ и лѣщащихъ свойствахъ молока вакцинированной противъ холеры коровы“. Диссертация.

Сольцъ и Поповъ. „Къ вопросу объ усиленіи вредоносности холернаго вибриона и такъ называемомъ гнилокровіи, производимомъ имъ у животныхъ“. (Врачъ, 94 г. №№ 16, 18).

Въ 1894—95 учебн. году:

А. П. Фавицкій. „Современное состояніе вопроса о морфологии и биологии холернаго вибриона“. (Докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 20 ноябр. 95 г.).

К. Э. Вагнеръ. 1. „Къ вопросу о просвѣщиваніи желудка“. 2. „Краткій очеркъ ученія гомеопатовъ“. (Библиот. медіц. наукъ и отдѣльный оттискъ).

Гамалія. „Лѣченіе дифтеріи по способу Behring'a“. (Докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 2 марта 95 г.; Врачъ, 95 г. №№ 11—13).

Кульбинъ. 1. „Измѣритель чувствительности покрововъ тѣла къ механическимъ раздраженіямъ“ (механозестезіометръ). (Докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 29 окт. 94 г.; Врачъ, 94 г. № 47).

2. „Къ вопросу о патолого-анатомическихъ явленіяхъ при

хроническомъ алкоголизмѣ у животныхъ“. (Докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 10 нояб. 94 г.).

Окуневъ. „Къ вопросу о лѣченіи блѣдной немочи и вообще малокровія гемогаллоломъ Коберта“. (Докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 6 окт. 94 г.).

Влаевъ. 1. „Къ вопросу объ измѣненіяхъ крови при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ печени“. (Врачъ, 95 г. №№ 5—11, 15, 39, 40, 41).

2. „Опыты надъ морскими свинками, котятками и голубями съ простой и антидифтерійной лошадиной сывороткой“. (Врачъ, 95 г. № 16).

3. „Случай сибирской язвы и случай столбняка съ бактериологической точки зрѣнія“. (Докладъ Русск. Хирург. О-ву Пирогова 21 февр. 95 г.).

4. „Къ вопросу о лѣченіи дифтеріи по способу Behring'a. Лейкоцитозъ и его колебанія въ зависимости отъ тяжести заболѣванія и вирулентности палочки Löffler'a“. (Докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 21 марта 95 г.).

Назаровъ. „Случай врожденнаго порока сердца, распознаннаго при жизни и подтвержденнаго посмертнымъ вскрытіемъ“. (Докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 6 окт. 94 г.; Врачъ, 95 г. №№ 12—14).

Ставскій. „О мочегонномъ дѣйствиі сырого лука на здоровый организмъ“. Диссертация и докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 21 февр. 95 г.

Калашниковъ. „О всасываніи жидкостей здоровой слизистой оболочкой мочевого пузыря“. Диссертация и докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 21 февр. 95 г.

Дейбель. „О сравнительномъ вліяніи газированнаго и простого молока на мочеотдѣленіе и кожно-легочныя потери у здоровыхъ“. Диссертация.

Реннертъ. „О сравнительномъ вліяніи газированнаго и простого молока на кишечное броженіе здороваго человѣка“. Диссертация и докладъ въ О-вѣ Охран. Нар. Здр. 27 янв. 95 г.

Муравскій. „Къ вопросу о патолого-анатомическихъ

измѣненіяхъ въ почкахъ при хроническомъ отравленіи алко-
големъ и сивушнымъ масломъ“. Диссертация.

Ликуди. „Нѣкоторыя данныя къ характеристикѣ солей
урана; ихъ обеззараживающая способность“. (Докладъ О-ву
Охран. Нар. Здр. 4 февр. 95 г.; Врачъ, 95 г. №№ 38—40).

Теремецкій. „Объ азотистомъ обмѣнѣ у цинготныхъ
больныхъ подѣ влияніемъ газированнаго молока“. Диссертация
и докладъ О-ву Охран. Нар. Здр. 27 янв. 95 г.

Въ 1895—96 учебн. году:

Пр. доц. Вагнеръ. 1. Подѣ его редакціей изданы „Лекціи
по частой патологіи и терапіи“ покойнаго проф. Н. Соколова.

2. „Положеніе и значеніе врача въ профессиональныхъ
учебныхъ заведеніяхъ“. (Врачъ, 96 г. № 10; составлено по
порученію Конференціи, какъ докладъ для II сѣзда по Тех-
ническому и Профессиональному образованію).

3. „Случай продолжительнаго полного отсутствія соляной
кислоты въ желудочномъ сокѣ“. (Докладъ въ I (биолог.) секціи
О-ва Охран. Нар. Здр. 7 марта 96 г.).

Гамалѣя. 1. „Л. Пастеръ и исторія его открытій“. (Докладъ въ I секціи О-ва Охран. Нар. Здр. 9 нояб. 95 г.).

2. „Матеріалы для сравнительной токсикологіи кофеина“. (Врачъ, 96 г. № 4; докладъ въ I секціи О-ва Охран. Нар. Здр. 12 декабря 96 г.).

Влаевъ. 1. „Къ вопросу о лѣченіи дифтеріи карболозо-
ванной и некарболозованной противодифтеритной сывороткой“. (Военно Мед. Жур. мартъ 96 г.).

2. „Къ вопросу объ осложненіяхъ при переломѣ и био-
логіи гонококка“. (В. Мед. Жур. сент. 96 г.).

3. „Къ вопросу о примѣненіи фенола и его побочныя
осложненія“. (Журн. О-ва Охран. Нар. Здр. окт. 96 г.).

Кульбинъ. 1. „Алкоголизмъ. Къ вопросу о влияніи
хроническаго отравленія этиловымъ спиртомъ и сивушнымъ
масломъ на животныхъ“. Диссертация.

2. „О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ головномъ
мозгу у животныхъ при хроническомъ отравленіи ихъ спиртомъ

и сивушнымъ масломъ“. (Докладъ въ I секціи О-ва Охран.
Нар. Здр. 19 окт. 95 г.).

3. „О совмѣстномъ примѣненіи выслушиванія и высту-
киванія“. (В. Мед. Ж. июль 96 г.)

4. „Крапивный ожогъ“. (Врачъ, 96 г. № 27).

Назаровъ. „О сравнительномъ влияніи молока и тво-
рога на количество эфирно-сѣрныхъ кислотъ въ мочѣ и бак-
терій въ калѣ“. Диссертация.

Струженскій. „Къ вопросу о влияніи бинтованій ниж-
нихъ конечностей при отекахъ ихъ на пульсъ, кровяное дав-
леніе, составъ крови, дыханіе и мочеотдѣленіе“. Диссертация.

Довгаль. „Къ вопросу о значеніи каломеля въ терапіи
сердечныхъ заболѣваній въ періодѣ разстройства компенсаціи“. Диссертация.

Райхъ. „Къ вопросу о количествѣ эфирно-сѣрныхъ кислотъ
въ мочѣ при терапевтическомъ примѣненіи каломеля у сер-
дечныхъ больныхъ въ періодѣ разстройства компенсаціи“. Диссертация.

Розенблатъ. „Къ вопросу о колебаніяхъ количества
микроорганизмовъ въ фекальныхъ массахъ подѣ влияніемъ
газированнаго молока“. Диссертация и докладъ въ I секціи
О-ва Охран. Нар. Здр. 22 апр. 96 г.

Крылевскій. „О противосвертывающемъ дѣйствіи
на кровь гистона и пивочнаго экстракта“. Диссертация.

Милаевскій. „Къ вопросу о примѣненіи гипоспазиче-
скаго метода при лѣченіи плевритовъ“. Диссертация.

Въ 1896—7 учебн. году изъ клиники вышли слѣдующія
диссертации:

Каландришвили. „Физическій способъ стерилизаціи
кровяной сыворотки“.

К. М. Подгорный. „Матеріалы къ вопросу о бакте-
рицидномъ дѣйствіи іода на низшіе организмы“.

Г. Г. Ликуди. „Къ вопросу о примѣненіи лактофенина
при брюшномъ тифѣ“.

Кромѣ того приготовлены къ защитѣ въ текущемъ учебн.
году слѣдующія 15 диссертаций на темы, предложенныя проф.

Ө. И. Пастернацкимъ (пзъ нихъ первыя 3 сдѣланы подъ руководствомъ и въ лабораторіи проф. С. А. Пржибытекъ, остальные 12 подъ руководствомъ пр.-доц. К. А. Вагнера).

Д-ра Ильинъ, Юцкевичъ, Воронцовъ: химическій анализъ бутылочной газированной и не газированной воды Эссентукскихъ источниковъ № 17 (Ильинъ), № 4 (Юцкевичъ) и горько-соленого „Марія-Терезія“ (Воронцовъ). Историческій очеркъ и генезисъ этихъ источниковъ.

Д-ра Розинъ, Ратнеръ, Зубовъ, Соколовъ, Худзинскій, Анатольевъ, Левочскій, Полисадовъ, Андреевъ, Александровскій: о вліяніи газированной и не газированной воды Эссентукскихъ источниковъ—№ 17 на обменъ и усвоение азота (Ратнеръ), усвоение жировъ (Зубовъ), выдѣленіе мочевой кислоты (Соколовъ) у здоровыхъ людей; тоже вліяніе № 4 на выдѣленіе азота (Худзинскій), усвоение жировъ (Анатольевъ), выдѣленіе мочевой кислоты (Левочскій); о вліяніи горько-соленого источника „Марія - Терезія“ на обменъ азота (Полисадовъ), усвоение жировъ (Андреевъ), выдѣленіе мочевой кислоты (Александровскій).

Наконецъ, д-ра Мясоѣдовъ и Тиканадзе написали диссертациі по вопросу о вліяніи тиреоидина на обменъ и усвоение азота (Мясоѣдовъ) и обменъ и усвоение жировъ пищи (Тиканадзе) у здоровыхъ людей.

Заканчивая на этомъ очеркъ кафедры госпитальной терапевтической клиннки, я вполне сознаю всѣ недостатки его и пробѣлы. Кромѣ спѣшности работы, вызванной желаніемъ представить своевременно результаты ея къ предстоящему столѣтнему юбилею И. Военно-Медицинской Академіи, многіе недостатки обуславливаются также и самой сущностью дѣла. Мы видѣли, что почти всѣ представители описываемой кафедры были призваны играть крупную роль, какъ выдающіеся ученые врачи и общественные дѣятели. Однако, къ сожалѣнію, въ

нашей литературѣ нѣтъ пока ни надлежащей оцѣнки дѣятельности этихъ лицъ, такъ много потрудившихся для своей страны, ни даже сколько нибудь обстоятельныхъ біографій и воспоминаній о нихъ...

При такихъ условіяхъ намъ казалось, что всякая попытка систематизировать, на основаніи документовъ, относящихся сюда историческія данныя облегчить составленіе исторіи нашей *almae matris*—Академіи и послужить матеріаломъ для будущей исторіи русской медицины, въ развитіи которой И. Военно-Медицинская (Медико-Хирургическая) Академія принимала столь выдающееся участіе въ продолженіе всего истекающаго столѣтія.

Объясненіе плана № 1-й.

Буква *а*—№№ 78 и 79—двѣ палаты судебн. медич. отдѣл.

> *б*—№№ 45, 59, 77—помѣщеніе фельдшеровъ.

> *о*—№№ 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 55, 56, 57, 58, 60, 69, 76—солдатское отдѣленіе.

> *б*—№№ 70, 71 и 72—офицерское отдѣленіе.

> *п*—№ 68—кабинетъ профессора.

> *р*—№ 67—ординарская.

> *д*—№ 61—аудиторія.

> *с*—№№ 65 и 75—лабораторія.

> *м*—№№ 50 и 74—ванны.

> *к*—ватерклозеты.

№ 64—умывальная.

№ 73—для служителей.

№ 54—припарочная.

№ 53—приѣмный покой для нижнихъ чиновъ.

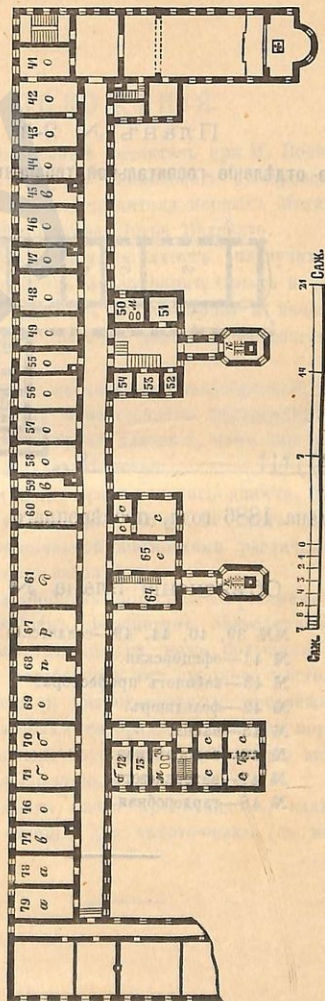
№ 52—кладовая.

№ 51—приѣмщикъ.

Планъ № 1-й.

Госпитальная терапевтическая клиника (1-е терапев. отдѣленіе).

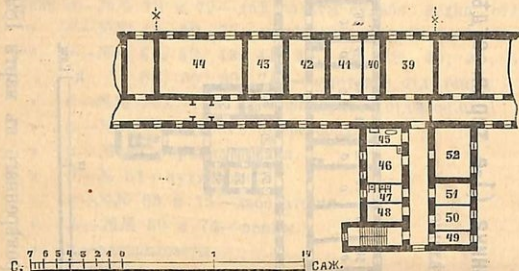
Мужское отдѣленіе.

Съ официального плана 1886 года, провѣреннаго въ мартѣ 1897 г.

Планъ № 2-й.

Женское отдѣленіе госпитальной терапевтической клиники.

Съ плана 1886 года, провѣреннаго въ 1897 году.

Объясненіе плана № 2-й.

- №№ 39, 40, 44, 49—солдатскія палаты.
 № 41—офицерская.
 № 43—кабинетъ профессора.
 № 42—фельдшеръ.
 № 45—ванна.
 № 46—водогрѣйная.
 № 47—ватерклозетъ.
 № 48—гардеробная.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Клинической Военный Госпиталь при И. Военно-Медицинской Академіи слѣдуетъ именовать „Петровскимъ“ въ память Основателя его и Учредителя первыхъ Медицинскихъ школъ въ Россіи Императора Петра Великаго.

2. Морскія путешествія на яхтахъ (плавающихъ санаторіяхъ)—одно изъ лучшихъ предохранительныхъ и лѣчебныхъ средствъ при туберкулезномъ расположеніи и начинающейся чахоткѣ, при условіи избѣгать далекихъ тропическихъ плаваній.

3. Продолжительное питаніе даже однообразной, но свѣжей провизіей, при бодромъ нравственномъ настроеніи, не вызываетъ развитія цыгги во время плаваній, какъ еще разъ доказала полярная экспедиція Нансена.

4. Современная клиническая патологія діабета, основанная преимущественно на анализѣ мочи, не даетъ достаточной опоры для дифференціальной діагностики различныхъ формъ этого пока загадочнаго заболѣванія.

5. Новѣйшія жаропонижающія средства (каиринъ, таллинъ, антипиринъ, антифебринъ, фенацетинъ, лактофенинъ и пр.), не оправдавъ возлагавшихся на нихъ большихъ надеждъ, заняли въ терапіи подобающее имъ скромное мѣсто.

6. Амилъ-нитритъ и нитроглицеринъ, предложенные на основаніи теоретическихъ соображеній противъ морской болѣзни, также безсильны въ этомъ случаѣ, какъ и всѣ остальные лѣкарственные средства.

7. Египетъ имѣетъ много преимуществъ, какъ зимняя климато-лѣчебная станція для чахоточныхъ (съ ноября по мартъ).

Curriculum vitae.

Врачъ Михаилъ Ерофеевичъ Шмигельскій, уроженецъ Кіевской губерніи, 36 лѣтъ, православнаго исповѣданія. По окончаніи Кіевской 1-й гимназіи въ 1879 году, поступилъ на факультетъ естественныхъ наукъ Новороссійскаго университета, откуда съ 3 курса перешелъ въ 1882 году на 2-й курсъ (подготовительный) въ И. Военно-Медицинскую Академію. Окончивъ курсъ въ И. Военно-Медицинской Академіи лекаремъ съ отличіемъ въ ноябрѣ 1886 года, поступилъ на службу въ С.-Петербургское Узьное Земство. Въ ноябрѣ 1887 года перешелъ на службу въ Крымъ карантиннымъ врачомъ Феодосійскаго Округа. Въ 1890 г. вышелъ въ отставку и съ 1890 по 1895 годъ находился въ частной службѣ заграницей при яхтѣ „Форсъ“. Въ 1895—1896 г. былъ врачомъ Е. И. В. Князя Георгія Максимиліановича Романовскаго, Герцога Лейхтенбергскаго на яхтѣ „Станита“.

Экзамень на доктора медицины выдержалъ въ И. Военно-Медицинской Академіи въ 1887 году.

Настоящую работу под заглавием: „Исторический очеркъ кафедры госпитальной терапевтической клиники“ представляет въ качествѣ диссертации на степень доктора медицины.

Главные замѣченныя опечатки

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
4	8	сизу	оди разочарованія
7	5	н	оди разочарованія
26	1	сверху	премщенности
39	12	сизу	прзидентомъ
48	11	сверху	предподавателя
59	1	сизу	черезчуръ
61	4	н	нъ продолженіе
63	19	сверху	досточнаго
65	13	сизу	къ сложнымъ
—	3	н	лмпонированіе
66	1	сверху	стороннихъ
81	9	н	большія женщины
84	4	сизу	2 помощника
89	4	сверху	легкомысленно
101	8	сизу	исчезъ
109	2	сверху	частой
131	15	н	доктора
203	19	н	предварительно
		лиценцъ	лиценцъ